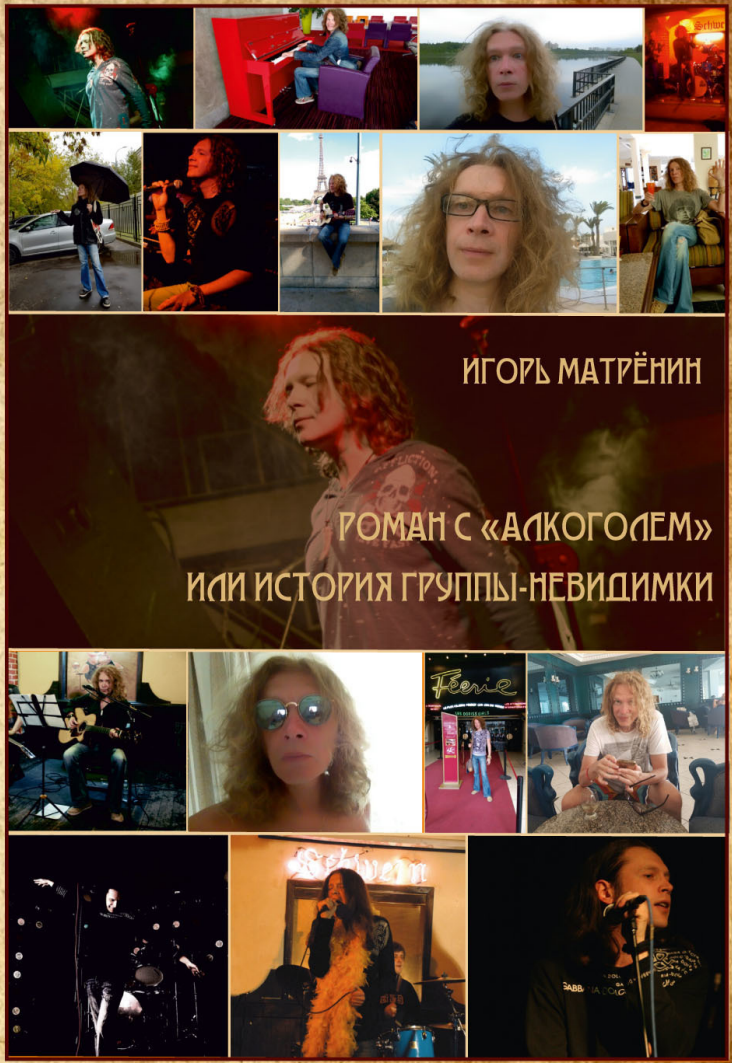

ИГОРЬ МАТРЁНИН

РОМАН С «АЛКОГОЛЕМ»
ИЛИ ИСТОРИЯ ГРУППЫ-НЕВИДИМКИ

Игорь Матрёнин
Роман с «Алкоголем», или История группы-невидимки

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57405806
Роман с «Алкоголем», или История группы-невидимки: ИПЦ «Маска»; М.; 2019
ISBN 978-5-6043781-7-5

Аннотация

В этой книге «Роман с «Алкоголем», или История группы-невидимки», состоящей из совершенно разных по стилю и тематике 836-ти глав, трагикомически описана странная жизнь вокалиста и автора песен реально существующей рок-группы «Алкоголь – его забавные взлёты и печальные падения, «безответное» сотрудничество с известнейшими продюсерами России и весьма популярными отечественными музыкантами, его любовные «запутки», дикие сны, магические сказки, недописанные сценарии… и просто сотни безумно смешных, грустных до боли и дичайших по нелепости зарисовок ситуаций, что происходили с ним, его друзьями и «завистниками» и прочими случайными гражданами нашей общей Отчизны и остального «иностранного» мира.

Содержание

Вступление	11
Металлическая свадьба	12
Клуб курильщиков на двоих	22
Ни капли	26
Петлюра	33
Дикие игрушки и почти потерянные книги	42
Дембельские альбомы меломана, как мы теперь без вас?	51
Дядька Фрейд, разгадай мои сны, а не то я сам…	57
Колюня Харитонов. Part One	60
Рука бабушки, когда плохо	69
Моя бабушка и Manowar	71
Дядечка – «метрошный» виртуоз	73
Береги себя	75
Гильдия Адвокатов	78
«Общежитие слушает» халявный «рокенрол»	82
Любовь, залетевшая в подземелье	91
Хочу ли я вспоминать своих одноклассников?	94
Общество Знаний, история создания	101
Лёгкой дороги, Гоша!	103
Руська – бог юмористической миниатюры	105
Закат Европы ещё далеко	107
Магия нацизма для глупых подростков	108

Возможно ли петь в микрофон в басовом барабане? 110
Платон и гномы 114
История о Спасении и Божьей Милости 116
Универ и вся эта дикая херня, что с нами происходила 121
Кое-что о съёмных квартирах 132
Совершенно заурядненший Московский Новый год 137
Пламенный визит в провинцию 142
Суперкарьеры и медные тазики 148
Загадочные истории 154
Алкоэтюд 161
Военруки 163
Саша П. 169
И наступила эпоха «кибóргов»… 175
Когда я выхожу на большую запись… 185
Зачем я помню всю эту пакость 189
Мгорь 192
Сугубо нормальные 196
До трёх лет 199
Папа 205
Три вечных темы для песен 211
Подлые и благородные разбойники 218
Поэт на Горбушке – жизнь проиграна? 225
Очерки моей бурсы 236

Чем можно играть блюз? 238
Наслаждение и преодоление 244
Пьянство 247
«Сгодится нам этот фраерок…» 254
Коммунальное проклятие 259
Колюнька, глава вторая. Так держать! 262
Мой личный «еврейский вопрос» 269
Магическая цепочка судьбы 278
Украсим грустные жизни друг друга! 289
Секс, ди-джеи и анекдоты… 295
Девочки и их идеалы 299
Легенды провинциального рока 303
Женька и непочтение к Битлз 305
Хулипеть и другие 309
Мой Ад на Земле и под нею 317
Кощунство или нет? 319
Снова сомнительная журчащая тема 320
Ещё одно весёлое слово о «трудовых лагерях» 322
Чем всё хорошее и светлое может «сказочно» обернуться 325
Люди, я люблю вас! 329
На сборах 337
Картошка и папироски 351
Научите меня хоть что-нибудь делать! 358
Научите меня хоть что-нибудь делать-2 368
Искусство жить без денег 374

Научите меня хоть что-нибудь делать-3 377
Барабанщики, их шоколад и немного джаза… 388
Очерк о трудовом подвиге, или «Маленький босс» 391
Queen – хорошо, Lady Gaga – плохо 393
Или всё-таки поговорим?.. 395
«Шизгара» на русском 396
Психи, пожалейте! 398
Повелитель звуков 402
Бытовуха 1 405
Бытовуха 2 407
Речные люди и лапта 410
Котэ Vs Собачки 416
Худруки в ДК 419
Ещё за худруков и дикие репбазы СССР 424
Ещё пару слов об упырях «музыкальных руководителях» 433
Бытовая филология – лженаука? Безусловно! 436
Славик 440
Дуня и гопники 445
Я – за книжки! 449
Иван Иванович, Давид Соломонович и Костя Майо́р 454
Ванечка Нея́кий 458
Бояркин и Голопяткин 459
Кусэ́чек 464

Ножи на хате Шахета 465
Ножи на Багратионовской 474
Андрюха и ФСБ 480
Дар – вызывать доверие 483
Не поднесут… 488
Валюшка 489
Колобочки 492
Страсти за замком 494
Ди-джеи рэкетиры 495
Женя Гришин 497
Аша Бхосле из пригорода 501
Лучший клавишник-непрофессионал 503
Поднять адреналин 506
Человек, воссоединивший великий поп-дуэт 509
Ну пожалуйста, я же заслужил… 513
Не стреляйте в пианиста 518
Понты 521
Две истории о нищенстве, благородстве души и миллионерстве 525
Симметричные бомжики 532
Ратми́р 535
«Циник» против «романтика» 538
Шпаги к бою, господа Шизики! 540
Шоколадные принцессы 545
Работа! 546
До́дик 548

«Ма́хи» за автобус 561
Я и Ленин 565
7-е ноября 1999 – 7-е ноября 2012. Связь времён 571
Смех и слёзы на Jethro Tull 577
Волнующий душ «Шарко́» 581
Заводские чудики и их забытый запах 585
Адский Цой 591
Две транспортные саги 595
Быть бездомным псом 598
Мамулька 604
Лидок 608
Утро делового человека 611
Звонок с того света 612
Грустно – смешно – снова грустно 615
Битлов – к стенке 618
Верните детство! 623
Политика и я 627
Алкаши-братья 632
Бабушка и кладбище 633
Памятник дядьке Руслану 637
Русь не сдает позиций! 643
В летнем парке зима 646
Воспоминания исчезают, как поезд 653
Мой папа – советский Чарльз Бронсон 655
Сапожки для Анне Вески 661
Люди могут воскресать, это прекрасно 665

Пьяный бутерброд 669
Пидарю́га 670
Поэзия и проза (Писающий театр) 675
Святые и простые 677
Православие и диско 681
Подлецами рождаются 685
Кто круче – боксёры или борцы? Вопрос открыт 689
«Факин» ясельки 694
Ражева продолжает и выигрывает 697
Конец ознакомительного фрагмента. 699

Игорь Матрёнин
Роман с «Алкоголем», или История группы-невидимки

© Игорь Матрёнин, 2019

Вступление

В сугубо наших, «старпёрских» журналах «Классик Рок» и (уж простите нас за «клановую оригинальность») «Ин Рок» на «рекламке» одного музыкального магазина среди толпы горделивых звёздных винилов можно увидеть маленькую пластиночку «Алкоголь» – это мы. Это наш единственный пока за четыреста лет диск, альбом группы-невидимки. И это тайное существование и есть наш грустный символ.

Собственно, «цельный год», а то и больше, «commercial», сиречь реклама нашего лукавого первенца «С кем угодно» жила на страницах обожаемого мною «Классик Рока». А вот когда её законный срок истёк, то среди сиятельных и высокомерных физиономий Джаггера и Планта всё равно крохотной, но нахальной звёздочкой осталось гореть наше родное творенье. Ну и пусть, что в таком почти курьёзном формате.

Некоторые именитые критики с орденоносными продюсерами называют нас «лучшими авторами в стране», и даже если это не совсем так, то полное замалчивание нашего «светлого лучика в богатой палитре «рокенрола» так мистически странно и невероятно грустно…

Вот поэтому я и решил создать эту полную весёлой печали книжку, чтобы всё же осталась в памяти хороших людей она, загадочная группа-невидимка с «опасным», а на самом деле таким смешным названием «Алкоголь».

Металлическая свадьба

Школьником я был совершенно «неопознанное» существо до тех самых пор, пока в моей жизни не появились Beatles, Presley, вообще рок, и такое жутковато-безвкусное, но безумно притягательное (причём, до сих пор) явление, как Heavy Metal.

Мои вечно подростковые (теперь уж я знаю это наверняка) уши ласкают, как и раньше, слова-пирожные, слова-шоколадки: Accept, Manowar, Slayer, Kreator и прочая восхитительная «метальня́» 80-х. И как эта кипящая каша уживалась и уживается в моей кудрявой башке? С одной стороны Lennon и вся «Битля ґина», Stones, James Brown, Iggy Pop, заумь прогрессива, вроде King Crimson и Van Der Graaf Generator, «околоавангардные» John Zorn и Zappa, IDM-электронщики, гранж- и неофанк-бумы и… Этот вульгарный, будто тушёная капуста, и болезненный, как тинэйджер Heavy-Thrash-Speed-Death-Black Metal! Видимо, это любовь, а любовь, как известно…

Однажды мой замечательный папа спросил меня во время семейного ужина, слегка под хмельком: «Сынок, когда же мы тебя потеряли?». А я же легко ответил ему, не задумываясь ни на секундочку: «А помнишь, папуль, когда наш модный дядя Володя Новиков разрешил мне послушать две кассеты Битлов на недельку, вот точно до мгновения тогда!». Потря-

сённый мой папка неподдельно сокрушался и даже грозился высказать свое суровое «фи» другу семью, но вирус «рокенрола» уже было не вытравить, с этим нужно было смириться, как смиряются несчастные родители наркомана, что подкидывают ему сами на дозу, лишь бы любимый сыночка «торчал» при добрых предках, «ставился», но в заботливой семье. И эти два волшебных сборника Битлов, как сейчас помню «1963–1966» и «1967–1970», прорвали плотину серости в моей судьбе, и понеслась…

Через друзей моего неосмотрительного отца, кстати, психов-меломанов окончательных, я получил сокровище в виде довольно стрёмного катушечника и фантастического кредита получать любые записи в любом количестве. Мы, живущие в современном аудио-аду mp3, «торрентов» и любой rare-записи в течение минуты, и представить уже не сможем, что значит в «совдеповские» времена для провинциального подростка лавина, обрушившаяся прямо в его хрупкое сердце: T. Rex, Hendrix, Nazareth, Pink Floyd, Stranglers, Boomtown Rats, Ten Years After, Three Dog Night, Paul McCartney… В общем, песенка группы Алиса «Меломан» для меня совсем не пустая рэп-телега.

Я бывал на тысяче меломанских квартир, общался на равных со «старпёрами-корешами» простодушного отца и от каждого уносил в дрожащих руках частичку нового «рокенрола». Удивительно то, что мой весьма музыкальный папа абсолютно равнодушен к сему жанру музыки, и кроме «веч-

нозёленых» классиков советской эстрады Антонова, Пугачевой, Ротару и Лещенко не признаёт никаких «кричащих, визжащих и сипящих» иностранных авторитетов.

Параллельно шла «отрава» Аквариумом, Майком, Браво, Машиной, Звуками Му, и тоже исключительно по отцовским «подпольным» знакомствам. Бедный мой папа, он сам «загубил» своего непутёвого сына! Я бесчеловечно стёр все кассеты с его записями – какие-то японские оркестры с кукольным вокалистками (сейчас оказывается, что это неслабые и невосстановимые редкости), бесконечных Розенбаумов, Полей Мориа и Джеймсов Ластов… Стыдно… Высоцкого, кстати, я не тронул – не поднялась даже моя безжалостная рука. Ну, во-первых, я сам страстно любил его, а во-вторых, даже благоговейно почитал за правоверного рокера. Просто новой музыки появлялось настолько много, что я не мог поступить иначе, папа, прости!

Потом сердобольные кореша по двору просветили на тему Clash, Pistols, Damned, Pogues, Гражданской обороны или «Гражданки», как у нас тогда умилительно говорили. «Панкуха», кстати, шла совершенно свободно рядом с Black Sabbath, Metallica и Dio.

Знакомство с местным «мафиози» Сашей (фамилию благоразумно не привожу, ибо это сын покойного друга отца, ну и признаться, не знаю, что там сейчас с криминалом) обогатило меня всем тем, что авторитетный Саша называл сочно «тращь». Вот так, ни больше, ни меньше – «тращь», ну то

есть, Thrash Metal. Он «по работе» общался с совершенно одиозными личностями, вроде качков-призёров и суровых бандитов, отсидевших «на химии» и похуже, но сам внешне был тихий, интеллигентный человек, преданно любивший музыку. Невысокий, актёрской внешности и в куртке с нашивкой «Motorhead», он был кумиром моего музыкального детства. Как же я, неприкаянный, мечтал о такой драгоценной нашивке! Его волшебная коллекция винила поражала мое оболдуйское воображение: в «нулёвейшем» состоянии Voivod, Slayer, Exciter и до фига всего такого.

Первая моя пластиночка, трепетно купленная в складчину, была добыта именно через него за 90 рэ. Для сравнения, тогдашняя «средненькая» инженерская зарплата, на минуточку, была сто двадцать. Это был «выдающийся» германский «тращь» Exumer. До сих пор до маниакальности упорно ищу этот роскошный винил, поскольку нижегородские «родные» гопнички подло «выкружили» его у моих товарищей по «меломанству». Меня не было с ними в тот злополучный день на «куче» (пластиночной толкучке, для неграмотных), и слава Богу, я бы не пережил такой «чудовищной потери» прямо на невинных глазах. Такой музон, такой конверт, это было «космическое» что-то…

Отчётливо, будто вчера, я помню, как отчаянно отсчитывал олимпийские рубли из своей детской коллекции, чтобы «достойно» добрать до своей доли. Эх, отвечаю и клянусь – я всё равно найду и выкуплю святыню юности! Возвращаясь

к «властителю моих дум» Саше, скажу, что хоть он и был отменный «каратэка», но говорил всегда очень спокойным, тихим голосом, однако в котором всегда чувствовалось нечто неуловимое, сила, намёк на угрозу, что ли, в общем, то, что всенепременно должно присутствовать в криминальной харизме реального районного авторитета. Ну во всяком случае, как я себе это наивно тогда представлял.

Хорошо бы нашлись идиотики, которые не пропустили бы эту главу про HMR (Heavy Metal Rock для совсем уж «непосвященных»), да «благородное наше меломанство». Понимаю-понимаю, это, вероятно, скучновато, но остановиться, граждане, я уже не смогу, а посему помучаю ещё немного и вас и своё утомленное ностальгией сердце.

С кем общался в школьные годы я – ботаник и из ботаников, дохляк и очкарик… Коля Херувимов, мой верный кореш по «священному металлу» был старше меня на год. Не знаю, зачем уж он таскал меня за собой, выгоды от меня было сущий ноль, ну разве что он считал меня пригодным для роли компаньона по «снятию тёлок». Ну, «типа, симпатичный, стой и помалкивай для антуражу», а я, мол, «сам уболтаю».

Проныра он был ещё тот, вечно чем-то приторговывал и балансировал на грани «члена воровской шайки и фарцовщика винилом». Ну это уж, конечно, я «по-писательски» загнул, но малая частичка истины водилась в моей шутке…Я не осуждаю его никоим образом. Небогатые его родители не помогали ему совершенно, и рассчитывать он мог лишь

только на ловкого себя самого. Но методы добычи денег были, мягко говоря, затейливые. Приводить примеров, как говорится, не стану… Но любовь к сиятельному «Accept» и женскому народонаселению сгладила наши этические противоречия. И конечно же, святой справедливости ради не могу не отметить его фантастическое чувство юмора, порой бьющее через такой уж край, что можно было бы в нём и немного сократиться.

Но тогда это уже был бы вовсе не тот замечательный дружок мой Николай. Курьёзный случай, кстати, произошёл с ним в трудовом лагере…

Хорошее слово – лагерь, правда?! Для тех, кто не застал – это летнее занимательное времяпрепровождение советских школьников под чутким присмотром классных руководителей, которое заключалось в прополке совхозно-колхозных полей, получения пизд…лей от деревенских, ну и попытках потискать за территорией «ту» девчонку, на которую с интересом посматривал в школе.

Деревенские, кстати, с большим нетерпением ждали нас, летних городских гостей, ибо жизнь их становилась с нашим приездом интересной, наполненной смыслом. Во время вечерней поверки каждый из выстроенных по периметру спортплощадки пионеров и комсомольцев мог быть тихонько выдернутым из строя и «отметелен» до полусмерти нашими сельскими друзьями.

Вот в эту-то идиллическую атмосферу и влились наш Ко-

ля Херувимов и его милый друган Серёжа Карабанов, в качестве нелегалов. Серёжа давно уже не числился в школе и находился на «привилегированном» обучении в «ПТУ». Прибыл он по любезному приглашению Николая, который честно отпахал свою смену раньше и клятвенно наобещал «мсье Карабанову», что после каждого из обедов и ужинов остаются (цитата) «полные бачки жратвы». К вечеру выяснилось, что никаких излишеств не ожидается, и Карабанов, наморщив остатки ПТУ-шного мышления, выдал: «Колян, я не понял, ты же обещал полные бачки жратвы?!». Это были типичные жертвы легенд и мифов о трудовых лагерях. Они были крайне смешны тогда в своей босяцкой наивности, но мы всё же накормили их, бедолаг, вскладчину, чем смогли.

Предки мои, покорно скрипя зубами, терпели мою «чокнутую» музыку, но только не «Heavy». Припоминаю лишь единственный уникальный прецедент вынужденного терпимого отношения. Это случалось, когда я после школьных ненавистных занятий «правильным лохом» ездил ещё и в Универ на подготовительные курсы. Вот тут я отрывался! Когда я триумфально возвращался, суетливые мамуля и бабушка бегали вокруг уставшего и «нагруженного знаниями» сознательного дитятки с тарелками и кастрюлями, а я самодовольно ужинал и «дурни́ной» слушал злобную «спиду́ху» Exciter, особенно смакуя милую песенку «Black Witch». И никто не посмел бы сказать мне и слова упрёка – сы́ночка заслужил… Куражась безнаказанностью, я сановитым бари-

ном кушал под этот самый Exciter рядом с нашим куцым «шкапчиком» на кухне. Вся эта комическая ситуация была просто парадоксальной: я лихо врубал «спид-метал», а любимая мамочка совсем не ругалась и даже не пугалась этих людоедских дикостей – сынок поучился, кушает-слушает – отдыхает. А песенка, доложу я вам, была не для слабонервных, просто приглашаю всех желающих представить, как speed-группа играет «медляк».

И наконец, ещё одно сугубо яркое «HMR-воспоминание» – «молодая, да ранняя» свадьба одного моего бывшего одноклассника. «Замечательным» нашим свадьбам я надеюсь посвятить ещё несколько слов отдельно. Чудовищней и пошлее события быть не может, тут я мыслю только за родную Россию, ибо за границей мне на тамошних бракосочетаниях так и не довелось побывать. Боюсь, у меня не хватит природной язвительности и сарказма, чтобы передать на терпеливой бумаге все прелести этого довольно жуткого действа. Дружище, дорогой, это не про твою свадьбу конкретно, не сердись и не думай плохого! Я не хочу обидеть никого, но…

Эта свадьба была просто выдающейся для меня, так как я поставил личный рекорд по выпитому в отдельное детское лицо. Два пузыря. Никогда, никогда больше я так не… В общем, никогда мне не было так худо, как в эту страшную ночь…

Но на свадьбе я освоился довольно быстро – через 200

грамм. Все «гоп-чуваки» стали милыми, простушки-девчонки красотками, и каждая из которых, как оказалось, в меня страстно влюблена. Я даже простил краснорожего баяниста, который жарил стандартный набор: «Кто родился в январе – вставай и выпивай…». Ну разве только неожиданно встал поперёк очередного его «искромётного» тоста, показал «козу» и задорно закричал: «Металл давай!». Кстати, он пунктуально перечислил все двенадцать месяцев года, и каждый раз выпил, клянусь!

Я выдал много залихватских трюков, к примеру, эффектно вылил в салатник бутылку красного вина и долго бросал туда яблоки, наслаждаясь красивыми всплесками, и так далее по изменчивому настроению. Последним было то, что я учтиво обратился к сидящему справа подельнику по свадьбе, сопровождая вопрос галантным поворотом предплечья, и свалил на пол всю посуду в радиусе руки. После этого милого фокуса я был ласково подхвачен под мышки и бережно вынесен за дверь.

Свадьба закончилась… Мне немедленно стало грустно, и я, постояв немного в лёгкой медитации перед запертой квартирой, осторожно, как мне тогда казалось, постучал. Мне, как ни странно, милосердно открыли и даже зачем-то впустили обратно. Подумали, наверное, благоразумно – да пусть его сидит, а то потом дверь новую вставлять…

Долго затем я бродил по городу, пугая редких прохожих, пока не очутился дома, обнаружив себя висящим молодец-

ким челóм, уж пардон за «куртуазности», над общеизвестным фаянсовым изделием…

«Металл давай!» – и даже в самый нелепейший миг Бытия я бросал вызов Вратам Ада!

Клуб курильщиков на двоих

Когда-то, очень давно я и мой замечательный школьный кореш Лёха Вареник, два идеальных воплощений «ботанизма», совершали ежевечерние прогулочные круги по мрачноватому посёлку, рядом с нашими домами. Променады были весьма небезопасны на предмет общения с местным отребьем. Я их и гопниками-то назвать не могу, это настоящие шайки подонков, которые злобно метелили нас, сука, подло грабили и вообще не давали дышать и наслаждаться жизнью в её прекрасных «ботанских» проявлениях.

Описать этих озлобленных, завистливых, жестоких до садизма зверьков лучше, чем прекрасный писатель Елизаров в «Мультиках» нельзя, поэтому всю эту захватывающую гадость нашего детства можно почерпнуть из сей очень сильной книги. Замечу только, что роли членов подростковой «восьмидесяшной» шайки – «Нервный», «Красивый» и все мерзкие остальные, это настолько в точку, будто мы жили с ним в соседних дворах.

Итак, тревожно оглядываясь по сторонам, мы начинали священный обход, огибая в начале пути родную школу № 172. «Дважды школу дураков», как тогда не без причины говаривали, поскольку школа № 86 была печально известна, как «натурально для умственно отсталых». Ну а если произвести некоторые арифметические действия, подвластные да-

же прилежным воспитанникам школы для УО, можно оценить тот нехитрый ученический юмор.

Далее по кругу следовали жуткие, словно обожжённые дочерна, двухэтажные бараки, где до сих пор, кстати, живут некие люди. И по сей же день они навевают такую безысходную тоску в моём сердце, что, думаю, древний архитектор всего этого пугающего благолепия выполнил свою сверхзадачу – создание полнейшего угнетённого состояния у созерцающего.

Потом на привычном пути возникала замечательная пивнушка-рыгаловка «Колос», где безрассудно пивались нами подростковые напитки, типа «Жигули» и, собственно, фирменный одноименный «Колос» из литровых банок (кружек вечно не хватало – то ли столько было любителей благородного пойла, то ли их элементарно пиз…или со страшной силой). Причём, кто помнит, эффектная пена создавалась с помощью стирального порошка «Лотос», ибо разбавленное водой пивко ну совсем уж не желало пениться, а деловые люди были всегда.

Планомерно движемся дальше по серенькой-серенькой улице Чаадаева, «Чаадаевке». Вот бессмысленный магазин «Семнадцатый», где иногда, пройдя ад многочасовой очереди, можно было разлакомиться килом-другим подозрительных сарделек или сосисок – детское сердце помнит это радостное всё, и теплом разливается любовь к великой жизни, когда проходишь мимо сего Дворца Кулинарии. А чуть

пройдя вперед, можно было восторженно лицезреть стадион «Полёт» с обшарпанными трибунами, бассейном, заполненным перенасыщенным раствором хлора, а также турником, на котором подростками различного телосложения творились и «выдавались на-гора» недосягаемые простым смертным «склёпки», «выходы на две» и прочие чудеса «качковской» субкультуры. Мы с Лёхой ничего не выдавали, мы могли только висеть.

Ещё поворот и, огибая «гиперпрестижный» Авиастроительный технарь (Храм Привилегированного Пролетариата), мы оказывались на уютной территории парка авиационного завода. Там жили одинокие лавочки, где чуть позже нами неумело тискались раскрасневшиеся «от томления души» одноклассницы, скромные деревца над головами, тоталитарный забор с обязательной ностальгической колючей проволокой и пара бюстов отважных героев неба, как мне кажется.

И ближе концу однообразного, но почему-то каждый раз всё более увлекательного путешествия (я, кстати, серьёзно) появлялись многовековые дерева рядом с бараками-побратимами «Чаадаевки», и на одном из величавых древ перочинным ножом нами было вырезано сакральное: «Клуб Курильщиков» и наши с Лёхой инициалы. Тут же, в секретном дупле бережно запрятаны были болгарские сигареты «Родопи» в измятой пачке и видавший виды «чирка́ш». Не то чтобы мы так уж дико накуривались, так, несколько «отважных» раз, но всегда было особенно приятно пройтись мимо наше-

го тайного места.

Ботаньё, эх какое же мы были ботаньё!

Ни капли

Как я докладывал уже ранее, подростком я был совершенно нелепейшим существом. Сейчас мне весьма изрядно лет, но избавился ли я от тревожного ощущения, что я не тот, за кого себя выдаю? Да и даже тот, за которого я вечно прячусь, слегка «недодушен» и как-то не тянет на «крутого» Игоряна. Смиряться с этим я категорически не собираюсь, и неравная борьба продолжается, как говорится, «но пасаран»!

Одевался я тогда диковато, впрочем, как и многие другие мои «стильные» сверстники. Вообразите себе «брючки-недобананы», клетчатую рубашечку расклада «красный и белый», бело-синюю ветровочку, аля «мама купила – ношу», и клоунские кроссовки замечательной, но неизвестной никому финской (!) фирмы «Kumpu». Прибавьте «брейк-дансовую» чёлку и получится Игорян реальный, Игорян-обормотик. И при всём при этом «высокомерное» ощущение себя было, ну никак не меньше, чем у горластого Винса Нейла из «Motley Crue», ну или уж в крайнем случае, чем у накачанного Пола Стэнли из размалёванных «Киссов».

Таким вот замечательным типажом я и прибыл на день рождения бывшего одноклассника, что только вот отбыл после обязательного «8-го» в неотвратимый «технарь», то есть техникум по-тогдашнему. На славный этот день рождения попал я совершенно случайно, равно как и на его лихую сва-

дьбу. Мы никогда до сего знаменательного события особо не общались, но вот, визит странным образом случился.

Компаха была что надо: пара напряжённых молодожёнов, вечно ругающихся, она в положении, он в напряжении. Он сразу как-то по-идиотски заревновал меня к своей, «с позволения сказать, даме». «Дама», оказавшись в ситуации фальшивого треугольника, сначала польщёно взбодрилась, а потом, сообразив, что со своим уже изрядно просматриваемым «прицепом» может оказаться и вовсе без законного дядьки, стала посматривать на меня несколько озлобленно. Затем чьи-то бесконечные родители, какие-то постоянно укоризненные, в том смысле, что, мол: «Молодёжь, вот вы что творите-то…».

А ещё на званом и не очень пиру восседал наш заводила Володька Коршунов, к нему-то я относился всегда с симпатией. Мы – абсолютно с разных планет, но всегда вот «ладили ваще зашибись». Он – красавец с атлетической фигурой, свой в доску в гопацко-дворовой среде. Я – рохля и дрищ, который методично «огребает» и в школе и на улице. Он убеждённый «волнист» и танцор «брейк-данса». Я – оголтелый «металлюга» и знатный домосед. Он – любимец девчонок и хулиган. Я… Из таких, наверное, вырастают секс-маньяки, если в определённый момент они не понимают, что «недоступным навеки» тёлкам они вполне себе нравятся, а мешает «случайному знакомству» лишь заниженная до состояния замерзания самооценка. Слава Богу, насчет женского полу я

кой чего понял… Или нет…

Кстати, для зело непосвящённых: в конце 80-х «волнистами» назывались адепты «New Wave», или «Новой волны» «по-славянскому». Но к этому уважаемому жанру совершенно несправедливо относились в кучу сваленные «электропоповцы» «Depeche Mode», робото-андроидные «Kraftwerk», нечто монструозное, что распространялось по кассетам в виде сборников «The Best Of Italo Disco», сладкие «Modern Talking», двусмысленные «Bad Boys Blue», ну и вся конченная попсяра варианта «Savage», «Radiorama» и различные «сотоварищи». Заметьте, ни одной команды по чесноку «ньювейвовской», такой вот музыкальный анекдот.

Пока не забыл! Прыгая с места на место (а делать это я буду постоянно, ибо по натуре человек неусидчивый), расскажу-ка я одну презабавнейшую историю, пока не забыл.

Провинциальный город Чкаловск. Год где-то 1986-й. Я и мой закадычный приятель Эдик вразвалочку движемся по центру. «Центр» – это дай Бог с десяток пятиэтажных домов и пара «небоскрёбов-девятиэтажек». Опять та же история: Эдик – ладный чел с мускулами-канатами и мыслями самца-победителя. Я… В общем, «за роялем то же самое». До сих пор силюсь понять, неужели им, «повелителям мира» было со мной по пути. Наверное, я был «потрясающе интеллектуален», другого логичного объяснения я найти не смогу, ну и счастливо самоуспокоюсь на этом. В этом чудном городке получить «в табло» можно было просто ни за что.

Так, зуботычина для знакомства, типа: «Ну, а теперь познакомимся, Гена меня зовут!».

Или вот вам ситуация, получившаяся с моим младшим братом Женькой: жёсткий удар «по мордáсям» на дискаче без предупреждения и в это же мгновение женский дикий визг: «Вова, это не тот!!!». Ну а далее долгие утомительные извинения с алкогольными ароматами в лицо: «Не, братан, реально, извини, не разобрали, бл…ть, так вышло, без обид, земеля, ага?». Но если ты необдуманно возжелал зацепить местную красотулю, то ты чокнутый самоубийца, чувак, и это абсолютно серьёзно! Эдик так не думал. Он вообще не думал. Думал его растревоженный короткими юбками инстинкт.

Ремарка: так называемые «волнисты» и «металлисты» были на тот момент непримиримыми врагами. Кстати, с «металлистами» проще – они законно и определённо слушают «хеви». Правда, в Чкаловске на потной дискотеке считалось приличным греметь цепями под «Финальный отсчет» пошлейшей Европы, что у реальных «металхэдов» было бы неприемлемым. Тот же вышеупомянутый Вовка Коршунов жил во дворе, где заправляли «волновики́», и он никогда бы не посмел признаться, что любил кроме попсы ещё и Iron Maiden (а он любил). Он мог пообщаться на эту запретную тему со мной лишь в классе, где была (но, только на этот счёт) некая «зона примирения».

И вот мы с Эдуардом заговариваем (точнее заговаривает

он, я делаю лишь свирепое мужественное лицо) с каждой парой чкаловских цыпочек, что дефилирует по бульвару: «Девчонки, а у вас метал-то, вообще, на дискотеках крутят?». «Девчонки», в принципе, познакомиться даже не против, но с опаской отвечают вопросом на вопрос: «А вы что, металлисты что ли?». Эдик тут же, поспешно оправдываясь, «переобувается» на предмет «нет, мы, вообще-то, волнисты!», соображая моментально, по чьей улице мы идём. Ну, дальше следует стандартный набор пошлятины, вроде: «Мы так-то спортсмены, боксёры, приехали на соревнования из Нижнего, вот, ваш город осматриваем…». Дичь полная, но это всегда действовало! Всегда! К сожалению, я так и не освоил этот изумительный свободный стиль и слог сокрушительного съёма, невозмутимый (даже при самых неправдоподобных кульбитах вранья), нескончаемый и всепобеждающий.

Вернёмся, однако, к днюхе. Кроме Володьки присутствовали ещё какие-то особи различных полов. Все «чегой-то» общались, заигрывали, строили планы друг на друга, закусывали… Я пил. Приходя в подобную компашку, я моментально, классовым чутьём чую – здесь мне, «вшивому интеллигентику» и доходяге никто не даст. Это я отчетливо понимал и в любых других компаниях. Словно кармическая фраза из моей же (уж извините) песенки «с кем угодно, только не со мной» навсегда заколдовала меня, и я смирился.

Выпито (и буквально через час) было весьма и весьма немало. Закуской в подростковом возрасте я не интересовал-

ся и даже по-панковски брезговал. Такая вот детская бравада приводила в состояние сакральное и даже «архетипическое». В бойкой компашке все давно определились с парами, и единогласно решено было произвести променад, естественно, с вариантами хат без родителей и садово-парковых участков, где можно было скрыться от любопытствующих глаз. Я был уже вполне себе «за», ибо в душной атмосфере стало как-то уж совсем тоскливо и по пролетарски просто. Но! Сметливый Володька заприметил «преступно-халатно» забытую бутылочку «беленькой», совершенно даже не распечатанную… Так просто уйти он не мог. Всеми силами убеждения и чарами души он просил присутствующих добить «манкированную» обществом «поллитрушку». Согласился только я – а почему бы и нет… Хоть какой-то панк-рок. Мы деловито сели друг напротив друга и стали размеренно наливать рюмочки и методично выпивать… Без закуски. Без пауз. Без лишних слов и телячьих нежностей.

И вот «историческое действо» было завершено, и посему пришла законная пора откланяться. Я был бодр, но деликатно отказался от дальнейшей прогулки. Зря, кстати – ибо потом поговаривали, что одна жаркая тётенька всё же томно заглядывалась на меня, но думаю, это было сказано так, из милосердия.

И я остался один-одинёшенек, когда в смятении осознал, как это я в одно мгновение так зверски окосел. Нет, слово не то… Я «гармонично впал» в единство с Космосом и Ми-

ровой Душой… Я шёл, затейливо заваливаясь вправо и влево, оживлённо разговаривая со всеми вокруг, а больше сам с собой, истово выкурил пачку сигарет подряд, не докуривая и бросая, сердясь на каждую паршивку-сигарету, за то, что «какая-то ты не такая». Последние три я просто прикурил и немедленно казнил об асфальт. Долго я сиживал в благости на каждой лавочке, включая те самые зелёненькие из детства, что в заводском скверике. Само собой, мне стало худо, и я, едва уже похожий на землянина, прибыл крайне тёпленьким в руки любимой мамы, кричавшей про то, что «как же ты пьян, ты страшно пьян!». А я, предельно сосредоточившись (насколько смог), ответил ей с комсомольским вызовом: «Да я вообще сегодня ни капли!». И мирно опал на кроватку…

Бог ты мой, когда же закончатся эти мои вечные, как вино библейского Ноя, «ни капли»? Никогда!

Петлюра

Трудовые лагеря… Что-то тоталитарное и околотюремное всегда мне слышалось в этом жутковатом словосочетании. В эти «комфортабельные коттеджи», типа «барак», без отопления, удобств, с рядами железных кроватей и «винтажных» тумбочек для личных вещей (жестяной кружки, пачки печенья… ну, помните) завозили нас, бесправных школьников в летние месяцы, чтобы официально эксплуатировать детский труд на полях бескрайней Родины. Я даже не помню, чего же мы там такого полезного делали-то. Наверное, пололи что-то чрезвычайно важное и нужное или, наоборот, собирали некий богатый урожай, но точно вспоминаю одно – уставал я тогда, как пёс и ненавидел весь этот «труд благородный» всею душой.

Однако трудовая священная обязанность была не самым жутким, как вы понимаете. Регулярные атаки дегенератов-старшеклассников и деревенских деградантов были настолько по тюремному не эстетичны и жестоки, что приводить живописных примеров, извините, не стану. Лишь поблагодарю судьбу, что выдержал это «замечательное» всё и не сломался, как некоторые бедняги-сокамерники, послабее духом, вот для них это на всю жизнь останется сущим адом… Да, не многим эти наши замечательнейшие учреждения под вывеской «Трудовые лагеря» отличались от реаль-

ной «зоны»…

Видимо, я всё-таки не настоящий писатель, другой бы с садомазохическим наслаждением вывалил всю эту «захватывающую» чернуху на белоснежные страницы и запросто показал жизнь такой, какая она есть, и захватило бы дух у «требовательного» читателя, который только и ждёт этого и сладко боится. Ведь в этом и есть суть и цель настоящей литературы, верно? Но я схитрю, в моем фантастическом мире всё будет чуть легче и красивее. А вот совсем мрачные стороны детской советской жизни распишет кто-то другой.

Расскажу, пожалуй, лишь об относительно невинных шалостях «лагерных» деток.

Традиционные вымазывания ночью зубной пастой напрочь затмевают такие искромётные выходки, как ночные переливания воды из стакана в стакан над ухом несчастного спящего подопытного. Эта варварская процедура проделывалась, дабы вызвать у бедняги подсознательную жажду к немедленному, пардон, хождению «по-маленькому» прямо в кроватку.

Или замечательная придумка нашей милой детворы – «Петлюра». Это когда в глубокой ночи кровать мирно спящего головой к стене паренька резко поднимали со стороны нижних конечностей и переворачивали так, что бедолага оказывался стоящим на голове, лицом к стене и плотно прижатый этой самой кроватью к стенке. Вряд ли вы можете себе представить ужас задремавшего ребенка, среди мирного

сна оказавшегося в эдакой перевернутой ночной вселенной. Да, нравы были… Где там ваши нежные «Очерки бурсы» салабона Помяловского!

«Очаровательная» школа наша под незабываемым «номером сто семьдесят два», как оказалось, была одной из самых жестких в городе. А ведь слышал же я сказочные рассказы про блестящую школу № 66, где одиннадцать золотых медалистов за один выпуск было рабочей обыденностью…

Один мой «старинный» знакомый, перейдя из нашей дыры в другую школу «почище-с», по причине переезда родителей был насильно перетянут из категории равнодушных троечников в радужные отличники всем дружным новым классом. Там он немедленно начал встречаться с местной «красоткой-интеллектуалкой», а его тайные литературные опыты были приняты одноклассниками «на ура», и он стал одним из «полноправных ярких личностей», которые в детском кинематографе вызывают раздражение и даже некоторое смущение, но в жизни…

Как мне не хватало этого тогда в жизни! Если бы не музыка и книги – моя тайная отдушина, волшебный мир, в котором можно было много где спрятаться, я сошел бы с ума или просто сбежал из опостылевшего города. Только бы не идти больше в жуткие классы и не видеть ненавистных учителей, которых я терпеть не мог (ну, в основном, конечно) и гопарей-людоедов. Господи, как же можно было стать ТАКИМ?!! Что создает этих жестоких чудовищ, что водились в нашем,

не самом «зверином» классе и ещё похлеще в «тюремных» других? Как может человеческое существо стать настолько завистливым, жестоким, совершенно равнодушным к чужой человеческой боли и даже, наоборот, обожать эту боль?!! Как же было их много этих зверьков, как же много…

Злобные девки втроём в приступе животной ревности отделали до «сотря́са» четвертую из-за «симпотного» парня, что знать не знал о них всех…

Абсолютно неадекватная училка Татьяна Аркадьевна по кличке «Аркашка» была уволены за то что, пробила башку своему несколько шаловливому ученику. Ну вот решила она, «новаторская педагоги́ня» наша, нерадивого парня немножечко… поучить. По Макаренко, так сказать, да Сухомлинскому. Причём, ненормальная она была в самом, что ни на есть, медицинском, патологическом смысле, и это было ясно видно и понятно любому завалящему ученику, а не то, что «прозорливому» нашему директору. Как её вообще могли допустить к обучению?! Мне страшно от этого дурдомовского факта до сих пор.

Она с наслаждением вела помимо основного предмета ещё печально известную «Этику и психологию семейной жизни» и выдавала там «архитезисы» такой вопиющей пошлости, что были они просто на гране дворовой похабщины. У неё был какой-то жутчайший «переклин» на сексуальной сфере, и каждая несчастная девчонка из нашего класса боялась до припадка, что эта ведьма заставит читать её вслух

перед всеми что-то вроде этой её вечно неточной цитаты: «И срамные девки тоже, огурцом намазав рожи, и, почуяв в ляжках зуд – Стеньку Разина везут!». По теперешним меркам не смертельно, но тогда… Девочка и перед всем классом… Бр-р-р!

Моя первая учительница… Далее по стереотипу должно следовать что-то душевно-ностальгическое, но я помню лишь её массивный перстень из какой-то слоновой кости, которым она лупила по черепу каждого, до которого не умела достучаться косноязычным своим словом и её дикие навыкате глаза за огромными очками.

Алкоголик-препод по физкультуре Валентин Вениаминович или просто «Веник» «в простонародии». Персонаж «маньячной» внешности – тощий, жилистый, за пятьдесят, плюс лысина и седая бородка. Он мог заставить бежать, нас, бесполых существ в синих одинаковых сиротских трикошках и таких же майках с длинными нелепыми рукавами по кругу бесконечного спортзала и неожиданно и очень сильно бросать теннисный мяч в кого попало. Было больно и страшно. Различий между мужским и женским полом, между прочим, не делалось. В данном, конкретном случае… А вот в раскладе, когда девчурка посочнее неосмотрительно «замешкивалась» рядом с его кабинетом или в коридоре раздевалки, он грязно «зажимал» её самым мужланским образом. Он был сильный, как чёрт, подтягивался запросто пятнадцать раз в любом подпитии и с удовольствием участвовал во всех само-

деятельных соревнованиях от плавания до бега. Помню предельно отчетливо, как я затравленно мямлил, делая доклад, будучи дежурным по классу, перед всем строем и страшным Веником: «Валентин Винимани… Венимами…». И как он не «прикнокал» меня тут же за подобную «дерзкую демонстрацию неуважения»…

Но в трудовом нашем пресловутом лагере нам немного удалось отомстить ему за тотальный беспредел. Веник имел милое обыкновение обходить весь лагерь поутру и дико горнить в свой горн таким кошмарным тембром, что даже птица-павлин из мультика про Барона Мюнхгаузена была по сравнению с этим ужасом сладкоголосой Сиреной. Однажды томным вечером личный горн садиста-физкультурника был заботливо забит мокрыми бумажками, жевательной резинкой и прочей требухой. Долго-долго он прочищал его горячим молоком, а мы наслаждались утренними безмятежными снами. Через пару дней, правда, рулады начались с удвоенной силой. Во-вторых, он получил зверского анонимного пинка, стоя, нагнувшись перед дверью в сарай, позорно влетел туда и был заперт. Естественно, найти дерзкого исполнителя не удалось. Ну и, в-третьих – коронка лагерного сезона! Ночью отважными злоумышленниками он был привязан к кровати и осторожненько (дабы не спугнуть сладкий запьянцовский сон) вынесен на улицу, и водворён прямо с кроватью же в самый центр спортплощадки, где совершались кроме того и милые сердцу утренние и вечерние поверки.

И всё же несколько слов в защиту дикого нашего Веника. Итак, для начала он научил меня на всю жизнь железному правилу – беречь единственное свое сердце и после каждой пробежки или любого нехитрого отжимания от пола обязательно и без вариантов делать «круговые» руками и глубоко и ровно дышать. Спасибо, помню, исполняю, помогает!

И ещё одна его смешная «фишка», что чудом не выветрилась из дырявой моей памяти, а почему не знаю и сам. Однажды один из «услужливых» ученичков предложил помощь суровому Вениамину на предмет закинуть какой-то спортинвентарь на полку с бестактными словами: «Валентин Вениаминович, позвольте, заброшу, я вас повыше!». На что «расчудесный» наш Веник, гордо подняв голову, изрёк, презрительно цедя сквозь зубы: «Ты меня не выше, ты меня длиннее, и, как говорил Наполеон Первый, я могу лишить тебя этого преимущества!». Такая вот презабавная монаршая отповедь!

В школе имелось несколько шаек садистов и вымогателей, а также выродки-одиночки огромных размеров и отвратительной наружности. Один из них, по мерзкой кличке «Пух», жирный, необъятный, с кошмарными ляжками, рыжим ёжиком на шишке-башке и лиловым родимым пятном на поллица мог запросто и наслаждением жрать отобранный через зверский мордобой бутерброд прямо в загаженном школьном сортире. До сих пор прекрасно помню, с каким демонстративным отвращением выдал ему даже этот, не менее

опасный мерзавец: «Ну ты чё, б…я, Пух, я тут находиться-то не могу, а ты жрёшь! У тя чё, желудок, что ли собачий?!». Они воровали обувь, что получше, отбирали деньги, завтраки, плевали в лицо, могли нанести совершенно неожиданный и немотивированный удар такой силы, что очнувшись после минут десяти запредельной боли, ты не понимал, куда тебя, собственно, двинули – болело абсолютно всё внутри неокрепшего организма. Ломались носы, рёбра и люди вообще…

Одного моего гордого одноклассника пытались заставить склонить голову и в течение пары недель методично уводили за плиты у школы и били. Он не сдался и не стал униженно просить пощады, он выдержал всё. Безмерно уважаю его за это, и не знаю, смог бы я так…

Как-то на перемене мне обыденным манером сломали нос, кровь текла горячим ручьём и не хотела останавливаться, у меня вообще слабый нос, к моему «боксёрскому» сожалению. А посему в классе я принужден был сидеть, задрав голову, чтоб не залить почти белоснежную свою рубашку, на что славная учительница литературы молвила доброе: «Ну, хватит прикидываться уже, опускай свой нос и пиши диктант!». Сочувствие и милосердие учителей навсегда останется в сердце моём.

Я уже не говорю о постоянных попытках склонить нас к подлому стукачеству. Самых благонадежных, по мнению нашей «классной», ну то есть, отличников, дохляков, книгоче-

ев и прочую дрянь, мягко выводила она в коридор и вкрадчиво просила указать на того, кто малевал рисунки примитивно-эротического содержания или творил ещё что-то нетрадиционное. Мне за многое стыдно в моей жизни, но грязным стукачеством я не замарал себя никогда. Я делал непонимающее и негодующее лицо, типа: «Какой ужас! Это же надо такую гадость-то сотворить!!! Но не в курсе я, ничего мне про то неизвестно, реферат я писал и вокруг ничего не видал, не заметил – вот так уж я был увлечён…». Уж не знаю почему, никто меня не учил сему священному правилу, и даже от благородного всегда отца моего никаких наставлений я не получал на эту щекотливую тему, но интуитивно, наверное, твёрдо знал, что грязнее и отвратительнее стукачества мало что может быть.

И это, заметьте, всего лишь то, что «рука поэта» поднялась написать о прекрасной школьной поре! Есть такое, что никогда не просочится через мелкое сито моего сугубо личного представления о Прекрасном.

Но тьфу на них, поганых упырей, смотри веселее, Читатель, это всего лишь моя минутная слабость, и далее снова начну-ка я быть ироничным, да и чего там, вполне даже себе романтичным! Хоть и не без врождённого средневекового цинизма…

Дикие игрушки и почти потерянные книги

Мои детские книги. Книги и игрушки… Игрушки хранились в странном зелёном ящике. По малолетству он казался мне огромным, а может и впрямь был таковой, точно уже я не помню. Мой волшебный ящик…

Там в страшном беспорядке проживали друг на друге пластмассовые и тряпичные куклы-уроды с оторванными конечностями и порой даже головами. Всё это с пугающей фантазией собиралось, состыковывалось и получались совершенно уж невообразимые мутантики, которых я всё равно очень любил, тем более что других-то мне всё равно бы никто и никогда не подарил. И неясно откуда хотя бы взялись-то эти уродики…

Часть «милых выродков» я нашел лично, как например, моего самого-самого разлюбимого. Буратино. Этого неопрятного персонажа из моего дурного детства требовали выбросить, поскольку грязен он был в высшей степени, найден на самой серьёзной помойке и представлял собой симбиоз тряпичной и пластмассовой кукольной технологии. Руки и ноги его сгибались в пластиковых суставчиках, что невероятно поражало жалкое воображение мальчика, что жил, чего скрывать, скромновато… Моего Буратинку я долго и нежно

таскал с собой, всем показывал, со всеми знакомил.

Помню какую-то непонятную бабульку-родственницу, что неважно уже слышала, и которая на мои представления лучшего друга, шамкая, переспрашивала тысячу раз: «Хто? Дурачина?». Я очень сердился и поправлял непонятливую старушку очень сурово.

Потом он, нелепый мой Буратино, сгинул куда-то со всеми моими «неземными реликтами» – мои беспечные родители быстро расправлялись с памятью детства, они живут настоящим, они «современные» люди.

Но верите – нет, я «счастливо-случайно» засёк его, родименького, совсем недавно в руках маленькой девочки в одном не слишком известном советском фильме, кажется, «Несовершеннолетние». Я радовался, как аутист-переросток без удержу и меры – ведь теперь я всегда мог включить этот восхитительный эпизод и увидеть калечного дружка моего снова и снова!

Ещё одна пагубная страсть раннего детства – солдатики. Их я складывал в железный бидон, с коими тогда традиционно ходили за квасом. Вообще, были в те невероятные времена очень смешные, но неукоснительно соблюдавшиеся традиции: с белым бидоном нужно было выходить за молоком, с зелёным за квасом или, если счастье привалило, и завезли, за пивом. Или, скажем, с тазами напоказ в общественную баню, а с красными рожами и полотенцами на голове обратно. У меня был, кстати, зелёный бидон.

Пока я ещё не увидел поражающих душу советского ребенка солдатиков-ковбоев, индейцев, викингов и пиратов, я довольствовался фанатичными мечтами о наборе из красных богатырей и зелёных крестоносцев. Фигурки их были плоские, почти двухмерные, но я тогда не мог их сравнивать с объёмной роскошью вышеуказанных вояк. Причем интересовали меня только крестоносцы, привлекающие своей отрицательной аурой, подобно тому, как порочный Волк из «Ну, погоди!» всегда затмевал пресно-положительного Зайца.

И вот, одним замечательным солнечным утром наивные мои родители, заговорщически улыбаясь, будят меня и вручают заветный свёрток, где… только краснопёрые, скучные и бесполые богатыри. Оказывается, были и такие, отдельные, патриотические наборы… Нежное сердце ребёнка было грубо разбито безжалостною судьбой, слёзы и сопли лились полноводными реками безостановочно часа три.

Впоследствии я упрямо наверстал упущенное в моей бессмысленной жизни и собрал уникальную коллекцию солдатиков любого фасона, униформы, вероломства и художественного исполнения. Она-то и хранилась у меня в пивном бидончике…

До тех пор, пока мой шальной младший братишка Женька не проиграл всё разом за месяц моего очередного отсутствия в славном «лагере труда и отдыха». А, чего там, проиграл и проиграл, ну и фик с ним, чего ж с тебя взять, малолетний дурилка!

С игрушками всё. Теперь мои книги. Жена моя в ту бытность Иришка (с которой, правда, нас давно уж развела судьба) – самый ненормальный человек, которого я знаю вообще, и в частности по отношению к книгам.

Однажды её легкомысленные предки задарили дочурке тогдашних, натурально, «пару миллионов денег», вырученных от реализации знаменитых ваучеров, и было это в году эдак 1996-м. По тем временам сумма была крепенькая, «девочке в адеквате» на эти «алмазные копи» можно было вполне и модненько приодеться, но безумное решение уже было принято, и со своей институтской подружкой Женькой они победоносно появились на легендарной книжной «куче», что на монументальной площади Ленина.

И Ражева начала покупать… Там, сям, распаляясь всё больше и больше, разбрасывая бренные дензнаки. С литературкой в те годы было всё очень непросто, и шустрые спекулянты являлись тогда властителями дум. И как только они осознали масштабы возможных покупок этой маленькой безумной девчушки, так сразу начали медленно и устрашающе стекаться к ней, словно зомби из «Возвращения живых трупов», беря её в плотное «неживое» кольцо. Её хватали за руки, кричали на весь рынок: «Красавица, а вот сюда посмотри, тут Пруст у меня, собраньице!».

В этот момент уже и Женька, человек весьма циничный и не застенчивый, взмолилась: «Ражева, успокойся, в руки-то себя возьми, ты теряешь уже здравый смысл!!!». Как ей уда-

лось образумить моё «аномальное сокровище», не знаю, но, нагруженные, будто вьючные лошадки, неприподъёмными сумками с драгоценными фолиантами, подружки-филологини прибыли-таки на Ражевскую квартиру, и началась завораживающая душу сортировка…

Конечно, я не такой одержимый, но… Лишь однажды я позволил себе безответственно потратить всё «накопленное веками» на гитарный «комбарь» в легендарном «Пурпурном легионе», поскольку в очередной раз задумал решительно «порвать с Музыкой». О, вот это было восхитительное, ни с чем не сравнимое чувство, когда сладко кружится голова от осознания возможности размашисто, по-купечески взять всё благолепие от Ian Dury до «Cocteau Twins». Ну, в общем, я и хапнул тогда все сокровища сразу: и «Lynyrd Skynyrd», и Stones, и Nina Hagen, и Zappa и… И умоляю, только не вздумайте подумать лишнего, я ни о чём ни на американскую копеечку не жалею! Такого безрассудного меломанского экстаза я не позволял себе больше уже никогда… А судорожно сучащим нервными пальчиками по грифу «супергитаристом» я всё равно так и не стал, так и зачем мне, сердешному «комбик»!

С книгами моя святая любовь началась лет, думаю, с трёх, когда я был «насильно-отечески» выучен чтению моим замечательнейшим дедом по материнской линии Степаном Яковлевичем. Вспоминается отчётливо дедовский большой кулак, возникавший у моего лица, если я, как и сейчас, с удо-

вольствием и знанием дела ленился: «А вот это ты видел?..». И учиться почему-то сразу хотелось. Да он и сам шикарно читал мне так много – сначала тонюсенькие для детишек, потом потолще для школьников, а следом я и сам проглатывал всё, что мог достать, нарыть, разыскать в моём первом ещё частном, деревянном, загадочном, будто старинная сказка, доме.

О таинственном доме этом припоминаю, кстати, одну необыкновенную штуковину, в коей весьма не уверен – у милых моих бабушки с дедушкой имелись какие-то отдельные крохотные кельи, хотя, наверное, это какая-то очередная лажа с детской памятью.

Да, пожалуй, ещё пара странных воспоминаний: моя славная мамочка с большим животом (видимо, с братишкой Женькой внутри) и почему-то перевязанным глазом, ведущая меня крошечного куда-то, да ещё глупые дети постарше, не взявшие меня «такого замечательного» кататься на весьма диковинном и редком тогда в нашем дворике велосипеде. Я робко испросил позволения хотя бы покрутить педаль рукой, но снова получил категоричный до цинизма отказ. Мне и трёх лет-то не было, а я эту горечь держу в себе, как нелепый дурак, до сих пор.

Однако хватит сладкого нытья, обратно к книгам! Не имею понятия, как это они плодились у такого крохи, ведь я не стал ещё тогда Собирателем Всех Предметов На Свете, но становилось их всё больше и больше с каждым днём.

Наверное, они просто появлялись по Высшему Велению, а мне, глазастому карапузу, только того и было нужно. Все они проживали дружной компанией в старом, золотистом комоде на двух нижних самых вместительных полках. Комод этот стародавний ещё жив, а вот книг нету…

Порывистая в решениях мамулька неожиданно подарила их, можно сказать, первому встречному, какой-то там соседке по даче в деревне. Все. Сразу. Не буду больше нудно ругать мою мамочку, ибо уж наругал её, бедную, достаточно. Самое-то обидное было в том, что не отдавала она мне их очень долго, несмотря на мои мольбы и причитания, мол, «внукам пусть достанется». Ну что ж, миссия благородная, и я смирился с потерей моего Золотого Руна, лишь изредка приходя посмотреть, «поперебирать» мои Книги. И тут, как многотонным обухом…

Горевал я безутешно несколько лет, и я не преувеличиваю на этот раз, хоть и есть за мной такой смертный грешок.

Однако я весьма упрямый человек, как и утверждает мой категоричный папка, «весь в тёщу дорогую» – необыкновенную бабушку Александру Николаевну. Но мне, кстати, справедливо думается, все в нашей колоритной семье упрямцы редкостные, так что, как выражаются прогрессивные современные подростки, «по-любому» есть в кого.

И вот, вволю нарыдавшись, я, стиснув крепкие зубы, решил по памяти собрать всё то, что по праву принадлежало мне – Книгочею, Ценителю и Коллекционеру. Но беда бы-

ла в том, что многих «рунических» книг я не помнил ни по приблизительному названию, ни по имени-фамилии мифического создателя, а лишь скупо остались перед глазами оформление затёртых обложек и сугубо общие впечатления от потерянного сюжета. Одним словом, я являл собой идеальное воплощение тех «очаровательных покупателей», которых сам просто «обожал» в мою «продавецкую» бытность. Они крайне любили страшно атонально напеть мелодию группы, которую давно искали или грамотно сориентировать меня-тугодума, как-то вот так: «Вы знаете, там картинка ещё такая жёлтенькая, и в одной песне поют «кам бэк, кам бэк ту ми-и-и», грустно-грустно так…».

Вот примерно так же позорно я и тусовался на бескрайних книжных развалах Олимпийского несколько мучительных лет, заказывал потерянное по почте из совершенно невообразимых городов, расспрашивал на бесчисленных форумах книголюбов и… Почти все самые волшебные впечатления моего детства триумфально восстановлены! Пусть же нежданно осчастливленный сын той соседки-разлучницы прочтёт то же, что и я, и может, ещё одним «факин крэзи» на свете станет больше.

Вот они, родимые: «Внук зелёной молнии. Тайны старого колчана» (Иван Палькин), «Капитан Суматоха» (Бенгт Даниельссон), «Приключения Солнышкина», «Волны, словно кенгуру» (Виталий Коржиков), «Руки вверх или враг номер один» (Лев Давыдычев), «Привет, картошка» (Эдуард Паш-

нев), «Специальный приз» (Александр Ампелонов), «Мой дедушка памятник» (Александр Аксёнов), «Олимпийские игры» (Елена Озерецкая), «Продавец приключений» (Георгий Садовников), «Волшебные бутылки» (Розалия Амусина)… Пожалуй, что пока довольно, ну уж, а за полным многотомным списком «детских нетленок» обращайтесь, как говорится, «в личку».

И ещё. Даже ни фига не зная высоколобых шедевров классики мировой литературы, так сказать, любая любопытная мелюзга, познавшая эти нехитрые, быть может, книжки, непременно станет Человеком! Уж простите великодушно, друзья и подружки, мне мою вечную, но простодушную, видит Бог, самонадеянность!

Дембельские альбомы меломана, как мы теперь без вас?

Чтобы вы знали, у «нефорья́», как ласково и даже любовно называют нас гопнички, есть свои дембельские альбомы.

Кто знаком с этим священным для каждого старослужащего термином, немедленно представляет монструозных размеров, обшитый бархатом и толщиной в бицепс качка-середнячка, томище. Сей священный фолиант под завязку нашпигован пошлейшими стихами про то, как «боец отважный любимой сон тревожный бережёт», безумными фото-коллажами на темы армейских подвигов бравого дедушки и пасторальными рисунками местных Левитанов и Репиных на вольную тему (в смысле, «вольно – занимайтесь по плану!»).

По какому-такому «плану»… Нет, уж видно никогда мне, недалёкому, не осознать сего сакрального «по плану»… Предположу лишь, что это некий солдафонский аналог в общем-то бессмысленного, но экспрессивного «аллóра», которым грешат знойные итальянцы, когда выразить эмоцию желательно, а подходящих слов не подобрать.

Так вот, как ни стыдно признать, но каждый приличный меломан моего поколения, а тем паче постарше, просто обязан был иметь свой героический музыкальный альбом или хотя бы вместительных размеров тетрадь, о содержании ко-

торой нужно поговорить подробнее и с подобающей деликатностью. И даже нежностью.

Всё, что проходило через жадные руки меломана – пёстрые винилы, их младшие братья – карлики «сидишки», а когда-то и легендарные аудиокассеты TDK и Denon, да ещё быстроосыпающиеся бобины, всё это фиксировалось патологически подробнейшим образом. Наиболее серьёзные люди нашего круга, белая кость и высокомерная элита признавала только винил. Но даже они не могли отказаться от волнующих воспоминаниями «дембельских альбомов» меломана.

Туда трепетно записывалось всё: имя группы, название альбома, год издания, год переиздания, выпускающий лейбл, продюсеры, со-продюсеры, трек-лист, тексты песен, участники банды, все сессионники, звукорежиссёры, художники, чуваки, которые бегали за кофе и пивом музыкантам, группиз… Я ничего не забыл? Старательно вырисовывался логотип и бережно сохранялся шрифт с оформления «пласта́». И всё это пухлыми томами бережно хранилось на пыльных полках, а иногда передавалось по наследству таким, как я, сыновьям полка.

Были и у меня такие замечательные тетради, те, что годами создавал сам, а также принятые в дар от старых волосатых наставников. С чёрно-белыми фотографиями Битлов, Хипов, Рокетсов и самодельными наивными описаниями жанров рок-музыки в представлении советского бедола-

ги-меломана.

Нужно ли говорить, что загадочные мои родители выбросили и это…

Остались лишь жалкие крохи, обрывки драгоценных листочков, хоть какая-то память… Память нам, восторженной касте, к коей я имею честь принадлежать, чем по праву горжусь и горжусь я безмерно!

Я, к примеру, вмиг отделяю настоящего безумного меломана от «околоплавающего», и никто из нашего закрытого круга не станет открывать трепещущую душу «поддельному», фальшивому меломану.

Зато, когда мы находим друг друга, как бестелесные вампиры, просто мистически ощущая себе подобных, то часами, да чего там, сутками можем перебирать великие имена и святые альбомы: «А как тебе Сэббэт семьдесят восьмой? М-м-м… А ты знаешь, неплохой, неплохой, недавно я его просёк! Но Дио восемьдесят третий всё равно получше! Ну-у! Дио это Дио!». Причём на дворе бушует 2012-й год, на минуточку!

Пишу и блаженно улыбаюсь курьёзной картинке. Пока есть мы, смешные рыцари Музыки, остаётся ещё что-то душевное на белом свете.

А ведь я, салага по возрасту для матёрых завсегдатаев легендарной «кучи» (о ней чуть позже, но обязательно) всегда, ещё сопливым школьником был свой, потому что я – «тру»! Ну для тех, кто совсем мимо темы – ноги произрастают от

«англицкого» словечка «true», настоящий, ну то есть. Ещё теперь залихватски говорят «труёвый», но я этого смелого неологизма не полюбил. Ставлю застенчивый смайлик, конечно, но… Да чего там, вот здесь скромничать не хочу и не стану, я – «ориджинал-гангста меломан», и всё тут!

В каждом приличном городе были и есть «намоленные» места, где меломанствующий люд обменивается дисочками и нужной, как воздух, информацией по музыкальным животрепещущим вопросам. Родной Нижний далеко не последняя деревня в этом отношении. Барыги, пьяные скитальцы-философы, провинциальные музыканты и просто реальные меломаны всех мастей стекаются по сей день к магазину «Мелодия», увековеченному в старом прекрасном кино «Конец операции Резидент». Ну тот застеклённый магический «магаз», что рядом с площадью Горького.

Сбежав от жён, детей и нудных забот, здесь они каждую субботу (пропуск «кучи» – расстрел) забывают про то, что молодость безвозвратно прошла, и окунаются в упоительные волны музыки и ностальгии.

Как только мой нетрезвый заезд в Нижний совпадал с субботой, я летел туда на всех парусах, иногда с Ражевой, порой один. Покорная, она терпеливо ждала меня, наряду с другими порядочными меломанскими жёнами, а жёны меломанов это тоже каста. Как правило, это красивые интеллектуалки, а моя – ну разумеется, прекраснее всех. Ждала, когда я обойду все злачные места, лотки и импровизированные прилавки

на багажниках видавших виды «Жигулей» (что несомненно усиливает щемящий сердце эффект), поговорю со всеми знакомыми и незнакомцами за Дип Пёрпл и Назарет, наторгуюсь и закуплюсь чем-нибудь редким и неожиданным.

Здесь, в замшелой моей провинции можно нарыть, как это ни удивительно, ну например, извращенцев «Tubes» или, скажем, ухарей «Dr. Feelgood». Мажорская «новая волна» (или почти презрительно «волнища») с тупорылою «панкотóй» никогда в городе Горьком не были в почёте, и такие вот «сомнительные» пластинки отдавались «в добивку» к титанам, вроде Alice Cooper. А ещё ведь случается счастье «выцепить» всякий там шизанутый «краут-рок» и милый сердцу тупорылый «трэш-метал» восьмидесятых, ну тогда обмывание раритетных приобретений затягивается на всю трудовую декаду!

Ушлые московские оптовики уже, к горькому моему разочарованию, корыстно «прочухали» это место и скупают все наши редкости в промышленных масштабах, вот ведь какое трамвайное хамство! Да, любая красивая сказка когда-нибудь, да заканчивается…

Всю жизнь свою (ну прям, житие мое) я могу живописно рассказать в связи с приобретением того или другого сакрального альбома. Индийский Хендрикс «Концерт на острове Уайт» и не менее «хинди-вид» «Крафтверк» со своим закольцованным «Компьютерным миром» (вкладыш с роботами я подло утаил при обмене) – это самые первые мои

школьные творения, записанные с тазами вместо барабанов и текстами-импровизациями в жанре «что наблюдаю, то выдаю». Кстати, пламенно высылаю «рокенрольное спасибище» вам, дорогие соратнички по той куцей нашей шизофрении, братцы Лёшка Вареник и Лёха Каулин! Запиленные 76-го года «Хипы» с «пистолето-самолётом» на обложке – мой первый курс после традиционной утомительной картошки. «Сэббэт» с идиотским названием «Технический экстаз» и изуродованной дорожкой «медляка» «She's Gone» (она была классически замазана пастой «Гои», эх вы, подонки, как же профессионально вы «киданули» меня тогда) – это я первый раз увидел Ражеву и «навеки потерял покой».

И так дальше и дальше, год за годом, пластиночка за пластиночкой, бок о бок идёт-бежит моя «диковинная» житуха, и порою так станет сказочно хорошо, что замурлычешь в меломанской нирване: «И слава Господу! И шут с этими выброшенными на помойку тетрадями! Только бы все наши были здоровы – и милые родители и волшебники-музыканты…».

Дядька Фрейд, разгадай мои сны, а не то я сам…

С «самого-рассамого» детства мне снится один и тот же упрямо повторяющийся сон. Сон про то, что я в Москве и что-то там в ней, Златоглавой ищу, а сам и не знаю чего… Даже когда я ещё был пятилетним недоумком и в столице-то этой самой никогда не бывал, странный сон преследовал меня непрестанно и утомительно. Тогда неведомая Москва снилась мне, как некое лубочное клише, что я невинным ребенком видел на рисунках в тонких книжках.

Сюжеты необыкновенного сна лишь чуть видоизменялись, но всегда присутствовал один обязательный элемент почти что эротического характера: чёрные правительственные «Чайки» влетали в арку Спасской башни Кремля и вырывались из неё с неистовой силой, едва не задев меня, крошечного пацана.

Откуда взялись эти сны? Вещими называть их – вроде как, натурально пошлость, но и отбросить их, пусть на три копейки «пророческое» значение, тоже никак не могу. Дело в том, что, ни будучи дитятей неразумным, ни нескладным школяром, ни развесёлым студентом, я никогда и не мечтал и не думал о переезде в Белокаменную свою невесту. Так какой же неведомой жаждой этого библейского исхода нужно быть

заряженным, чтобы обуревали тебя и мучили сны подобного разлива?

Это уж точно было не про меня – убеждённый и законченный домосед маленький Гоша тихонько сиживал в крохотной своей комнатке среди «битлов» и «конан дойлей»… В общем, какая там жажда странствий. Но сны! Бесконечные и неведомые сны эти были явно неспроста.

Я поставил точку и, лениво потягиваясь, посмотрел в окно винилового магазина, где я отбывал трудовую повинность и… Кремль стоял на месте, Куранты пробили полдень. Всё, как и было предсказано!

«Бегу за тобой, за рыжей моею Москвой, бегу за тобой, моею запретной женой…» – когда-то так неожиданно пришли мне в голову эти непонятные строчки, и тут уж у самого дядьки Фрейда привычно и сладко взмокли ладошки. Гражданин Юнг, и что таки вы лично на всё это скажете? Ну, сделать компетентное мнение знаменитые ученые уже не успеют, а разгадать ещё один загадочный свой сон рискну я сам, и старина Адлер не даст мне соврать…

Снова изводит один и тот же «вещий», где я на непонятной квартире, полной моих родителей, родственников или просто, ну совершенно уж «неразъяснённых» граждан. Как правило, помещение слегка напоминает подзабытый весьма флэт моих «пап-мамы», только вот комнат побольше, но всё это почему-то с каким-то жутковатым привкусом общаги. Картинка всегда очень суетливая, не знаешь, где и ночевать

тебе, какая кровать твоя, и не влезет ли ещё какое беспардонно-дивное лицо в твоё и без того зыбкое жилище…

Ну, с фрейдистским «однозадачным» толкованием тут всё необыкновенно просто – никакой эротики, ни жёсткой тебе, ни лёгкой. А вот все витиеватые догадки и психологические домыслы грустно свелись к одному – никогда толком не было у меня своего угла, и дурной сон этот беспощадно всё усиливает: «Добро пожаловать в реальность, парень, вот это – правда, и не закрывай же глаза, у тебя НЕТ дома!». Неплохо бы, конечно, ещё добавить гомерического хохоту, какой бывает в плохих (а, значит, хороших) китайских ужастиках, но, в общем, ничего себе, сойдёт, как водится, и так.

Ну и ладушки, с «пророческими» снами пока что закончили! Считаю, с ними мы «научно-популярно» разобрались. Остальные не мучают, просто снятся.

Колюня Харитонов. Part One

Затейница-судьба добра ко мне, жаловаться на неё великий грех, хоть я и беден, как тридцать три церковных мыши, и в ту давнюю пору была моя загадочная девчонка уж который тяжёлый год далеко от меня и тоже, чего скрывать, не всегда завтракала теми «иноземными деликатесами», какими ей хотелось. Ни у неё, ни у меня порой не имелось приличных ботинок, прямо как в старом негритянском блюзе. А бедная Ражева и вовсе одну из суровых «рассейских» зим проходила без носков на босу ногу, тогда совсем не было денег, совсем…

Но намотав сопли на кулак и перестав себя сладко жалеть, скажу: «Спасибо, Господи!». Довольно часто звучат здесь эти елейные слова, но верю, что не всуе это торжественное славление…

Порою в утренние часы чувствую я такую сильнейшую любовь к жизни, что никакой наркотик на свете (а, поверьте, пробовал я всё) не даст такого честного счастья. Дыхание перехватывает так, что молодецкое ещё сердце колотит паровым молотом, и каждая клеточка моего тела кричит от радости: «Спа-си-бо!!!». Краски так необыкновенны, запахи свежи и остры, люди милы и красивы, и всё на свете белом совершенно! Лишь только для этого и стоит жить, закрыв глаза на выдуманные печали, преувеличенную нищету, плюнув на

кажущееся непризнание, ведь Счастье пришло снова…

А если вспомнить, что лучший гитарист планеты играет у меня, и что та дивная и весёлая тогда ещё была со мною, и мы с нею видели половину Битлз на концертах Маккартни и Ринго, орали под «Poison» Элиса Купера и наблюдали, как полуголый «мистер Остерберг» прыгает в толпу, чтобы его в очередной раз разорвали…

Да и чего лицемерно скромничать, ведь голос всё ещё неплох и силен, слог остроумен и гармонии приходят такие, что знаю точно, сочинял не я, а там наверху великодушно нашептали на ушко, а я лишь запомнил, да и, поди, переврал половину, но и этого хватает на хит…

Мои милые друзья – Книги и Пластинки мирно живут в бесчисленных шкафах и ящичках бок о бок со мною и любят меня даже больше, чем я их… Я – неудачник? Извините! Я – Счастливчик! (Спасибо, кстати, сиятельному Гарику за шикарную песню).

И люди… Каких занятных и странных людей мне посылает судьба! Это одно из ярчайших наслаждений в жизни знать их, разговаривать с ними, любить их и чувствовать то же в ответ!

Колюнька Харитонов, дорогой мой человек из «репабликанской» жизни…

Магазин «Репаблика» – это секта, как в самую точку заметила Ксюша, жена друга моего Вальки (о Валюшке отдельно и с почтением).

Несмотря на то, что Репаблика всегда была подчинена тирании Вадима Д., окончательного олигарха, но к счастью, и чуточку меломана, через этот странный мир прошло множество интереснейших людей, порой даже околокриминальных, а иногда просто блаженных. Целое поколение чокнутых москвичей прошло у меня перед глазами, и они сейчас как раз и беспечно изменяют лик и суть любимой столицы. Не извиняюсь даже за высокий слог, потому что, во-первых, красавицу Москву я реально очень люблю и благодарен ей за многое, а во-вторых, эти когда-то шальные ребята сейчас лучшие финансисты, художники, банкиры, писатели, артисты и аферисты великого города.

Пока я «влёгкую трудился» в Д…ском царстве, ладили мы не очень. Я бы на его месте вообще сразу уволил такого упёртого прыща, как я, но, видимо, как персонаж я был ему отчасти любопытен, ну и он, как человек дикой купеческой энергии, тоже порой завораживал меня своей противоречивой до самодурства харизмой.

Я обязательно вспомню что-то ещё о безумном «Репабликанском периоде», но пока что про Колю Харитонова, как и обещал. Тощий, с огромными блюдцами-глазами, он выглядел, как вокалист-героинщик модной до неприличия английской построковой команды. При своей «очевидной молодости» он умудрился окончить полный курс военного училища и не получить звания, передумав в последний момент нести на своих плечах «священное бремя блестящего рос-

сийского офицера». У него была совершенно невероятная манера говорить, забалтывая слова и целые предложения, но его повествования от этого выходили настолько самобытными и неповторимыми, что в самый безрадостный день я топал на работку и знал, что Колюня обязательно поведает что-нибудь «эдакое», и серая жизнь продавца-консультанта вновь расцветет буйным цветом панк-рока.

Чего стоят только его байки про затейливый курсантский быт! Ну вот, к примеру: ежели будущему офицеру приходило на ум томно сладко вздремнуть после подъёма, что уже само по себе должно вызвать цирковые аплодисменты, то самые отчаянные решались на военную хитрость – заявлялось, что ты старательно готовишься выйти в наряд на ночное дежурство. А посему можешь совершенно официально давать храпака, ибо стоический ночной дежурный имеет священное право дрыхнуть днём. «Товарищ майор, я – в наряд!» – естественно, что никакого наряда нет и в помине, а всё ж расторопный курсантик спит внаглую, раздевшись и очень сладко, как говорится, и добрым утром и ласковым погожим деньком. И вот, теперь представьте-ка себе мирно посапывающие лица хитрецов средь бела курсантского дня, под одеяльцами и в совершенно нелегальном разврате Морфея!

Дедовщина процветала в училище Колюни, как наглые кусты сорняка и была она уж совсем изощрённого сорта. Тихою ночью «затейники-дедули» врывались в сонную казарму и производили «плановый полночный подъём». При-

чём, вначале только для одного несчастного, которому душевно предлагалось озвучить своё имя и звание, после чего он получал увесистое взыскание в различные части туловища за разговоры после отбоя. Через полчастика спонтанный подъём бедняги повторялся, но наученный суровым опытом курсантик на клич «курсант Лямкин!» отвечал робким молчанием. Это приводило к автоматическому развёртыванию плана номер два – раздавался дикий вопль на всю казарму: «Кадета прое…али!». Теперь уж выстраивались все в две традиционные шеренги, и начинался наигранно-деловитый поиск «исчезнувшего» кадета, который не отозвался. Естественно, по «счастливому нахождению», искомый боец получал «активные дополнительные нарекания».

Обязательный в таких заведениях обряд инициации проходил не менее зловеще – к голове в будущем полноценного и полноправного кадета прилаживались клеммы стародавнего, ещё с какой-то динамо-машиной, телефонного аппарата. Затем старательно вертелась ручка, заряжая энергией древний прибор и развесёлую шайку созерцателей, и страдалец получал заряд, от которого начинались вполне настоящие судороги и потери, пусть тёмного, но все же, какого ни есть, сознания.

Ну и ещё такая сущая безделица на закуску: группа старослужащих мило затевала щекотать «салагу» и инквизиторский обряд этот совершался и совершался, несмотря ни на одержимый смех жертвы, ни на мольбы о пощаде, ни на про-

клятия и слёзы, до тех пор, пока он, «эскузе муа», не напускал в штаны («пока не обоссытся», в каноническом оригинале).

Да… Нравы! Когда принимался за этот пересказ, я бодро усмехался, дескать, жуть, но ведь смешно, а перечёл, так что-то одна жуть и осталась…

Колюня часто добредал до работы в состоянии, как он это сам именовал, «депривации сна». Это когда весь яркий вечер и ночь накануне отчаянно бухаешь и «дуешь», спишь пару часов, и вот ты уже в самой, что ни на есть форме для трудовых свершений. Однако невероятный Коля на абсолютном серьёзе считал это состояние идеальным для общения с надоедливыми и часто неадекватными покупателями – ничего не соображаешь, рефлексии – ноль, язык сам собой несёт несусветную чушь, чем удивляет не только вампира-оппонента, но и своего измученного хозяина.

А ещё наш Колюнька единственный «репабликанец», который уволился отсюда самым «решительным» образом… Будучи на последних днях своей «фантастической» карьеры в этом заведении барменом (репабликанское кафе, кстати, самое уютное и домашнее в Москве, потом срублю с дяди Д. за лёгкую рекламку), он немного «принял для бодрости», ибо пахал без выходных несколько дней подряд. Предательский запах алкоголя был учуян зорким управляющим, и ему немедленно было предложено выйти вон. Коля, спасавший неделю подряд осиротевший было бар от вымирания, не вы-

нес такой обидной несправедливости и выказал жест категорического несогласия с мнением начальства – он вырвал огромную кассу с компьютерным монитором и в праведном гневе грохнул её об пол. Вот она – волшебная сила эмоции, которой нет преград ни духовных, ни земных. Это был настолько мощный акт неповиновения, что ошарашенная администрация струсила и предпочла не заметить этот рок-н-ролл, и осторожно обошлась без обязательной милиции и прочих иных «серьёзностей».

Несравненны и замечательны его байки про путешествия «автостопом» – сакральная вещь для Колюни, наряду с грёзами об отъезде в глухой, непроходимый лес и житие там в сторожке, стоически промышляя рубкой дерева и проводя суровый мужской досуг в изготовлении и злоупотреблении самогона.

Но сейчас пока лишь о Колином удивительном «стопе». Безумные шофёры подбирающие «стопперов» методично изводят дорожных бродяг совершенно бредовыми беседами. Один дикий водитель рассказывал в творческом упоении, как он «три раза НЛО видел». Другой оказался фанатичным адептом «Свидетелей Иеговы» и подвозил только под обещание терпеливо и внимательно слушать всю дорогу его умилительные проповеди и параллельно по́ходя спасать свою бессмертную, но заблудшую душу. Колю с сотоварищами коварные сектанты пустили переночевать и даже обещали накормить, но снова под письменное обязательство выйти завтра в

шесть утра к молитве. Есть хотелось жутко, поэтому подъём был лёгким, а молитва бодрящей.

Я, конечно же, не смогу передать Колюниной уникальной манеры говорить, слишком это затейливо и неуловимо, как акцент питерца, но его фирменное «тижало» вместо «тяжело» осталось со мною навеки. Но чтобы хоть как-то намекнуть на его способ изъяснения, приведу (с его любезного согласия, разумеется) маленькую записочку из презираемого всеми «вконтакте», которую он мне как-то трогательно засылал:

> «на следующий день после концерта был на дне рождения
> это была какая-то вакханалия
> там чуваки напились… сыпались чудовищные откровения… после которых с утра
> просыпаться не хочется
> подозрения в изменах
> демонстрации физического превосходства
> членовредительство
> была огромная нога кабана, которого откармливали желудями
> и липкий пол – ад
> и вот ролик на стенку оценишь, быть может при встрече…»

Грамматика и синтаксис «классика» были мною бережно сохранены, как вы успели заметить. А теперь, ну-ка прочтите это с пулемётной скоростью, нахлёстывая конец предложе-

ния на начало, и всё равно это будет разве что жалких процентов десять тощего гаера Колюньки. Говорят, что он сейчас поправился и успокоился, но я почему-то в это не верю.

Рука бабушки, когда плохо

Моя бабушка… Любимая, милая бабушка моя Александра Николаевна была в высшей степени интересной женщиной во всех отношениях. Статная, высокая, гордая… Чудесная моя бабушка… Одна из самых необычных и своеобразных личностей, с которыми довелось мне пересечься в моей богатой на чудаков жизни.

До сих пор помню её большую и морщинистую руку у себя на лбу, когда меня выворачивало наизнанку после очередной дурной студенческой попойки. Бутылка водки в лицо и пачка сигарет для меня некурящего – и вот я печальным Боном Скоттом зависаю над унитазом, а бабушка в который раз держит мне рыжую башку, чтобы спасти длинные волосы. Ну все вы, думаю, были хоть раз знакомы с технологией этого деликатного процесса. И вот она, родная, спасает меня от позора и укоризненно приговаривает: «Всё расскажу, я всё родителям расскажу…». И в жизни ни разу меня не сдавала…

Она была нереально легка на подъём и, будучи уже к 80-ти, могла запросто подорваться и внезапно рвануть поездом на родину в далёкие Медяны́ к оставшимся от уродской войны братьям и сёстрам. Для сравнения, я сам-то только годам к тридцати перестал панически бояться даже пригородных «детсадовских» поездок и почти переборол врождённую

сладкую свою лень и патологическое домоседство.

Кто бы помог вспомнить рецепт восхитительных лепёшек, что пекла она иногда по утрам. Предугадать, когда она решит их печь, никто никогда не мог, и даже, наверное, она сама. Видимо, какой-то неведомый импульс подталкивал её внезапно затеять ароматную стряпню, и я просыпался от волнующих, райских запахов и сразу было ясно – а денёк-то задался!

Завтрак с этими дымящимися, румяными лепешками, да ещё с вишнёвым вареньем и холодным молоком – это то, чего уже никогда не будет… Как, всё-таки, это грустно…

Бабушка моя родненькая, ты, пожалуйста, хоть иногда приглядывай за мною, балбесом, как раньше, и пусть, что теперь уж с Того Света, грози пальцем, если задурю и улыбайся своей ласковою улыбкой… Как же я люблю тебя, бабулечка ты моя, ты лучше, ты круче, ты добрее всех на этом свете! А теперь и на том…

Моя бабушка и Manowar

Как-то в тревожную школьную пору я в очередной раз неумно мучил свою бабушку совместным вынужденным прослушиванием сугубо интеллектуальной группы Manowar. Нравилось так, что уроки в этот день я не учил принципиально – в знак протеста ненавистной системе.

Так вот потихоньку, да незаметно и проявляется разлагающая сущность «рокенрола».

Вот начинается очередная «ПТУ-шная» песня со зловещей сирены, и… Бедная моя бабушка в панике начинает бегать по кухне, выглядывая поминутно в окно и в ужасе спрашивая растерянного меня: «Это что же такое? Что случилось, откуда гудит?».

Оказывается, точно так же «в копейку» похоже и страшно выла сирена во время налета фашистских пи…арасов на наш тогдашний Горький. Это так ярко напомнило ей весь тот кошмар – как уставшие от постоянных бомбежек люди, натыкаясь друг на друга, бежали к спасительному бомбоубежищу и с замершим сердцем думали лишь об одном: «Господи, опять! Только бы успеть, только бы добежать!».

Я еле втолковал ей, что это всего лишь буржуйская запись, мол, звук из двухкассетного тогдашнего магнитофона, но она нервно потребовала немедленно вырубить эту, пусть и фальшивую, но вполне боевую на слух сирену.

Даже осознав, что беды не случилось, она не могла слышать этого будоражащего звука из невесёлой военной юности.

Да и сам я с тех пор весьма настороженно внимаю этому пошловатому вступлению с детского до вульгарности альбома «Fighting The World».

Дядечка – «метрошный» виртуоз

В который раз я бесцельно шлялся по метро и неожиданно понял для чего! Я увидел гениальную картинку параллельного мира: блаженный мужик в переходе самозабвенно играет на самопальной бас-гитаре. У меня же тоже была такая, я сам смастерил сей монструозный агрегат из старой дедовской семиструнки!

Всё остальное лубочное сопровождение живенько являло собой «забитый» ямаховский подклад, причём на синтетических, непохожих до пародии гитарках. Дядька этот, какой-то весь грязный и нелепый, явно наслаждался своей игрой и вообще был безмерно горд причастностью к «блестящему миру артистов».

Ситуация выходила крайне комичной ещё и потому, что самое важное, сложное, ну и, типа, красивое, было старательно «заколочено в фанеру», а басовые простецкие «ковырюшки» вживую он играл так, ну-у… знаете, чуть разнообразней, чем «пым-пым». Правда, замечу святой справедливости ради, мимо нот этот забавный дядя не ставил!

Эх, как жалею-то я теперь, что не снял это чудо света на мобильник, но как-то совать в лицо человеку камеру ради быдланского «гы-ы, приколись, какой!», ну вот, не хотелось тогда совершенно. Однако отказать себе в удовольствии бегло зарисовать портрет сего экзотического элемента «метро-

шного социума» я не смог, в чём публично и каюсь, хоть и остался-таки «зело доволен»!

Береги себя

Рок-звезда сосредоточенно бежит по курьерским делам в районе суетливого Павелецкого, а напротив вокзала манит тусклыми огоньками какое-то кургузое «околопитейное» заведение. Неповторимый аромат горелого масла в коктейле с вино-водочными парами нежно кружит мне голову.

Непочтительно останавливаюсь у двух явно только вышедших из этого вертепа покурить мутных мужиков лет тридцати пяти-сорока. Мой любимый возраст. Все комплексы, обиды и неудовлетворённости на пике. Оба люто вдетые, а времени, на минуточку, где-то полтретьего и четверг.

Неосторожно спрашиваю, как пройти к 1-му К… (не помню уже) переулку. Один из «задумчивых» мужчин, думаю, основной, облачённый в белый джемпер, по-пьяному вкрадчиво ответствует: «Щас, брателла, в мобильничке интернетик у меня, найдём…». Второй повыше и помятее, но более или менее душевный. Глаза у обоих «партнёров» пробиты страшно, бухают, знаю по серьёзному своему опыту, второй или третий день. А вот выкатывается из заведения и третий «джентльмен», грозно становится рядом с ними, и смотрит на меня такими дикими глазами, что мне становиться тревожно.

Тут уже наблюдается не просто естественное «босяцкое» любопытство, а вполне резонный вопрос: «Это как же «вот

это вот», ваще, тут с моими корефанами, н…х, стоять-то смеет? Чего, бл…ть, общего-то?!!»

А у этих дивных мужиков, видно по всему, что всё «в порядке» – и семьи, и машинки, и квартирки. Так, побухивают от души, от сердца, дабы от жён-любовниц отдохнуть, но бизнес у них, сцука, сразу понятно – нечистый.

У третьего «коллеги по работе» огромные, дурные глаза, и вообще он такой из себя криминальный красавчик, «покоцанный», правда, слегка житием.

«В джемпере» небрежно роняет, объясняясь и немного даже извиняясь перед «Красивым»: «Человеку ж па-амочь надо…». Снова вступает в тему «Душевный»: «А это, типа, у тебя чё?». И с живым алкогольным интересом показывает на коробку, которую я отчаянно тараню. А там, на картинке анонимным китайским живописцем изображён, ну разве что не космический бластер. Плохо пряча волнение, я пытаюсь донести, что это просто душ, и сие, кстати, святая правда, несмотря на футуристический рисунок. Причём, произношу я это всё, как можно небрежнее, дабы создалось впечатление, что тащу вроде как, в семью, что мол, «такой же я, как вы, да тока волосатый».

Остро осознаю, что интернетно-телефонные запросы затягиваются в связи с запьянцовской вялостью движений «святой троицы», и посему начинаю сердечно раскланиваться и благодарить, одним словом, «не смею задерживать» и прочие куртуазные галантности и маньеризм.

И вот напоследок суровый «Красава», не без издевки, но и не без какого-то изумления, типа, «во, какие ходят», напутственно молвит: «Б…я… Береги себя…».

Уж нет никаких шутовских сил более сдерживаться, и я заливисто ржу, уходя всё дальше и дальше от этого настоящего мужского священного братства.

Гильдия Адвокатов

Вы видели когда-нибудь сорокалетнего курьера? Я – да. Зрелище удручающее: потухшие глаза, сгорбленная спина, руки оттянуты нечеловеческой ношей. Как правило, в каждой натруженной руке располагается по коробке величиной, сравнимой с ростом бедолаги, и на горбу обязательный рюкзачок внушительных размеров. Походка стремительная, на автопилоте, и плюс к этому неожиданные судорожные остановки для сверки с вражеской местностью по ветхой, вручную вычерченной карте.

Возможен и опрос ненадежных аборигенов, но это часто может привести к необратимым потерям себя в городе Москва – никто хуже не знает свой крохотный райончик, чем лениво прогуливающиеся местные. На измученном лице сорокалетнего курьера написано многое – усталость от унизительного непрестижного труда, многолетнее отсутствие женского внимания, ежевечернее постылое пиво, съёмный грязный быт в позорных Кузьминках и последнее – никаких интересов, перспектив и стремлений.

Я не раз бывал в этой удушливой шкуре, и так отчетливо знаю, как быстро высасывается душа на такой «нужной и уважаемой» работе.

Тут сделаем недолгий привал, ничего?

Я не уверен, можно ли назвать то, что я старательно ваяю,

романом, даже не понимаю пока, смогу ли с какой-то осмысленной логикой объединить эти пёстрые лоскуты и нервные обрывки. Поэтому некоторые части хаотичного повествования пусть будут просто, как некие забавные зарисовки, почти анекдоты, осторожно подсмотренные мной. А эта книжка станет, скажем, неким «постдовлатовским» романом-дневником. А может, я и передумаю, и это будет «искрящийся коммерческим успехом» сценарий для межгалактического секс-ужастика про зомби и звезд эстрады 30-х.

Итак, объяснившись насколько возможно, вернёмся к одному из бессистемных моих сюжетов, которые, если мне посчастливится, соберутся в весёлую мозаику романа, и получу я наконец вожделенного Нобеля. А чего? Все нежны рученьки оббил о «комп», набираючи мысли острые, думы светлые, строки мудрые! Задарма? Не-а, нетушки, и так у вас со мной, бойкие товарищи из нобелевского комитета, не пройдёт!

В общем, «курьерю»… Русь, чокнутый мой друган и коллега по кривой музыкантской тропе вызвался помочь, и это так кстати – вес курьерской ноши в этот денёк за гранью человеческого представления о гуманности. Проще говоря, даже если от этого зависят твоя маленькая судьба и даже сама «полудрагоценная» жизнь – приподнять НЕВОЗМОЖНО!

И вот, чуть найдя вожделенную дорогу в районе милого сердцу Курского вокзала, матеря всё и вся на белом свете, мы увидели, словно величественный замок на крутом холме, то, что отважно искали – «Гильдия Адвокатов».

Надпись эта золотом (а может и не золотом, это я так в поэтическом угаре) сияла на юридическом дворце и крутая лестница снисходительно приглашала двух робких муравьишек подняться и доложить высокомерной страже: кто, зачем и к кому!

Мимо нас пролетали холёные самодовольные ребятушки годиков о двадцати пяти, аккуратно стриженные, в костюмах от Ив Сен-Лоран, нацепивши очочки с платиновой оправой. Взоры их повествовали о такой уж волшебной карьере, что даже случайно засуженные или несправедливо оправданные (за отдельный, так сказать, гонорар) меркли и исчезали вовсе, соприкасаясь с аурой таких блестящих молодых людей. Б-р-р! Зачарованная охрана даже и не смела испросить у них мандат для входа, насколько были они тут своими… Подобные энергичные ребятки эдак по-свойски проникают в самою Думу, а не то, что в какую-то занюханную «гильдию» и, конечно, без всякой задержки со стороны кремлёвских стражников-остолопов. Соль земли России, недостижимая элита, гордость нации…

Миновав в умилении застывшую охрану, они порхали дальше, мимо гранитной доски, запечатлевшей нетленные имена и фамилии Гениев Адвокатуры. Фамилии были предсказуемо библейски однотипны, но особенно запомнился некто Зильберкант.

Пробравшись через тысячи кордонов и зеркальных комнат, я вручил всё, что облегчит заслуженный быт тружени-

ка-адвоката. А именно, монструозные массажные души таких извращенческих конструкций, что это буйство инженерной фантазии наводило мысли о каком-то товаре из секс-шопа, ну а на закуску, словно пошлая вишенка на вершине сливочного торта, популярнейший хит сезона – хрустальные стаканчики для зубных щёток по сто евро за штуку.

На выходе мне навстречу попалась стайка по банному раскрасневшихся юридических крупнотелых тёток, сильно за сорок, очень шумных и «неплатонически» засматривающихся на всё, что в брюках.

Я поспешил к спасительному вестибюлю с позёвывающей охраной, где почему-то стоял такой густой запах пива, будто пили его каждодневно месяцев шесть, да ещё в кураже разлили по всему полу.

Откуда взялось это, так сказать, поразительное слияние «низкого и высокого», не мне гадать. Будем милосердно считать, что это скучает бравая охрана, ибо охранять тут, ну совершеннейше не от кого, такие уж «наскрозь положительные» люди подобрались в затейливой конторе. Вот и скрашивает доблестный охранный контингент, уж как умеет, свой вынужденный серый досуг до умопомрачения.

Ну не краснощёкие же тётушки, в самом деле, пили пенное пивко с пахучей воблой на работе! Хотя…

«Общежитие слушает» халявный «рокенрол»

Вот уже больше пяти «необыкновенных» лет я живу в одной прокуренной норе, именуемой с провинциальным достоинством не меньше, как «Гостиница». На самом деле это банальнейшая общага со всеми прелестями оскорбительного быта – парой сортиров на длиннющий, словно «метрошный» перрон, коридор, дуэтом кошмарных душей, ступая на тёмный пол которых, лучше не думать, какое мрачное существо до тебя тут с явным наслаждением плескалось (а, возможно, и не только, о, ужас!) с преимущественно ледяной, бодрящей водой, «обаятельным» самодуром-директором, не шибко чистыми на руку, но крикливыми, как галки по утрам, уборщицами, ну и совершенно горьковскими (и от пьес великого писателя и от принадлежности к «быдланскому» племени Нижегородцев) типажами.

Как ни хотел я сбежать подальше от родимого городка под знаковой вывеской «Нижний Новгород», а насмешница-судьба, после трёх лет моего неумелого барахтанья по съёмным грязным хатам, закинула меня к знакомым до оторопи ликам в «знаменосное» общежитие от авиационного завода «Полёт». Там, собственно, со вкусом и проживают бывшие горьковчане, а ныне по «новозаветному», нижего-

родцы, командированные в столичный престижный филиал.

Задаюсь терзающим душу вопросом: «Как же это они, чадящие ужасными папиросками, сидючи на расколотом толчке, не ведающие звука спускаемой воды (скузи, такая уж суровая правда общаги), неделями не выносящие мусор из кухни, уплетающие из года в год многотонными коробками дешёвые до несъедобности пельмени и надирающиеся до обмороков под хип-хоп «рассейского» разлива, как они вообще опрометчиво допущены к созиданию боевой авиатехники?!! И ведь они вовсе не безработное из поколения в поколение, дикое «гопьё» с 7-го микрорайона, это инженеры, закончившие, пусть скучный, но, всё же Политех.

Одним словом, с этими вот «интеллигентами» мне и приходится соседствовать. Несколько живописных лиц, впрочем, как ни дико сие звучит, уже стали почти родными: обаятельнейший глухонемой тощий паренёк с замечательной улыбкой и яростной жестикуляцией (навсегда запомню его невербальную экспрессивную похвалу моей новой «хипповской» причёске), мрачно шутящий, но весьма приятный суровый чувак из прославленного Чкаловска и занудный дылда, нами искрометно прозванный «Баскетболист».

Этот нескладный, костлявый, ростом в двух Сабонисов гигант прибыл из совсем уж глухой деревеньки, а посему был включен в столичную «серьёзную» жизнь на сто десять процентов – участие в «кровопролитных» митингах против несправедливых выборов, вожделенная аспирантура, самые

свежайшие интернет-сплетни и дешёвки-сенсации и полная святая уверенность личного участия в создании Современной Истории.

Ну и, конечно же, огромный, свирепого вида, бывший танкист в неизменном несвежем тельнике, безмерно страдающий каждое жуткое для него утро с такого помелья, что жалость пересиливает естественное отвращение при привычных звуках громогласного очищения над «белым приятелем». Далее для «танкиста» обычно следует полуобморочный просмотр телепрограмм на боевую тему по спасительному кабельному, причём на разрушающей тело и душу громкости.

Да, как же я мог забыть! Дядя Юра! Наш замечательный ближайший сосед-гедонист такого жизнелюбивого нрава, что пивно-сосисочный живот его победно торчит из-под любого зимнего пальто, как символ несгибаемой и всепобеждающей витальной силы. Прибавьте сюда тронутую благородной сединой чёрную шевелюру во все стороны, такие же залихватские цыганско-болгарские усы, доводящую до оторопи коммуникабельность, вечное галантное «подшофе», нескончаемые рассказы о мифических любовницах из Прибалтики, нескольких небольших авиазаводиках в личной собственности, волнующей карьере пилота, усердных занятиях в престижнейших «тренажёрках» Москвы и многочасовые приготовления «изысканной пищи» на общажной некартинной кухне с обязательным сухим вином и экзоти-

ческими специями! И вот, вуаля, наш Дядя Юра весь перед нами в «психологическом портрете».

Всё, не хочу говорить более ни о ком.

Ну разве пару слов об Отце Родном – свирепом директоре этой нашей импровизированной «Гостиницы» Валерии Тимофеевиче, по амикошонски окрещённом обитателями ночлежки «Тимохой». Сухопарый, с пронзительным взглядом и орлиным носом, весьма идущей ему лысиной и походкой белого офицера, он походил больше на римского патриция, чем на мелкого администратора.

Насущные вопросы он всегда решал быстро и мог наотмашь отбрить и поставить на место любого хамоватого бродягу из местных. Во власть свою невеликую, думаю, был он влюблён страстно и многие жители этого странного дома трепетали перед ним, считая за самовластного хозяина.

Почему-то вот кажется мне, что таких же, как мы, мягко говоря, не слишком «авиастроителей», было на каждом этаже чумной «богадельни» предостаточно и зависело от его «слова боярского» немало бесправных, живущих тут на птичьих правах. Мы обходились довольно банальным натуральным оброком – пузырёк недурственной водки, шоколадный тортик или ещё какая-никакая нехитрая снедь. Всё это почтительно подносилось в Его Кабинет по великим праздникам или в дни, когда нам случалось провиниться…

Провинности – тема особая, тонкая. К примеру, ежели мы дерзко установили в номере несанкционированный турник,

что разлагает умы не в меру любопытных и самозабвенно «стучащих» уборщиц, преступно забыли внести священную оплату за месяц «сладкого комфорта», ну или просто, когда Тимофеич, нахмурив брови, останавливал нас, старательно изображающих вид жуткой спешки и занятости, и изрекал: «Ну и чего вы дальше собираетесь делать? Долго ещё будете тут обретаться? У меня ведь заезд плановый на носу, комнаты все наперечёт! Мысли есть какие-то?». Мысли немедленным образом возникали.

Причём у других, менее привилегированных граждан Общажной Республики (а за нас всё-таки поручилось начальство «из центру», ну и, к тому же какие-никакие, но были мы артисты, а совсем уж обижать юродивых – большой грех на Руси), эти мысли облекались, мне думается, в более бумажно-шуршащее воплощение. Ежели наговариваю, извиняйте, Валерий Тимофеевич, тем более что я, без дураков, душевно благодарен вам за снисходительность к двум клоунам с пятого этажа.

Ну хватит, в самом деле, что это я взялся описывать земные «мизерабли». Я ведь всего лишь «непринужденно» подводил к тому, что наша с братом Руськом дикая берлога располагалась в паре минут ходьбы до культового клуба «Арена Москоу». И каждые выходные, как минимум, к нему стекались толпы живописных персонажей.

В дни концертов я любил по внешнему виду небезопасных, надо сказать, поклонников угадывать, что за группа бу-

дет рубиться нынче вечером, и очень часто попадал в яблочко. Вечнозелёные косухи и непромытые «хаера́» – Гарик или Чайф, увядающей красоты кокетки – Cinderella или Kingdome Come, иссиня чёрные патлы и зелёные губы, скажем, Gackt, старательно забитые татуировками до горла тела, независимо от пола и возраста – хоть Deftones, а может, запросто и WASP. Вот такая нехитрая «неформальская» наука.

А в светлый день концерта Алисы ненароком подсмотрел я такую картинку: движется группа алисоманов, и я привычно сторонюсь, зная, что нарываться на их праведный гнев всё равно, что вести полемику с «Динамовцами» по поводу того, кто ярче в этом сезоне «Спартак» или «ЦСКА». И вот, подслушиваю невольно разговор двух здоровенных поклонников харизмы Константина Кинчева: «А я тебе говорил – разговаривай меньше, пей больше!».

Эта незабываемая фраза прозвучала в том «эротически окрашенном» контексте, что, мол, ежели бы помалкивал и был предельно расслаблен старым добрым алкоголем, «тогда бы дала», а сейчас внимай, салага, советам мудрым от бывалого твоего корефана.

В тот же памятный денёк я был очарован дивными красными колготами (видимо, униформа такая) девушек-алисоманок, выглядело всё это крайне завлекательно, но в сверкавшие металлом глаза их я решался заглянуть лишь украдкой, как говорится, не по Сеньке шапка, понимать нужно, а

я и понимал.

Нещадно правя свои кривые главы, я усмехаюсь, замечая «старпёрские» повторы собственных историй. Но я не вычеркиваю символы микромаразма, так даже веселее.

Так вот, то забавное, что я открою вам сейчас и просто-таки немедля, появится в конце сей книжки ещё раз, но чуть с другого, похмельного угла и иными «нежными» словами…

Как то я случайно познакомился с местным «динамовским» бомжем. Он куда-то старательно таранил огромный, обитый железом чемоданище, в котором почему-то лежала стародавняя былинная рация. Общая любовь к великим Led Zeppelin и увеселяющим душу напиткам помогла нам быстро найти общий язык, и он поведал мне доверительно, что часто «лицезреет» концерты своих любимцев и, что самое «зовущее» – совершенно «на шару». Всё оказалось таким до разочарования простым, как, впрочем, и всё великое – достаточно было элементарно встать у всегда гостеприимно открытой огромной двери «Арены» и наслаждаться концертом примерно в том же качестве, каким довольствуются незадачливые зрители на задворках клуба.

Душевное спасибо тебе, бродяжий брат по меломанству! Поклон до земли, ибо таким хитрющим манером я видел и слышал Mastodon, Cinderella, Gakt, Slayer и даже, не знаю зачем, видимо, из меломанской жадности, Аврил Лавин. Её выступление мы уважительно наблюдали вместе с братом Русланом, находясь в запредельном, атмосферном про-

сто-напросто подпитии, а посему истошно и «юродьиво» голосили: «Аврил, мы хотим от тебя детей!!!». Чем расчистили вокруг себя пространство от напуганных и глазеющих на заморское действо таких же, как мы, «халявствующих» граждан.

Единственное «легальное» выступление, кое я имел счастье увидеть в Арене на тот стародавний момент, было незабываемое шоу Твистов – легендарных Twisted Sister, во главе с ехидным Ди Снайдером, по всеобщему мнению с возрастом ставшим смахивать на кудрявую и губастую Сару Джессику Паркер. Да и то билет милостиво подогнала сердобольная красотка Лидок – наша несравненная директриса и бессменный плюшевый талисман концертов Алкоголя. Наорался я тогда от души, и неделю потом в башке пульсировало тинейджерское: «We Don't Gonna Take It!».

Так я увидел пергидрольного кумира детства, которого, если честно, тогда больше ценил за фривольную по тем временам книжицу «Курс выживания подростка». И как это только её отважно напечатал любимый голодными советскими меломанами легендарный журнал «Ровесник»?

Сейчас я обленился и развратился и почти не хожу на бесплатные «ареновские» шоу, но были ж времена, и были же денёчки… Да и сейчас огрубевшее сердце, нет-нет, да и подпрыгнет от жестокого гитарного рифа, что доносится порой на всю округу. Здравствуй, щедрая Арена, шире открывай двери и радуй тех, кто выполз из душной общаги, и у кого

не всегда так весело шуршит в карманах!

Любовь, залетевшая в подземелье

Уже крайне неприлично повторять в сотый раз затасканную фразу про то, что треть жизни мы проводим в метро, но это святая правда. Все изумительные книги, что прочёл за последнее время, все новые и «стародревние» музыки, что поразили в самое сердце – всё там, под землёй, под изматывающий перестук колёс.

Толпы зомби-мертвецов и голодных гигантских крыс провожают нас жадными взорами, когда мы проносимся мимо их подземного мира. И чего в этих тоскливых взглядах больше – желания сожрать или зависти к нашей защищённой прочным вагоном судьбе? Судьбе не знать вечного чёрного холода, тоски голодных лет и безысходности вырваться хоть на час под доброе солнце, что согреет любую тварь на земле и даже из страшных недр её.

Эк, меня подкинуло-то! Но, действительно, ведь метро – какое-то магическое пространство отчуждения, и, пожалуй, на время даже самой мимолетной поездки мы становимся полноправными членами особой странной субкультуры. Ведь из поезда, с грохотом несущегося во тьме, не выпрыгнуть, как ни старайся, а стало быть, пространство и передвижение по нему ограниченно очень жёстко. Поведение разношёрстных присутствующих регламентировано рамками более гуманного отношения к рядом стоящему, ведь мы все

сейчас на одной «жёлтой подводной лодке».

Естественно (а естественно ли?), исключение составляет сорт особых «быдло-уродов», кому не дано понимать абсолютно ничего, и они могут устроить какую угодно пакость и внутри необычного микросоциума. Драки, приставания, хамство – разве можно лишить себя этой сладости из-за какого-то нелепого подземного паровоза. Ну, этих поганых неандертальцев мы бросим зловещим мертвецам и голодным крысам.

Традиционно подвожу издалека, и чувствую, что заблудился, поэтому просто и прямо опишу один очень трогательный случай в метро.

Напротив меня в вагоне сидели две милые тётушки в возрасте. Видно было на раз, что это одни из последних настоящих интеллигентных в довоенном ещё понятии женщин. Привычно почувствовав приближение нужной станции, они стали готовиться к десантированию. Приготовления были невеселы, ибо одна из них встать самостоятельно уже не умела…

Это были явно давние и душевные подруги на всю жизнь, повидавшие немало непростого и несладкого счастья. Одна из них проворно вскочила и, ловко ухватив подругу за запястья, проговорила: «Танюшенька, вот так, раз-два, взяли!». А затем, в мгновение подняла, словно вырвала её из цепких лап немощи и осторожно повела под руки к выходу.

И столько сердечности, дружеского участия и любви бы-

ло в её словах и ласковом тоне, что в душе моей перевернулось всё-всё-всё, обжигающие слёзы предательски подступили к глазам, и я почувствовал такую силу и радость всеобщей любви, которая нечасто, но всё же залетает к нам, в сырой и тёмный мир подземелья.

Хочу ли я вспоминать своих одноклассников?

Не знаю, братцы, что и сказать… Мне немного неловко признаваться в своей «порочной» слабости, но, высокомерно презирая убогую социальную сеть «Одноклассники», я тайком заглядываю туда через чужие аккаунты. Делаю это втихаря, потому что по жлобской функции этого очень простонародного сообщества каждое посещение какого-нибудь из бывших коллег по «обязательному среднему» будет с улюлюканьем запеленговано им, и последует волна ненужного утомительного общения.

Поговорить, думаю, будет настолько не о чем, что никакой моей хвалёной вежливости и мифического такта не хватит на «увлекательные диалоги ностальгии».

Конечно, есть наша тёплая компашка, которой я буду рад вечно и побегу на край света, лишь бы вновь, как в детстве беззаботно «пообщнуться», пошептаться и посплетничать: вылитый Пол Маккартни – артистичный Лёшка Вареник, длинноногая и надменная Наташка Сокурова, провинциальный сердцеед, эталон мужественности Лёшка Клементьев, милая, светлая и веселая Светка Преснякова… Ну как же я мог забыть – неутомимый брейк-дансер с телом Сильвестра Сталлоне Володька Коршунов, а так же кудрявый и

обаятельный, наш личный Пьер Ришар – Серёга Шаров…

Пожалуй, ещё несколько родных лиц из других классов… К примеру, чокнутый на всю голову, прирождённый «рок-стар», клон Стива Вая – Лёха Каулин, тощий, как уличный кошак, с длиннющими пальцами, с вечной ненормальной ухмылкой, и глэм-рокерской стрижкой (и это в тоталитарные-то восьмидесятые). Его знаменитая квартира представляла собой хаотичный, заброшенный склад виниловых дисков, полуразобранных гитар, кассет с вечно зажёванными пленками, плакатов звёзд дичайшего пошиба от Destruction до Миража, прославленных магнитофонов аля «Романтик», обшарпанных видиков, аквариумов с голодными рыбёхами, весьма небезопасно нагретых паяльников, огромных двуручных мечей… Всё это великолепие было разбросано по пыльным полкам, замусоренному пустыми бутылками и окурками полу, развешено на странного вида коврах на стенах.

Лишь только один человек на белом свете смог вывести из флегматичного равновесия беззаботного Лёху Каулина. А ведь он позволял в своём диком доме тотально всё и всем, не знаю уж из панковского ли эпатажа или же по природе врожденного пох…изма.

Этим человеком оказалась никто иная, как наша Иришка.

Дело было так: мы тихонько выпивали по обыкновению. Градус незаметно, но и неотвратимо приближался к точке, когда обычно купаются ночью, громкими дикими голосами поют песни Queen на территории, где пасутся гопари и со-

вершаются прочие неординарные и героические деяния.

И такой вот критический момент таки настал! Было предложено (разумеется, мной) нанести визит вежливости бывшему моему «гитарреро» Лёхе, Свет, Каулину. С нечленораздельными возгласами восторга предложение было принято единогласно. Визит был немедленно нанесён.

Лёха привычно ухмыльнулся и любезно просил всю шваль в лице нас пройти в залы и покои. По ходу пьесы он всё-таки начал соображать, в каком пограничном состоянии находится нагрянувший спонтанно народ, но ни капли волнения не отразилось на его скуластом лице – он видывал такие виды дивные в своём доме, что это было так, баллов на семь по шкале Рихтера.

Но тут Ирусенька увидела мечи… С радостным визгом она сиганула к ним поближе и выхватив тот, что большее её раза в два, принялась проворно и залихватски вертеть его обеими ручонками над головой, бегая по комнате, задевая утварь, людей и животных! Вот это уже был нешуточный «рокенрол»… Захватило дух даже у самых лихих и бывалых. И даже непотопляемый Лёха, робко улыбнувшись, попросил: «Ты это… Товой, меч-то положи… Давай вот лучше в игрушки поиграем, ага?». Неожиданно посвящённая в рыцарство Ражева победила по дурости даже самого барона Каулина! Огромный меч мы еле отобрали у неё только общими усилиями. Её вообще легко обмануть, переведя зыбкий её интерес на другие развлечения, и через пару мгнове-

ний карающий пространство меч был оставлен, и она уже с интересом резалась с Каулиным в увлекательную порно-игру на его побитом безумствами «компе».

С умилением припоминаю ещё одного необыкновенного чувака – некоего Кулагина. Ликом и комплекцией он был «в ноль» замечательный актёр Алексей Смирнов, которого блистательный Шурик назидательно отшлёпал с сакраментальной фразой «надо, Федя, надо!» в гениальной комедии «Операция Ы». Думаю, решительно лишним будет упоминать, что это был ближайший приятель небезызвестного теперь вам Лёшки Каулина.

То, что выделывал сей дикий человек, далеко выходит за рамки не то что строгих советских восьмидесятых, но и за рамки панковского 77-го в Лондоне. Он мог, будучи законопослушным восьмиклассником, найти на пыльной дороге откровенно женскую серьгу и тут же вдеть её в ухо и ходить так на постылые уроки. Реакцией учителей было просто молчание – они не знали, как реагировать на действия юного кандидата в дурдом.

Кстати, наша родная нижегородская «дурка» находилась в посёлке с жутким названием «Ля́хово», коим пугали непослушных детей озадаченные педагоги и родители.

Или же решительный парняга Кулагин мог подобрать выброшенную искусственную ногу и одновременно вставную челюсть, причём все это страшное наследство выброшено было на помоечку непочтительными родственниками бедо-

лаги-усопшего. Челюсть, предварительно правда, прокипяченная, вставлялась Кулагиным себе в пасть, а нога, соответственно, аккуратно пристёгивалась. И в таком вот завораживающем образе он появлялся в родимой школе. Мы все были в почтительном восторге, учителя же творили молитвы, чтобы герой дня поскорей загремел в тюрягу.

Ну и маленькая шалость на тонкий французский десерт – невинная игра в Джеймса Бонда, когда на сладостной перемене бравый Кулагин наотмашь кидался всей неслабой тушей на стулья и парты, с диким грохотом сшибая их, словно лихой герой боевика и имитируя «Голден Ган» в могучих лапах. Ломалось и крушилось в щепы всё, что попадало под могучее тело – дерево, люди, чучела и микроскопы. Вот такой необузданный, великий характер.

Как же не упомянуть и такую «мелочушку», как я героически сдал физику на «пять», «поступаючи» зачем-то в Универ, и оставалось мне «размочить» только формальное сочинение. И мы развесёлой троицей (Каулин, Кулагин и я) отмечали моё почти поступление в одном грязном пивняке. Кстати, располагалась дикая пивнуха в доме моей чопорной репетиторши и дверь в дверь с легендарной валютной «Берёзкой». Было выпито немало напитка, по вкусу запаху и виду не имеющего ничего общего с тем, что обыкновенно именуют пивом. Помню очень живо и ярко, как мы долго и по-идиотски ржали, мол, «Гоголь, смотри, Гоголь!», над мужичком напротив, который настолько был похож на великого безум-

ца Гоголя, что даже длинный хрестоматийный нос его мерно опускался в кружку при каждом отчаянном глотке.

Где это время, где эти раздолбайские мои приятели? Что с воплощением пофигизма Лёхой, я не знаю совсем. А вот бедолага Кулагин неосторожно загремел в армию и вернулся оттуда «совершенно другим человеком». Первый раз я был так страшно напуган необратимыми и страшными изменениями в человеке. Это был уже угрюмый, неразговорчивый, злорадный и жестокий человек, ставший чуть позже милиционером. И, полагаю, отменным милиционером…

Два года он ел одни только пельмени – такое уж далёкое и тревожное место службы у него было. А одна из рассказанных им бойцовских инициаций много объясняет в этих его грустных превращениях.

Бравый солдатик должен был подтвердить перед «дедулями» свою стойкость, держа на вытянутых руках фанерные листы. А строгий дедушка-наставник производил выстрел в могучую (а чаще не очень) грудь бойца, прежде произносившего чётко и без запинок: «Фанера упорная, бронебойная…». Надеюсь, после такого милого «принятия в пионеры», живыми оставались все…

Так что, хочу ли я увидеться с кем-то из полузабытых одноклассников, оставим этот вопрос открытым, можно? Да и осторожно рассказываю я только о тех, о ком желчный язык мой способен поведать. Было такое безобразное в нашей милейшей школе, о чём не нужно знать никому, это лишь раз-

несёт семя зла дальше и дальше, в этом я убежден. Тем более что, мы уже об этом так хорошо договорились.

Ну, да и последнее в этой связи – был такой забавный паренёк в нашем классе, Стасик В. Неплохой, да уж больно инфантильный не по годам. Существовал у нас такой «малоразвитый» клан совершенно «детских» восьмиклассников, которые кучковались вместе и взахлёб постоянно хихикали над мультиками ранга «Ушастик». Ничего не имею против нашей выдающейся детской мультипликации, но ничего не читать, не знать музыки и даже просто не заглядываться на девчонок в пятнадцать лет, это всё-таки чуток странновато…

И вот, чуть позже, года через три-четыре, я узнал, что наш замечательный тихоня Стасик – один из небезызвестных грабителей в братской Польше. Была такая «гангстерская» история, когда безумная банда из России работала в польских автобусах в лихие «девяностые» – залетала внутрь, один перекрывал выход и… Кошелёчки и драгоценности, про́шу, пани и панове! А ведь когда-то он с упоением пел дурацкие несмешные частушки на моём дне рождении… А потом опускал на злотые в братской Польше мирных граждан…

Как же могло это произойти, что случается с людьми такого-растакого, чтобы превратиться из инфантильного мальчика в подлеца-налётчика? Наверное, у него тоже была своя ужасная «фанера» в жизни…

Нет, братцы мои одноклассники, а, пожалуй, что на радужную встречу выпускников я забегать погожу…

Общество Знаний, история создания

Знакомая теперь уже вам отчаянная Иришка на суждения была всегда крайне сурова. Особенно в состояниях, «бодрящих воображение и дух».

«И вот пошли у них разговоры да споры» про такие уж «тонкие материи» отношений полов, что… Одним словом, подобные диспуты на тему «мужчине по природе своей это можно, а вот женщине ни в коем разе», обыкновенно заканчиваются бытовым рукоприкладством.

И, слава Богу, что извечный спор неожиданно закруглился мирной дискуссией о различных монструозных советских организациях (!). Ну и, разумеется, просто не могло не всплыть пресловутое и загадочное Общество Знаний.

Я кинулся было испепеляющее высказать всё, что думаю на заданную тему, но она без суеты излишних аргументов и тезисов убрала все мои натужно-остроумные выкладки на один маленький раз.

Ею было небрежно изложено то, чем восхитятся благоговейные потомки по сей день и вовеки: «Да Общество Знаний – это был всего лишь некий специальный аппендикс в советские времена для евреев! Их же много, а не все настолько талантливые или хитрые, чтобы в Кагал принимать, ну такой

«балластик», понимаешь? Ну, в общем, которые нафик никому не нужны, а девать куда-то надо, распихать по тёплым местечкам, свои всё же, как-никак, хоть и бездарные…».

А ведь так затейливо, видимо, и создавались эти таинственные «совдеповские» Общества, и в пух и прах разоблачённое уже Общество Знаний в том числе.

Лёгкой дороги, Гоша!

Сборы в Москву после очередного разухабистого заезда к девчонке из далёкого времени были как всегда мучительны. «Sex Sleep Eat Drink Dream», фразочка из песни Кинг Кримсон – ироничный девиз этих наших издевательски кратких встреч. Понуро катаюсь так раз в месяц уже пятый год… Когда закончится эта пытка, которую сам выдумал? А если никогда?

Ладушки, хватит, только не ныть, даже если и делается это приятным баритоном.

Руська остался ещё погостить, в связи с крайне уважительной причиной: не все ещё фашисты зверски замучены им в его адских игрушках. Понурый и депрессивный (а такой я всегда по отъезду), получаю от него бодрящее напутствие: «Братишка, добраться тебе по-лёгкому, чтоб местечко удачное, никаких вредных старушенций, вопящих деток, в общем, «желаю, чтобы все»!».

…Ребёнок в соседнем купе давал Джеймса Брауна второй час. Я сидел намертво зажатый двумя старыми, шамкающими зубами клячами, которые умудрились перегрызться между собой ещё во время загрузки многотонного багажа. Напротив была ещё одна голосящая периодически деточка и двое неутомимых родителей, беспрестанно делающих своему чаду ингаляции, выбивающих из него бесконечные

сопли, закармливающих его совершенно невообразимой и несовместимой жратвой от творога до гамбургеров и предлагавших сходить на горшок с периодичностью в пару-тройку минут.

Блин, спасибо, Русь, всё получилось точно так, как ты и пожелал!

Руська – бог юмористической миниатюры

Русь – феноменально одарённый музыкант, таких самородков, без сомнения, по неполным «якудзовским» пальцам можно пересчитать в России-Матушке. Моцартовская память и изобретательность Хендрикса – уже это, как минимум, делают его уникальным «балалаечником». Не буду по обыкновению великодушным и скажу неосторожно, что мыслить композиционно и сочинять, «не поливая» нотами, научил его я, но своего, с позволения сказать, «учителя» он превзошёл легко и во сто крат.

Но «сейчас не об этом», как незабываемо выразился герой Буркова в «Иронии судьбы» – в фильме-загадке, который так и не смог никому надоесть. Главный, так уж мне кажется, его талант, нет Гений, чего уж там сыпать мелочь – это умение совершенно внезапно выдать неожиданную фразочку, да так в тему, порой парадоксально и по-хармсовски, что берёт оторопь, причём всегда, сколько лет его, бродягу, знаю. Поразительно ещё и то, что когда происходит этот, в высшей степени творческий процесс, он не совсем осознаёт, что явилось Чудесное Творение. Он даже и не сразу хохочет со всеми, осторожно взяв какую-то компьютерную паузу.

Есть у меня целый файл, названный мной «кренделябры

Руслана», как распорядиться сим богатством пока не мыслю. Может, сделаю каждую его чокнутую фишку эпиграфом, ну или посвящу этому «неразъяснённому» доселе явлению целую большую главу.

Ну вот одна байка для затравки: Руська достаёт заначку для общего дела (а дело-то, как известно, для всех музыкантов, артистов и художников одно – наливай, да пей!) и проникновенно так произносит: «Ну, придётся, значит, снова из гробовых брать…». Бурные аплодисменты, как номенклатурно стенографировалось на сталинских пленумах, плавно перетекают в нескончаемые овации!

Или такая «штучка-дрючка», из моих любимых! Я «праздно-мистически» разглагольствую о смерти, мол, страшно… Небось, умираешь и, наверное, радуешься тому даже, что хоть последний раз (уж, снова извиняйте за средневековье) поссать…Отпетый подонок Русь терпеливо выслушивает эту доморощенную «философию» и заканчивает мой панегирик как всегда очень нетривиально: «Последний раз – это под себя…».

Дамы и господа, комментарии излишни, Руська – бог юмористической миниатюры!

Закат Европы ещё далеко

25 ноября, годика эдак 2011-го. «Курьерю» со страшной силой. Истово выходя из м. Спортивная, я увидел возле ларька с фастфудом распотрошённый хот-дог: булка живописно валяется отдельно, почти не деформированная, и загорелая сосиска тоже совершенно целая. Я ещё подумал тогда в изумлении: «Надо же, даже собачки не подтибрили…». Интересно, был бы я настоящим, заросшим и пахучим бродягой, западло мне было бы её подобрать и съесть? Решил, что не западло…

Возвращаюсь обратно с безумного курьерства к Спортивной уже не так бодро и без молодецкого посвиста и, о чудо – хот-дог на месте и в том же виде! Ни фига себе, а ещё говорят, типа, кризис, голод и конец империи! Да «в поряде» всё!

Магия нацизма для глупых подростков

Концерты местных групп в Нижнем – это порой что-то за гранью здравого смысла… Хотя, наверное, на заре, так сказать, «становления советской рок-музыки» в каждом расчудесном городе, даже в столичном, всё происходило именно так наивно и чересчур.

Вспоминаю пёструю солянку в ДК им. Якова Свердлова или в «Яшке», как тогда небрежно бросали. Во время выступления одной мрачно-занудной «коллекти́вины» на сцену влетел абсолютно левый истеричный танцор, самозабвенно выделывающий экспрессивные «па», да ещё с голым торсом. И вот, вокалист с понтами, как минимум, гениального эпилептика Иена Кёртиса из «Джой Дивижн», демонстративно-непонимающе пожимает плечами, дескать, что это? Мы тут «психоде́лим», священнодействуем, а он какой-то пошлый цирк устраивает. После десятиминутного «взаимного шаманства» танцор-параноик пожимает равнодушную лапку вокалиста, всё неистовство закончено…

А в зале в позе «зиг хайль» застыл мальчик, решивший, что это фашистская музыка, и он единственный оценил послание со сцены и со сладким трепетом чувствует восторженные и испуганные взгляды на себе. И от этого собственная

миссия завораживает его самого до душевной дрожи! Вот этот миг, где он, мальчик – острие накала, вызова! Вот оно, понимание: нацизм это – ух…

Стоит он так минуть пять-шесть, потом выходит из зала. А что, собственно, ещё может быть дальше, он всё и всем уже показал, всё самое важное на концерте случилось, и все эти ничтожные это видели…

Возможно ли петь в микрофон в басовом барабане?

И как же не сказать ничего об этом трагикомичном персонаже, «без которого нижегородский рок не был бы таким ярким и заметным»?

Дуня… Володька Мигутин, похожий на Карлсона-переростка, с вечными жидкими кудряшками, самопальными кособокими наколками, типа «Kiss», на руках, с ускользающим вороватым взглядом и со «святою к музыке любовью».

Он водил дружбу со всей рванью в городе – конченные пьянчуги, ворьё, бичи всех сортов, все знали Вована и с удовольствием подносили спасительный стаканчик в тягостные мгновенья бодуна. Вы спросите, за что? А за то, что Дуня был Артист! Он довольно неплохо имитировал голоса всевозможных певцов и актёров, имел приличный вокал и скорёхонько мог подобрать на гитаре любой мотивчик для благодарной братвы.

И всё было бы хорошо, если бы наш Вова не имел неприятной склонности «к тяге» всего, что плохо лежит, в том числе и у своих. За что он часто был справедливо «биваем» и даже получил однажды законного «ножа в ливер».

Как он попал в кастовую рокерскую тусовку – остается только гадать. Впрочем, он как-то самозабвенно трудился

на «благородном осветительском поприще» в театре, и, возможно, «артистические» связи привели заблудшую душу к Великому, да и Прекрасному. Тем более что он был когда-то (в олимпийские восьмидесятые) одним из самых известных фарцовщиков по винилу. И мифические доходы его были тогда таковы, что, развратно ленясь пройти долгую Свердловку (а теперь уж Покровку – наш горделивый Нижегородский Арбат) пешком, он, по-барски куражась, ловил «мотор» и через три минуты эдаким «гоголем» подлетал к разинувшей рты «куче».

Сам я его первый раз увидел воочию в свите Серёги Ретивина из одиозной и весьма эффектной группы «Предпоследнее искушение».

Кстати, благодаря бескорыстной его, Серёги, помощи, у меня и появились более или менее сносные демки для завлечения «высокомерных» музыкантов в мой будущий «прославленный коллектив».

Про свиту это я вполне серьёзно, потому что «Искушение» – всегда были и есть самая настоящая секта со своим Святым (Сам Ретивин) и Пророком (Саныч – маленький, по-хорошему, да и по нехорошему совершенно ё…нутый, но очень талантливый придворный поэт группы) и преданными адептами. Я бы сравнил сию коммуну с отношениями шизофренического трудоголика Фрэнка Заппы и его «полупослушными» виртуозами. Здесь тоже всё было именно так – беззаветная самовлюблённость в «своё гениальное» не от

мира сего лидера, порой монаршая грубость к подданным, ропот недовольной челяди, но всегда, в конце концов, смирение, ибо «батюшка он, что ж – посердится, да потом и приласкает».

Так вот, Дуня выполнял исключительно функцию придворного шута. Он кое-где пел вторым голосом на записях, кстати, недурно, и пара его кривоватых гитарных пассажей была «запечатлена» вначале на демках, а потом переписана самим Серёгой в виду «полиритмичной и нестабильной» манеры игры Вована. Вовка страшно гордился хотя бы таким микроучастием в делах «Искушения», ибо считал коллектив завершённым воплощением идей арт- и психоделик-рока.

На одном из «искушенских» выступлений, сопровождаемых всегда шизо-извращенческим костюмированным шоу, должен был состояться долгожданный дебют Дуни, как полноправного бэк-вокалиста. И вот, все на сцене, время шоу пошло! Но, о, ужас – бедный Вован только на сцене выясняет, что микрофона для него не запланировано. Это было ещё страшнее, чем провал! Но упрямый Дуня жаждал сцены, она манила его, а он был верным «рабом подмосток».

Потоптавшись минуты три на месте, он начал «исследовать пространство» в поисках озвучки. Тоскливо побродив туда и сюда, он попытался петь в один микрофон с Серёгой, но ретивинский рост был сопоставим с ростом Петра 1-го, а сам же Вовка был чуть не вдвое скромнее его по высоте.

Зрелище несчастного Дуни, тянущегося изо всех сил

ввысь к вожделенному громкоговорителю долговязого вокалиста до сих пор театрально стоит трагикомической картинкой у меня перед глазами. Создавалось полное и крайне волнительное ощущение того, что он жаждет взлететь на небеса, туда, где счастье.

Но не так-то легко было сломать нашего замечательного Вовку, вечная и великая тяга к Прекрасному придала сил уже было сдавшемуся дебютанту в «бэк-вокалёры». Отчаянно осмотревшись в самый последний и решительный раз окрест себя, гениальная идея озарила изощрённый Дунин мозг – микрофон в бочке барабана!!! А теперь живенько представляем себе «футуристическую» картинку – кругленький Вовка медленно нагибается и почти засовывает свою чудо-голову в басовый барабан, пытаясь исполнять свои нетленные вторые партии в искомый барабанный микрофон!

Вот это был незабываемый «ковёрный» номер, и никакая великая цирковая клоунская реприза не даст столько искренней радости и веселья всем нам – грубым средневековым зрителям! Вовка, дружище, я аплодирую тебе каждый раз!

Платон и гномы

Снова «курьерствую»… Как же мне это всё надоело! Если б не бодрящие воображения детали, дичайшие случаи, забавные места и, конечно же, умопомрачительные люди, я давно бы тихо сошел с ума.

Опять долго еду, куда-то далеко, в никуда, и вот оно, желанное «Никуда»: на одной из скучных станций техобслуживания, завлекая изгибами придуманного эротоманом-художником тела, стоит картонная полуголая девка для привлечения клиентов.

С облегчением отдаю на бесполезной, как почти везде, охране два душевых шланга для некоего Платона, и одуревшие от безделья охранники тут же начинают дружно хохотать. Видимо, это не первая для них выходка миляги Платона, большого придумщика по части комфорта.

Потом они моментально расхватывают у меня из рук по одному шланги, «гарантийки», чеки, даже потрёпанный пакет, и рассредоточиваются по комнате мгновенно, как шайка шаловливых гномов из сказки. А охранники, надо заметить, все, как на подбор, маленькие, одинаковые, кругленькие и бойкие.

Я замираю в растерянности на предмет, с кого же получить законные бабки, и как, если «что-то пошло не так», это всё разрозненное богатство заполучить обратно.

Как всегда и бывает, маленькая проблемка чудесным образом решается сама собой. Один из гномов-стражников суёт мне в нос замусоленные сотни, а другой же охраняющий тролль вкусно пахнущую колбасой бумажку с печатью. И теперь уж эти крошки-охранники осели в моей безразмерной памяти навсегда (и в вашей, уж извините, тоже).

История о Спасении и Божьей Милости

Дело это было в родной пахучей общажке авиационного завода, куда пристроил нас, двух великовозрастных, но абсолютно беспомощных обормотов мой «начальственный» папка.

Обормоты – это, разумеется, мы: Руська и я. На том прославленном заводе мой, не менее прославленный отец ходил, что называется, «в больших авторитетах», а посему нас, совсем не «оборонщиков», не выселяли с милицией, собачками и позором.

Итак, общага, утро… Лежу и нежусь в холостяцкой кроватке, а утро солнечное такое, милое, и на работку не нужно, «похмелю́шка» отнюдь не суровая, ну так, знаете, потряхивает, но «лайтово» и в рабочем порядке… В общем, если и бывает тот самый сладкий Рай на Земле, он таки и настал…

Ба-бац! Дверь распахивается, грозя сорваться с петель, и ласковое солнце закрывает огромная тревожная фигура охранника. Звучит глас, подобный тому, коим падших ангелов ниспровергают с Небес: «Здание заминировано, всем немедленно выйти, брать только самое необходимое!».

Так вот, что чувствовали Адам и Ева, когда их с набитыми яблоками ртами выпихнули из тёплого Рая! Судорож-

но вскакиваем, начинаем хватать какие-то нелепые пожитки, а под руку попадается, ну, как нарочно, всё настолько уж «нужное» – пена для бритья, сковородка, пачка печенья… Панические взгляды мечутся от стены к стене, что же брать в первую очередь?!! Что же спасет домовитого Робинзона Крузо с верным Пятницей на Необитаемом Острове с названием «Москва»?

Остатки на столе на утро после попойки напоминали кровавую мессу… Так, лучше здесь ничего не искать и вообще на это «благолепие» даже не смотреть…

Ага, в «компе» все драгоценные «кубейсовские» проекты, стало быть, компьютер берём – хоть единственная здравая мысль осенила наши запуганные мозги! На дворе лютый зной, но для чего-то судорожно хватаются зимние куртки и здоровенные боты.

Наконец, вполне естественный страх заставляет нас выскочить галопом из помещения, осквернённого стереотипно бородатыми террористами. Движемся чрезвычайно скоро и гуськом вниз по лестнице с остальными «осиротевшими». Я прижимаю к груди, как родимое дитя, огромный пакетище с «фирмóй» – всё, что накоплено непосильным трудом из непотопляемой классики, так сказать, рока на «сидишках». За согнутыми спонтанной поклажей спинами кургузо болтаются и бодро раздают товарищеские пинки подружки-гитары.

Племенными иноходцами залетаем в соседний двор, уф-

ф-ф, ну всё, здесь не заденет вражья бомба. Рассаживаемся, словно только заехавшие бесхозные таджики по нагретым лавочкам и начинаем горевать…

Положение, надо вам доложить, из затейливых. То, что массово драпанули вовремя и не похоронены бездарно под многотонными советскими плитами – это, безусловно, пишем в активе. Самая дорогая вещица – наш кормилец ноутбук на руках, это, без всякого сомнения, «большая творческая удача».

А жить-то где будем, православные? Дензнаков как-то не наблюдалось в нашем, зачем-то спасённом, кстати, дырявом кошеле. Истеричных поклонниц, страстно жаждущих приютить в своих комфортабельных квартирах, желательно в центре, тоже. Вобрав садовые головы в понурые плечи, всем дружным кишлаком напряжённо ждём взрыва…

Взрыв тут же оглушительно шарашит у меня в мозгу – я идиотически забыл свои многотомные записные книжки с текстами, набросками, записями и прочей «нетленкой», что ваял несколько безумных лет. Дикая мысль быстренько-быстренько забежать в родную комнатку и скорёхонько так воротится назад с драгоценными тетрадками в лапках, отметается от того, что… Ссыкотно, вот от чего!

Господа курильщики, отсыпьте пеплу на голову, да чего уж, вываляюсь весь…

Как нарочно, из соседнего окна завлекательно веет свежей варёной картошечкой, да ещё «вкусно так», словно мон-

стрику «человечинкой» из известного мультика Миядзаки… Удивительное дело, но именно этот банальный факт, это простое подтверждение существования Великой и Прекрасной Жизни, помимо всех твоих мифических регалий и заслуг, заставляет по-другому посмотреть на разноцветный мир вокруг, и на нас самих, бездомных дурачков на этом Замечательном Свете.

Вот уже и улыбки засияли на небритых с утра мордах, и, смотри-ка ты, положительные нейроны закрутились в отключенных прежде мозгах. Не-не-не, выход-то точно какой-то есть, спасение будет скорым, когда ж это мы «алкоголики» зазря пропадали!

И спасение без промедления приходит! Появляется вездесущий охранник и тоном площадного библейского глашатая изрекает: «Короче так, тут МЧС приезжала, коробку на предмет взрывчатки, товой, исследовали. В общем… Нет там её… Кто-то «дивидишник» купил, а коробку возле лифта оставил, сука! Так что отбой, «ребят»! Ложная, бл…ть, тревога!».

Не смогу передать тут всё вселенское количество тёплого забористого мата, который воспоследовал за вестью об обретённом вновь Доме. Ну не могу же я отдать страниц тридцать только на эти лингвистические эксперименты простонародного выражения предельно сильных эмоций.

Народ шумно повалил назад, к чудесно восставшему из руин драгоценному общежитию, поминутно грозясь удавить

паскуду-киномана…

А если уж совсем без стёба, то для меня на полнейшем серьёзе это история о Спасении и Божьей Милости!

Универ и вся эта дикая херня, что с нами происходила

За каким-то лешим я закончил Нижегородский Госунивер имени Лобачевского. Откроюсь только тебе, дорогой мой читатель, что «лентя и́ще» я первостатейный, и к учению любого сорта имею такое природное отвращение, что и умом-то объять сложно сей дикий факт – школу закончил я на «отлично».

Думаю так, первые три класса на меня жёстко наседали заботливые предки, и я позорно становился изгоем-отличником. Ну а дальше, хоть я и беспечно забил на всю эту учёбу, да ещё с таким серьёзным прибором, но очарованные мною-паинькой учителя ставили мне дармовые «пятёрки» автоматически, за старые, так сказать, заслуги, да положительную, ангельскую мордашку.

Поступать я вовсе никуда не собирался, о чём и отважно поведал моему, ничего не подозревающему батяньке. А он, к «нашему вящему» удивлению, не особо и сетовал: «Ну что ж, устрою тебя на родной «авиационный», отслужишь армию…».

Жутковато, правда? Но он-то ведь сам стойко промаршировал подобный железно мужской путь и ничего странного не усмотрел в моем пофигистском выборе.

Мой замечательный, любимый папка, бывший чкаловский хулиган (есть такой крохотный суровый городок Чкаловск), уличный боец, но человек, безусловно, способностей выдающихся. Выйти из такой цепкой среды и встать в руководстве мощнейшего оборонного завода – это, доложу я вам, совсем неслабо. Одни из его верных друганов детства давно уже в могиле, другие по различным тюрьмам, а третьи вовсе банально спились, вот как-то так всё могло быть, приблизительно…

И вот именно посему-поэтому, я и благодарен бесконечно моим любимым папочке и мамочке как раз за то, что меня, никчемного и нелепого человека насильно заставили поступить на скучнейший, но спасительный «экономфак».

Невероятная и неумолимая цепочка событий судьбы потянулась туда, где я и должен был в итоге оказаться. В «рокенроле», одним словом.

Песенки «нетривиального содержания» я, в общем-то, ваял всегда, ещё со школы, но как-то раз в припадке отвращения к «детскому периоду» своего, с позволения сказать, творчества, я уничтожил почти всё, что накарябано было на плохом английском и примерно таком же незатейливом русском. Сейчас я, признаться, очень жалею об этом «немного неумном» поступке – были там и некие мелодии и какие-то словечки, что очень даже ничего себе… Ну да шабаш с причитаниями, может, и вспомню «сии жемчуга» или раскопаю что-то в бесконечных закромах набросков и заметок!

Песенки мои «удалые» менялись, взрослели, пока наконец-то совершенно неожиданно не полыхнули они, будто «ослепительная вспышка Сверхновой» настоящей «рокенрольной» свободой, безрассудной смелостью очкарика и кричащей душой наизнанку, что так легко трогает «любых, да разных» людей за живое.

Но если бы не заботливый родительский пинок в сторону «распрестижного» образования, где был бы сейчас я? Где были бы все, неприкаянные мы? Видимо, в каком-то гипотетическом, нереализованном подпространстве на задворках бесконечности Вселенной…

Но вернемся к Универу. Во всё время студенчества я всегда чувствовал, что кто-то заботливо охраняет меня и стерёжет, чтобы я не «вылетел пробочкой» (кстати, совершенно справедливо) из института, и не исполнил почётную, понимаешь, обязанность службы «в Рядах».

Я почти ничего не учил, сладко спал на лекциях, ну или лениво трепался с такими же обормотами-однокашниками, бухал прямо с утра, озабоченно уезжая якобы на лекции. Бедные мои родители и покойная бабушка, они и капли правды не знают о своём сыне и внуке – надежде и гордости советской семьи.

Я и поступил-то, сдав все эти чёртовы экзамены на «отлично», сам не понимаю как, серьёзно, братцы! Мне издевательски попадались лишь только коварные билеты, которых я не знал вовсе. До предела напрягал я изворотливость ума,

и лишь по какой-то едва различимой логике устрашающих формул я смутно догадывался, о чём нужно лопотать внимательному профессору с седой благородной бородкой. Меня похлопывали по плечу, называя «орлом», прочили большую и «сурьёзную» будущность. Я вихрем летел домой, переполненный счастьем, и елико радовал моих тревожно поджидающих предков.

Но сам-то я прекрасно знал, что там, наверху, снова выдали мне беспроцентный пока что кредит для чего-то, что сотворю я потом, когда появятся заветные извилины в пустом мозгу и дрожащая душа начнет хоть что чувствовать, в том числе и чужую боль.

Со знанием дела и вдумчиво выпивали мы с моим тогдашним корешем Максом Лоскутовым. Душевно квасили у него на квартире прямо с девяти утра, как настоящие алко-романтики. «Пшеничная водовка», «рассейские» солёные огурчики и вкуснейшие бутеры с докторской колбасой – тот самый идеальный завтрак студента.

Иногда предпринимались даже отчаянные вылазки на практические занятия, систематический до цинизма пропуск которых мог наверняка закончиться кирзовыми сапогами.

Помню, как один раз отсидеться с пьяными рожами на последних партах удалось не всем – бедный Макс был вызван к доске для решения одной весьма непростой задачки из «вышки», сиречь, высшей математики. Аудитория в пред-

вкушении феерического шоу затаила дыхание…

Старенькая, но шустрая преподавательница, периодически принюхиваясь, в недоумении вопрошала: «Откуда это пахнет спиртом? Странно… До того, как вы вышли, запаха не было…». Сие так и осталось для неё научной загадкой и математическим парадоксом! Да разве в светлую голову её могла прийти страшная догадка – студент-первокурсник заявился на практическое занятие по высшей математике в священную аудиторию пьяный в салат. Я в полупохмельном ужасе ждал драматической развязки, но Макс, перестав дышать совершенно минут на пятнадцать (думаю это был новый беспрецедентный мировой рекорд), от безумного страха одолел-таки задачку, чем и покорил всех капризных барышень курса…

Как-то раз крайне лихой старший брательник Макса, Костик завалился к нему в гости во время плановой лекции по экономике. Был он в изрядно поддатой компании таких же, как и он, будущих бравых офицеров. Курсанты, хоть и переодетые в штатское, остаются курсантами всегда и везде, при любой, пусть и такой новой для них ситуации. Они шумно стояли в открытых дверях аудитории и отчаянно и зазывно махали Максу руками, мол, «давай, выходи уже, у нас тут весело». Он готов был провалиться в Ад, лишь бы только прекратилась эта позорящая его пытка.

Препод давно уже заметил всё это босяцкое шапито, и терпение его улетучивалось с каждой мучительной секундой.

Хвалёная выдержка будущего офицерства была тоже на исходе, и курсант Константин предпринял последний и решительный шаг к вызволению брата из чертогов науки и просвещения – он прошептал дико громко и отчётливо на всю притихшую аудиторию (пардоньте): «Скажи, что ты поссать пошёл!». Особенно им акцентировался лингвистический упор на «типично московский прононс» – «па-ссать!», что, пожалуй, было несколько грубовато для этой тонкой ситуации.

Бедный Макс совершенно справедливо посчитал, что лучше уж несанкционированно свалить с увлекательной лекции, навлечь лютый гнев и неожиданные санкции преподсостава, но только увести за собой разгулявшуюся шайку вожака-Константина. «Интимная» ситуация была спасена и никто не потерял «благородства лица»!

Перескажу теперь, быть может и не к месту, одну, на этот раз не мою фривольную байку студенческих времён…

На параллельном курсе у нас учился очень приятный и обаятельный чувак Дюша Сапрыкин, уже к великой печали, ныне покойный. Такого преданного «аквариумиста» я больше не встречал. Он не пропускал ни одного нижегородского выступления сиятельного БГ и его многочисленной банды, а Дюшина коллекция «Аквариума» включала тотально ВСЁ их наследие. Даже любая пьяно спетая Гребнем на замызганной квартире версия бережно хранилась среди сотен дюшиных кассет и дисков этого весьма плодовитого на «бутлеги» коллектива.

И вот однажды Дюша трогательно поведал мне трагикомическую историю, не имеющую, надо сказать, никаких музыкальных корней.

Как-то раз он страшно поссорился со своей очередной девушкой. Собственно, это было скорее даже горькое расставание, и причём в самом своём начальном, гнетущем варианте, словом, свежая рана… Понурый и согнутый безысходной ситуацией, он брёл к остановке троллейбуса, сел почему-то совершенно не в тот, что до дому, и поехал в отчаяньи, так, куда-нибудь, куда кривая вывезет, ну или, как характерно подвывая, спивал его любимец: «Главное прочь, а там всё равно-о-о!».

На одной из чужих, недружелюбных остановок подсел к нему странный дядечка за сорок и затеял разговор. Спросил участливо, что, мол, такой убитый и потерянный молодой человек делает в полночном транспорте.

Понятно, что в такие совсем уж тягостные моменты, мы готовы рассказать любому незнакомцу всю витиеватую историю своей «неповторимой трагедии». И, разумеется, Дюша тоже не смог устоять искушению вылить всё своё наболевшее первому попавшемуся ночному попутчику. Оказалось, что и дядечка со своею женой расстался совсем недавно, и «кровавая рана» в его душе также свежа, и в груди «так и жжёт, так и жжёт».

Слово за слово, и вкрадчивый дядёк приглашает нашего убитого печалью Дюшу в гости, посидеть-погоревать, как

двум мужикам, оставленным коварными гарпиями, выпить по традиционной «банке» и поплакаться всласть. А почему и нет? Дом-то оказался совсем рядом, а в нём имелись правильные жидкости, подобающие случаю. Пройдя мрак прихожей, они оказались в полутёмной комнатке с круглым столом посередине. Разлились рюмочки, горячительное растеклось по измученному телу и уставшей от тяжких дум Дюшиной голове. Потёк и успокаивающий душу разговор ни о чём, и…

Холод пронзил грудь его – в тусклом свете пыльной люстры было видно, что волосы сердечного дядечки имеют сиреневый оттенок! Ошарашенный Дюшин взгляд был перехвачен хлебосольным хозяином, он грациозно провёл себя пятернёй по волосам, и последовало страшное: «Да-а! А знаешь почему? Потому что я – голубой!».

Моментально объяснилось всё нарастающим потоком горного снежного обвала – и мягкое участие, и крохотная холостяцкая квартирка, и подозрительная заброшенность обстановки, не знавшей никогда заботливой женской руки.

Несчастный Дюша вскочил, но вспомнив, что в тёмной зловещей прихожей непонятно где скинул плащ и ботинки, бессильно опустился на сиротский деревянный стульчик. На дворе была глубокая осень, куда уж тут босиком!

А дядечка засуетился и, потирая нежные ручки, захлопотал насчёт наполнения бокалов и смен закусок. Он лопотал явно в не первый раз произнесённые сентенции, вроде: «Мо-

лодой вы мой человек… Это только вначале кажется, что это всё ужасно, но не так это, не так, уверяю, всё не так-то просто… Двое мужчин как раз всегда и найдут общий язык, и пожалеть друг друга смогут гораздо лучше, хороший вы мой… Вы пейте-пейте, не смущайтесь, юноша…». Юноша не то чтобы смущался, он просто готов был сигануть с балкона, а что, кстати, этаж-то всего-то навсего второй!

Далее проворная рука сиреневолосого соблазнителя незаметно легла на Дюшино плечо, и этого «дружеского мужского жеста» он уже стерпеть не смог. Он снова вскочил и, запинаясь и заговариваясь, начал объяснять, что, дескать, «дело это» для него новое, так вот сразу с кондачка он это решить не сможет. Одним словом, мол, «нужно время, вы ж понимаете…», и «вы телефончик вот мой запишите, я ж в любой момент…». Половина телефона была выдана, «по чесноку» своя, а вот вторая, от греха, из номера жестокосердной «бывшей».

Казалось, что бдительность напористого «содомита» была усыплена, хватка ослабла, и настал спасительный момент, когда пора заговорить о полюбовной выдачи обуви и верхней одежды…

Но тут внезапно раздался бешеный стук в хлипкую дверь и полоумный крик: «Колька, открывай!». Дюша обомлел от ужаса и подумал: «Вот и всё! Сейчас они меня на пару и разложат…».

А надо заметить, что дядёк-растлитель был, конечно, не

культурист, но весьма жилистый субъект. Шансы в борьбе и так были невелики, а если теперь уже, когда этих озверевших от нежной страсти извращенцев стало двое, то всё, как говорится, «сливай масло»…

«Сиреневый» дядёчек, заговорщически приложив палец к трепетным губам, прошептал: «Тихо! Это мой брат! Он подумает, что дома никого и… Уйдёт…». Но стук повторился, явно усилившись: «Колька, открывай! Открывай, я знаю, что ты здесь!». Белый, как луна за окном, Дюша в жесточайшем ступоре уже просто ждал конца… «Колька, открывай, говорю! У тебя там баба что ли?!». «Знал бы ты, какая тут у него баба» – пронеслось в ещё не теряющем, как ни странно, чувства юмора угасающем сознании Дюши. Однако опасный дядька оказался прозорлив, и его дикий братишка, зверски пнув ещё пару раз «многострадалицу-дверь» и бубня проклятия, удалился в ночь.

Тут уж Дюша не стал медлить, выбежал в пугающую прихожую и под руководством получившего фальшивую надежду горе-мужеложца отыскал свои вещички. Наскоро раскланявшись на предмет «рад-рад, сердечно раз знакомству, тоже надеюсь на продолжение, да что вы, какая там неудобная ситуация, дела житейские, да «на созвоне», да «сходим куда-нибудь, жду ответного визита…», он выпрыгнул в осенний тёмный морозец и возблагодарил судьбу за избавление от мук физических и моральных.

Святые стены Университета, Альма Матер, студенческое

братство… И вся эта дикая херня, что с нами происходила.

Кое-что о съёмных квартирах

Вы спросите, а чего же это вы, ребятушки, так стоически переживаете ваши некартинные общажные тяготы, выставляя напоказ язвы свои и рубища, словом, что же это за мазохизм-то такой показной, ну, в самом деле? Ну что же, вопрос резонный, и я отвечу вам, дорогие мои, более чем квалифицированно.

Дело в том, что мне очень нравится жить в обыкновенной квартире с тёплой ванной, персональным сортиром и уютной кухней, где так призывно шкворчит ароматная яичница по утрам. Где можно расставить по полочкам многомиллионную мою армию книг, «сидишек», «винилок», всех этих моих «маленьких друзей». Среди них есть такие редкости, что не всякому сотоварищу-меломану и книгочею я расскажу об этом тайном своём обладании, ибо страшная зависть, словно цунами, сотрёт половину бренного мира. О, как бы я хотел нежно провести по рядам моих сокровищ рукой томным вечером, предавшись восхитительному и горячо любимому мной безделью.

Но! Я ведь уже снимал несколько раз квартирки, ага! О кое-каких экспериментах по съёму московской нестабильной жилплощади я уж поведал чуть раньше. О некоторых других заездах в личные хоромы рассказывать подробно не стану, истории довольно противные.

Не сильно вдаваясь в паскудные детали, скажу только, что однажды в день рождения брата Руська я спешил с работы, чтобы порадовать верного корефана и соратника по борьбе душевными поздравлениями и нехитрыми подарками. Легко выпорхнув из душного метро, и предвкушая хорошую качественную попоечку, я обнаружил «юбиляра» сиротливо сидящим на бетонном бортике спуска в метро Сходненская. Лицо его было, мягко говоря, невесело.

Оказалось, что после пары недель беспокойного проживания нас просто выжили из этой дурной хаты. С самого первого дня заселения уроды-хозяева таскались к нам каждый Божий день, оттаскивая какую-то утварь. Приковыляла както даже их чокнутая бабуля, разыскивая «свою мерзкую потаскуху-внученьку».

Ну и, в конце концов, они совершили «страшное» – преспокойно выволокли законно положенный нам телевизор. Осознав, что никакой обещанной замены волшебного ящика не будет, мы как осиротевшие Бивиз и Баттхед, глупо припёрлись в пошлейший «Ашан» и на последние гроши приобрели там смешной такой «телек», который так по сей день и таскаем за собой, как неприподъёмный сундук Флинта.

Ну а теперь, в аккурат в Руськовский несчастливый «ДэРэ», эта бл…дская «хозяюшка» решила слегка отдохнуть от постылого муженька в компании одного «обаяшки» – малолетнего таджика-наркомана, и непременно на нашей законной съёмной площади. «Имениннику», для спра-

вочки, было с ходу было предложено «идти нахер» в связи с изменившимися душевными волнениями. Апартаменты были стремительно оккупированы, а несчастный Руська в день своего рождения, словно выброшенный пёс, грустно отправился встречать меня возле метро. Я думаю, он навеки запомнил эту «необыкновенную Днюшку»…

Конечно же, я пытался, как мог улаживать мерзкую ситуацию и по-плохому и даже по-хорошему… Но что же я мог, когда эта «накипь человеческая» находится в своей настолько родной среде – хамство, подлость, тупость, беспардонность и агрессия… Всё что у меня получилось – это вытребовать совместное (с ежеминутным содроганием от отвращения) проживание с этими животными.

Ну как? Кто-то ещё хочет снимать квартирки в Москве? Если возникли мысли, я поделюсь горьким опытом выживания в ситуациях, когда выжить нельзя.

Этих двоих насекомых удалось выкурить только с помощью испуганного (хоть и бывавшего в переделках, но видно, калибром попроще) пухленького риелтора, да Лёшки Алексеенкова – нашего безумного московского друга.

Он трудился в благородной должности охранника одиозного магазина «Репаблика», и мы почему-то настолько душевнейше скорешились, хоть и были люди-граждане до парадокса непохожие.

Брат Лёха – бесстрашный, опытный боец за непростую Девочку-Жизнь. А посему он быстренько поменял наши

замки, отметив, правда (запомните сей маленький факт!), что замочки-то менялись не раз и не впервой они же свирепо выламывались.

Следующим же, казалось бы, спокойным наконец-то вечерком, я принял звонок от рогоносца-мужа, цитировать содержание которого дословно весьма и весьма неприятно. Ну, в общих словах, мне сообщалось, что, несмотря на недвусмысленную выходку его чудовищной пассии, за изгнание бл…дищи-жены, а также за самовольную смену замков мы ответим особо, а пока что просто-таки необходимо «забить стрелку».

Граждане, дорогие, я и «стрелка»! Ну, куда уж дальше-то! Всё, расшатанные нервы мои сдали, и я объявил, что продолжать съём этой «блатхаты» я больше не желаю и прощаю «безумные» деньги за две недели «недожитого» тревожного месяца. Но бабки за следующие два месяца, что мы опрометчиво заплатили, им «типа, нужно будет вернуть».

Плохо наигранная твёрдость моего голоса улетучилась совсем, когда я услышал, что, ежели мы перестанем «проживать» и дальше в этом райском местечке, а главное, исправно «башлять ловэ», то сейчас нас приедут резать. Я страшно устал от многодневного «быдло-давления», а посему ответил просто, мол, приезжайте – режьте.

Скоренько посоветовавшись с тем ещё воином Русланом, мы порешили единогласно, что священный бой мы всё же принимать не станем, ибо быть порезанными этой нечистью

было бы совсем уж непереносимо обидно…

Неприлично быстренько, словно семья еврейских эмигрантов, мы перетаскали музыкантские наши пожитки с Лёшке Котречко и Саньке Базанову, нашим давним дружкам и коллегам по непростому цеху, которые к превеликому счастью жили через дом, и потом немедленно и в срочном порядке напросились переночевать к великодушному Лёшке Алексеенкову.

Меня ещё долго потом изводили звонки с дьявольскими угрозами расправы и прижизненного расчленения, но разыскать нас теперь было невозможно. Для этого гадского семейства подонков мы потерялись в огромной девчонке-Москве…

И потеряли все деньги, что отдали за три месяца приятного и познавательного во всех отношениях легального времяпрепровождения в Столице.

И только чуть успокоившись, до меня припоздало доехало, что неоднократно вставленные и выломанные замки – это зарубки, оставшиеся от таких же несчастных, кого «квалифицированно киданули» это бессовестные и мерзкие скоты.

А вот интересно, всё же, пухлый риелтор был с ними в мерзкой шайке или нет? Если да, то великий актёр отнюдь не пропал на столичных криминальных подмостках… Так сказать, герцог, б… ять, съёмных квартир, закулисный, сука, кардинал чёрного московского «риелторства».

Совершенно зауряднейший Московский Новый год

Наш спаситель Лёшка Алексеенков жил в далёком Перово в однокомнатной небольшой квартирке на верхнем, прожаренном солнцем этаже. Проживали они втроём – сам Лёха, глупый попугай и запуганный кот Тихон. Запуган он был экстремальной физиотерапией, которую регулярно производил Лёшка, считая, что это чрезвычайно полезно для драгоценного «котейского» здоровья. А состояла она, дикая физиотерапия в раундах вольной борьбы с ним, безвольным пушистым Тихоном, с заламыванием мохнатых лапок и завязыванием в узел упитанного тельца котейки.

Жизнь Лёха вел шальную. Череда разудалых попоек и случайных девиц сменялась многочасовыми сеансами игрищ в самые злющие «стреляли́ки». До того как перейти на относительно спокойную «охранную» стезю, он имел множество других специальностей несколько другого, весьма опасного свойства, о которых, понятное дело, я деликатно промолчу.

Бывший прилежный спортсмен, заслуженный борец-разрядник, он, однажды удало демонстрируя залихватский боевой приём, чуть не сломал мне руку, искренне не понимая, чего это я так жалобно вою и извиваюсь в его лихом заломе. С той суровой поры я стал намного лучше понимать его за-

шуганного Тихона.

И вот, грозный наш Лёха Алексеенков, имевший в друганах почти одних только уголовников, видя нашу «стеснённую» ситуацию, легко молвил: «Ну чего с вами, артистами делать, живите… Но учтите! До тех пор пока постоянная тёлка не заведется!». Постоянная тёлка не заводилась где-то год, и мы двенадцать безумных месяцев методично и с изумлением наблюдали всех его, так сказать, тёток непостоянных.

Пили мы практически каждый день и довольно жёстко… И как мы только не сдохли в этот наш сугубо «творческий» участок жизни и судьбы?

Ночами, когда по обыкновению не весьма крепко держащий стакан Русёк вырубался чуть ранее (поглощение алкоголя в промышленных масштабах не совсем его стезя), мы с романтиком Лёхой вели «научные» беседы об НЛО, полтергейстах, «Розе Мира» Андреева и прочей эзотерической дребедени, детская склонность к которой нас особенно объединила…

Мы душевно «киряли» дальше, и неутомимый Лёха проводил со мной сеансы одновременной игры в «краплёные картишки», на раз обыгрывая в любом жанре, сколько угодно конов подряд и с любым, предложенным мною же, счёте. Комментировать из деликатности я снова ничего не буду, вы не против?

Несколько слов о его знаменитом сортире… «Святые стены» его каллиграфическим, идеальным почерком были ис-

пещрены сложнейшими формулами и выкладками из теории относительности, и это было, доложу я вам, что-то и с чем то!

Как мы не перегрызли там друг друга, три упрямых мужика за долгий год в одной-то маленькой комнатухе, неизвестно, но серьёзно мы практически не бодались.

В гости в наш вертеп залетала порой только Ражева, и один её новогодний заплыв я попробую живописать.

Праздновали разномастной компашкой – естественно, хозяин Лёха, Иришка, Русёк, я и давние Лёшкины друзья, семейная пара: добродушный здоровяк с детским лицом Серёга и Ольга, худенькая девушка с чёрным поясом по каратэ. Выпито было немало. Так пишут обычно, чтобы обозначить силу праздничного смещения сознания, но что эта фраза скажет про нас, кто всосал в себя половину винных запасов славного района Перово и его не слишком дивных окрестностей.

Падал тихий снежок, народ периодически тоже осыпался на пол, и под утро принято было решение мягко отойти ко сну. Размещение пар на ночлег показалось мне чем-то ужасно несправедливым (какой же пьяный маразм!) и я неторопливо собрался… и ушёл, тая обиду в ранимом сердце, правда, уже напрочь не помня, какую именно.

Никто, собственно, и не заметил моего трагического побега.

Хватились меня через час, когда я в пьяном «коматозе» катался оставленным пакетом в метро или топтался по «при-

ятному» снежку в сказочных перовских задворках.

Бедная Ражева с трудом, но, всё же осознав, что её идиот пропал, безумно испугалась и плача стала то просить, то требовать разыскать меня и «возвернуть» на базу. Сопровождали «Ирусеньку» в поисках «меня» попеременно покорный Серёга и не на шутку злой на меня предводитель гулянки Лёха.

Сердитый Лёха беспрестанно матерился и периодически позванивал каким-то своим дружкам-уголовничкам, описывая мои «внешние признаки» и комментируя поимку примерно следующим: «Не-не, бить не надо, тока приведите!». Затем следовал экспрессивный поворот к ошалевшей от горя Ражевой, и изрекалось что-то вроде: «Твой муж – взрослый мужик, и если потеряется – хрен с ним!».

Производилась очередная смена «поисковой бригады», и вот теперь меланхоличный Серёга успокаивал всю уже в слезах Иришку: «Ну чего ты, не надо плакать, нагуляется, придёт, вот увидишь, он уже и идёт… Наверное…». И всё это «психологически-фрейдистское» действо, разумеется, сопровождалось методичным выпиванием коварной, но успокоительной перовской «медовухи», прямо посреди проезжей части и из горла́.

Ну а в финале, уже опекавшая Ражеву сердобольная Ольга, затащила её, бедолагу на знаменитые «булгаковские» Чистые Пруды покушать, «чем Бог послал», в местном «зазывистом» Макдаке. И ей там понравилось.

Дурь моя постепенно выветривалась, и так потянуло меня домой, в тепло, к друзьям, что почти спортивной трусцой дотрясся я до родимого подъезда и испросил прощения и прибежища.

Всеобщей радости не было предела, вновь полноводным потоком полилась «медовуха», и мы грамотно нарезались уже так «стильно», что худо стало всей честной компании, и измученный алкогольной интоксикацией народ весьма комично боролся за «места спасительного уединения».

И наконец, когда угомонились все, даже самые буйные и неутомимые, и сон завитал над утомлёнными головами, раздался запоздалый телефонный звонок главарю нашей банды Лёшке: «Ну чё, братан, нашли?». «Кого нашли?» – Лёха с угару и тотального недосыпа законно совершенно не «одуплял», о чём «правильно» ведёт речь местная братва. «Ну, мужика, что до утра не приходил!».

Общий хохот озарил комнату и весь без того Белый День, и все счастливо поняли, что, несмотря на всю дурищу, бессонную ночь, мы вспомним об этом когда-то с приятной тоской и щемящей ностальгией, как что-то объединившее очень странных и разных людей…

Пламенный визит в провинцию

Чтобы хоть как-то отплатить спасителю Лёхе добром «за предобрейшее» (а он решительно не брал с нас ни копеечки за весь год совместного шалмана), я решил организовать для него «увлекательный экскурсионный заезд» в мой родимый Нижний Новгород. Лёха, всегда находившийся на каком-то босяцком подрыве, моментально и без раздумий «согласился дорогой душой».

Мне это виделось чем-то возвышенно-интеллектуальным – размеренное посещение Художественного музея, неспешное дефиле по празднично-центральной улице города Покровке, лёгкий завтрак в мексиканском кафе, волнующие достопримечательности, галантное знакомство с родственниками…

Лёха исчез после четвертой рюмки.

Прямо со скорого поезда тихим вечерком в нашей комнатке мы чинно сидели под привычные напитки и закуски вначале по-мушкетёрски вчетвером. «Пылкому Д'артаньяну» же явно не хватало яркости «во впечатлениях». Он, по-видимому, быстро заскучал и решил продолжить вечер по привычной схеме – кабак, бильярд и тётки. Почему он никому не сказал не словечка, а просто утёк «порядочным англичанином» – объяснить внятно он и сам не может по сей день. Вероятнее всего, головокружительные флюиды незнакомого

города, осознание себя, как человека вне закона – всё это зарядило нашего Лёху такой степенью свободы, что он кинулся в ночную жизнь Нижнего, полную порока, опасностей и приключений в одиночку, короче, только Лёха и Город.

Наши наивные поиски отчаянного беглеца не увенчались успехом. Да и как это могло произойти, когда наш отважный «конкистадор» был уже в центре революционного Сормово, атакуя кошмарное ночное заведение «Золотая миля», полное совершенно законного тут бычья и томных девах, чьё душевное кредо было «всегда на халяву».

Бедняга заспанный Русёк был вызван обезумевшим нашим «завоевателем» мобильной связью, когда тот почувствовал, что насладился сладким одиночеством сполна. Теперь ему нужен был верный соратник в деле, которое герой Шукшина из гениальной «Калины красной» высокопарно окрестил, как «поселить в этом городе разврат». «Соратник по разврату» Руська, который из осторожности не всегда и за пивом-то выползал по вечерам, вынужден был стать гостеприимным до самых опасных его, гостеприимства, пределов.

И вот, среди ночи на горячих конях стремительно несётся он к заманившему Лёху шалману, дабы поддержать кореша в мнимых его удовольствиях. Вместе эти два клоуна ускоренно проматывают все свои мятые рубли-копеечки на парочку губастых «фиф», которые не дали бы им даже за банкет с чёрной контрабандной икрой и шампанским «Cristal».

Никакие уговоры относительно благоразумного ещё Руська закончить мероприятие не привели ни к чему – Лёха был в своей, чарующей душу, стихии. Плюнув с досады, как это делали наши дикие предки «до эпохи исторического материализма», вымотанный безумием Русь побрёл к дому один в четвёртом предутреннем часу чуток подремать.

Мы же с Ражевой безмятежно дрыхли, знать не зная о полночных злоключениях наших «супергероев», когда раздался бешеный перезвон во входную дверь.

Открыла любимая тёща, Галина Васильевна, заспанная и, понятное дело, злая, как полторы тысячи чертей. На пороге, слегка покачиваясь, стоял Лёха, пьяный в дупель, без куртки, без денег, и главное, без удовлетворения от блестящих побед, которых нынче не случилось. Он грязно ругался, как старый пират при делёжке, причём доставалось больше всего почему-то «подельнику» Руську, который и испортил, как выяснялось, такой «волшебный» вечер.

Мы с Ражевой практически в пикантном неглиже покорно внимали энергической речи гастролёра-неудачника. Мудрая же Галина Васильевна сдержала поток забористых междометий, которые готовы были нетерпеливо слететь с её живого на выдумку языка, и лишь ошарашено таращила глаза на это Ночное Явление.

Безумец же Лёха, завершая жалобную речь свою о мытарствах, тяготах и лишениях, театрально поклонился святой почти тёще и умилительно изрёк: «Спасибо хоть, вот, доб-

рая женщина открыла» – видимо, не понимая уже, кто перед ним, хотя они уважительно были представлены друг другу не далее, как несколько часов назад.

«Открывателю новых земель» было заботливо постелено какое-то затейливое тряпьё на полу (ранее же предполагалось, что он отойдет ко сну в чертогах Руська), и он моментально погрузился в грёзы о том, что могло бы произойти и почти свершилось – кабак, бильярд и тётки.

Наутро Лёху колотил безжалостный бодун. Невеликие денежки его благополучно улетучились, обернувшись многочисленными коктейлями для «прекрасных искусительниц».

«По-христиански» сжалившись, глядя в виноватую измученную Лёхину личину, ему было милосердно куплено пиво и выдан мой старый плащ взамен утраченной куртке. Рукава же плаща были чуть длиннее его локтей, поэтому общим обликом «московский гость» сильно напоминал знаменитого Юрия Никулина в клоунском образе. В таком-то виде он и предстал взору моих предков, поражённых жалким видом «квартирного благодетеля» своего дитяти. Затейник Лёшка сам был несколько смущён своим сиротским положением и зачем-то постоянно залихватски всплёскивал коротышками-рукавами. Плащ этот, как реликвия до сей поры валяется где-то у домовитого Лёхи в пыльных закромах.

А этим же «насыщенным событиями» вечером вдвоём с Руськом они должны были рвануть душным автобусом в Москву. Само собой, разумеется, ни о каких запланирован-

ных «эстетских мероприятиях» не могло быть и речи – мученик Лёха мог только лежать и дуть спасительно пивко. Вот так блистательный и неповторимый Лёшка Алексеенков променял знакомство с «Наследием города Горький» на привычный сердцу вечер, похожий, как две капли воды на обыденный московский – такой же клонированный паршивый «клубец», такой же дрянной бильярд, такие же тупые «динамщицы».

Но как немыслимый факт это, конечно же, вызывает невольное уважение. Тем более, если «просвещённо» знать «милые детали» доставки Лёшкиного тела в мою разбуженную квартиру.

Не имея ни копеечки за бродяжьей душой, он умудрился «уболтать» нашего типичного «жаднючего» нижегородского таксиста на бесплатную дорогу, да ещё «чиста канкретна» им был профессионально «выкружен» халявный телефонный звонок Руслану с таксистской же мобилы. Как он объяснил, куда ехать, не зная ни адреса, ни неведомого города вообще, гадать глупо, но, думаю, путь к спасению подсказало чуткое босяцкое сердце. Кода от домофона, разумеется, «горе-домушник» Лёха подобрать не смог, несмотря на свои бывшие «неординарные» специальности. А посему было принято отчаянное решение – по скользкой трубе Лёха адским гимнастом взобрался на козырёк над подъездом, там старательно выставил стекло и счастливо проник в желанный мрак дремлющего людского жилища.

Кстати, потерянная куртка чудеснейшим образом была возвращена хозяину, благодаря небольшим (будем скромны) связям с местной «горьковской мафией».

Ну, и разве что «напоследочек»! На автобус эти два «любопытных туриста» тоже чуть было позорно не опоздали. Дело в том, что неутомимый на выдумку Лёха неожиданно испытал непреодолимую тягу испить холодненького шампанского на дорожку. За три минуты до отхода совершенно уж нетерпеливого транспорта было решено совершить лихой бросок за бутылочкой в ближайший супермаркет.

Как же повезло им, сердешным, когда набирающий скорость суровый водила заметил две озадаченно бегущие фигуры с пузырями в дрожащих руках. Жалость и взаимовыручка однозначно пьющего водителя спасла нас всех от недельного запоя, который был бы в таком трагическом раскладе неизбежен.

И сейчас, иногда встречаясь за пузырьком-другим, со стариной Лёшкой Алексеенковым, он непременно сетует, что не увидел всех волнующих красот Нижнего, и клятвенно обещает заехать к нам ещё, и в этот-то раз непременно совершенно культурно, по-стариковски, так сказать, провести туристический досуг.

Конечно же, я ему не верю. Всё будет как обычно. И привычно. «Пламенно и провинциально». Но в этом-то и милейшая «изюминка» моего отчаянного друга.

Суперкарьеры и медные тазики

Есть такой трагикомический эпизод в замечательном фильме Владимира Меньшова «Москва слезам не верит», когда бывшая звезда хоккея дядька Гурин, уже совершенно спившийся, стоит в кошмарной классической советской пивнухе «с запахами, да и видами» и демонстрирует молодёжи и старейшинам алкогольного фронта старые регалии. Всё, что было хорошего у него – всё там, в далёком, сияющем когда-то прошлом. И каждый новый денёчек теперь повторяется, словно печально известный «День Сурка», этой утомительной бесконечной байкой о былых победах. Сцена и смешная и жуткая одновременно – это и есть самый страшный сон каждого артиста.

Вот почему не люблю я рассказывать что-то о нашем «звёздном часе» – нелепой «работе» с легендарным продюсером «Мумий Тролля» и «Земфиры», одиозном гражданине Леониде Бурлакове. Ну, во-первых, эти мои нудные предания действительно очень напоминают вышеописанную сцену в пахучей пивной, а во-вторых, как вы «прозорливо» понимаете, этот «взлёт в стратосферу» группы «Алкоголь» – всего лишь очередной нелепый пыльный анекдот, вспоминая который уже не ржёшь в полный голос, но ещё печально улыбаешься.

Но в том, о чём я исправно доложу вам сейчас без утайки,

проживал несколько «другой коленкор». Просто в капризной памяти моей всплыл забавный «моментик», когда гранитный пафос рассыпается в весёлые брызги, сталкиваясь с неумолимой материальностью.

Дело было уже к «драматическому» финишу наших «творческих отношений». Деньги на «звёздную раскрутку» так и не были найдены за год не очень профессиональных сеансов звукозаписи, бесплатных фотосессий у полуспившегося, забытого гения-фотографа, фантасмагорических прожектов и просто двенадцати во многом бессмысленных и бесполезных месяцев моей жизни.

Впрочем, зачем же такое, «нудóтное», хоть и не без «старпёрской» приятности, пожалуй, нытьё…

Подобьём пассивные и активные части «жестокого баланса»! Кстати, спонтанно залетела занятная идея – снять комедийный фильм-пародию на академический «Жестокий романс» с таким вот шутовским названием и криминально-детективным сюжетом из «кровавых девяностых».

Итак, в горьком «пассиве»… Досадная потеря предложенного одновременно с гением-Леонидом действительно реального контракта со «Снегири-рекордс» и навсегда расстроенные отношения с весьма крепким продюсером Олегом Нестеровым, ибо выбрали мы манящий «всероссийской славой» Бурлаковский договор. Вот идиотики…

Далее – все наши нехитрые работки и наработанные концертные площадки в Нижнем тотально канули в Чёрное

Небытие.

Небрежно прибавьте ещё к этому «для пущего колориту» мучительно долгое «ощущение спинами» злорадных усмешечек нижегородских «братьев-музыкантов», мол, смотри-смотри – «наши звёзды» пошли бутылки сдавать.

Не забудьте также присовокупить и без того разрушенные зыбкие родственные связи – наши уставшие родители, да и родственнички «помельче» надолго отвернулись от нас, «факин» неудачников и перестали хоть мало-мальски верить в «галактическую» карьеру своих наивных чад, что было особенно больно.

Ну и ещё один «приятный бонус» – натуральный, а не показной, как у многих «околоплавающих от рокенрола», алкоголизм, «благоприобретённый» за последующий печальный год полной оторванности от музыкального мира и заливания тоски в разбитом сердце надёжным, как яд-цианид, «Медовым крепким». Считаю, подбито неплохо!

Ну а теперь спасительный «актив»! «Дурацкий» год опыта работы с новыми, столичными и не очень, музыкантами и неожиданное осознание того, что и сами «с пышными усами», да можем многое, хоть и так старательно нас «втаптывали» в неумёхи-провинциалы.

После постыдного возвращения на «малую родину» у меня «чудесным образом» изменился (и в лучшую «почти что джазовую» сторону) голос, и я записал мой первый альбом именно так, как хотел, и в который теперь «эротически»

влюблён, несмотря на неизбежные недочёты в сведении. И мне никогда теперь не будет стыдно за эту мою первую «официальную работу», как было бы жутко неловко, если бы «первый винил» вышел в «эпоху сиятельного Леонида» – так всё было тогда резко, «рускороково» и банально. И упаси нас Всевышний, я не виню «ни в коем разе» в «трагикомическом фиаско» никого, ведь мы, неумелые «рок-салажата» и сами тогда были не готовы разродиться первой пластинкой, просто робкие наши душеньки ещё не прорезались, и не пришло-прибежало ещё наше «главное» время.

Продолжим о приятном «активе». Сотни (!) ласковых и сердитых песен, одна лучше другой, уж великодушно извините, гражданочки, право, «за излишнюю скромность», небрежно написаны «кем-то» на едином дыхании. Эти мои любимые детушки, которые никогда бы не «народились» с плачем и радостью, если бы всё это стереотипное счастье рокера осуществилось – контракты, бабки, концерты, тёлки, кокос и вселенская любовь народонаселения.

А ведь были ещё концерты, на которые я попал только благодаря «всесильному» Леониду: «John Zorn», «Magma», «David Sylvian» – провинциальному мальчику это не могло присниться даже в самом разнузданном эротическом сне.

И напоследок самое важное – неожиданно родилась уверенность в том, что ты силён, ты лучше всех, и никаких вам Миков Джаггеров.

Да! Как же я мог забыть! Конечно же, знакомство с

Олежкой Чубыкиным, замечательным московско-владивостокским певцом, после «судьбоносного» приглашения которого посетить очередной занудный «Maxidrom», потянулась счастливая цепочка, хоть скромного, но давно уже не ожидаемого «народом» возрождения «Алкоголя».

Хорошо всё-таки, что «актив» «жестокого баланса» был вторым, словно выступление капризной «звёзды гранд шоу» после необязательного «разогрева», так как-то заметно легче, не правда ли?

Как и всегда случается у меня, «многотомное» вступление затянулось, а ведь вновь всего-то и хотел только поведать одну крошечную баечку…

В общем так! Мы уже вот-вот должны были разбежаться с Самим Леонидом… Он-то, думаю, уж «прозорливо и сурово» знал про всё, про это «мрачное», а мы же ещё ждали, наивно и глупо, когда празднично «выстрелим» в мрачное небо российской сцены.

И вот он, Великий и Ужасный Леонид Бурлаков, кому высылаются до сих пор тысячи кошмарных «демо» от жаждущих славы и признания «самородков», крёстный отец Лагутенко, Земфиры и Братьев Гримм в компании «звёздного саундпродюсера» Олежки Чубыкина у меня в гостях в заплёванном Нижнем Новгороде, в зачумленной богемной квартирке. Признаюсь, было уже даже в этом что-то диковатое и противоестественное.

Демонстративно непьющий Леонид благосклонно катал

нас, пьяных, без пяти минут «суперстаров» по изнанкам города, великодушно знакомился с местной музыкантской братией, «влёгкую» сводил что-то на пробу посредством золотых ушей Олега на нашей лучшей студии «Тонмейстер» у Лёшки Баскакова, ну, в общем и целом, выполнялась вполне себе эстетская «программка».

Но! Бодрящим утром произошёл возмутительный катаклизм – горящая водичка в нашей безумной квартирке была преподло отключена. И надо же было совпасть таким двум из разных «кармически параллельных» миров событиям – именитые, «на всю страну прославленные гости» и такие приземлённые проделки ЖЭКа.

Чеширским нечёсаным котиком до ушей улыбаюсь я до сей поры, вспоминая такую «акварель Бенуа», когда нагревается целая байда кипятку, и Могущественнейший Вершитель Музыкантских Судеб сиротливо намывается из каких-то пошлых, вскипячённых на плите тазиков.

Вот так, мои милые братцы, сама безжалостная стихия напоминает нам, убогим, да сирым, что даже «сильные мира сего» не смогут избежать этой «общечеловеческой» и презабавнейшей участи! Так пусть же забавная эта комедия будет нам всем «нравственным и поучительнейшим уроком» о том, что даже «высокое и низкое» так пугающе рядом! И не будем забывать «о сиим», а станем, напротив, помнить. Про «звёздные» наши карьеры. И медные тазики.

Загадочные истории

Я обожаю загадочные истории. Такие, чтобы, как в пионерском лагере перед отбоем, до сладкой жути, нервной дрожи, да бешеного сердцебиения.

У Ражевой они такие все. Как она умудрялась попадать в эти почти мистические водовороты событий, известно лишь одному отчаянному Богу Приключений.

Ну, во-первых, в неё были тайно и явно влюблены все буйные хулиганы школы и двора. А впрочем, тихони, очкарики и прочие «книжные мальчики» тоже. А с чего бы мне ей не верить? Влюблены, стало быть, влюблены.

Одного бедного паренька лупили «ежевечерне», словно выполняя священную традицию, только лишь за робкие попытки поговорить с «королевой гоблинов». Сердобольная Иришка даже провожала беднягу до «отчего дому», смело поменяв извечные понятия «кавалер-барышня».

Сиротские слёзы умиления и оторопь «фарисейского» удивления (и почему «фарисейского», наверное, слово уж больно красивое) нежно забирают сердце заворожённого слушателя в лице меня, когда узнаёшь вот эдакий следующий поразительный факт. Ещё один, «потерявший от любви разум», а стало быть, неразумный уж к этому времени мальчик, начертал на стене своей комнаты номер телефона «похитительницы сердец» Ражевой и трепетно и благоговейно

целовал его каждое утро и вечер. Как вам сие? Вот это я понимаю «аля натюрель», настоящее, «без байды́», средневековое поклонение Прекрасной Даме.

Весьма приглянулся и этот «страшно-прекрасный» рассказ про двенадцатилетнего мальчика Диму Берёзина, который ещё при рождении трагически потерял своего брата-близнеца и с эпатажной гордостью заявлял постоянно, что, мол, по этой древней примете долго он не проживёт. «Я долго-то жить-то не буду…». Как говорится, несчастный парнишка накаркал… Как же возможно так беззаботно накликать страшную беду…

Он был известен каждому в шумном дворе тем, что будто прирождённый потомственный циркач, слетал на ветхом «велике» с третьего этажа прямо по лестнице с душераздирающим неизменным выкриком: «Выступает Дима – Бешеная Собачка!». И вот, словно в подтверждение мрачного его «самопредсказания», отважного трюкача совершенно ни за что страшно избивают вполне себе взрослые ублюдки… Что-то жуткое произошло с его телом после этого кошмара, и странный мальчик вскоре умер от саркомы костей. А ведь эти «смрадные гады» до сих пор где-то ползают по земле…

Всем притихшим двором ошарашенные девочки и мальчики бегали смотреть на их привычного Димку, неподвижно лежащего в гробу и… не узнавали его. Там, в деревянном ящике безучастно лежал кто-то одутловатый и чужой. «Это же не он! Точно, не он, девочки! Нас обманывают…» –

шептала перепуганная трагическим и одновременно мистическим зрелищем, маленькая Ражева.

А чуть позже Иришке приснился и вовсе уж чудной сон. По безлюдной улице, катя впереди себя нелепую тележку, какие обыкновенно бывают в универсамах, невозмутимо шёл тот самый загубленный Димка. Тележка была доверху полна самых разнообразных и невероятных игрушек. «Димка, это ты! Ты что не умер?» – радостно кинулась она к нежданному призраку. «Да, не умер… Только ты об этом никому не говори, хорошо?» – многозначительно приложив палец к губам, произнёс паренёк из сна, и в следующее мгновенье морок рассеялся вместе с диковинным сновидением….

Вы, скорее всего, не знаете, но затейница Ражева «рукоделает» весьма таинственных кукол, которые выглядят довольно зловеще, будто живые монстрики, постоянно готовые вас укусить исподтишка, лишь стоит вам зазеваться. На совершеннейшем серьёзе она как-то сообщила мне про очередного игрушечного Франкенштейна: «Ча́ли назвал мне свое имя…». На сердце у меня, признаться, похолодело. Чали неподвижно лежал на письменном столе и пристально смотрел на меня, не отрываясь, так, что я даже на всякий случай торопливо вышел из комнаты. Кстати, о сердце – у этих её потусторонних созданий имеется сердце, у каждого своё, непохожее на других, тщательно и с любовью зашитое в матерчатое тельце. У Чали же имелась ещё крошечная сумка для писем… Зачем?!

О следующей фантастической истории, честно сказать, она просила почему-то умолчать, но я привычно ослушался, слишком уж она хороша.

Её бывший школьный приятель, некто Андрей Анистрахов, как-то уже, будучи в развесёлые студенческие годы, случайно встретился ей в автобусе, и неожиданно завязался занимательный разговор. Странный парень авторитетно утверждал, что за это немалое прошедшее время, он «в идеале» овладел полулегальным искусством гипноза. Ражева, понятное дело, насмешливо подтрунивала над старым знакомым, справедливо не веря в эти мальчишеские рисовки. А он только лишь пожимал плечами на её жестокие остроты, и, в конце концов, спокойно предложил: «Ну хочешь, я просто загипнотизирую тебя прямо здесь, тогда ты поверишь?».

После получения официального недоверчивого согласия, что-то определённо стало происходить. В одно мгновенье потрясённая Ражева увидела, как «расфокусировалось» всё, что было рядом с лицом самодеятельного мага – монотонно жужжащие пассажиры, грязный салон автобуса, нехитрый пейзаж за окном… Колдовской облик же её старого дружка, наоборот, стал крайне резок, далёкий его голос что-то вкрадчиво вещал, и, к счастью, вдруг она осознала, что постепенно теряет волю… «Всё, Дим, хватит!» – решительно приказала она. «Ну хватит, так хватит» – благодушно улыбаясь, согласился «артист оригинального жанра» и великодушно отпустил не на шутку напуганную «ассистентку».

Тут же, в жарком, июльском транспорте была поведана очередная потрясающая байка.

Как и многие теперешние молодые юноши «с горящими глазами», навсегда отравленные «призывными» восточными учениями, наш «мастер внушения» с таким же «восприимчивым» приятелем отправился в далекую древнюю Индию, дабы нанести визит легендарному Сатья Саи Баба.

И вот, во время краткой, но как всегда ёмкой «мистической» аудиенции у знаменитого гуру, тот самый сиятельный Саи Баба как-то особенно взглянул на приятеля нашего «гипнотизёра» и через переводчика неожиданно заявил: «Твоя жена сейчас рожает, и тебе нужно быть немедленно рядом с ней». И в этот самый невероятный момент будущий

счастливый папаша… оказался рядом с надумавшей разродиться жёнушкой. Да-да, думайте, что хотите, но он мгновенно исчез на глазах обомлевшего друга в компании десятка незаинтересованных свидетелей. Все его личные вещи, что остались после невероятного перемещения в пространстве, наш «иллюзионист» привёз уже потом, по приезде домой.

Я обожаю загадочные истории. Без них так грустно. А с ними есть хоть какая-то небольшая надежда на чудо. Ведь всем нам теперь поможет уже только одно лишь Оно.

Алкоэтюд

Мятый человек нетвёрдо входит в вагон метро со своим «шлангующим» товарищем и «суперполторашкой» такой «са́рзы-ва́рзы», что она даже без этикетки. Наверное, так и продается. Пивом, разумеется, вульгарно тащит на весь вагон.

Вкратце обозначенный теперь уже для нас, всех праздно любопытствующих, «нетвёрдый» мужик, чуть заползая в «теплушку», говорит по мобиле очень бодрым, но жутко наигранным тоном, поскольку дико пьян, и утомительно сосредотачиваться уже чрезвычайно сложно.

А текст, на секундочку, такой: «Алё, Алла Андревна, слушаю!». Буквально через минуту его язык как-то почти перестает справляться со своей непростой работой, причём «Алла Андревна» изумительным образом становится Елизаветой Борисовной, и я слышу уже не такое бодрое: «Врут! Врут, Елизавета Борисовна! Работа выполнена, да, выполнена… На десять (!) процентов выполнена, да… Когда я нужен? Через два часа, нормально? Всё, лечу!».

Далее на весь несущийся куда-то, наверное, на Луну состав раздается гогот этого «искромётного работничка» и его такого же «конкретно-достойно вдетого» приятеля, и начинаются гордые бахвальства про то, как он «ловко обманул» свою легковерную начальницу.

Причём, совершеннейшим образом непонятно, приедет он на самом-то деле или даже «никто и не собирался никуда спешить». Но в любом случае «волшебный» дядька в силу полуобморочного опьянения не осознаёт, конечно же, что, как минимум, он уже уволен.

Военруки

Кто-нибудь вообще помнит, что существовали «допреж» такие инопланетные существа – военруки? Нет? Придется, видимо, великодушно просвещать. Как правило, все они патологически «параноидальны». Причём каждый по-своему и остро индивидуально.

Первый наш «бравый военрук» как-то особо не запомнился, поскольку был довольно обычным психом с вечно красной мордой. Чего-то всё орал невпопад, пыжился и ужасно боялся показаться неубедительным и слабым. «Красно-казарменных» годиков ему настукало к тому времени, полагаю, аж под шестьдесят, и задержался он в нашей дикой школе совсем недолго. Наверное, перешёл в какие-нибудь «начальники овощного склада», очень уж это ему подходило.

Но вот второй и последний, незабвенный Геннадий Александрович был человеком, ну, совершенно уж замечательным. Скорее всего, он был чуточку «слегка не в себе», но его небольшое сумасшествие проявлялось как-то душевно, что ли, беззлобно и очень смешно. Такие чудаковатые люди рождаются с зачатками юродивых и в глазах обычного «правильного» люда они, без сомнения, «чокнутые».

Ну, маленький пример для затравки: во время занятия мы с замиранием дыхания ожидали, когда начнется «стандартная дурка» и никогда не разочаровывались в нашем фантас-

магорическом Геннадии Александровиче.

На этот раз он «плавно» вёл повествование о некоем «военном человеке», который, то ли ошпарил жизненно важные оконечности, то ли «капелюшечку» шибануло его, сердешного, током. В общем, реакцию бойца-растяпы на постигшую его напасть наш любимый военрук проиллюстрировал такими отчаянными телодвижениями и гримасами, что это выглядело бы полным перебором даже для воровского шалмана, а не то, что для невинного школьного урока. В эти моменты пика эмоций нашего «боевого командира» казалось, что в него вселяется что-то «жутковатое», и он «на некоторое время» становится натурально бесноватым.

Одной из любимейших его классических баек была про то, что в тревожные послереволюционные времена существовала такая гордая должность «Заместитель комиссара по морским делам», что в сокращённом грубыми пролетариями виде произносилось не иначе как «Замком по морде». Мы послушно ржали каждый повтор.

А вот ещё одна, сотни раз выслушанная «библейская» легенда. Оказывается, когда самолеты на заре авиации были ещё медлительными и неуклюжими и романтично звались аэропланами, то два приближающихся друг к другу «неловких» летательных аппарата настолько уж неспешно пролетали один мимо другого, что отважные усатые пилоты успевали галантно побеседовать о том, да о сём.

В живописных кратких картиночках представлялось это

нам в виде следующей интермедии: неугомонный Геннадий Александрович изображал «обои́ми» ладонями два малахольно порыкивающих моторами объекта, которые неумолимо сближались, а когда оказывались рядом друг с другом борт в борт, то даже зависали ненадолго рядышком. И начиналась беседа смельчаков-авиаторов: «Тр-тр-тр… Желаю здравствовать! Как полёт? И вам поклон, любезнейший! Благодарю-с, всё превосходно! Тр-тр-тр… Семён Сергеич велели передать вам сей пакет! (Пакет благополучно перекочёвывает с борта на борт). Ну, до свиданьица! Всего доброго, любезнейший! Тр-тр-тр!». Импровизированные самолеты наконец-то так же неторопливо разлетались, а любимый военрук театрально расшаркивался и принимал наши сочувственные аплодисменты.

А когда же высшему городскому военному руководству показалось, что тщательной школьной боевой подготовки произведено более чем достаточно, было принято поистине «мужское решение» согнать всех нас, сморчков и прочих доходяг со всевозможных школ города и вывести в «некую секретную область» для закрепления военных свершений.

Помню, как нас наскоро выстроили в бесконечные шеренги, и дикий незнакомый майор провел горячий инструктаж по использованию легендарного «калаша́» – то бишь, печально известного автомата Калашникова: «Его, затвор, не нужно, как женщину, «назад-вперёд», а только назад, на себя, это понятно?». Во время произнесения сакрального «как

женщину» в тоне и глазах его некрасиво появлялась гнусная нотка такой, знаете, сугубо армейской похабности.

На что из дерзких уст отчаянного тощего ботаника в очках с такими толстыми линзами, что зрение его было, как минимум, минус тридцать пять, слетело неожиданно для него самого: «Солёная шутка!». «Воздух свободы сыграл с ним…», ну вы помните эту трагическую сцену из «Семнадцати мгновений весны». Невольно произнесено это было одновременно и восторженно и со сладкой жутью в сердце (мол, во чего творим-то, настоящее гусарское братство, видела бы меня моя мама), но и не без ехидной «еврейской пародийности» в адрес рубаки-майора.

Розыск крошечного возмутителя спокойствия затянулся минут на сорок, но своего в доску «диссидента» мы не сдали.

Чуть позже нас снабдили самым важным и необходимым для начинающего «воина-интернационалиста» – муляжными «гладкоотшкуренными» автоматиками и такими же гранатами, подозрительно смахивающими на кухонные толкушки для пюре. Затем нас, несколько затравленных переменами в быту, расселили по баракам, где мы и провели «две захватывающих и увлекательнейших» недели.

Припоминаю также одного толстенького пентюха-одноклассника, который, сидючи с «нами-однополчанами» в импровизированном окопе, в ответ на фальшивую канонаду взрывов с детсадовской отвагой в голосе выдал явно подсмотренную в отечественном кино фразу: «Не пугай, пуган-

ные!». Это было настолько глупо, что мы заржали, как породистые кони, несмотря на объявленную «засаду». Данный «тон» бывалого «вояки» был настолько нелеп в этой и без того комичной ситуации, да и сам облик «мужественного бойца» вызывал неудержимое веселье.

А вот Геннадий Александрович оказался неожиданно заботливым мужиком и, несмотря на явную придурь (а по его рассказам служивал он до этого аж на ядерном реакторе), опекал нас, как голодных кутят и в обиду никаким местным горластым офицерам не давал.

В предпоследнюю ночь наших солдатских мытарств на природе несколько неприятных обормотов «из хулиганствующих» сбежало в соседний лагерь, где густо водились пышнотелые пионерки. Сделано, кстати, это было вовсе не из «непреодолимой тяги подросткового инстинкта», а тупо из убого желания подтвердить, так сказать, «реноме опасной шпаны».

Дело в том, что общая странная ситуация справедливо усреднила нас всех – и «дрищей» и «садюг». Тут уж не «поунижаешь» так сладко и привычно, как в родименьком классе – сказывается и усталость, и какая-никакая, а «дисциплинка», да и постоянный надзор скучающего офицерства. Вот посему и была совершена эта жалкая, высосанная из пальца акция, убого призванная напомнить и «про грозность хулиганья», ну и, разумеется, «дабы устрашить расслабившихся».

Бедный наш Геннадий Александрович… Он так несправедливо получил невероятный по унизительности немыслимый нагоняй от злорадного командного состава, и это в самом-то финале относительно спокойной «боевой» смены. Он укоризненно стоял перед нами обиженный, оскорблённый и раздавленный, раскачиваясь в своём очередном шизофреническом припадке. Мне, честное слово, было так по-человечески жаль его, хорошего, в общем-то, дядьку, которого так преподло подвели эти тщеславные дебилы.

Но, несмотря на эту «жестокую трагедию нашего личного военрука», я, заливаясь, смеюсь во весь «молодецкий мой голос» всегда, вспоминая, что дословно выдал он нам в совершенно справедливейшем своем гневе: «Я, бл…ть, для вас всё, а вы мне, вот – нате, сосите, Геннадий Александрович!». Причём, вся трагикомичная пафосная речь сопровождалась характерным энергическим и весьма неприличным жестом, демонстрирующим то могучее и незаслуженное, что преподнесли мы нашему справедливому и великодушному военруку.

Вот если уж о ком из «многочисленных» моих учителей у меня самые человеческие, приятные и забавные воспоминания, так это о нём, настоящем мужике, что вёл один из самых нелепых и ненужных предметов на свете, а всё равно благородно оставил что-то необъяснимо хорошее в наших детских несовершенных сердцах.

Саша П.

О, как же страстно хотелось нам, наивным музыкантишкам когда-то давно, ну так уж лихо прославиться, упоённо играть для беснующейся толпы на стадионах и даже на гранитных площадях столиц всего белого, да и чёрного света, чтобы узнавали нас грудастые и задастые девчушки-поклонницы и «люто рвали на куски» на улицах. Чтобы «фантастические» песни наши веером крутили на любых «размажорских» радио, и чтобы самодовольные наши морды не сходили с экранов волшебного ящика. Чтобы в искрящиеся озёра шампанского вливались полноводные пивные реки и шли бесконечные дожди из «мохито», и чтобы равнодушные «к сомнительным творениям» родители наши наконец-то оценили своих беспутных чад и, после щедрого до перебора «одаривания» мехами, автомобилями и зелёными бумажками, поверили, наконец, в нас и стали гордиться такими успешными отпрысками.

Как же мы истово верили во всё это! Мы были просто ослеплены этой безумной верой в успех. И кому же мы верили… Мы доверчиво готовы были отдать себя в руки любому шарлатану, аферисту и просто ненормальному. И все они с наслаждением этим пользовались.

Саша П. … Сейчас, когда все детские обиды в душе давно перекипели, надёжно испарилась эта отчаянная и глупая

жажда успеха, и осталась лишь спокойная надежда на свою небольшую, но преданную публику, да возможность запечатлеть бесконечные наши песенки «для благодарных потомков», уже можно с ухмылкою поведать «некоторое кое-что».

П. был экспонат ну совсем уж удивительный. Здоровенный детина, «очень за сорок», «ВДВ – шной» стереотипной внешности и такой же бронебойной сути. Поговаривали, что он когда-то «буржуйски владел» огромным монструозным автобусом-трейлером, в котором совершенно свободно и в полнейшем комфорте можно было мирно дожить тихие пенсионерские годы, но в силу знакомых почти всем нам «временных финансовых затруднений», кому-то его не без сожаления загнал.

Вот в этот-то маетный период его жизни он картинно и появился перед нами, румяный и переполненный бурлящими идеями по поводу вознесения нашего «Алкоголя» на самую вершину хит-парадов, а заодно и Божественного Олимпа.

Собственно, нас предостерегали бывалые люди с намётанным глазом, что уже не раз слышали неуёмные его предложения по поводу, скажем, «организации роскошных презентаций», кои должны были по настоятельному предложению Саши заканчиваться непременно пышными фейерверками. С той поры, как только какой-то очередной наш юркий «продюсер» начинает, что называется, безбожно «гнать», мы, усмехаясь, зовём сие праздное словоблудие не иначе как «фейерверки».

Как и все прирожденные аферисты, Саша П. обладал магнетическим обаянием и способностью так виртуозно загипнотизировать любого «клиента», что тот сразу начинал верить ему безоглядно, даже если «на светлом глазу» обещался экскурсионный десант на Венеру и возможность заселения планеты теми колонистами, кому экзотическое местечко особо приглянулось. Ну а надуть нас, нелепых чудиков с вытаращенными от грядущих свершений глазами, было процедурой совсем уж плёвой, и Саша с энтузиазмом взялся за дело.

В числе прочего нам было обещано (внимание!): «миллионное вливание» в бюджет ансамбля «Алкоголь» от бывшего коллеги по службе, а ныне особо важной шишки из вожделенного всеми «Газпрома», выдача на первых порах нескольких десятков тысчонок для «поддержания штанов» слегка потрёпанных жизнью артистов, совместный переезд в Москву и торжественное снятие «комфортабельной квартиры» для совершения разнузданных оргий, ну и заодно для репетиций.

Трудно сказать, что из беспечно рассказанного нам Сашей о себе было правдой, может, и вовсе ничего, этого уж, как говорится, не проверишь, да и зачем, так ведь всё даже намного интереснее! А рассказано было немало…

Например, что был он в своё «горячее время» в составе какого-то легендарного засекреченного подразделения, восемь (и почему восемь?) грозных воинов которого могут

играючи и одной левой блокировать небольшой город при стратегической надобности. Поведал он также, что счастливо владеет удостоверением полковника ФСБ и посему может запросто дуть пиво и более жаркие напитки прямо за рулём, и никто не погрозит ему даже и пальцем.

Но! Стараясь быть по возможности справедливым, я не могу не отметить того поразительного факта, что свежее пивко за рулём он дул совершенно реально, демонстративно и с большим удовольствием. Множество раз мы всей нашей доверчивой шайкой колесили на безумной скорости по Нижнему, заливаясь нескончаемым «пенным» во главе с совершенно безбашенным водилой.

Да что там ваше жалкое пиво! Как сейчас перед глазами ирреальная сцена – Сашина бывалая тачка припаркована в самом центре, рядом с суровым каменным дядькой Козьмой Мининым, все дверцы залихватски настежь, а внутри весь тогдашний состав «Алкоголя» милейшим образом попивает водочку, запивая томатным сочком и похрустывая копчёной колбаской на чёрной ароматной горбушке. И всё это сущее безобразие, само собой, под предводительством небезызвестного Саши П. Когда же огненная вода беспощадно истреблялась, производился очередной плановый рейд за следующим бутыльком, причём на том же авто и со скоростью спортивного «Феррари».

Не умолчу и о том «невероятном», что изначально придумщиком Сашей были радушно предложены свои беско-

рыстные услуги в качестве… Барабанщика! Да-да! Он и в самом деле немного «трямкал по тазам», хотя в первый день «строгого худсовета» в коллектив принят не был по убедительной причине – двух бутылок водки внутри прослушиваемого, а посему самозабвенно играл он тогда в своём особом темпе и сугубо индивидуальном размере. Но впоследствии чудесным образом он и вправду довольно сносно «отре́пал» с нами несколько номеров, но совместно «бомбить переполненные залы» нам как-то не довелось.

Кстати, по умопомрачительным словам Саши, одним из варварских тренингов в его нелёгкой секретной боевой подготовке было методичное выпивание четырёх пузырей «беленькой» и последующее вдумчивое вождение транспортного средства. Нам доверительно сообщалось также, что он был «секретно обучен» мгновенно отключать искомое опьянение в момент острой необходимости – видимо, когда его нетрезвую тачку останавливал коварный мент.

А чего только стоит легендарная байка о несчастных сусликах, кровушка которых выпивалась, а мяско употреблялось «вживую», дабы продержаться в бескрайне-жаркой пустыне, куда их безжалостно выбрасывал вертолет. Тот воин, что не хотел кушать сусликов, малодушно подавал сигнал по рации и его подбирал укоризненный геликоптер, но звания супербойца ему, увы, не полагалось. Ну а менее брезгливые добирались до нужного объекта и провозглашались «элитой» наших славных армейских рядов.

Подогнал он нам и пару странных ангажементов в самом, что ни на есть «сидячем кабаке». Было довольно страшновато, но лихой братве мы почему-то понравились и даже великодушно были приглашены за стол к «папе», где хлебосольно потчевались экзотической тогда текилой.

Так что, выходит, с П. было вполне и забавно, тип он был в общении преоригинальнейший и вовсе не изувеченный окончательно характерными армейскими закидонами.

Ну а что все сказочные посулы оказались банальнейшим фарсом, и то, что, изящно заняв у нас, у дурачков сто баксов – всё, что было еле накоплено нами для отъезда, дабы «завоевать красавицу Москву» (деньги по тем нищим временам почти баснословные), Саша П. ожидаемо скрылся в неведомом даже ему направлении, это…

Что ж, это была, наверное, законная оплата его блестящего циркового трюка. Да и многострадальные бабосики эти много позже он нам всё же, нехотя, но вернул. Видимо, устыдившись, что «будущие звёзды» (а до Нижнего уже долетели неприятные многим в этом городе слухи о контракте заносчивого «Алкоголя» с легендарным Бурлаковым) развеют зыбкий миф о его непогрешимости. Правда, это уже были совсем не те «барские» деньги, которые, как известно, стремительно дешевеют.

Ну и что? Деньги деньгами, а интересный человеческий экземпляр – это товар штучный. Нет, честно, никаких обид, Сань! Было весело!

И наступила эпоха «кибо́ргов»…

Девчонки, милые, боюсь не осилить вам этой специфически-скучной главы, но я, всё-таки, постараюсь галантным кавалером развеселить вас – спляшу, буду шевелить ушами, но не брошу вас в этой душной мужской раздевалке.

Ну а вот всякой особи «мужеска пола», конечно же, известна эта уморительная в своей серьёзности субкультура – качки, культуристы, в общем, бодибилдинг, парни!

Каждый, даже самый забитый «чепушилка» с унизительных школьных лет мечтал, жаждал и вожделел заполучить эти завораживающие бугры под кожей. Не избежал этой постыдной страстишки и ваш покорный слуга. Класса эдак до четвертого я был тощий, как велосипед, а потом мои жалкие косточки покрылись ещё и подростковым подлым жирком. Я просто видеть не мог в зеркало этого своего нескладного чмошника-двойника. Прошло ещё несколько лет мучительного мезальянса между ощущением себя высоким и ладно сложённым подонком и тем, что виновато поглядывало на меня из Зазеркалья.

Но вот пришла эра спасительного Культуризма. Все без исключения подростки, от вполне себе коренастых, до тех убогих, что вроде меня, ринулись тягать железки в спортзалы, стихийно организованные «качалки» при школах, в каких-то полукриминальных подвалах и чердаках. Зал стано-

вился Храмом, святыней, внутри которого создавалась некая зона примирения, здесь благородно не били и не «чморили» так откровенно, как в жестоком «миру».

У каждого «адепта культа» имелась своя заповедная тетрадочка, в которой с трепетом записывались канонические упражнения с количествами подходов и целые сложнейшие системы и комплексы на целую неделю. Повсюду слышалось фанатичное бормотание: «Я те говорю, «шесть-четыре-три» оптимальней на массу работает, чем «восемь-семь-шесть», отвечаю!». И без того гигантские ляжки за трёхчасовую тренировку раскачивались так, что ноги просто не влезали в брючины после таковой безжалостной тренировки – качки очень радовались.

Как правило, штанга для жима лёжа (о чем вообще я говорю, Бог мой!) была одна, ну максимум, две, поэтому возле неё выстраивалась разношёрстная очередь. Здесь, у сакрального снаряда, словно зверьё всех мастей у водопоя в засуху, не кусают, не жалят и не кушают друг друга. «Качки» от мала до велика терпеливо-уважительно помогают друг другу, поддерживая гриф во время финального, запредельного по напряжению жима, который для правоверного культуриста сродни «хорошему оргазму». Правда, с «весами» бывают и заминки – ясное дело, что такое чучело, как я, не выжмет и половины того, чем играется самодовольный детина с горой мускулов даже там, где их анатомически и быть не должно. Отсюда вытекает жалкое «отвешивание» блинов и

недопустимая задержка очереди, ибо отдых между подходами не имеет права быть более тридцати секунд, а то капризная мышца не захочет расти.

И вот я, кого лишь из жалости и сочувствия пускали в такую бравую компанию, торопливо и невпопад снимаю десятикилограммовые блинищи и суетливо ищу те, что по два с половиной. А совсем не широкой спиной своей чую «дружественный» взгляд одного из самых монструозных культуристов с угрожающе выдающейся вперед челюстью и мускулатурой гладиатора. Он не выдерживает моих, мучительно изводящих его качковское сердце поисков, и нетерпеливо цедит сквозь зубы: «Ты пятачки накинь и заеб…сь, б…я!».

Понимаете, для этого недогадливого биндюжника что «пятачки», что «по два с половиной» было совершенно одинаковой мелочью и ерундой. Он даже осознать не мог, какая для меня в этом, «ё…та», невероятная разница, «н…х»! А вот я-то, к скорби своей, всё очень осознавал – я просто напросто «лёг» бы под этими «детскими» пятачками, а вот встать бы мне уж не довелось.

Ещё довольно жуткая штука, к которой я так и не смог привыкнуть – это «трогательные» просьбы «потереть спинку» в душевой. «Качки» деланно мужественными и преувеличенно низкими голосами небрежно кидали собрату по секте из соседней кабины: «Слышь, спину потри!». Какая-то в этом была тревожная нотка «гомосятины», хотя я, быть может, чересчур щепетилен – так, обычная «мужская» просьба.

В тот раз «потереть спинку» запросил у меня тот самый, что с челюстью и пятачками. Знали бы вы, как же я жалел тогда, что не было у меня хорошей корабельной швабры под рукой – тереть такую необъятную спинищу обычной стандартной мочалкой, это сродни тому, как драить палубу кухонной губкой.

Тот же словоохотливый неандерталец, кстати, однажды небрежно поведал корешам по залу про то, как некая залётная шпана «наехала» на них после тяжкой тренировки, и они позорно сбежали потому, что… «очень-очень на ней устали». А вот на следующий день, как следует передохнув и восстановившись, нашли-таки неразумных обидчиков и, разумеется, законно их отметелили.

Ну и конечно, на всю жизнь улыбкой в душе откликается неизгладимое воспоминание о первом моём робком выходе на арену «качалки» при знаменитом стадионе «Полёт».

Как только я в дурацкой, не шибко спортивной маечке и таких же неказистых трениках осторожно показал массивным старожилам свое хилое тельце, один из местных хохмачей выдал незабываемое, имитируя характерный гнусавый тембр «видюшного» переводчика Володарского: «И наступила эпоха кибо́ргов!». Эта знаменитая фраза с канонически неправильным ударением на первое «о» в слове «кибо́ргов», из культового для всего качковского люда фильма «Терминатор-1» немедленно заставила задрожать стены Святилища. Раздался такой дружный гогот, что я хотел было на-

вострить лыжи домой, обратно в уютную комнатку к кассеткам с «Accept» и макарошкам с котлетами. Но я собрал в кулак всю свою, растерявшуюся было уверенность, и душа моя не дрогнула. Я прошествовал вглубь и отважно лёг под сталь штанги. Правда, самой лёгкой, килограммов на пятьдесят, ибо я всё же успел сообразить, что будет, если меня ещё и унизительно придавит ноша не по силенкам. Так я принял крещение огнем. Качки же, проржались и, вытирая слезы от истеричного смеха, продолжили характерно пыхтеть под тоннами металлолома. Никто больше меня не задирал и не доставал изнуряющими повторами гениальной (тут я совершенно серьёзно) шутки, как обязательно случилось бы в ужасной моей школе.

Как-то в зал забрёл маленький такой мальчишка лет пяти-шести и застыл столбом, увидев зрелище толпы невероятно мускулистых мужиков (я, понятное дело, не в счёт). Никогда я ни до, ни после этого не видел в человеческих глазах такого восхищения, как в огромных глазищах этого пацанёнка. Он, простояв в остолбенении минут десять, и, внутренне настроившись, но, всё же робея, подошел к одному из перекачанных горилл и наивно и трогательно спросил: «Дяденька, а дяденька, а что нужно сделать, чтобы стать такими, как вы?». А попал он, бедолажка, снова на нашего штатного шутника-здоровяка, который задал мне жару на первой тренировке. Кстати, потом всех вновь прибывших с равносильной мне комплекцией накачанная братва звала не иначе как

«кибо́рги».

И вот изумлённый паренек, разинув рот, доверчиво ожидает, что «добрый большой дяденька» великодушно раскроет свою тайну, и превратится он, кроха, в одну из этих надутых машин для тяги. Но «дяденька», привычно ухмыльнувшись, подмигнул кодле приготовившихся к веселью орангутангов и, доверительно нагнувшись к парнишке, начал: «Слушай сюда, малый! Самое главное, это чтобы семечки всегда были в карманах. Грызи постоянно, мышца от них неслабо попрёт. И селёдки ешь, как можно больше, на неё, вообще, налегай!». И снова звучит грохот рыданий от смеха наших «распростецких» крепких ребят. Бедный парнишка и знать не знает теперь, верить этому авторитетному мужчине или зло посмеялись над ним эти «богоподобные существа». Недальновидные вы придурки, ведь могли бы и помочь правильному человечку, быть может, великую смену вы только что вырастили бы себе, но вам бы, понятное дело, лишь весело ржать-гоготать! Как это, всё-таки, непедагогично… Но если уж обойтись без этого пафоса укоризненных причитаний, то, чего говорить, сие было крайне смешно, реально, братцы, очень и очень смешно!

В каждой качалке, само собой, существует свой доминирующий самец. Он, как и в живой природе, как правило, явно превышает всех остальных по габаритам, жмёт какие-то умопомрачительные веса, рельефен, как греческая статуя и обязательно феноменально харизматичен. У него просто

обязано иметься всё и сразу – улыбка туповатого красавчика Ван Дамма, «строгий адик» (сиречь сугубо фирменный костюм «адидас»), самый модный ёжик на башке… Но тут должна быть и одна весьма тонкая грань – однажды выкрашенные кудряшки на макушке нашего «главного» чуть не стоили ему звания вожака стаи, и «педиковатые кудельки» были поспешно заменены на «пацанский» стандарт. Ну ещё, конечно же, желательно ровный шоколадный загар, пару почётных мест на «почти европейских» соревнованиях и лучше, если бы имелся хоть «на копеечку», но некий криминальный налёт – отсидка «на химии», ну или «на край», сойдёт и скромный «условный» срок.

Всеми этими блестящими качествами, без сомнения, обладал бесспорный лидер братства сиятельный Андрей. Всегда за советом именно к нему уважительно подходили «обломы» помельче, и он нарочито спокойным тихим гласом «авторитета» разъяснял, поучал и наставлял.

Но случилось страшное! Даже я, которому начихать было на всю это шутовскую иерархию, да и накачаться-то у меня ни фига не получилось – так, стал чуть покрепче, да вдоволь «навидался видов» от ранее незнакомой мне прослойки, но даже я не знал, куда деть глаза при виде происшедшего.

Дело в том, что в наш город нежданно-негаданно переехал качок-варяг. Естественным для него первым шагом было не устройство на работу или учёбу в вечерней школе, а немедленное включение в местную культуристскую жизнь. Когда

он небрежно вошёл в пропахший потом зал, наступила мёртвая тишина. Чувак был огромен! Нет! Слово это, конечно, не то! Он был, будто персонаж мультика про супергероев, таких людей в реальной жизни просто не могло существовать. Дельтовидные мышцы его были размерами в две хороших человеческих головы. Он закрывал собой солнце, и золотое сияние исходило от него самого…

В углу привычно жали от груди. Веса были запредельные, зубы скалились от натуги, мышцы жутко напрягались и качки зверино рычали. А этот «из комикса» тип спокойненько так дождался своей положенной очереди и играючи проделал с этим бесчеловечным весом подход «французского жима». Прошу не путать сие достойное упражнение с «французскими» поцелуями и прочей «лягушачьей» любовью – «французский жим» это всего лишь благородный жим штанги, но только не от груди, а ото лба. Упражнение становилось от этого раз в пять труднее, и вес, само собой, опасливо снижался.

Невозможно описать реакции «местных» на это «показательное выступление» дерзкого новичка. Он задиристо прошёлся, покачивая мясом, по притихшему залу, вынул разбрызгиватель для воды, коим заботливо ублажают прихотливые капризные растения и, глядя на себя в зеркало, и делая «совсем не добрые глаза», обильно разбрызгал живительную влагу себе по свирепому лицу и всему, «что называется фигурой».

После этой второй «акции устрашения», он немедленно перешёл к решающей третьей. Он профессионально быстро выцепил «самого-самого» в качалке и небрежно предложил зашатавшемуся уже вожаку-Андрею посоперничать по части «армрестлинга» или, проще говоря, побороться на руках.

Андрей уже всё давно понял и понуро брёл к своей моральной гибели медленно, словно на эшафот. Был принят обоюдный классический упор и наш «батюшко-красавец» был размазан за полсекунды, чуть не получив зверский вывих. Дальше понеслось обыденное и нудное для таких неловких ситуаций: «Не-не-не, я просто не успел приготовиться, ты рано рванул…». «Монстр из Преисподней» спокойно и невозмутимо предложил повторить публичную казнь ещё. Терпеливо дождавшись полного приготовления сломленного уже духом спарринг-партнёра, «робокоп» демонстративно спросил: «Ну сейчас-то ты готов?». И получив затравленный утвердительный ответ, ровно так же, как и в первый заход в долю мгновенья уложил бывшего уже «предводителя Команчей».

Сгрудившиеся вокруг чудовища поменьше осознали теперь уже окончательно и навсегда, что их «Акела промахнулся». И наш местный Петросян тут же издал ехидный писк шакала Табаки в виде фразы, «ставшей теперь канонической»: «Слышь, Андрюх, а ты его в шашки обыграй, может, в них получится!». Самый быдланский и саркастически-ядовитый хохот бандерлогов высшей категории обрушился на

опустившиеся, когда-то самые мощные плечи района поверженного Андрея.

Король коварно был низвергнут и предательски забыт. Но «новый император» оказался на самом деле чуваком вполне себе весёлым и миролюбивым. Он почему-то не стал устраивать резонной в такой ситуации «тюремной» деспотии и просто, без выкрутас и с наслаждением «качал мышцу».

Правда, непостоянные «бандерлоги» подобострастно «кучковались» теперь уже вокруг нового и прекрасного Атлетического Бога.

Когда я выхожу на большую запись…

Я, скорее всего, вновь неприлично повторяюсь, будто старенький дед-маразматик, но однажды, «в молочной нашей юности» мой тогдашний «по-хорошему» чокнутый гитарист Лёшка Каулин «выдал мне во временное пользование» (годика на эдак два) отцовский советский катушечник. И что ещё важнее, плюс к вожделенному магнитофону все драгоценные ленты с музыкой такой затейливой и в таком противоестественном количестве, что это уже было не просто чем-то банально «необыкновенным», а без сомнения, «игриво указующим перстом судьбы», если хотите. Ну а если уж не хотите, то хоть попытайтесь, да попробуйте осознать то «кое-что», случившееся со мной: в тогдашнем «Совке» провинциальному подростку – и всю пёструю до безумия историю «рокенрола» в одно мгновение! Чудо, Божественный Подарок! И я вовсе даже не собирался развязно пошутить сейчас.

И ещё здоровенная «меломанская тетрадь» в придачу! Да и не тетрадью она была даже, а огромным альбомом-фолиантом, вроде зловещего школьного журнала, только не разлинованного, а, наоборот, сияющего радугой. Полнейшая иллюстрация того, что запечатлено на волнительных бобинах моего детства – названия песенок, вызубренные навеки со-

ставы, расфуфыренные логотипы, решительно всё!

Отца Лёхи я видел редко. По-моему, он был какой-то классический комсомольский бонза, во всяком случае, стереотипно внешне он мне таким казался: моложавый, с номенклатурными «филатовскими» усиками и вечным новым «винилом» под мышкой, ну как же не «комсá»?

А вот красивая мама Лёхи неизменно встречала нас томным потягиванием, напоминая мне очень соблазнительную и порочную Лору Лайнс из нашего «Холмса» в исполнении прекрасной Аллы Демидовой. Видя первую волосатую личность, заползающую в дом, она лениво тянула: «О-о-о, «мальчик»!». Когда появлялся второй нечёсаный персонаж, не меняя интонирования, произносилось: «Ещё «мальчик»!».

Если её не было дома, то можно было тайком порыться в пузатых шкафах и найти там, скажем, завораживающий дух альбом репродукций любителя преисподней гражданина Босха, размером метр на метр или же глянцевую подборку полупорнушного Бидструпа. Ни у меня, ни у моих тогдашних невежд-корешей невозможно было даже измыслить себе эдаких сугубо запрещённых, а потому манящих сокровищ.

В общем, ответственно считаю, что развивался я, без сомнения, правильно, хоть и в разрушительном «рокенрольном» направлении. Прибавьте сюда вожделенные кассеты, что опрометчиво проносились домой моим беспечным отцом. Интересного мне там было крайне мало, но перепадал ведь по случаю и тощий Джон Леннон и пухленький Пресли,

так что томительное ожидание добычи всегда присутствовало.

Отлично помню «дивный образ» ещё одного дядечки «под шестьдесят» типично «фарцовской» внешности и одеяний, знакомого моего легкомысленного папки. Многое, что являлось непременными атрибутами соцбыта – «скучнючие» Джеймс Ласт, Фаусто Папетти, «Арабески» с «Баккарой», почему-то какие-то дикие певцы-эмигранты, инфантильная японская эстрада и обязательный Высоцкий, всё запросто доставалось через этого «незаменимого деятеля». Для отца – бесплатно, для иных – не совсем. Промышленным оптом он беспрестанно добывал где-то все эти жутковатые в основном новинки и реализовывал ограниченным и непросвещённым гражданам СССР под видом музыкальных иллюстраций «сладкой жизни» там, за манящим бугром.

Если бы вы только могли слышать, как он значительно говаривал: «Когда я выхожу на большую запись…». Серьёзность этой акции не должна была вызывать ни капли сомнения у «простых смертных» от убогого, кастрированного «соц-меломанства». «Различнейшие» ширпотребные «Бони Эмы» и Поли Мориа со временем сменили более модные «общероссийские» «Скотчи», «Видео-кидсы», «Модерн Токинги» и «Бэд Бойзы», но вальяжный дядечка неизменно захаживал к нам и важно выдавал довольному отцу разноцветные кассетки со «второй записью с пласта» (первая была только у Самого).

Чуть позднее он почему-то резко исчез – наверное, конъюнктура капризного музыкального рынка стала совсем уж ему чуждой, и монаршее время его кануло в Лету вместе с рухнувшим, искусственным, но трогательным иногда строем.

Зачем я помню всю эту пакость

Не могу сказать, что вспоминаю так часто, и уж тем более с ноющей ностальгией «школьные годы златые», но в странной памяти неудобно застряло неприятное «что-то», и не вытрясти этот сомнительный сор уже никогда…

В нашем «замечательном» классе, а, думаю, что и в каждом другом, водилось два-три здоровенных и высоченных дебила, завистливых, жестоких и трусливых одновременно. Рыскали они непременно дурно пахнущей кучкой – так можно было надёжно и гарантированно «опустить» любого, кого подлые эти шакалы выбирали на сегодня жертвой. Имён произносить не хочется, кого-то уже и нет на этом свете, а кто-то спрятал свое потаённое зло за семейный, нивелирующий многое, круг.

Теперь они добропорядочные мужья, любимые чадами папаши, а я-то вот знаю, кто они на самом деле и ничто не изменит это адское племя. Просто страшное «это» появляется в них одновременно с рождением и не умирает никогда.

Некоторые из наших «однокашников-отморозков» были не настолько и сильны-то физически, и я с презрением наблюдал их такие жалкие попытки скрыть этот разоблачающий факт. И заливистый внезапный смех разбирал меня, вечного ребёнка даже тогда, когда было мне, прямо скажем, не до «заливистого» смеху.

Один из них, Г. (Г. – это, кстати, весьма в тему, это хорошо и необыкновенно подходит) по время мучительных сеансов принудительного подтягивания на турнике небрежно запрыгивал на перекладину и после второго-третьего неловкого раза судорожно соскакивал на пол и с деланной гримасой боли хватался за плечо. Явно переигрывая даже для школьной самодеятельности, он мужественно кряхтел и разминал «страшные» повреждения руки и досадовал, что, мол, «кажинный раз» одно и то же: «Так-то «пятнашку» делаю запросто, даже ночью, а тут такая беда…». Мне, кстати, кажется, что весьма многие соображали, что тут за дешёвое шапито, но рассмеяться не давал спасительный инстинкт самосохранения – качество и изощрённость мести были бы высочайшего сорта.

Много позже окончания ненавистной школы забавница-судьба сводила меня с этими жуткими типами неприятнейшим образом пару раз, хотя я наивно думал, что после поступления в Универ я никогда уж не встречу наших бывших мучителей.

Первый раз парочка одноклассничков, а ныне новоявленных бизнесменов развела меня на бесплатный расчёт кредита. Крохотная «оплатка» вначале предполагалась по устному договору, но получив на руки мои каракули, я был тут же благодарно, видимо, в счёт старой школьной памяти, забыт.

Ну а другой, «не менее приятный» эпизод был «радостной встречей выпускников» в случайном автобусе, когда я,

«не зная, как и благодарить судьбу», покорно выслушивал матерные воспоминания о том, что у одной из надёжно забытых мной одноклассниц были, так скажем, полноватые бёдра: «Такой был «ср…льник»! Вот это «ср…льник»!» (покорнейше простите за совсем уж моветон). «Сильнейшие» эмоции перехлёстывали, и не хватало слов, чтобы передать волнующие размеры, поэтому экспрессивно распахивалось окно маршрутки и на простор высовывались здоровенные лапы, чтобы объять этот её воображаемый «рубенсовский атрибут».

Зачем я помню всю эту пакость, а главное, почему я это всё рассказываю сейчас? Может, наивно надеюсь, что выболтаю все гадкие «некартинности», и меня отпустит? Но чегой-то не отпускает…

Мгорь

Ко мне никогда, даже в «дворово-суровом» детстве не приклеивались прозвища и всякие прочие там «кликухи». Я почему-то считаю это определенным комплиментом «неповторимому» себе. Дело в том, что я «счастливый» обладатель такой уж смешной и просто даже зовущей уже к дразнению фамилии Матрёнин, что должен был бы я непочтительно зваться «Матрёшкой» до самого институтского выпуска. Кстати, загадочным образом по «советскому паспорту» я почти что «по-дворянскому» «Матренин». Но нет, никто и никогда не навешивал мне такого вполне законного «погонялла».

Смею самонадеянно верить (имеется и такой за мной «полусмертный грех»), что это есть признак моей «яркой и уникальной», с позволения сказать, индивидуальности. Я – Игорь, мол, и этим всё уж сказано! Ну «закадыкам-корешам», ясный перец, позволительно по-амикошонски называть меня небрежно «Игорян», а то и совсем запросто «Гоша».

Гошами, кстати, кличут Игорей не каждого города. В «Хохляндии» и некоторых замшелых провинциях, типа моего «Нижнего», да! Но вот в чопорных столицах это тут же вызывает высокомерную оторопь, ибо «Гоша» – это строго только «Георгий», «я таки вас умоляю, что за варварство!».

Кликуха непрошенной гостьей может прицепиться ко мне лишь на пару минут, но никогда не остаётся далее, как замещающее, более подходящее, как у индейцев или воров, тотемное имя.

Было дело, сознаюсь, я настраивал одиозную «Бухгалтерию 1С» одному здоровенному жлобу с «Украиншыны». Неосмотрительно представившись, как Игорь, я неожиданно получил в ответ незабываемое: «Я этих ваших «кацапских» имён не принимаю, будешь «Гоша», «вощем», по-нашему!». Как жаль, что этой неподражаемой фонетики буквы «г» «похохляцки» мне на бумаге не передать…

В совсем уж «младшешкольном», крикливом и матершинном детстве (а тогда реально из невинных уст вылетало столько ужасающего мату, что за всю свою последующую малокультурную жизнь я всё же столько не матюгался) мы игрывали частенько в футбол дворами. И во время одного такого горячего матча меня недолго звали… «Буржуй», поскольку в «пас» я играть, ну совершенно вот не любил, предпочитая индивидуально и единолично провести мяч через всё поле и самолично же «влупить» по воротам, пусть иногда даже и по своим.

А в бытность же «нижегородского периода» нашего несгибаемого «Алкоголя» меня (опять же день-другой) величали не иначе как «Рамбаль Коше». Быть может, припомните, был такой сомнительный персонаж из французского фильма «Игрушка» с великим Пьером Ришаром. Это был клас-

сический хозяин-самодур, который с наслаждением владел «заводами-газетами-пароходами», но главное, был настолько эгоистичен, что мог легко уволить любого бедолагу сотрудника буквально за вспотевшие ладони при рукопожатии.

И имелся там ещё такой смешной эпизод, когда он царственно усаживается во главе длиннющего стола на корпоративном пикнике и непринужденно придвигает не стул к общему столу, а, недолго думая, тиранически подтаскивает стол к любимому себе, путая приборы, надкушенные блюда покорных и затравленных работников. Так вот, как-то раз (или «двас») после тяжёлой репетиции я решил устроить у себя традиционную попойку, и во время рассаживания дружбанов-музыкантов выдал (случайно, клянусь!) тот же не шибко приглядный трюк. И пару часов заслуженно был самим «Рамбалем Коше». Ну что ж, поделом мне, неловкому, каюсь-каюсь, но лишь за свою неуклюжесть!

А ещё вот однажды, кажется в пресловутом «вконтакте», я таинственно подписался, как «Мгорь», нехарактерно для меня опечатавшись. И с лёгкой руки «ди-джея-пересмешника» Лёньки Липелиса сутки я существовал многозначительным «Мгорем».

Вот и все, наверное, неудачные попытки «окрестить» меня вторым «племенным» именем.

Ну разве что ещё за чуткие уши можно привязать сюда дурную историю, как я по совету юмориста Руська выбрал «забавное такое» имя для «яндексовского» и-мейла –

«matretskiy». Ну, во-первых, по искреннему убеждению моего чересчур остроумного гитариста, что пока в группе нет чистокровного еврея, удачи нам не видать, как, впрочем, и собственных пейсов. А во-вторых, это умопомрачительно похоже на фамилию прославленного композитора Владимира Матецкого, «успехо-притягивающий» эффект которой сложно приуменьшить.

Всё! Зовите меня просто: выдающийся российский композитор, незабываемый поэт и исполнитель куплетов, романсов, а так же фри-джаза, Игорян! И можно ещё для пущего комического эффекту с тем самым знаменитым хохляцким «г»!

Сугубо нормальные

Иришка (тогда давно она была ещё моей женой) всегда была девочкой не вполне нормальной, особенно в представлении чересчур уж «нормальных» наших учителей. Так в чём же была их «легендарная «адекватность»?

Ну, наверное, в том, например, что «абсолютно приличный и общеуважаемый» педагог её класса Галина Евгеньевна **уратова на любимых всеми захватывающих уроках географии шизофренически тыкала указкой в любое место карты и неизменно произносила: «А здесь у них пустыня смерти!». Делалось это с нравоучительным выражением лица и назидательным интонированием. Уличить эту весьма простецкую даму в эдаком гипертрофированном чувстве юмора было никак нельзя, и, соответственно, напрашивался резонный вывод – «дурка» плакала по ней конкретно и от души.

А ещё (кстати, прошу приготовиться) с нею регулярно дрался на шпагах (!) сиречь тех же импровизированных указках, некий отчаянный ученик Сорокин. Залихватски салютуя перед каждым новым боем, он всякий раз бросал мушкетёрский клич: «Галина Евгеньевна, защищайтесь, вы обосрали кончик моей шпаги!».

Уж куда ж ещё «дальше и нормальней» было всё это наше школьное безумие ошалевших от тоталитарного всевластия училок.

Милые детки, надо признать, старательно не уступали в щегольстве фантазии педагогам. Всей тогдашней «видавшей виды и с далями» школе не понаслышке была известна кошмарная шайка малолетних гопниц в блестящем составе сестёр Карюкиных и Жанны Юхновéц. Звучит, а? Чёрт возьми, звучит! Жестокие сёстры формально являлись близнецами, но парадоксальным образом, были вот, ну ни фига не похожи друг на друга. Занимались эти милые и славные барышни всем тем, чем и должна заниматься отвратительная школьная шпана – рэкет после уроков, драки на переменах и адское сквернословие в любое время суток.

А вот конкурирующая альтернативная шайка, состоящая из уродов мужского пола, была, напротив, мрачно озабочена примитивной реализацией древнейших животных инстинктов – принудительным раздеванием невинного девичьего народонаселения. Так, будучи пойманными с поличным, вся эта гадкая кодла извращенцев была в полном составе показательно исключена из школы, тем самым оголив мальчиковую составляющую класса процентов на сорок.

Счастливо перейдя в благородные стены университета, Иришка по-прежнему считалась «той самой девочкой не от мира сего». Чопорные «преподы» неприязненно крутили головой, нервно пожимали плечами и были крайне раздражены нестандартной, не признающей дутые авторитеты, маленькой эффектной брюнеткой неизвестного роду и племени.

Однако, несмотря на величие храма науки, учебный бедлам не переставал существовать. Всем, кто «левою ногою» учился на нашем выпуске ведома душераздирающая история о массовом сумасшествии на филфаках. И это, что называется, святая правда, а не какой-то студенческий фольклор, наподобие «кинговских» страшилок. И убедительно прошу, вы только не подумайте в благодушной усмешке, что сие есть некая детсадовская придурь, наподобие вызывающего шёпота на алгебре: «Ирк, бросай учить, меня только что «шиза» посетила!», вовсе нет. Натуральным образом несколько несчастных девушек крепко и без дураков (какой жестокий получился каламбур) сошли с ума, неосмотрительно перенапрягшись, видимо, от бесчеловечно насыщенной литературной программы.

Вот такие грустные сказки из детства. А черноглазую девочку Ражеву до сих пор считают городской сумасшедшей «самые нормальные, добропорядочные и уважаемые люди города», на которых давно уже пора было накинуть стильные смирительные рубашечки.

До трёх лет

Из детства своего «самого глубинного и сакрального» не помню почти ничего. Лет до трёх вообще, будто голодная корова языком слизнула – из полезной информации лишь несколько смутных, будто забытый сон, эпизодов.

Да и надо честно признать, память у меня настолько короткая (такое вот на полном, кстати, серьёзе небольшое психическое отклонение), что мои добрые знакомые укоризненно напоминают о значительных вроде бы событиях, а у меня эти файлы безвозвратно удалены из «игорёшиной» памяти неким зловещим программистом, живущим в моей пустой голове.

Близкие сочувственно знают о моей маразматической (с их точки зрения) привычке, а пожалуй, скорее даже противоестественной страсти судорожно снимать всё, что происходит с нами на мобильник. Сотни, да чего там, тысячи «гигов» волшебных фотографий и незабываемых видео-иллюстраций к нашей неправильной жизни заботливо хранится и многократно «бэкапится», рассовывается, подписывается и пересматривается. Только так, «под мелкоскопом отсматривая» мою странную жизнь, я могу хоть чуток припомнить, что же со мной «эдакого» происходило. Вот такая нелепая особенность моего сознания – я компетентно помню всё в деталях и отчётливо лишь только с момента приобретения

вожделенного мобильника с камерой.

Школа, универ – ну какие-то малые крохи остались всё же, их, собственно, и восстанавливаю под глубоким гипнозом, чтобы хоть капельку развеселить тебя, мой милый читатель. Но что же было тогда, до трёх загадочных лет? Словно еле уловимые вспышки, вижу живые картинки…

Вот я совсем ещё крошечный на огромном стадионе среди пьяных и горластых мужланов-болельщиков, и мой улыбающийся папа невозмутимо доказывает гогочущей шайке своих дружков, что я не девица. Ведь я же по воле затейников-родителей всё раннее детство проходил и пробегал с длинными кудрявыми локонами, а они, несправедливые мои предки ещё и досадуют теперь, почему это их дикий сынок имеет странную слабость к «хаеру» до плеч. А доказывает он это очень простым, но самым достоверным образом – элементарно спускает с меня штаны и гордо демонстрирует мою напуганную «пиписку» восторженно улюлюкающей толпе. Вот ведь странно, но я даже помню, как мне было жутко неловко, хоть и все сильно нетрезвые дядьки были настроены весьма доброжелательно.

Ещё крохотный кусочек несуществующей кинохроники – возле забора нашего старого, ещё частного дома меня в мгновение опрокидывает огромная, больше меня, чёрная собаченция, подминает и принимается теребить, словно тряпичную игрушку. А мне совсем не страшно, мне весело, я знаю, что гигантская псинка меня не обидит, я и сам начи-

наю таскать её за густую шкурку и даже играючи бороться. Собачку звали Мухтар… Говорят, у нас жила ещё некая овчарка Стрелка, но её помню лишь как-то интуитивно, вроде что-то такое было, но картинки нет…

Неужели всё? Любимых родителей практически не вижу, будто их и не было со мной тогда. Только добрая бабушка и суровый дед, которые, видимо, и прилежно возились со мной, заложив основы сложного характера – в общем-то, добрый, но суро-о-ов!

Ага, ещё одна вспышка и яркая! Еще бы – мы с бабушкой в бане. В женской! Она таскала меня туда, совсем кроху, и намыв, вручала тогдашнюю советскую газету и оставляла сиживать за поучительным чтением. Что именно читать мне было абсолютно «по барабану», как гоголевскому Петрушке, и так это меня занимало, что я не орал «дурни́ной», подобно другим горластым деткам, а с замиранием в душе складывал из тридцати трёх удивительных букв различнейшие слова и предложения, и это было Волшебство.

К слову, никто почему-то не верит мне, что я начал довольно бойко читать «литературку» аж в два с половиной года. Ну и не надо, кто желает квалифицированно удостовериться, может спросить у моих предельно честных родителей, раз уж происходит такое оскорбительное недоверие!

Но, несмотря на поглощающий меня целиком интерес к благородному чтению, я прекрасно помню всю захватывающую «обнажёнку», что представала тогда «в баньке» перед

детскими любопытными глазёнками – разнокалиберные голые тётеньки неспешно шествовали мимо, покачивая, чем и должно покачивать. И уже тогда я сразу просёк, что молодые женщины выглядят гораздо привлекательнее, чем те, что постарше, и вообще тело женщины оказалось таким красивым, что вот это-то я помню особенно отчётливо даже теперь. И фигурки с точёными талиями и крутыми бедрами перенеслись эротическими снимками через годы, и я, всегда не раздумывая, выбираю только такой безмерно волнующий меня расклад. Это, видимо, и называется грозной фразой «формирование либидо».

Стоп! У меня снова было видение… Смейтесь-смейтесь! Как-то мы всем дружным семейством переезжали на новую очередную квартиру, и жить нам пришлось аж пару недель у старых знакомых. Там я настолько уж «скорешился» с такой же мелкой и бойкой дочуркой хозяев (мы скакали целый день, как обезумевшие мартышки, жутко утомив не то что родителей, а и даже домашних животных), что при отходе, так сказать, ко сну, бойко юркнули в одну кровать и, шустро накрывшись одеялом, принялись немедленно засыпать. Высоконравственные же родители к нашему простодушному изумлению сделали страшные глаза и потребовали немедленного целомудренного расселения. Было так досадно, что мы учинили им гневный допрос с пристрастием, почему же случилась такая оскорбительная несправедливость. Родители, смущённо отводя глаза, неубедительно ответство-

вали, что, мол, мальчику и девочке в одной кроватке никак нельзя. Ну теперь-то я уж точно знаю: конечно, можно и даже «оченна» нужно!

И весьма похожая драматическая «лав стори» произошла на советской «семидесяшной» вечеринке в гостях давних друзей моих «предков». Какие же они были молодые и красивые, вижу это очень отчетливо – и мамочка, и папочка, и их друзья, тоже счастливая «советская» семейная пара. Имелись в наличии и две симпатичных девчушки, их дочери, с которыми я снова «отрывался и колбасился» от души. В финале нашего «буйства духов» было единогласно решено устроить олимпийские состязания по борьбе. Естественно, что я, хоть щуплый, но всё же, какой ни какой, а мальчишка, валил девиц залихватски и на раз. Девчурки озорно визжали. И снова знакомая укоризна в глазах родителей и неловкое замечание на предмет: «Нельзя мальчикам и девочкам бороться… Ну нельзя, вот и всё!».

Но тут, припоминаю всё же, я почему-то почувствовал, что прилюдно возлежать на хорошенькой девице в таком юном возрасте – это что-то сродни «джазовому» вызову и даже «рокенрольному» бунту! Это было НЕПРИЛИЧНО! Уж не знаю, чувствовал ли я что-то запретное в те небольшие годы, но видимо, да… Но именно тогда я «прозорливо» догадался, как это ни удивительно в такие-то младые лета, о великой тяги полов. Что, собственно, всегда и будет для меня «под магическим советским запретом». Я на полную катуш-

ку тогда осознал, что так пугало многоопытных наших родителей… Эдак-то физическая сторона любви могла и ненароком реализоваться!

Ну а «разбитной вечерочек» закончился банальной оплеухой от недовольного отца, после того, как я, светски веселя своих очаровательных спутниц, залихватски допил остатки водки из чьей-то рюмашки. Пакость, доложу я вам, оказалась редкая. Я ещё подумал тогда, как же и для чего они ЭТО глотают и запрещают делать сие нам, маленьким (я, понятное дело, в завидках предполагал в этой загадочной жидкости совершенно райское наслаждение). Так я был вполне справедливо опозорен в присутствии дам и остаток вечеринки провёл в тихой задумчивости.

Всё, не помню больше ни фига!

Папа

Мой любимый и лучший на свете папка весьма странный и очень-очень хороший человек. Таких исключительных людей на суровой планете Земля крайне мало и, собственно, именно на них она, сердешная, пока и держится.

Я «до головокружения от успехов» счастлив, что его специфическое чувство юмора передалось и мне по, так сказать, закономерному генетическому наследству. Ну я очень надеюсь, что передалось. А счастлив и горд я, ребятушки, потому, что все невероятные байки, уникальные его штучки, им же придуманные словечки, а главное, неподражаемая шутовская манера рассказчика – это драгоценное достояние народной культуры, и вот это сейчас совершенно серьёзно! Ну а я «по мере скромных сил» продолжаю вместе с ним нести эту самую «культуру в массы».

Чего стоит одно только его знаменитое «втете́рить», что означает почему-то смачно выпить, в смысле, лихо опрокинуть рюмочку. Или, к примеру, «тру́мцух-дуту́хцух» – это не что иное, как обозначение сугубо кривой музыки, что я при нём иногда опрометчиво запускаю. Ну а спиртосодержащий напиток непотребно низкого качества на дивном языке папульки имеет какой-то просто турецкий колорит, встречайте, это будет «са́рза-ва́рза»!

Один из самых загадочных неологизмов моего чудного

папки немедленно вырывается из него, как «хохмо-реакция» на вычурное пижонство или праздную псевдоинтеллектуальную болтологию. «Таких» беспощадный на словцо отец уничижительно гвоздил к забору следующим: «Джон Пистон по кличке «жопа»! Что это, вообще, и откуда? Не ищите напрасно, я уже старательно излазил до мозолей весь необъятный «и-нет».

Как то, повествуя о некоем «мещанском» скандале, что затеял среди многочисленной родни некий отчаянный персонаж, мой папулька употребил совершенно удивительный оборот: «И тут он начинает рушить родственные связи…». Какова литературная силища, а?

А вот ещё один ехидный приговор одному капризному самодуру-начальничку, который в безумии требовал немедленно исполнить такие невероятные вещи, что сие очень попахивало произволом диктатора: «Ну-у, это всё равно что, представьте – восемь женщин в комнате, а им ответственно приказано родить ровно через месяц всем вместе и в одно и то же время». Дикий разгоняй в начале недели, получаемый от совсем уж распоясавшегося руководства, у отца превращается в: «А в понедельник он такую срезку дает…». Про противоестественное количество технического спирта («массандры» в простонародии) у счастливых заводских техников сатирик-папа бронебойно «отжёг»: «Ну это я не знаю сколько… Это Санахта впадает в Волгу, вот как-то так!».

Помню очень смешной рассказ о трогательном соседе-ин-

теллигенте, что тихонько уж спился, но всё же пытался ещё держать хоть какую-то «марку с фасоном», почтительно расшаркиваясь и подчеркнуто выдавая почти дореволюционные «желаю здравствовать», «будьте любезны, сударыня» и прочие вычурные галантности. А пьян он в сей момент, надо сказать, уже прямо-таки в степени вызывающей, и это несоответствие провоцирует такую широкую улыбку, что не всегда-то и спрячешь из пущей деликатности.

Так вот, как-то осенним сыроватым вечерком домовитый папа покупал к столу ординарного советского винца и случайно обнаружил этого «членкора» в соседней «вино-водочному лабазу» забегаловке, томно берущего традиционные «сто пятьдесят». Разливающая продавщица сердобольно предложила «конфеточку на закусь», на что, покачиваясь изящным кавалером, дядечка-интеллигент мягко так «по-профессорски» ей ответствовал: «Вы знаете… Э-э-э… Если можно… М-м-м… Мне-е… Печеньице…».

Если бы только «имели счастие» видеть, как в лицах и образах такую «моно-антрепризу» показывает мой отец, вы навсегда забыли бы дорогу в театр – он казался бы вам с этого момента сборищем самодеятельных выскочек.

Или вот вам ещё – знаменитые папкины «бегунчики». Так окрестил он великовозрастных «алкалоидов» из их тогдашней компании, что тайно «разминались» отдельно, заранее до назначенной вечеринки, прямо перед ломившимся всяческим «коньячно-водочным» столом, сбежав от жён, кол-

лег по «соцтруду» и деток, где-нибудь возле сараев. «Ну вот надо им, ну хоть бутылочку, да хренова портвейна, ну для головной боли, бегунчикам, ты понимаешь?» – весело припечатывал он этих вечных адептов подростковой сопливой романтики.

Иногда же милый мой папка бывает таким наивным, что мне его немного по-доброму жалко. Как-то, будучи ещё весьма мелким охламоном, я сиживал на коленях в своей крохотной комнатке и слушал «милое сердцу «хеви». Неожиданно вошел отец и, завидев меня в этой подозрительной буддистской позе, обеспокоенно спросил: «Сынок, ты что, стал жертвой какого-то культа? Зачем ты так сидишь, ты молишься что ли?!». А я-то всего лишь проделывал пошлейшую растяжку для каратэ или брейк-данса, не помню, чем уж я тогда по глупости увлекался. Как же долго и как же нелегко пришлось мне переубеждать перепуганного папу, что сыночек его не попал в коварные сети сектантов, и щупальца зомбирующей религии не обвили юное сердце. Не факт, что он и сейчас-то так иногда не подумывает в недоверии.

А ещё была у нас в школьные годы в самой пиковой моде «нововолновая» стрижечка с очень длинной косой чёлкой. Я, естественно, завёл себе такую же. «Прозорливый» отец, критически оглядев меня, мрачно процедил сквозь зубы: «Знаю-знаю, под кого вы работаете…». Вы не поверите, но он посчитал, что мы дружно «косим» под… Гитлера!!! Ни ухом, ни рылом мы не имели в виду этого визгливого упы-

ря и душегуба! Но наша советская пропаганда неумолимо и грамотно делала своё правое дело, и подозрения старших тут же пали на тогдашние нехитрые «брейк-дансовые» причиндалы.

Кстати, был вполне себе реальный случай, когда на школьной убогой дискотеке одного парня с такой вот «подозрительной» чёлкой представители от райкома комсомола в коалиции с фанатиками «ДНД-шниками» «попросили» зачесать чёлочку на другую сторону, ибо на эту зачёс был «сами знаете, у кого». Да-а-а, я ещё успел застать «совдеповский» маразм в самом своём забродившем соку!

А ведь были в свои стародавние времена «дела и делишки», когда меня, гнусно заламывая руки, заставили снять значок тевтонцев из группы «Accept» на первомайской демонстрации, грозя чуть ли не «сроком» за политическую диверсию. Уже через год «диссидентский» «Ровесник» напечатал статью о моей любимой команде, и я с наслаждением ткнул в трусливую личину тогдашнему, окрылённому властью комсомольскому вожаку свирепую физиономию Удо Диркшнайдера в праведном гневе.

Ну вот, опять меня с грохотом понесло по кочкам, и я пристыжено возвращаюсь к основному вопросу, уж «пардоньте», за врождённую мою шизофрению!

Мой милый папка бывает, конечно, гневлив без меры, но я-то знаю, как он тяжело переживает наши нелепые судьбы – мою и младшего братишки Женьки. Родные наши па-

па и мамулька так хотели, чтобы мы сделали блестящие карьеры, стали богатенькими и заслужили «крутые уважухи» в недалёких обывательских кругах, а вышло… Старший – маргинал, который занимается только сомнительными видами промысла, как то: «игрой на балалайке», сочинительством никчемных песенок и пением их по кабакам, а меньшой запутался в жизни ничуть не меньше, и назвать его миллионером также как-то не поднимается рука.

Зато мы вас так нежно, до боли в сердце любим, дорогие вы наши и замечательные мамка-папка, самые лучшие и самые красивые «предки» на свете!

Три вечных темы для песен

Сколько себя помню, а помню я, правда, крайне не густо, но мне всегда так уж до дрожи в тощих конечностях хотелось собрать свою собственную группу, вроде, скажем, «каких-нибудь» «Rolling Stones», ну или «хоть» «Beatles», всё равно, и петь в ней свои колкие песенки.

Но местечковых групп вокруг было хоть пруд пруди, а уж вокалисты-песенники, те и просто понурыми толпами бродили по городу, «по-мародёрски» посматривая на разваливающиеся периодически коллективы. Так и я неизбежно проходил через ад «подбора кадров».

Вспоминая всех тех, с кем я с опаской общался, неловко «джемовал», пытаясь понять, знает этот «неведомый артист» три аккорда или даже четыре, выслушивал клиническую бредятину и просто пугался безумного вида претендентов, я поражаюсь самому тогдашнему себе! Сколько же нужно было фанатичного желания найти собратьев по «священной борьбе»… Сейчас я вряд ли смог бы пройти через эту бесконечную мясорубку прослушиваний полусумасшедших и «сеансов игры» с калеками-музыкантами.

Тогда я не был ещё «привилегированно знаком» ни с одним из приличных артистов в нашем мёртвом городе, и поэтому упрощающих всё рекомендаций получить мне было не от кого. И я предпринял опасную попытку найти хоть кого-то

по объявлению в газете – самая, кстати, распространённая ошибка начинающего автора. Ты не можешь видеть, что за мрачное существо сидит там, на другом конце телефонного провода, и риск наткнуться на какого-нибудь вурдалака, ох, как велик.

Я пёрся душным автобусом на подозрительные окраины, с опаской входил в незнакомые квартиры и тут же нервно осматривался, потому что по самым первым ненадёжным признакам обстановки я скоро научился филигранно определять – безопасно тут чуток задержаться и помузицировать или тикать нужно немедленно и быстро.

А узреть можно было многое: например, огромную пентаграмму по всему полу несвежей комнаты, плюс расставленные повсюду ритуальные свечи. Заспанный хозяин шабаша с длинными непромытыми космами несколько заторможено «успокоил»: «Ты это… Не обращай внимания, просто вчера месса была…».

Или вот такой заход «в неизведанное»: заползаю в зачумленную конуру ещё одного «горьковского» типа, что отрекомендовался «джаз-роковым гитаристом-виртуозом» (!). А там внутри он начинает хаотично и остервенело зажимать «аккорды», которые к таковым не имеют прямого отношения – просто набор пугающих атональностей, причём весь этот сатанизм ещё вкупе с параноидальным рваным боем. Я в ужасе смотрю в его стеклянные глаза и вижу в них такое безумие, что по коже мечутся в своём отдельном страхе

трусливые мурашки. Вначале ещё я надеялся, что сие «таинство» просто эдакий «странненький прикол», но «одарённый» парнишка крайне серьёзно и даже как-то сурово пояснил, что, мол, «это такая манера у меня личная», и я пал духом окончательно, незаметно высматривая «колюще-режущие» на этой дикой фатере. И всё же я мягко попытался наладить общение дипломатичными фразами, вроде: «Слушай, у тебя аккорды-то какие-то необычные совсем…». На что мне было «отвечено» страшное, но невозмутимое: «Да я, если честно, до этого шахматами занимался…». «До этого» – видимо, до того, как было принято решение стать «гитаристом-виртуозом». Как мне удалось улизнуть тогда, я, видит Бог, совсем уж не помню, но главное, я всё же счастливо «утёк» из этих «чертогов бедлама» и снова тут с вами, да всё ещё пытаюсь позабавить моего избалованного читателя.

Сколько же их было – одноруких, глухих и, самое жуткое, настолько необоснованно самонадеянных полудурков, считающих, что только стоит небрежно сесть за инструмент и лёгкая музыка польётся сама собой, словно по волшебству…

Я навеки запомню одного очередного горе-кандидата в барабанщики, который по дороге на «точку» долго и важно рассуждал: «Я ничего не обещаю. Сначала я должен послушать твою музыку, а потом уже будем решать… Для меня главное, что музыка должна быть обязательно отвязанная (!), и чтобы в ней содержался «психодел» (!!!), а то я просто не смогу играть в такой группе, где этого я не увижу. Ну

вот, чтобы, ну, как «Steppenwolf» там, «Captain Beefheart»!». Дальше шёл перечень таких серьёзных и кривых команд, что я и сам немного заволновался, потянет ли моя несложная музычка на такие «фирменные» запросы.

Так, за премудрыми разговорами мы и добрались до репбазы, которую мне совершенно безвозмездно предоставил «главный искушенец» Серёга Ретивин для вот этого самого канонического уже «прослушивания». Я вдохновенно забренчал что-то там «прифанкованное из своего», а «отвязанный» чувак же крайне уверенно вкарабкался за установку и… Послышался не раз знакомый какофонический набор «полиритмичных» ударов – это «психоделическое чудо» совершенно не умело даже правильно держать палки и выдавало трели, которые сошли бы за внятную партию только, ну, я не знаю, в академическом авангарде.

Мне было жутко и стыдно, жутко, потому что дикий чел был в совершеннейшем «неадеквате», а стыдно перед весьма занятым Серёгой, который так нелепо потерял свое время, да ещё и вынужденно лицезрел все эти «дивы дивные». Однако тайному панку в Серёгиной душе это даже показалось забавным, он глумливо ухмыльнулся в своей фирменной манере и даже дал пару детских уроков этому доморощенному «Степному волку», чтобы тот хотя бы смог выдать самый прямой и примитивный бит. Пристыжённый парнишка присмирел, и на обратном пути было уже гораздо меньше небрежных упоминаний про «Edgar Broughton Band» и прочую экзотику 70-

х. Бедный, он свято верил, что, как только непринужденно взгромоздиться за «шайки» и «влёгкую» застучит, то чарующие ритмы знойной Африкой так и запляшут по комнате. Не заплясали… Почему-то.

Вообще-то, именно знакомство с чрезвычайно талантливым Серёгой хоть как-то вывело меня из состояния беспомощности, появились новые «престранные» знакомые, но среди которых встречались и неплохие «исполнители на валторне». Хотя окружение и самого «очень непростого» Серёги – это та ещё банда извращенцев. И он с немалым удовольствием культивировал и поощрял и без того их весьма сильно сдвинутые мозги.

Там я и познакомился с небезызвестным вам уже и совершенно незабываемым Володькой Мигутиным или Дуней, как звали его мы, ежели признаться, за глаза. Так он ненадолго стал моим гитаристом. А ненадолго потому что, несмотря на превосходный слух и неплохие мелодические пассажики, он обладал феноменальным и даже уникальным качеством для музыканта – от репетиции к репетиции он играл всё хуже и хуже.

Любой, даже самый пропащий музыкант знает нехитрую формулу: «фигарь» фразу десять, двадцать, сто раз – будешь звучать лучше. Здесь это парадоксальным образом не срабатывало.

И вот в очередной раз, где-то после семьдесят седьмого дубля распадающееся Дунино треньканье совсем рассыпа-

лось, он бессильно опустил руки и посмотрел на меня каким-то щенячьим взглядом, в котором было такое недоумение и тоска в стиле «ну как же так, я просто не понимаю, почему со мной это происходит…»…

От этой загадочной патологии я и сам снова испытал такую беспомощность и отчаяние, что интуитивно принял самонадеянное решение – или у меня будут только гордые «асы» или я остаюсь нудным бардом и позорно еду на Грушинский фестиваль.

И капризная удача не заставила себя ждать «целую мрачную вечность» – очень скоро у меня отчаянно шпарил на гитарке молодчага Русёк.

Братцы, как ни странно, я ведь снова хотел рассказать совсем не об этом, а гигантская подводка-переросток оказалась покрупнее маленькой центровой байки.

А главное-то дело было в том, что у вышеупомянутого Сереги Ретивина имелось своё музыкальное королевство и, соответственно, сказочный замок – глухой подвал библиотеки, нашпигованный роскошной по тем временам аппаратурой и инструментами любых сортов.

Это священное место звалось «впадиной», поскольку, попадая сюда, горемыки-люди оставались тут, словно в колдовских чертогах, по нескольку дней – музицировали, бухали, излишествовали по части девчонок и, вообще, «впадали».

Вокруг этой «творческой группы» всегда тёрлись жуткие маргиналы, типа некоего огромного амбала Абрама, кото-

рый любил только две вещи на свете – Элвиса и подраться. Если на сейшне присутствовало засилье гопников, то он тут же рекомендовался неформалом и сочно мочил урок, даже не выходя «по-пацански» из зала в туалет. Ну а если же в основном тусовалось немытое и нечёсаное «нефорьё», он немедленно раскланивался, как самый злобный «гопарь», и так же от души дубасил «волосатиков».

А ещё «жило там и было» некое легендарное существо «Мами́на» (ударение, кстати, именно на «и»), которого я никогда не видел, но мне и настоятельно не рекомендовали подходить к этому буйному экземпляру близко. Он мог совершенно немотивированно «отметелить» любого, кто ему не приглянется, а зыбкие симпатии-антипатии его предугадать было категорически невозможно. Безоглядно любил он лишь Ретивина и его психомузыкальную команду.

И вот именно ему, грозному Мами́не, принадлежит фраза, ставшая сакральной в наших рокерских кругах: «Да х… йли думать про чё песня? Песни ваще бывают только о трёх вещах: про е…лю-ху…блю, дьявола-х…явола, и х…й пойми!». А ведь, если вдуматься, только на эти три вечные темы и пишутся все нетленные полотна.

А хорошо, что всё-таки есть эта третья весьма обтекаемая категория «х…й пойми» – ведь всегда же будет наличествовать необъятное пространство для творчества без штампов, рамок и комплексов! Сам Мами́на дозволил!

Подлые и благородные разбойники

Часто что-то я принимаюсь «слёзно припоминать» свое далёкое детство, наверное, планомерно старею, как и положено мудрой природой, хотя и чувствую себя таким же обиженным подростком, кому недодали ласки и внимания вечно занятые собой родители и заносчивые одноклассницы.

Вот такое «загубленное» детство получается. По теперешним «тырнетовским» временам тинэйджеру всё же, думаю, полегче – всегда на параллельном пространстве искусственного мира найдется дружок, аль подружка, что «полюба́с» спасут от отчаянного детского одиночества. Я бы, пожалуй, назвал нынешнее «сетевое» детство не «загубленным», а в контексте «и-нета» «загугленным» (ну, в смысле, от всезнающего google).

В моём странном детстве культ виниловой пластинки был настолько серьёзен, что сегодняшняя ветреная мода на винил лишь лёгкое женское кокетство. Тогда недосягаемая для нас, «нищедротов» пластиночка «весила» рубликов сто или «рубль», как говаривала на жаргоне бойкая «фарца». Это сумма равнялась начальной инженерской зарплате, поэтому добыть такие бабки убогому школьнику можно было только хитростью и лишениями.

В складчину мы, четверо начинающих «аудиофилов», еле наскребли искомую сумму, и я отправился к знакомому пла-

стиночному магнату. Тот деловито осмотрел наши сиротские девяносто рубликов и, ненадолго призадумавшись, выдал нам «трэшевый» Exumer: «Ну, на Металлику вы не тянете… Возьми вот эту, чувачок, так будет не обидно ни мне, ни вам. А за это «железо» вы, «что хош» потом поменяете, отвечаю, с руками оторвут!».

Чуть собранные «немыслимые» средства представляли собой весьма живописный набор мятых трёшек с червонцами, к которым даже прилагалась моя бесценная коллекция олимпийских рублей, что я годами прилежно собирал и страшно гордился редчайшим подбором. Пересчитывая «сиротское», пластиночный центровой увидел-таки железные, с Гагариными и Олимпиадами рублики и с определённой неловкостью перед малолетним делегатом полуиронично произнёс: «Вы это чего, последнее что ли собирали?». Я деланно небрежно парировал, мол «да ты чё, просто так вышло, валялись, не пропадать же…». По правде говоря, они были, конечно же, последние.

Сейчас, честно скажу, жаль рубликов, где теперь такие красивые нароешь, но тогда в вывернутой башке гипнотически звенело только одно: «Своя пластинка, каждую неделю обмен, море музыки, скоро счастье…». Вращающиеся глаза были завешены пеленой небесных перспектив, а посему была продана даже первая «семиструнка», кустарно и убого переделанная на «шестиструнную».

Десять рублей пришлось брать в долг, за который я чуть

не «ответил перед пацанами» – денежки попали ко мне из «криминальных структур» нашего двора, а проще говоря, от местной шпаны. Взять мне было больше неоткуда. А вот когда же пришёл безжалостный срок отдачи, то пресловутого «чирика» я не достал. Первый раз в жизни мне стало по-настоящему жутко страшно – я уже доподлинно знал к своим четырнадцати годочкам, что такое «ставить на счётчик», и как некоторые «озорники» законно получали «ножичка» за неуплату. Речь впервые шла об угрозе моей маленькой жизни. Такое вот мрачное столкновение с дворовой реальностью. Но как ни крути, а в такие «критически-стрессовые» моменты весь запуганный «организмик» работает на полные «триста тридцать» процентов на выживание. И скоренько-скоренько было обменено на дензнаки всё нужное и ненужное, и сияющая новизной красная бумажка была с достоинством передана шустрому «деловому» человеку.

Пластиночка стала нашей! Бедные, наивные идиотики, мы «оборотисто» решили переписывать этот «сверхсвежий металлолом» на кассеты за наличные и натуральный оброк местным школьникам-меломанам. Для чего в «синдикат» был рекрутирован дополнительный чувак, мажорские родители которого владели немыслимой «акаевской» вертушкой и дорогущей декой «Sony». Важно обсудив свою долю, новоявленный предприниматель влился в то, что «именуется в простонародии шайкой», как говаривал незабвенный Глеб Жеглов. Но оказалось, что любителей «благородного трэша»

в нашей занюханной школе отродясь не бывало, да и вообще, тратить рубли-копеечки, кроме как на кино-газировку-мороженное никто и не собирался. Так, не отбив начальных вложений в деликатный бизнес, коллегиально было принято решение обменять многократно переписанный и зацелованный «пласт» на «куче», что рядом с трамплином – самой первой и жёсткой горьковской «толкучке».

Тут регулярно устраивались жестокие ментовские облавы, где за пластиночку с «эсэсовским» логотипом «Kiss» можно было схлопотать и условный срок за «идеологию», да и статью за спекуляцию тогда никто ещё не отменял. Бодрящей зимою можно было сверху трамплинного котлована наблюдать сюрреалистическую картину отработанного налёта на горе-меломанов – со всех сторон бежали, загоняя «меняющихся» в кольцо, суетливые милиционеры и некто ещё пострашнее в штатском. Вся площадка «толкучки» была усеяна разноцветными конвертами – меломаны выбрасывали на снег свои сокровища, лишь бы не взяли их с опасным поличным. От вида такого противоестественного количества винила сладко и жутко кружилась голова. И ходили легенды, что некоторым оказавшимся рядом «ханурикам», вроде меня, удавалось на халяву подобрать несколько штук фирменных реликвий. Но что потом доблестная милиция сама присваивала в панике брошенное и нередко приторговывала «мародёрским» товаром, это уж к никакой махровой гадалке ходить не стоит.

В одно из скучнейших воскресений мои непреклонные предки так и не выпустили меня на улицу, заставив зубрить напрочь запущенную алгебру. Были просмотрены детсадовские, надоевшие, но санкционированные родителями «Будильник» и «В гостях у сказки», и я, кляня все науки на свете разом, отправился к себе в комнату делать вид, что усиленно шевелю извилинами. А на деле старательно выводить в тетради завораживающее «лого» «Iron Maiden», чем, собственно, и старательно занимался весь Универ и даже недолгую службу в кошмарном Сбербанке.

В дверь позвонили, и я на пороге увидел своих куцых подельщиков по виниловому промыслу – наконец-то ребятушки решились на обмен. Несмотря ни на какие слёзные уговоры с истерикой отпущен я не был, за что и душевнейше благодарен предкам моим и судьбе. То страшное, что случилось, было наперебой доведено до меня глубоким вечером.

Пластиночку вполне себе удачно удалось «махнуть» на «Металлику» («восемьдесят четвертого, тот, который с электрическим стулом на обложке»). А вот дальше всё пошло как-то похуже…

Огромное стадо омерзительных гопников на обратном пути следования моих бедолаг-компаньонов окружило их тройным кольцом и убедительная просьба «слышь ты, дай пластиночку заценить», ну никак не могла остаться без внимания. Вот почему этот знаменитый альбом я послушал лишь в зрелом возрасте, и он не станет уже никогда одним

из моих любимых.

«Пласт» отобрали бы по-любому, только в случае жалкого сопротивления прежде бы «оборзевших карапузов» от души потоптали, поэтому «Металлика» была отдана мудро без боя. А потом самый мелкий и подлый «гопарь» суетливо выгреб мелочь из карманов каждого из «осиротевших», чем вызвал презрительные взгляды даже у своих.

Вот такая история грустная…

А канувший в бездну красавчик «Exumer» я себе всё равно потом разыщу, и никакие поганые сволочи больше не лишат меня любимой игрушки из детства.

Давайте так, чтобы не заканчивать на тягостной ноте сей трагикомический рассказик, поведаю-ка я вам ещё один презанятный случай на ту же «виниловую тематику».

Однажды на той же вечной нашей «толкучке» в курьёзный «Клуб меломанов» или, не помню, как он там назывался по-советски, но выглядел он просто, как совдеповская столовка, ворвался огромный сипатый и бухой в сосиску бандюган. Он грозно подошёл к одному из столов и, цапнув лапой ту же многострадальную «Металлику», только «восемьдесят шестую, ту, что с крестами», рявкнул: «Чё это за музыка такая, б…я? Я, короче, послушать беру, а в следующее воскресенье верну, отвечаю!». И ушёл. Счастливчик, только что «загнавший» сей экспонат, покрылся испариной в облегчении. Купившего же воздух откачивали всем сочувственным собранием.

Прошла неделя, чувак-погорелец христиански смирился уж с горькой потерей и по обыкновению тихонько общался в родном меломанском кружке. Как вдруг снова могучим пинком вышибается дверь, и в благородные стены вваливается вновь эта же пьяная детина. Криминальный амбал «сильно нетрезво» подошел к побледневшей «жертве искусства», швырнул ему на стол потерянный для него уже навеки «альбом» и, прохрипев «ху…ня твоя музыка!», выкатился прочь.

Это как в славной сказке, милый мой читатель, мы столкнулись в данном необыкновенном случае с разбойником благородным…

Поэт на Горбушке – жизнь проиграна?

Уже и не знаю, не гадаю, не ведаю, смогу ли я когда-нибудь зарабатывать на чёрствый, честный хлеб единственным, что умею – петь свои самодельные песенки, заставляя неприкаянных людей забыть хоть на час, что жизнь тяжела, да к тому же ещё и так издевательски коротка…

В общем, пока, как и раньше, тоскливо зависаю в ватном анабиозе на всяких игрушечных работках, которые сгодятся разве что для ленивого студента, а лучше – бодрого пенсионера.

Эдаким вот вечным студентом меня и занесло на культовую Горбушку – место, куда я больше всего боялся попасть.

Когда я подраненной, но свободною ещё рысью пробегал по длинным, шумящим «горбушечным» рядам в поисках редкого джазу, я невольно наблюдал эти пустые глаза продавцов, кричащих вслед бессмысленное и монотонное: «Фильмы, программы, игры!». Обрывки кошмарных разговоров, доносившихся до моих ушей удручали ещё больше: «Ну чё, как у тя сёдня продажи? Да ваще ни о чём!». Столько мрачной тоски читалось во взглядах местных торгашей, что я категорически решил тогда для себя – куда угодно, хоть в захолустный музыкальный магазин, муторно настраивать

гитары, но только не на «Горба́»!

Хотя необходимо «принципиально» отметить то, что, к примеру, Ад Руслана – это как раз нудно «торговать клавиши с барабанами», и именно сие для него самое последнее падение настоящего музыканта, почище даже игры в конченном «сидячем» кабаке.

А я вот до одури боялся оказаться среди пресловутой торгашеской касты, что жаждет одного – «впарить», «втюхать» лоху-покупателю всё, что даже ему и нафик не нужно. Главное же – икона, фетиш, идол: ПРОДАЖА! А это немедленный «живой» навар на сегодняшнее вечернее пивко, подозрительную токсичную шаурму из засаленного ларька и, если повезёт, на ночку с соседкой по «благородному торговому ремеслу», а проще, мясистую тёлку, что через две палатки уже неделю, вздыхаючи, эротически посматривает украдкой на мощную фигуру коллеги по цеху.

А надо сказать, все они, «горбушечники», как на подбор, с могучими спинами, борцовской грудью и «бицухами» штангистов-олимпийцев. Правда, всё это великолепие всегда украшает увесистое пивное брюшко, как бы довершая образ, теперь становящийся почти совершенным в глазах местных любвеобильных дам.

Со временем я стал с лёгкостью понимать по едва уловимым томным взглядам и знакам обоих полов, кто и с кем уйдёт сегодня в тёмную ночь на станции «Багратионовская».

А ещё они крайне хитры, жадны и завистливы, словно

подземные тролли, о чём и я был заботливо предупреждён своим матёрым боссом, дабы я не вздумал делиться с ними счастливой вестью о свежепроданном товарце.

Вначале «дебютный залёт» на Горбуху вышел щадящим – я впал в немилость у капризного начальства центрального магазина «Репаблика» за довольно демонстративное и презрительное «не отношение» ко всему этому «нетрадиционно ориентированному псевдогламуру», что, куражась, царил в этом дешёвом «храме хипстеров».

Вот вы можете мне сказать, кто такие, мать их, хипстеры? Я знаю, кто такие «мажоры», «стиляги», «сатанисты», «дабстепперы», «героинщики», «неформалы», «в законе», «лесбиянки», «металлисты», «качки», «некрофилы», «флешмоберы», «пикаперы», «хиппи», «битломаны», «зелёные», «лимоновцы», «панки», «толкиенисты», и всё остальное бесконечное «рассейское» разнообразие придурей. Но кто они, эти самопровозглашённые крикуны? Любое вышеперечисленное социокультурное образование упрямо несёт в себе хоть какую-то частичку смысла и значения. Эти же…

Ладно, без непечатных эпитетов попытаюсь описать «хипстера» так, как вижу его я: это пустой, как барабан, молодой человек, за душой которого нет настолько ничегошеньки, что он начинает отчаянно пытаться хоть сколько-нибудь «наработать» собственную отсутствующую «значимость». Для этого напяливаются очки с толстой чёрной оправой, чем вычурнее, тем лучше, шляпки, котелки (всё тайно подсмотре-

но в жалких журналах, типа «Афиша»), инфантильные «кедики» и узкие брючки, вызывающие в памяти гоголевского Хлестакова и, вуаля! Всё готово, вы – «хипстер»! И конечно не нужно забывать о том, что на каждом углу нужно важно долдонить о «построке» (не зная, впрочем, ни одной команды модного жанра) и непременно об «олдскуле».

Представьте такую вот весьма типичную сценку… Я – подневольное существо, вынужденное отвечать каждому недоумку (а вот они как раз и подкатывают), и вот уже прямо передо мной разнополая парочка этих самых «хипстеров», расфуфыренных по первому сорту. Происходит тошнотворный, стандартный для подобных типов выплеск целого набора фразочек, вроде: «Ой, вау, смотри «Роллинг Стоунз». Они такие крутые… Да, это оч крута, оч крута-а… А у вас есть «До-орз»? А «Джой Дивижн»? Ой, это оч крута-а… А есть такие же, только «на японии»? Японские – это оч крута-а… А можно посмотреть?». Японские аудиофильские диски с деланным пониманием важно и долго вертятся в руках и всегда возвращаются со словами: «Ага… Спаасибо…». Никогда и ничего «хипстеры» не покупают, они всё качают «вконтакте». Потом следует другой обязательный вопросик: «А у вас есть «олдскул»?». На резонную попытку уточнить, «олдскул» какого жанра нужен этим «знатокам», «олдскул хип-хопа» или «рокерский олдскул», выкатываются непонимающие и почти обиженные глаза обескураженной блондинки и заявляется оскорблённо-недоумённое: «Ну

«олдску-ул», вы что, не знаете?!».

Всем этим умопомрачительным сущностям я посвятил в своё время весьма ядовитую песенку «Беспонтовые люди». В комментариях, полагаю, необходимости не имеется.

А вот ещё одна замечательная акция от «пригламуренных» метросексуалов: берётся резиновая «стильная такая» корзина для покупок, вешается манерно на «пересоляренное» предплечье, и неторопливо идёт томное закладывание туда «миленьких таких» штучек – модных книжонок, дисочков с лаунж-джазом, разноцветных модно-убогих сувениров. Когда корзинка наполняется и «шопинг» произведён всласть и в полном объёме, это «райское созданье» быстренько озирается и… Корзина тихонько оставляется посреди зала, а «шоппингующий» исчезает. И ни разу я не смог заметить того тонкого момента, когда происходит проворный сброс покупок, делают они это просто мастерски, как шкодливые котики, за которыми вечно приходится подбирать.

И вот из этого «волшебного места» я и был сослан за «не по чину» строптивость в далекий филиал, в аккурат, на территории зловещей Горбушки. То есть формально я не стал ещё совсем уж «горбушечником», но близость к ним была уже ощутимо опасной.

Там, за ненадёжными покупателями, а больше за нами, нерадивыми «шнырями» по-отечески присматривали два изумительных охранника. Один из них мордатый алкоголик в завязке престарелый маразматик Борисыч с карикатурно

огромным брюхом и вредным нравом. Он оживлялся лишь только, когда в зале изредка звучал «Битлз», и он всегда тут же начинал плохо танцевать твист, совершенно не парясь, и, по-моему, особо не различая, быстрая была вещь или, скажем, «Michelle».

Имя второго было, кажется, «классически» Валера, и габаритами он был тоже не обижен. Вначале он здорово бесил меня дикой манерой подойти тихонько со спины и без подводок и предисловий начать сладко бормотать: «Пол-курицы, шаурма, три пирога, две банки кваса!». Или: «Две пиццы, четыре котлеты, макароны, бутылка «Колы»!».

В первый такой «психиатрический закидон» я и не сразу понял, что происходит, но происходило определённо что-то ненормальное. Оказалось, что этот румяный, рыжий здоровяк с ментовским ёжиком на огромной башке с гордостью докладывал, что он с аппетитом сожрал сегодня за обедом. Я, вечно голодный, «безкалорийная» порция которого на день равнялась тарелке гречки, жутко раздражался этим гастрономическим упоением. Но потом я всё же догадался, что он не издевается над тощеньким продавцом, а просто, испытывая ко мне детское доверие, делится, так сказать, кулинарными усладами. Вот такая, блин, «ох, рано, встаёт охрана».

А уж совсем впоследствии, когда «ваш непокорный слуга» был изгнан даже и из этого ссыльного окраинного места, я робко выходил на подмену и в настоящую, реальную Гор-

бушечку.

Первым дело там у меня легко «сп…здили» пачку дорогущих японских «Квинов». На что «сердобольный и понимающий» мой босс тёплым, благодетельским голосом молвил мне: «Ну что с тебя взять – бедный музыкант…». У меня, признаться, было отлегло от сердца, и я даже облегчённо выдохнул, но он елейно продолжил: «Ну ничё… Так, пять штук вернёшь до Нового Года и в расчёте!». А у меня тогда и на пожрать-то в ту весёлую пору не всегда было! И я перестаю дышать вовсе – я ж у него за цельный месяц примерно столько зарабатывал, и вся моя условная зарплата составляла «твёрдые и стабильные» семь косарей. Спасибо, «ётьсь», за понимание!

Вы законно спросите, отчего же так вот «легко» увели эти недешёвые самурайские кружочки, и что же это ты, эдакой лох-ротозей, не следил за хозяйским добром? Объясняю непосвящённым всезнайкам технологию «ты́ринья» различных предметов благосостояния на Горбушке.

Для этого здесь вовсе не нужно быть каким-то там профессиональным ворюгой. Достаточно неплохого навыка быстрого складывания «ценных компактов-винилок» в огромный мешок или пакет. Элементарно задаётся следующий сакраментальный вопрос простофиле-продавцу, вроде меня: «Молодой человек, будьте так любезны, достаньте мне с верхней полочки пластиночку «Supermax». Да-да, вот тот, коллекционный, если, конечно же, вас не затруд-

нит…». Раритет, разумеется, красуется у меня за спиной почти под потолком. Кряхтя и по-стариковски побубнивая, я с трудом разворачиваю стремянку и неуклюже, естественно повернувшись невооруженным зрением тылом, изматывающе долго достаю непослушную драгоценность. Облегчённо вернувшись к «знатоку-меломану», обнаруживаю, что и без того зыбкий след его категорически простыл…

Вот поражаюсь я всё же тому загадочному факту, почему украдено так интеллигентно немного. Ведь сколько же запросто можно было смахнуть с прилавка в необъятную «челноковскую» суму. Вот оно, святое благородство хоть и ловкого жулика, но всё же почти что «брата-меломана»!

Ну а ежели «по-серьёзу», конечно же, всё намного прозаичней – попросту спереть понемногу гораздо безопаснее, ведь всегда излишних ментов вызывать из-за пяти компактов не будут, да и сладко наведаться ещё разочек в «лоховскую лавку» представляется очень и даже очень возможным. К нашему простачку в очочках, кудряшках и долгах…

Но долгими веками не бывает худа без добра, такой уж великий закон жизни… Сколько же украдкой подсмотрено патологических персонажей, ну просто кругом идёт шальная голова от писательской добычи!

Именно там, к примеру, я обратил внимание на стильный гардеробчик костистого паренька-узбека в винтажных (!) очках – моего соседа напротив. Каждый Божий денёчек он настолько лихо менял такое модное и явно дорогое шмотьё, что

я просто ломал голову, откуда же взялся такой врождённый вкус и вполне европейская зарплата.

Всё оказалось намного примитивней – разок к нему «из ниоткуда» подвалили некие, явно тёмные личности, что долго и малахольно торгуясь, «сдали» ему весьма «дизайнерскую» куртку. Довольный «модник» подошел ко мне и «простодушно» поведал, какие это «ловкие и славные ребята», что воруют в магазинах с английской одеждой, и как он постоянно у них отоваривается за сущие гроши. «Суший, ты пакупай у них тоже, атвичаю, так эт удобна, магу пазнакомить!» – наставлял он меня с характерным, известным каждому, акцентом.

Как же я мог вдолбить в его простецкую голову, что это – то же самое, что украсть, а впрочем, он и воровство-то по средневековой своей наивности считал некоей удалью.

Никогда, слышите, никогда не забуду огромного психа, не раз доставшего меня долго, страшно и нудно: «А у вас есть Владими́р Кос… ма́?» Это растянутое на две половинки пугающее «Кос… ма́» по сей день застряло в моих чувствительных ушах, и даже имя великого французского композитора Владими́ра Косма́, написавшего волшебную музыку к «Игрушке» и «Уколу зонтиком» не всегда спасает от устрашающего образа этого чернявого, гуммозного и навязчивого бородача, снова и снова часами повторяющего: «А когда можно будет ожидать Владими́ра Кос… ма́? А если я приду через две недели, уже будет Владими́р Кос… ма́?». Он даже

разок пытался ворваться ко мне в дверь, почти угрожающе повторяя свой шизофренический вопрос, и я спасся только лишь потому, что пробило спасительное восемь вечера, и можно было сбежать от своего мучителя-маньяка.

Тут же, в наотмашь поражающем воображение «горбушечном» сортире, я лицезрел очень смешную сцену: чувак в кепке сосредоточенно справляет малую нужду. В диковатый туалет с той же проблемой заходит его знакомый и говорит: «О, Антон! Ты такой классный, в кепке… На онаниста похож!». (Кстати, похож!). Писающему чуваку после прилюдного «ославления» оставалось только смущённо-добродушно материться.

А ещё на Горбухе, в её адских сортирах всё время дурманяще тянет «шмалью» – утренний люд приходит в себя после весёлой ночки. Я порою даже изобретательно «подлечиваюсь» с похмелья на халявку, постояв в забытьи минуты три в оздоровительно-бесплатном дыму соседней кабинки.

Да! Чуть не забыл о ещё одном презабавном наблюдении – когда ты залихватски сушишь руки с двух сушилок сразу, тогда ты точно уже «коренной» и «центровой» горбушечник. Сей благости я, слава Всевышнему, так и не достиг.

Я ещё лениво вкалываю иногда на суматошной и прокуренной Багратионовской и, вполне может быть, что чуть попозже не раз ещё «не утаю» чего-нибудь из нового, да живописного. И всё же…

Я всё ещё не теряю ускользающей надежды начать зара-

батывать на нелепую свою жизнь «громким пением и горячими плясками». Так выходит, что я всё же по природе закоренелый оптимист? Едва ли…

Жизнь проиграна, крошка, жизнь проиграна…

Очерки моей бурсы

Я уже не раз сетовал, что наша «замечательная» школа № 172 (почему-то захотелось написать Город-Герой Горький – три раза «Г») была в мои тревожные времена не чем иным, как мрачным трамплином для последующей «зубокрушительной» армии и в почётном финале – неизбежной для многих тюряги. Эта «околозоновская» иерархия и изощрённые издевательства, фашистский институт подавления воли и личности – со всем у нас в родной школе был полный порядок.

«Цум байшпиль» (сиречь «например», как «шпрехают» некоторые немцы и я, когда выпью и вспомню свой школьный «хохдойч»), наблюдал я не раз в годы своего «безмятежного детства» одну варварскую шутку. Да и шуткой-то её назвать усталый язык не поворачивается, это даже не тянет на сомнительный современный термин «прикол».

А шуточка такая: здоровенная сволочь смачно так плюёт себе на ладонь и прилюдно (что особенно важно) предлагает радушное рукопожатие будущему осквернённому «лоху», сопровождая акцию душевным: «Привет!». Простодушный «чмошник» польщёно протягивает робкую лапку, не веря такой неожиданной милости от устрашающего «сильного мира сего», и происходит позорный молекулярный обмен. Вся перемена уходит на конное ржание и восторженное обсуж-

дение такой «роскошной» подставы. «Опущенный» же (простите уж за «не юридический» термин, но такова непростая и суровая школьная правда) с отвращение оттирает-отмывает со скипидаром опозоренную ладонь и мучительно соображает, насколько ступеней вниз он стремительно просвистел по жестокой школьной иерархической лестнице.

«О, времена! О, нравы!» – звучит весьма глумливо в таком кошмарном контексте, но сказать мне на всю эту «детскую бесовщину» более нечего…

Чем можно играть блюз?

Самое отвратительное для любого относительно честного музыканта – это искать или просить ангажемента. А вот надменные дяди «арт-директора́» (какое, всё-таки, громкое слово), а проще говоря, обычные менеджеры, что подбирают артистов и репертуар для кабака, наоборот, ну просто обожают, когда их униженно просит о выступлении начинающий, а ещё лучше с каким-никаким полузабытым именем артист. О, какое эдемское наслаждение читается на их самодовольных личинах, ведь сейчас он всесильный царёк и божок для этой трясущейся в сомнительной надежде «музыкальной козявочки». Да-а, это скользкое удовольствие с лихвой перевешивает даже приевшийся и сильно переоценённый в народе секс…

Как-то раз и очень давно одна из бесчисленных нижегородских блюзовых группёшек наивно «ломанулась» за «восторженной аудиторией» и длинным, как рослый удав, рублём в манящую дензнаками Белокаменную. Там, в одном из стереотипно оформленных под байк-эстетику кабаков они подевичьи и предложили свои «оригинальные таланты» местному царственному «арт-директору».

«Босс» только что обильно покушал, сытая морда лоснилась, очертания губ неприятно потерялись от проглоченного, глаза осоловело и нагло косили. «А-а-а, вы блюз играе-

те? Ну это ж здорово! У нас же в Москве никто блюз-то не играет! Как вы кстати-то к нам из Нижнего, только и ждали вас, ребятки!».

Горьковские «блюзмены» понуро молчали, покорно выслушивая гадкую экзекуцию до финала: «Вы чё, не понимаете, что тут таких «игрунов» друг на друге «не выгрести». Вот если бы ваш гитарист х…ем на гитаре блюз сыграл, то я бы, может, вас и взял бы…».

Со вкусом «выспавшись» на провинциалах, глумливый жирдяй неспешно развернулся и лениво потопал нога за ногу в свою «надышанную» колбасой и консервами конуру, видимо, вздремнуть после такого вот «любовного акта».

Кстати, мы, «всегда трезвые алкоголики», вполне возможно, самыми «первыми пионерами» ещё в далеком 1990-м году открыли повальное освоение нового благодатного «рынка» – московских «найт-клабов». Правда, нам, как впрочем и всегда, «чуток» не хватило упрямства, наглости, подхалимства и прочего «прогиба, чтоб пролезть». Но этими «благородными качествами» в избытке обладали «разнообразные другие», они-то и «просклизнули» в радушную столицу на наших гордых спинах. Ну ладушки, шучу-шучу, хоть и конечно, по-стариковски желчно – так возраст, знаете ли, обязывает! Но «хоть кричи, хоть плачь», а из арсенала витальности у нас имелся «всего лишь» талант, но этого, как всем печально известно, крайне мало для коварного, да капризного успеху.

Первое, что мы самонадеянно предприняли, это отослали нашу кургузо оформленную кассетку с сомнительной «демкой» очень влиятельному тогда Вячеславу Петкуну из симпатичной нам по чувству мелодии отличной банды «Танцы минус».

И к моему дикому испугу он даже «без понтов» спокойно поговорил со мной по «междугородке», прямолинейно заявив следующее: «Ну я послушал… Обычно я никогда не общаюсь ни с кем, а то, как всегда, название уродское и звонит какой-нибудь урод! А тут занятные у вас дела, тебе только манерности поменьше в пении и всё будет «cool». Взять вас в «Шестнадцать тонн» я, конечно, не возьму, здесь неизвестные команды «не хиляют». Если и есть без имени ребятки, так это просто, потому что они мои друзья. И помогать я вам не стану, мне никто не помогал и вы сами всё берите. Переезжаете в «Москáу», как я из Питера когда-то, и вперед! Я сам-то Питер ненавижу, и он меня тоже никогда не принимал, поэтому играю на своей неласковой родине я только за двойной гонорар – не хотите, не надо! А вот «будете у нас на Колыме» с концертом, зовите, приду, посмотрю и «пару ласковых» обещаю бесплатно!».

Тогда, признаться, у меня аж дух перехватило от того, что со мной так запросто трепался такой авторитетный чувак из телевизора. Ну сами подумайте, на горьковском проводе «провинциальный самородок», а там сам будущий Горбун из Нотрдама…

И «хоть поверьте, хоть проверьте», но мифологический Петкун реально заявился на наше диковатое шоу в легендарный «Вермель» – клуб пусть и не во Франции, но всё же на Москва-реке. Даже пылится где-то очень смешная фотка с ним, где лидер «Танцев» не в центре снимка, как и положено «звезде», а как-то сбоку, а мы, запуганная деревенщина, будто случайно «пристроились» к сиянию «селебрити».

Дело всё в том, что странная подвыпившая тёлка, которую мы, заикаясь от волнения, попросили нас «щёлкнуть», курьёзно не узнала популярного артиста и решила нас выстроить по собственному «высокохудожественному» вкусу. Ядовитый Вячеслав ещё буркнул тогда весьма в тему: «В тебе, подруга, что, фотограф, что ли умер?».

Наговорил он нам после сырого выступления много… малоприятного, но везде, к моей печали, он был прав. Ну что, спасибо, Слава, жёстко, но на пользу сельским дурачкам…

Это, конечно же, синдром школьника младших классов, но так хотелось бы показать ему нашу, теперь уже вполне «взрослую» музычку, но «звёздный» телефон его давно потерян, да и, наверное, уж тысячу раз сменился… И вообще, остался ли тот резкий, но открытый Вячеслав Петкун после безумного успеха «горбуна из «Нотрдама»?

Ха! Вдруг припомнил, что в одном из детских интервью позавчерашнего, такого душного «нижегородского» периода я брякнул, что Петкун мой двоюродный брат. Меня конкретно тогда достала очередная бестактная журналистка с неле-

пыми сравнениями с петкуновскими «Танцами», коллективом, более чем достойными, и даже где-то родственным, но абсолютно, просто вселенски другим по эстетике. Ну и я беспечно дурканул. И понеслась! «Коллеги по цеху», родственники, друзья-приятели и «просто граждане на улице» тут же начали уважительно спрашивать: «Ну как, братан-то, помогает хоть немного? А я вот и смотрю, похожи вы, похожи…». Это мы-то похожи!!! Вот вам всепобеждающая сила печатного слова!

Ну и не совсем относящимся к нервной музыкальной теме постскриптумом я завершу этот кудлатый рассказик такой вот потешной историей!

Я, ещё молодой и красивый, в очередной раз рыщу по загадочной Москве на предмет, где бы оставить кассетку со своими «свежесотворёнными гениальностями». Забегаю с ходу в подвал обшитого тёмным деревом кабачка и в остолбенении застываю… Я ж из провинции, товарищи дорогие, ну так же нельзя!

Дело в том, что в одном из тусклых залов клуба происходит совершенно сюрреалистическое действо, смело заявленное в афише, как перформанс (!).

В зале на дубовых скамьях сидели ровными рядками на первый взгляд интеллигентные и даже, возможно, весьма интеллектуальные мужчины и женщины разных возрастов. Некоторые из них были даже в очках, что и натолкнуло меня на комплименты почтеннейшей публике.

А вокруг них суетливо вертелись и пошло извивались совершенно голые и нелепые девки, тряся своими разноразмерными штуками. И девки-то подобрались какие-то совсем «не модельные», коротконогие, разного роста, а о постановке движений и хоть какого-то формального сценического действия не было и речи. Просто толпа левых, вульгарных, вызывающих жалость и смех, но абсолютно голых тёток.

Удивительно, но благодарные зрители были совершенно серьёзны и относились к сему безобразию, как к акту высокого творчества. Лица были почти одухотворены, лишь из-под толстых очков сверкали глаза редких, несколько чересчур заинтересованных «телесностью» граждан мужского пола.

Я определённо почувствовал, что уже могу расхохотаться в голос, поэтому выскочил из импровизированного МХАТа и так и не досмотрел этот изумительный и на всю жизнь запомнившийся «перформанс». Однако согласитесь, даже он не дотягивает до игры «блюз» чем попало?

Наслаждение и преодоление

Каждый, у кого есть та капелька души, что нервно плещется от вечной людской несправедливости, наверное, хоть раз в жизни, да собирался уйти в монастырь.

А что? Закрытое суровое общество, отсутствие всяческих мирских соблазнов, тяжёлый, но благородный труд, масса времени для благодатных дум и покой… Покой, которого так ждёт уставшее сердце, когда наконец-то проклятые мысли перестанут роиться в дурной голове, отпустят её и начнется святое «безмыслие».

Но восторженное самоумиление неизбежно уходит, и ты прозреваешь вмиг, что это и есть то, что в Православии называется «прелесть» – довольно тонкая тема для такого, «в высшей степени» мирского романа, а проще-то говоря, крайне греховной и святотатской книжонки.

Но тем не менее пора уже бросать впадать в «псевдорелигиозное» самолюбование своим смешным стремлением «очиститься» и взмыть ввысь к непорочности.

Бросьте! Человек насквозь греховен, грязен страшно и никакие мгновенья эдакого «просветления» никогда не будут правдой! Хочешь стать лучше – стань! Делай ближнему добро, помоги падшему, выручи копейкой нищего, позвони старому другану, делай что-нибудь полезное людям КАЖДЫЙ ДЕНЬ без рефлексии, не красуясь, по честному веле-

нию души и даже насильно заставляя себя! И ты станешь чуть лучше, я убеждён! Чуть-чуть, «на микроночку», но это произойдёт, а многочасовые медитации оставим завязавшим алкоголикам, им так нужно занять чем-то «важным» (в глазах наивняка́, на который и расчёт) свои вывернутые «спиртуозой» мозги.

Один мой давний знакомец тоже кинулся было в спасительные объятья монастырской братии. Но когда в первый же день у него элементарно «спизд…ли» часы, он моментом изменил своё желание посвятить себя Высшему служению.

Здесь, за святыми стенами, всё было и будет так же, как и в миру – добрые люди и подлецы, усмиряющие плоть и домогающиеся гомосексуалисты, истовые труженики и лентяи-забулдыги, живущие молитвой и «подковёрные» карьеристы. Не обманывайте себя, не лгите другим, никакой святости нет и быть не может!

Есть два способа жить для человека, и они, как две разноцветные нитки в бабушкином клубке сложно переплетены – это наслаждение и преодоление!

Испепеляющее ежесекундное желание услады ненасытной плоти и слабенькие, робкие попытки этому противостоять, пересилить тяготы жизни и выйти из борьбы хотя бы со счётом «0:0».

Ну и на «постную закуску», «в качестве наслаждения», эпизодик из бездонного на байки «репабликанского» периода.

Я на службе, волосы распущены – «царственный» Вадим Д. сегодня снисходительно позволил покрасоваться густыми кудрями («ну так, ничё-ничё, такой «аля Джон Леннон стайл», есть в этом своя фишка, можно-можно!»). Истерически передумал он, правда, дня через два, и хвостик японского самурая снова украсил моё благородное чело.

Но пока длиннющие патлы мои «кочумают» и радостно благодарят своего рыжего хозяина за отдохновение. И вот вижу я, как степенно движется ко мне невысокий, с вёрткими глазками священнослужитель в чёрной рясе и весьма плотоядно ощупывает взглядом мою дохлую фигурку. Становится страшно. Он придвигается «до интимного» поближе и вкрадчиво молвит, старательно ворочая на домотканое благочестивое «о»: «Какие власа-то у тебя богатые, юноша! С такими волосами был бы ты у нас в Валаамском монастыре в большо-ом почёте!». (Даже священное «Валаамском» он «сусально» говаривал, как «Волоамском», на то же самое слащавое «о»)

Догадываясь, в каком именно «почёте» я был бы там у «них» в «Волоамском» монастыре, я побежал со всех ног от этого знатока мужских причёсок, на ходу смущённо благодаря за такой вот «православный» комплимент.

Надеюсь, мне не гореть в Аду за эту не в меру бойкую главку?

Пьянство

Говорить о музыкантском пьянстве можно бесконечно! Эта бездонная, неисчерпаемая, до жути сладкая, «извечная» тема для философских бесед, пространных рассуждений и просто смешных историй.

Разглагольствовать на тему трепетного сердца артиста, его нестабильной нервной системы и «мучительного пропускания через «мятущуюся душу» всех людских несправедливостей» давно стало уже общим местом, это уже, знаете ли, просто скучно. Но общеизвестно, что музыканты, поэты, художники, актёры, словом «всевозможные дармоеды», в связи с этим своим шатким положением в сложной и загадочной для них жизни выписали сами себе вечную индульгенцию в смысле отчаянного пития.

Дескать, только «волшебная водичка» помогает примириться с такой обидной реальностью, да после выступления не уснуть – хочется лишь нервно бегать по потолку от перевозбуждения, да творческая тоска заела, да просто нужно расслабиться-завеселиться, что же теперь только творить что ли, а отдыхать-то когда? Короче, «за проклятой водкой некогда стакан вина выпить» – точнее «среднерусского» народа никто не выразит простую и краткую суть вселенского вопроса.

Отмечу разве что особо один досадный факт – актёры на-

шего брата-музыканта перепьют. Это «грустно, больно», но, вынужден признать, тут они победили… Видно, заметно тяжелее им, чем нам приходится голышом на коварных подмостках… А стало быть, и возлияния серьёзней и вдумчивей.

Один мой хороший приятель-актёр Денисик Кумохин, кстати, чрезвычайно серьёзный, в смысле поклонения богу Бахусу, мужчина, вынужден подрабатывать душкой-ведущим на разных «быдланских» свадьбах, да детских праздниках. Вот где нужна-то актёрская броня, такое уж, понимаешь, железное перевоплощение, чтобы ничегошеньки не задело болезненное самолюбие артиста.

«В мгновенья совместного просветления» он и рассказал мне о такой вот «реальной, парняцкой» свадебке, во время которой со стороны «правильных пацанов» не имелось ни малейшей улыбки, ни хоть какой-то крохотной реакции на его «искрящее ведение вечера», как заводилы-тамады. Он выворачивался наизнанку и тщетно ловил вечно ускользающее вдохновение, фонтанировал остротами, в отчаянии отплясывал канкан, и всё без толку! «Законные ребятки» мрачно взирали на почти уже театральное действо и лишь шумно жевали, да синхронно опрокидывали рюмочки. Несчастный Дениска малодушно подумывал уже о самом страшном – о том, что «никогда ещё он не был так близок к провалу». Но после мучительной этой и суровой донельзя женитьбы авторитетные пацаны неторопливо подошли к

уставшему и расстроенному актёру и изрекли (тоже абсолютно без каких либо улыбок): «Не, ну ты так, ваще, нормально вёл, будем, если чё, советовать!».

Вот так, одно крохотное слово похвалы для бедного артиста – и он вновь расцвёл, и жив и весел! Оказывается, «правильной братве» всё очень даже приглянулось, просто «авторитетное» положение обязывало их вести себя чуть сдержанней, чем это обычно бывает на балах.

Говоря о пьянстве музыкантов, никак нельзя обойти оскорбительным невниманием самого горького из «Горького города», как пел замечательный Полковник (Царствие ему Небесное) – Володьку Мигутина, того самого, знакомого уже вам Дуню.

Вовка бухал запойно, ровно и по классической схеме – до кондрашки, затем капельница и недолгая завязка. А следом начиналась… «коммерция» – карикатурная торговля монструозными детскими книжками-раскрасками в каких-то диких поликлиниках, где полоумные дети голосят, писаются и пытаются сбежать от ошалевших от почётного материнства и отцовства родителей.

Иногда Володьке крупно везло, и он находил более привилегированные способы заработать на хлеб насущный…

Клавишник Лёха Богданов, или «Богданыч» в миру, совершил ошибку. Душевнейший по природе человек, он зачем-то пригласил давнего приятеля немного потрудиться. И ведь прекрасно знал он его, родимого, как облупленного, уже

без малого триста семьдесят пять лет. За эти огненные годы Дуня умудрился всласть пропить даже любимые клавиши Богданыча, чего тот не может простить ему и по сей день. Зачумленная же Дунина гитарка гордой марки «Музима» (цвета «Почти Санбёрст»), взятая Лёхой у растратчика в залог, так и пылится, наверное, у Богданыча в чулане.

Итак, Дуня теперь работал у Богданыча по славному делу копчения рыбы на его личной коптильне, и всё немногое, что принадлежало кругленькому Дуне, пахло этой самой «копчёненькой», словно каким-то пепелищем. Одежда, волосы, руки, половики в его доме, посуда, стены, решительно всё!

Глядь, и появились какие-то деньжатки – наш дядька Богданыч никогда жадным не был. И жить бы Вовану, поживать, да «бобра» наживать, но «коммерческая» жилка не давала покою предприимчивому Вовке!

И он начал жёстко пизд…ть подкопчённую рыбку и пускать её налево. А на ловко обретённые «бабульки» принялся прикупать фирменные дисочки любимого Элиса Купера (диски тоже пахли рыбой и какой-то гарью).

Лёха, конечно же, чувствовал, что «пахучая продукция» стремительно исчезает, словно в какую-то ненасытную бездну, но за руку поймать нашего «пройдоху» никак не удавалось. Богданыч бессильно скрипел зубами, но, как говорится, «де-юре» пока ничего поделать не мог.

Ну а потом всё было, как обыкновенно и случается, если в деле Сам Вовка. Он снова банально забухал и заснул на рабо-

те в тёплой компании приглашённого им же напарника-корефана. Рыбка отчаянно жарилась всю ночь и к утру, естественно, превратилась в угли. Вы, наверное, думаете, что дотла сгорела только дневная норма рыбёхи, нет, дорогие мои, это слишком мелко для такого заслуженного деятеля, как Дуня… Он сжёг и коптильню «нах…й», как впоследствии красноречиво поведал мне сам бывший невезучий владелец «рыбного бизнеса».

Конечно же, осиротевший Богданыч немедленно прогнал его, но зачем он вообще связался с этим чудо-человеком Вовкой, вот египетская загадка! Наверное, простодушный Лёха всегда был добрым чуваком и благородно хотел подарить ещё один («последний-последний!») шанс «гибнущему другу». Ну а смекалистый Вован в который раз его толково и «прибыльно» не использовал. Диски Купера, кстати, Дуня вскоре тоже пропил.

Было стародавнее дело, когда Лёшка Богданов снимал с неким приятелем квартирку на двоих, и там, само собой, собиралось всё отребье из близлежащей округи – музыканты, наркоманы и просто забулдыги.

Конечно же, Вовка тоже был тут.

Боганыч с непонятным корешем брали ежевечернюю «литрушку беленькой», жарили по-холостяцки огромную «байду» ароматной картошечки и привычно вскрывали уйму рыбных консервов. На всё это царское угощение тут же слетались и мы – студенты с вечно голодным взором и пло-

хой «Музимой» под мышкой.

Всё барское угощение беспощадно уничтожалось, а затем «интимно» исполнялись «свежесочинённые» песенки, и тут же немедленно производился «критический разбор произведения»: «О!

Вот эта заеб…сь!». Либо: «Не, ху…ня! Хорош, завязывай, скукота какая-то!». Ну или: «Ничё так, только припев-то ты у Билли Джоэла подпиз…ил, а так вполне, вполне!».

Лёха по понятным причинам давно уже Дуню на творческо-алкогольные посиделки не звал. Но Вовка приходил всё равно.

Как-то раз мы привычно сели промочить горло перед плановым «худсоветом», и опытный Богданыч, зная о возможных последствиях Вовкиного загула, наотрез отказался угощать «огненной водой» «предателя и отступника»: «Если ты себя не уважаешь – наливай себе сам, я тебе наливать не стану…».

Дуня был с жутчайшего бодуна… С одной стороны, условие было крайне унизительным, речь шла об Уважении! У пьяниц этот тонкий вопрос стоит весьма остро, как, пожалуй, только у жарких сицилийских мафиози. Вовка горько задумался. Сидел трагически и молча под испытующими взорами музыкантской братии мучительных минуты две… Затем горестно подумал ещё немного, потом ещё чуть-чуть… И налил! И выпил! Полный укоризны взгляд презрительного Богданыча был ему в наказание. Грянул общий го-

мерический хохот, а громче всех гоготал сам Богданыч!

Ну что же с тобой злодейского сделаешь, чёртов ты «Вовка-развовка», но ты у нас таков один, за что тебя, обормота, так любят и прощают! Обаятельный плут, воплощение Самого Пьянства, Великого Пьянства Артистов…

«Сгодится нам этот фраерок…»

После некоторых трагикомичных событий я безжалостно уволил Руська с должности «зам. по кадрам». Как кадровик он, чего уж теперь скрывать, совершенно бесподобен.

Случилось это накануне «чрезвычайно важного» выступления на псевдо-фестивале «Индюшата» – ещё одного дутого мероприятия, лихо состряпанного «пиарщиком всея Руси» Александром Кушниром.

Всё было «по першему разряду»: проплаченная победительница, самодовольный её папик, кучка разношёрстной публики, толково нагнанная посулами жирного фуршета и прочим лёгким обманом. А ещё в зале имелись даже специально приглашенные «селебрити», но такого мелкого пошиба, что их даже никто и не узнавал. Словом, Праздник, так уж Праздник!

Впрочем, нахально выступить среди «Содому и её Гоморры» с нашими весёлыми «матюгами» было весьма приятно. Ну и хоть что-то честного, пусть инородным тельцем, да попало на этот ежегодный «прославленный, почти что европейский» фестиваль.

Басист на тот драматический момент, как впрочем, это часто бывает в диком «Алкоголе», «отсутствовал, как таковой». Велись, правда, неторопливые телефонные переговоры с одним «бывшим из семидесятых», у которого было всё

– коллекция гитар, фирменные «комбари», винил, жена… А вот молодость купить не получалось, для этого и нужны были мы – «перспективный молодняк».

Времени было настолько «апокалиптически в обрез», а я был так занят на «ответственной работе», что одну из двух скромных репетиций (о, как же это катастрофически мало для введения «варяга», да ещё перед каким-никаким, да «фестом»!) я поручил молодчаге Руську. «Репа» с шиком и прочим блеском была-таки проведена, и я уже на «дворницкой» работке получил бодрую «смс-ку», которая бережно хранится у меня в бездонном мобильнике: «Всё в порядке, сгодится нам этот фраерок».

Да… Даже трагический Левченко из «Места встречи изменить нельзя», которого браво процитировал «ведущий кастинга» Русь, был намного ближе к реальности, чем это обманчивое послание.

На единственную оставшуюся «репку» я летел со «стопудовой» уверенностью, что сейчас состоится формальный, лёгонький прогон, а завтра мы дружно грянем, и…

Сомнения закрались сразу после краткого знакомства с загадочным претендентом на четырёхструнный инструмент – он был слегка «поддат». Объяснил он этот не слишком уж криминальный факт тем, что «ему необходимо расслабиться, чтобы творчество потекло по телу (!)».

Ну а ещё он, как бы это сказать помягче… «По имиджу несколько не вписывался в концепцию молодящегося задор-

ного коллектива». Он был велик ростом, имел пивную фигуру охранника обувного магазина, короткий ёжик на здоровенной башке, ну и вообще, всем общим обликом он отражал то, что и было на самом деле – сорокапятилетнего, располневшего мужика, измученного работой, супругой и самим собой.

Но ни малейшего выхода не было, и я в одиночку принял рискованное решение окультурить «околомузыкальную» внешность новичка фенечками, «джинсурой» и лёгким «мейк-апом». Но до этого мы как раз и не доехали…

После первой же, не самой сложной нашей песенки «Над Москвою», я понял всё…

Помните отличный фильм Карена Шахназарова «Зимний вечер в Гаграх»? Ну там, где мэтр-чечёточник, которого играет блистательный Евстигнеев, проверяет чувство ритма самонадеянного бездаря и недотепы в лице «Панкратова, да Чёрного». «Поспешил, вот так вот надо!» – говорит этот фантастический обормот, и ошарашенный взгляд Евстигнеева становится в тот напряжённый момент моим взглядом. Ещё одна цитата оттуда же, чтобы завершить драматургию ситуации: «Только идиот захочет научиться «степу» с переломанными ногами, такой походкой и чувством ритма, как у тебя!».

Я обречённо произнес это сакраментальное лишь в душе, на то были «особые» причины, но о них чуть позже.

Никакая моя паническая дрессура и отчаянный тренинг

не смогли добиться хоть какой-то законченной игры – гармонии моментально терялись, акценты неожиданно смещались, это была катастрофа! Завтра концерт, а этот пьяненький детина смущённо-обнадёживающе лопочет: «Да, ничё, всё нормально, давай ещё разок, ща всё отрепетируем, всё будет «нормуль», и время есть…».

Первым не выдержал честный барабанщик Пашка: «Ну хорош, это уже несерьезно, давай по домам!». Я был настолько счастлив и рад, что не мне пришлось объявить эту и так всем сразу понятную жестокую правду, что даже «в оздоровительном шоке» спасительно вспомнил про отличного «басилу» Лёшку Котречко, что давно был «в авторском материале» и в который раз бескорыстно спас нашу «непорочную репутацию».

Отыграли мы тогда «на ура» и даже с неожиданным «бисом», небрежно заставив забыть настороженный народ и про финалистов-победителей и богатеньких их родителей!

Ну а теперь об одном тонком моменте, который и заставил быть меня не в меру деликатным с нашим «дебютантом».

Щекотливое дело было в том, что удалец Русь (музыкантище почти мирового масштаба, с золотыми ушами и неисчерпаемой фантазией) невероятным манером умудрился не только не увидеть явной «профнепригодности» этого «экс-басиста», но и ещё «нечаянно» расколотил одну из его дорогущих гитар во время памятного прослушивания.

Вот почему, милые мои друзья, я никогда больше не по-

прошу хоть кого-то заняться «кадровыми перестановками», даже если мне авторитетно скажут: «Ну ты чего, чувак, это же Билл Уаймэн, он до этого в «Роллинг Стоунз» играл!». Нет, братцы, не прокатит! Садись, Билл, расчехляй гитарку, а я тебя слушать стану!

Коммунальное проклятие

Совсем что-то запамятовал о продолжении «кровавой» разборки на станции Багратионовской с сестричками-мегерами, что были когда-то нашими кошмарными соседушками. А ведь разборочка имела место быть…

Как-то огненным летом отважная Иришка закатилась погостить к нам в нашу «нехорошую квартиру». Естественно, такой заметный персонаж не мог не заронить интереса в эти чёрные и гадкие сердца адских сестёр.

Мы по обыкновению поднимали хрусталь за «с приездом», «за встречу», и уже органично пришла пора принять «под скрип телеги», как я заслышал тревожный шум на кухне, куда Ражева заскочила проведать, готово ли весьма непростое блюдо «сосиски отварные». Кинувшись на выручку, я обнаружил мою «завоевательницу земель», плотно окружённую и атакованную со всех сторон мерзко вопящими фуриями.

Остро возникший вопрос «о соседской» очередности пользования плитой доставлял немало наслаждения этим примитивным сущностям – ядовитая слюна люто брызгала по стенам и собачий лай был просто непереносим.

А «наше сокровище» преспокойненько выждала театральную паузу и бесстрастно выдала: «Вы знаете, я с вами разговаривать вообще не собираюсь… На меня посмотрите,

вы что, не видите, что я цыганка? С этого момента ВСЁ у вас будет очень плохо… И у вас и у ваших убогих мужей! Вы вообще навеки забудете, что такое секс, это я вам посмертно гарантирую…». И она мягко развернулась и размеренным ходом выплыла к себе «в апартаменты».

Ох…евшие тётки ещё по инерции поорали, обсуждая неслыханные заявления этой выскочки-девчонки, но страшные и невесёлые мысли закрались в заплывшие жиром тупые мозги. А я, ехидно довершив «благородное дело мистического ужаса перед неизвестным», очень так грустно и со значением изрёк на прощание: «Зря вы с ней связались…». После этого «лёгкого намёка» я, уходя, просто неприкрытой своею спиной почувствовал, как затряслись их толстые тушки.

Если вы иронически полагаете, что со стороны «ромалэ-Ражевой» это были только лишь красивые слова, то вы безмерно заблуждаетесь, цыганское проклятие реально существует, и эта маленькая девочка не раз сгоряча этим пользовалась. И не хотел бы я оказаться на месте подлых обидчиков этой ведьмочки!

Не знаю, да и не желаю знать, что уж там «такого» в их сатанинском семействе произошло и случилось, но на следующий же день на ручке нашей двери висел внушительных размеров пакет с яблочками (!). Видимо, после Ражевского «сглаза на любовь» инфернальные сеструхи были в такой панике, что, несмотря на патологическую и просто неприлич-

ную уже жадность, они решили трусливо задобрить «цыганских богов». К яблокам мы, разумеется, не притронулись. Хотя бы из простого отвращения.

После пары дней «яблочного висения» впустую, нам лицемерно-ласковым тоном было указано на «жертвенный пакетец»: «Вы что же это, ребятки, не кушаете? Это ж вам, угощайтесь!». Мы же скоренько заперлись за толстою советской дверью и тихонько ржали от души, празднуя маленькую победу над этими убогими «воплощениями зла» и поднимая тосты за спасительное «коммунальное проклятье»!

Колюнька, глава вторая. Так держать!

Главу про замечательного Колюньку Харитонова я уж давно и с сожалением завершил, а тут «мистически» наткнулся на старые свои куцые наброски и, душевно улыбнувшись, обнаружил, что ещё не все жемчужины и бриллианты Колюниных рассказов я скупо вам поведал, мои милые «читу́ши»…

К примеру, чуть было не пропал студент Андрюша (трагически и безвозвратно), случайный однокурсник Колюни, который никогда и ничего не учил. Но не потому, что был он знатный лодырь, а банально от того, что был просто фантастически глуп. И каждый «экзаменационный раз» скорые на хохмы студенты слышали, как Андрюша жалко и нудно выпрашивает отметки у ошалевшего от такой наглости «препода»: «Ну, пожа-а-алуйста…». Причём всегда с одной той же плаксивой интонацией и тонким противным голосочком просящего милостыню. Каждый зачёт! Каждый экзамен! Ну не душка?

Ещё куда-то затерялась баечка про безымянную простушку-девицу, после весёлых кувырканий с коей, его «воспитанный» приятель начал было куртуазный комплимент: «Хорошо…». Тут все возможные варианты достоинств немудрёной барышни были судорожно перебраны, и зацепиться было ка-

тастрофически не за что. «Трахаешься ты хорошо!» – только и нашёлся вымолвить «галантерейный» кореш Колюни.

А вот имеется и такая «раста-история» из быта любителей «творчества» Марли и всех из того вытекающих дымом услад…

Стоит (уже нетвёрдо) группа активно практикующих «растафари» и самозабвенно «дует через пыж». «Пыж» – настолько уж хитрая система, усиливающая «приход», что я сам до сих пор и не понял, как это священнодействие происходит, видимо, до «таинства реггей» я просто позорно пока не дорос.

И вот один из «братьев кольца» святотатски предлагает соплеменникам свернуться, ибо, вроде как, стало уже «совсем хорошо». На что оскорблённым и полным возмущения, хотя и несколько слабым голосом другой адепт Хайле Селассие ответствует: «Если ты не хочешь – это ещё не значит, что другие не будут…». И всё это комически лопочется после двадцать девятой затяжки и пяти позорно пропущенных кругов, еле ворочая языком.

Надо сказать, у Колюни есть несколько затейливых пунктиков, коих он педантично придерживается. Например, девушка моложе восемнадцати строго зовется «пиз…юлина» или «пиз…ючка», равно как и молодой человек тех же незрелых возрастных рамок кличется «пиз…юком».

Так вот про одну такую классическую «пиз…юлину» неутомимый Колюнька в очередной раз щедро мне и по-

ведал. «Пиз…юлина» была весьма примечательна тем, что беспрестанно ругалась матом, громко, отчетливо, заменяя нецензурными неологизмами все предметы бесконечной Вселенной. Но самое эффектное их ожидало в финале, когда всей честнейшей компании она выдала вот такое, волнующее воображение филолога, предложение: «Ну чё – въеб… м до метро?».

Чуть было преступно не посеял и драгоценные воспоминания из отчаянного колюниного отрочества. Вот некоторые самые живописные…

В его героическом прошлом нежными детками «охотно пивались» тогда исключительно крепкие сорта «пив» – легендарная «Балтика-9» и перехватывающая дух «Охота крепкая». А когда сверхчувствительные детишки ощущали, что настроение стремительно приходит в норму, тогда начинались подвижные игры, ну, скажем… в теннис. Ну а при нерегулярном посещении местной «тренажёрки» «оздоровительно качались» они, разумеется, только бухие.

Как же добывалось это самое крепкое пиво? А оно элементарно пиз…илось из палатки. После вечернего закрытия «минимаркета» с обратной стороны палатки под не плотно прикрывающий брезент запускались нетерпеливые детские ручонки, и «выбиралась» суточная норма пивасика. Все эти, тонизирующие нестабильную психику ребёнка сокровища, прятались в диване на квартире одного из неуловимой шайки «алкофизкультурников».

Каждое утро стайка деловитых школьников заваливалась к «хранителю общака» и… извлекались волшебные бутылькú. Ими набивались школьные ранцы, и находчивая компания весело выбегала на улицу квасить. Всё это естественным образом вызывало некие подозрения у насторожившихся и сугубо правильных соседей, которые уже начинали озабоченно шептаться: «Наверное, наркотики таскают…».

И ведь «при банде» имелся ещё даже какой-то совершенно дикий, пожилой «тренер», что нетрезво мямлил худющему Колюньке: «Из тебя толк выйдет, ну или хотя бы твой сколиоз выправлю!». Вероятно, ему тоже подносили.

Неприлично много персонажей начали сегодня причислять себя к благородному племени ди-джеев. Это, конечно же, выглядит весьма анекдотично.

Про одного такого «диск-жокея» рассказал тот же чуткий и внимательный к смешному Колюня. Сей новоявленный DJ, да ещё играющий в жанре подросткового «drum'n'bass», прибыл «на ответственное собеседование на работу продавцом» (самое для него, надо сказать, и место).

«Играть» – так солидно и гордо «ди-джеи» называют, всё же признаю, весьма непростое своё ремесло. Но громкое слово «играть»… В таком вот контексте у нас, «живых» музыкантов, оно всегда вызывает «лёгкое» недоумение и даже порой раздражение. А тут ещё этот «игрун».

Но дело-то, собственно, было не в классе сведения музыкальных дорожек этим, так сказать, «драм'н'бассером». Про-

сто, пройдя собеседование, он ежеминутно приставал к бедному Колюньке с повторяющейся загадочной фразой: «Чё-то тут не так… Да… Чё-то тут не так… Ну это не только моё мнение… Это не только моё мнение…». И так бесконечно. Вызывайте скорую! Принимайте ди-джея! В палату его, ну, в ту же самую, где Тиесто с Ферри Корстеном.

Изумительно хороша и модная «стори» про то, как нужно пугать «расслабленных прохожих»… скейтом. Нервно приседать, будто перед фатальным прыжком и пристально смотреть в лицо жертве, которая тут же шарахается в ужасе, словно от немецкого беспощадного танка.

В банде скейтеров-подонков, где служил верой и правдой и наш Колюня, состоял «престарелый старожил» аж двадцати восьми годочков от роду, ну уже, «вроде как, типа», скейтер-переросток.

И вот он, «адепт благородного олдскула», всегда назидательно говаривал молодёжи: «Нет у вас, у молодых стиля – вы роботы, катаетесь, словно механизмы какие!». Мне, как заслуженному рокеру-переростку, всегда умилительно слышать такие грамотные «старпёрские» наставления.

Не обошла своим гадким вниманием к нашему худенькому персонажу и мерзкая каста «гопничков». И достался ему совсем уж «трудный» экземпляр, который на его категоричный отказ поделиться денежкой, неожиданно заявил: «Денег нет – давай пиз…иться!». «Да не хочу я…» – разумно парировал утомлённый Колюня. На что ошарашенный «гопарь»

растерянно, но с некоей укоризненной надеждой в тоне выдал очередной шедевр: «Ну ты чё, ты чё это, ты же можешь просто силой померяться?!».

Ну и на диетическую закуску, как полагается, сценка с доисторического порно-рынка, куда абсурдный Колюня, не подумайте худого, попал случайно – просто свидание с давнею девушкой была опрометчиво назначено в таком вот экзотическом месте. Не в меру активный чувак – «растленный» продавец «порнухи» профессионально приметил бесцельно слоняющегося долговязого паренька и принялся приставать к «клиенту» с предложениями «подобрать пикантного». Само собой, Колюнька ответил на всё обидным равнодушием. Немедленно посыпались всё более изощрённые варианты, какие-то совсем уж извращённые порноленты, но несгибаемый Колюня был твёрд, как сталь самурая, и даже уже собирался удрать. Но торговец «горяченьким» сумел-таки остановить его вот этой изумительной находкой: «Да постой ты, парёнек, щас посмотришь – и всё изменится!». Изменилось лишь его негативное отношение к порноиндустрии, ну а как же иначе, когда есть такие умопомрачительные продавцы «видеолюбовью».

Опять скачу «литературным иноходцем», но только что ко мне на монструозной моей Горбушке подвалил маленький маньячного облика «человек с гор» и, досконально осмотрев все полки с «аудиофильским рокенролом», тихонько и с похабным значением спросил: «Здэс сэкс ест?».

Как всё ж бывает крайне тяжко навзрыд не рассмеяться, когда проплывают рядышком такие озабоченные восточной страстью феномены…

Ух, как я рад, что счастливо не растерялось по клочкам такое славное наследие нашего незабываемого Колюни Харитонова! И его добрый, милый и домашний юморок! Это ведь, кстати, он в своё младое время к вопросу о ненайденных маньяках брякнул цинично-будничное: «Появился серийный, что пацанов режет? Ну не-ет… Надо самих психов резать, их много!». Колюнька, брат, не пропади, и так держать!

Мой личный «еврейский вопрос»

В волшебном фильме «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил» есть знаковая сценка, где молодой мордатый обормот – боярский сыночка с идиотической самодовольной радостью хвастает отцу, как его «за различную там лень и всякое растратство» сослали в простые матросы, а он, «смекалистый», «дал в зубы три рубля» и, мол, «уж не матрос – сижу в цейхгаузе!». И лишь боярин-папка укоризненно-расстроенно взирает на кретина-дитятку и, по-отечески горюя от сыновней тупости, законно сетует: «В цейхга-аузе… Да тебе по знатности твоей, да родовитости в сенате сидеть надобно! А он в цейхгаузе…».

Цитата, безусловно, крайне неточна, и до сих пор не шибко ведаю, что означает таинственное то «в цейхгаузе», но, судя по всему, выходит, что не самое престижное сие местечко. Так вот, я тоже, видимо, крайне давно и так надёжно «сижу в цейхгаузе»…

Согласен, что заметно припоздавший наш альбомчик всё же вышел и сотворился даже очень недурным («чего ж таить нам лишнего греха»), в защиту пара неплохих статей о нас в приличных журналах, но… По-прежнему нас нет, мы – всё ещё «алкоголики-невидимки»…

Да и чёрт с ним! А то и с «нимбом»! А то как «живописнейше» представлю, сколь нам пришлось бы нахлебаться

положенного критиканского дерьма и нудно «отлизать» известнейших и нужных жоп… И «состоявшимся артистам», и «луноликим импресарио», и «нефтяным «наркобаронам», и «томным теле-радио ди-джеям», и «кино-клиповым магнатам», короче, всем этим «не совсем традиционным», что иногда так зрело хочется воскликнуть: «Да пошло оно!!! В кино…».

Мы, «Невидимки-Алкоголики» неспешно творим только лишь для Вселенной! И вот, ну никак не меньше, а меньше мы, пираты не берём! Вот это я, конечно, дал! Для Вселенной…

Смотри-ка, вспомнил об этом изумительном кинце, и тут же в небрежной памяти моей бойко побежали события, которых иногда нарочно-то не вытащишь из вывихнутых наших голов…..

Всё дело в том, что в «грустном детстве» я никогда не хаживал в кинотеатры в одиночку – и небезопасно и не так празднично. И только эту единственную, крайне странную и потому сомнительную по тем застойным временам картину я видел в гордом одиночестве. Ещё тогда, неискушенным пацаном, я «спинным мозгом» понимал – ну что-то в этой странной ленте как-то вот не так: и сумасшедшая буффонада неизвестного тогда мне Феллини и кривая «полуцирковая музыка» и сюрреалистические эпизоды, ну, в общем, этот фильм был явно не советский.

По нашим волшебным киношкам обыкновенно мы шля-

лись дружными салагами вдвоём с моим детским верным корешем – Ми́ркой Лива́ном. Вообще-то, его звали Мирослав, но уменьшительное «Мирка» ему подходило, по-моему, намного больше. Тогда ещё маленький, чернявый и кудрявый мальчуган Мирка, ну а я в те же допотопные времена такой же дохлый и кучерявый, только рыжий.

В жестоком моём отрочестве били довольно часто, до обыденности… Но ещё хуже «обидно-обыденных» побоев мне помнится жуткая «куча мала». Эта была весьма варварская забава, состоящая в следующем: когда какую-нибудь «дохлятину», как вариант, меня сбивали с ног, и на тебя плашмя кидалась вся «поголовно-уголовная» дворовая шпана, образуя отвратительный курган из орущих от восторга непромытых тел. Рёбра трещали, голова билась о Землю-Матушку, и ты задыхался от страха умереть под шевелящейся мерзкой массой, да что там, просто от того, что воздух переставал проникать под живой плебейский холм.

В эти ужасные минуты один только Мирка, вернейший мой друг из дикого детства, отчаянно крича, пытался меня спасти! Он отважно оттаскивал от меня озверевших «пионеров с октябрятами», неловко колотил их тощими ногами и руками и трогательно звал своего рыжего дружка: «Гоша, Гоша, ты живой?!».

Когда на наши тонкие ручонки нечасто падали некие нехитрые родительские монеты, мы тут же всё делили поровну, счастливо скупая все билеты на непререкаемые шедев-

ры детства: «Пираты двадцатого века», «Укол зонтиком» и «Инспектор-разиня». То же самое непререкаемо происходило с любым натуральным продуктом – конфетами «Морские камушки», кои по-братски бережно растягивались на весь сеанс, или астраханской восхитительной воблой, что жевали с наслаждением после сеанса, причём, словно какой-нибудь теперешний ресторанный стейк из лосося.

Где сейчас такая вобла, я вас спрашиваю? Тёмная, твёрдая, с тонким, а не сшибающим с ног, ароматом и топящимся на бочках янтарным жирком. Где-где, осталась там, в пропавшем нашем детстве…

Кстати, тогда же нами была выработана гениальная схема просмотра любимых кинофильмов несколько раз подряд без унизительной для юного интеллигента повторной оплаты. Мы просто втихаря оставались в полутёмном зале, прячась между рядами или под сидениями, и когда подозревающие всех тётки-билетёрши запускали новую партию «киноманов», мы бестелесными тенями присоединялись к следующему волшебному сеансу. И так раза по два или по три. И мне ни капельки не стыдно.

И в мельчайших деталях я помню, как интересно было в Миркином доме. Например, их славного песика Тёмку, что чуть слышно и уютно цокал по паркету, а придурки-соседи снизу постоянно жаловались на «жуткий лязг когтей животного». «Шерстяного пёську» иногда «планово» мыли в ванной, и Мирáсь, зарываясь носом в его чёрную шкурку, всегда

умилялся: «Мыльцем пахнет…».

Моя соседка по этажу, замечательная тетушка Галя традиционно засылала меня сдать её накопленную за месяц стеклотару (муж её «приличнейше» выпивал) и всегда оставляла мне горсть серебряной мелочи, ласково поглаживая по рыжей моей голове. И вот тогда мы с моим Миркой наперегонки бежали на угол покупать эти кошмарные, а тогда сказочные для нас беляши, и если они оказывались на высоте, «авторитетный» Мирась неизменно важно и с видом знатока-кулинара изрекал: «Хороший беляшик, без вымя!».

Разумеется, все его шальные рубли-копеечки тут же шли на то или иное общее «благое дело».

Мы жили, в общем-то, в квартирах-близнецах, только я на два этажа выше. Но кое-какая разница всё же имелась. Родители Мирася являлись счастливыми обладателями роскошной Большой Советской Энциклопедии, полного собрания Конан Дойла и прочих чудес, которые я благоговейно листал каждый раз, бывая у него в гостях. В доме было фортепиано, дети играли на инструментах, недурно рисовали, и это было необычно. Я лишь слегка бряцал на «ненастраиваемой» гитарке, оставшейся от деда Степана, пиликал на его же аккордеоне марки «Вельмайстер» «Тирольский вальс», да прочёл раз по восемь «Петра Первого» Алексея Толстого и «Три мушкетера» Дюма – «обязательные книги» в каждом советском доме.

Сейчас я, конечно же, понимаю, что была это обыкновен-

ная хорошая еврейская семья, где учить детей музыке, языкам и приличной литературе было делом нормальным.

Этот самый пресловутый «еврейский вопрос» я не просекал совершенно класса до девятого, лишь смутно что-то отмечая в столетиями осаждаемой «антисемитизмом» родовой памяти. Единственный только раз Мирка как-то робко сообщил мне, что, мол, в семье их всё вовсе непросто, и дедушка у них… еврей. На что я растерянно пробормотал какую-то детскую невероятную чушь, вроде «ну, дедушка – это же не считается», даже тогда смущённо ощутив, какой же бред я сморозил.

Тем более что, я абсолютно не понимал тогда, в чём же проблема, если кто-то там «хохол», «еврей» иль «татарин», ну разве что цыганки пугали меня своим антисоциальным пёстрым обликом и крикливым вызывающим поведением.

Честно говоря, единственный и неповторимый друг моего непростого детства Мирась – есть лучшее доказательство отвратительности такой зловонной штуки, как «антисемитство». Услышал я как-то в метро эдакое корявое словечко.

Кстати, презабавнейший случай на эту щекотливую, но «вечную» тему произошёл со мной в так называемом незабываемом «Лагере труда и отдыха» в классе восьмом или девятом.

Тогдашняя наша классная – Эра Моисеевна Кирзон, национальность её озвучивать, думаю, глупо, торчала почему-то денно и нощно в нашем домике-бараке, где обретались

исключительно юноши. На мой непросвещенный взгляд, охранять честь и непорочность развесёлых наших девчонок было бы куда разумнее.

Она была превосходным преподавателем биологии, замечательно рисовала нам разноцветные потроха различных обитателей планеты, причём левой рукой, хотя энергичные замечания в наших дневниках исполняла строго правой.

Так вот, ведя с нами умиротворённые беседы по различным «политкорректным вопросам», один из вредных ученичков неожиданно и подловато задал ей такой вот вопросец: «Эра Моисеевна, скажите, а кто такие семиты?». К этому моменту туманное осознание, что есть какие-то вот не такие «специальные» люди, уже наклёвывалось в детских головенках, и мы затаив от ужаса дыхание, ждали возмущённого разгрома неделикатного невежи. «Я сейчас отвечу на твой вопрос» – по виду спокойно ответствовала суровая наша Эра, и неспешно закончила свою, начатую было тему. Но на деле, конечно же, она дала себе некий тайм-аут на обдумывание более чем компетентного ответа: «Ну а теперь по поводу твоего интереса: семиты… Это жители Северной Африки!».

Вы только представьте, насколько неловкая эта была тема, что наша весьма смелая, а и порой бесцеремонная Эрушка была вынуждена дать такой глупейший ответ. (Хотя формально она почти не слукавила – действительно, учёными предполагается, что предки протосемитского языка «прото-

пали» в Переднюю Азию именно из Африки). Она могла запросто взять любого здоровенного хама за ухо и выставить вон из класса, никто и никогда не смел ей перечить, ни из учителей, ни тем более из шелупони-ученичков. А тут так нелепо уйти и трогательно спасовать от простой, но, видимо, настолько уж «запретной» темы.

В школьные годы я с любопытством думал, ну надо же, какие же у людей случаются странные имена, наверное, так непросто жить с такой витиеватой и нестандартной фамилией, и как она, вообще, такая вот могла появиться на свет: Эра Моисеевна Кирзон, Лилия Ильинична Сегалович, Наум Израилевич Цейтлин – все наши почтенные преподаватели.

Между прочим, фронтовик и умница Наум Израилевич почему-то всегда ценил мои несуществующие (на мой убеждённейший взгляд) математические способности. И всегда, встречая меня уже студентом Универа, обязательно говаривал с уважением: «Ну, Игорёк, я даже не спрашиваю, как у тебя дела в этом вашем институте, я просто-таки уверен – всё в высшей степени блестяще!». Спасибо Вам, милый Наум Израилевич, но мне всегда так неловко было принимать эти Ваши лестные комплименты – я был на самом деле совершеннейший оболдуй…

В праздных разговорах с моими приятелями, евреями по происхождению, я намеренно не ухожу от этой «деликатнейшей темы», и на меня даже иногда обижаются, а бывает и наоборот, слышу я изумлённое: «Чувак, я хочу с тобой вы-

пить и поговорить…».

Это неожиданное предложение излить измученную душу я получил от наполовину хохла, наполовину «жителя Северной Африки» Лёши – бухгалтера одной из моих нелепейших «промежуточных» контор. Он как-то бодренько прошёлся по темочке «все люди братья», на что же я в своей «аля Максим Горький» суровой манере заметил: «Лёш, ну ты что, сам, что ли не понимаешь, что отношения эти «братские» очень и очень даже непростые…». Тут-то он и поражённо присел, не предполагая, что на эту «тематику», которая «двести лет вместе», можно запросто и честно пообщаться.

Братцы, не нужно прятаться от «еврейского вопроса», ну правда! Конечно, я так изумительно толерантен, возможно, лишь потому, что прадеда моего звали Яков, но…

Но если серьёзно, давайте всё же лучше мы поговорим, озвучим все эти нелепые взаимные претензии, и может быть всё-таки поймём друг друга, как понимали хотя бы в детстве…

Магическая цепочка судьбы

Наверное, это стрёмно – писать книгу про себя. Даже когда читаешь автобиографии людей, по-настоящему сделавших что-то для музыки (Майлза Дэвиса, например), порой так и подмывает иногда сказать: «Ты чё, чувак, это серьёзно? Пар-то выпусти, сдуйся немножко!».

Но как бы то ни было, а сочинено мною уже немало, и бросать это «волнительное дело» я уже никак не собираюсь. И душевно надеюсь на то, что кто-то из вас, «читателей моих и почитателей» хоть ухмыльнется, листая мои «старпёрские» россказни, а может даже и прослезится разок-другой над трогательными самокопаниями лузера-автора.

Я всё ещё пытаюсь проследить цепочку хулиганки-судьбы – как же это я оказался в этой затейливой ситуации, когда мальчик-отличник, закончивший Универ и начинавший «карьеру» в монструозном Сбербанке, превратился в музыканта-неудачника, поэта-маргинала и попросту пьяницу, который шестой год, будучи взрослым, тогда ещё семейным мужиком, обретается в грязной общаге.

Если залезть совсем уж сакрально далеко, то началось всё с того тощего пацана, брошенного законно занятыми собой моими красавчиками-родителями. Я был классически «сдан» на руки милым моим бабушке и дедушке. Замечательная моя бабуля открыла мне настоящую народную «от

печали до радости» истину простой, но великой жизни, а вот суровый дед приучил к патологическому чтению всего и вся – книг, журналов, газет и даже объявлений на столбах. Это и было хорошим пинком к вселенскому поглощению информации, коим страдаю я безмерно до сих пор.

Одиночество и изоляция – вот, что осталось в трепетной памяти от этих совсем юных лет. Никто из вечно сопливых и орущих непонятно зачем детей не желал общаться со мной! Я был принципиально не интересен им своей серьёзностью и страстью к пространным сказочным беседам. А мне, напротив, так хотелось дружить… Хоть с кем-то… Даже с этими, оголтелыми чадами улиц предместий тусклого, как лампа на этаже, города Горького.

С тоской припоминаю, как кому-то из детишек зажиточные предки торжественно подогнали в подарок сияющий спицами велик с оглушительным звонком. Звонок трещал довольно противно и совсем непохоже на хрестоматийный перелив в песне группы «Queen» «Bicycle Race». Все детки нашей мрачной улицы были намного старше меня, трёхлетнего доходяги и, путаясь под ногами, я, мелкий, пытался пробиться к сверкающему чуду, явленному нашему нищему двору. Было решено кататься до упаду, соблюдая строгую, справедливую возрастную очерёдность: сначала «старшаки», потом вся остальная «шушера». Когда же я робко заявил о своих наивных правах, отказано мне было с саркастическим смехом. Обиженный и потерянный, я попросил было

о вовсе унизительной забаве – ну хоть бы дохлою ручонкой немного покрутить педали, но и на эту малость было жестокое детское «нет».

Я был оскорблен настолько в этот чёрный для меня день, что решил больше никогда не проявлять интереса ни словом, ни деянием к этим бессердечным отрокам. С этого тяжкого момента я замкнулся на несколько лет настолько, что кроме любимых детских книжек и старой, затасканной игрушки «Буратино» меня не интересовали более никто и ничто. Уже тогда, выходит, я был «одинокий изгой и непонятый плебеями поэт»!

Детсадовские, а тем паче, школьные годы заставили меня формально разговаривать с себе подобными, но только лишь настоящая дружба с замечательным Миркой Ливеном вывела меня из омута ребёнка-аутиста. Новые книги и необычная музыка – всё это жило в его волшебном доме, и судьба снова упрямо подталкивала меня к странной своей цели.

Как говорится, «дальше-больше» – тучи романов от «Мастера и Маргариты» до «Улисса» и мириады альбомов от «Abbey Road» до «London Calling» продолжали наполнять магией детское сердце. И вот он, приятный сюрприз для меня самого: зачем-то и непонятно откуда появились первые косолапые стишата и кривобокие мелодии!

Чуть ранее я уже «заложил» моего папочку вам, моим славным читателям, на предмет неосторожного подтаскивания «всего это джаза», так что процесс, казавшийся случай-

но необязательным, стал фатально неизбежным.

Только очень прошу вас, любезные вы мои друзья, не подумайте напрасно, что всё это – досужие жалобы на предков, окружающую среду и перст судьбы, ни в коем разе! Я всем очень доволен, и я всё получил по заслугам…

И всегда буду благодарно помнить о тех, кто «забил» на свои волшебные стихи, картины и гитарные соло, ради моей непутёвой и невыполнимой затеи – стать «идолом рокенрола». Конечно же, Ражева – поэт и художник Божьей Милостью, гораздо талантливее, чем я… Я при всех обещаю, что издам её книгу необыкновенных, явно лучше моих, стихотворений, и вы поймете, что я не просто хвалебно пою дифирамбы.

Пропуская мелочи развития творческого упрямства, скажу лишь одно: никогда я не думал и уж точно не гадал, что это несерьёзное дело рождения песенок станет для меня главным в игрушечной жизни. Ну вот просто не могу я не творить их, моих шальных частушек, хоть сдавайте в дурку! И никакие взрослые работы, позорные карьеры, убогие морали и подлые людские сплетни с пересудами не смогли вытравить из меня этот пустячный, но такой бескомпромиссный для меня дар.

Думаю, первым прямым толчком к переезду «в столицу рок-музыки Москву» было неосторожное заявление Лёшки Баскакова, нашего тогдашнего директора, благодетеля и отличного певца по поводу, мол, «сейчас надо писать, как

«Звери», про то, как «выпускные закончатся минетом», тогда точняк хиты пойдут!». Этот вульгарный и навязчивый шлягер от «Мумий Тролля» для гопников давно выводил меня из равновесия, когда я вынужденно корчился от него в муках по душным маршруткам. Потому-то и не было предела оскорблению «святых чувств поэта», и я, оскалив по-волчьи клыки, за три минуты в праведном гневе сочинил наш будущий боевик «Не сдамся», злорадно думая при этом: «Ну сейчас я вам покажу «Зверей» с «выпускными» и «минетом», и вы, б…я, поймете щас, что такое реальный «рокенрол»!».

Ну а дальше всё было ещё проще – единоличный отказ Михаила Козырева крутить песенку по «великому» «Нашему радио» (несмотря на единогласный восторженный прием её всеми ди-джеями и редакторами) не смог тиранически сломить нашу железную волю. И вскорости, наверное, в утешение, мы получили аж два «настоящих взрослых» контракта – от Леонида Бурлакова «из самого себя» и Олега Нестерова из «Снегирей».

Если эти легендарные имена ничего не значат для вас, то и нет смысла пускаться в пошлые разъяснения, а если да… Это было, словно нерукотворное чудо, никто уже и не верил в такое киношное предложение, что давно казалось просто смешной подростковой фантазией мальчишки-музыканта.

Такой она и оказалась в реальности – ничего у нас с Леонидом не вышло. Думаю, ежели бы выбрали «Снегири» – толку вышло бы едва ли больше, щеглы ещё тогда мы были

для серьёзной жестокой игру по-взрослому.

Возвращаться домой было страшно, обидно и горько. «Поспивавшись» вволю долгий отчаянный годок, в «магнитную» Москву нас вытащил неутомимый да «движуху» лихой басист из Омска Лёшка Котречко – и снова финт упрямой судьбы! Не сидеть на жопе, бродяги, и хватит бухать!

Вот она, магическая цепочка – побежали события, поскакали, родимые… В Москве певец-романтик Олег Чубыкин знакомит меня на очередном, поднадоевшем уже всем «Максидроме» с писателем и журналистом Сеней Мариенгофом, поклонником нашего странного коллектива с пламенных Бурлаковских времен, а он лихо сватает меня в магазинчик «Репаблика» на холопские подработки. Вот так банально и были накоплены рубли-копеечки для недорогой, но «эпохальной» записи.

Там же, в «гламурной магазке», я счастливо встречаю шального хиппана и «старпёра навырост» глазастого Валюшку Артемьева, он тут же перенаправляет наши алко-опусы гению-программисту Лёнчику Журавлёву, который и представляет нас капризной публике сайта «Рок-герой», где нас провозглашают этого сайта спасителями!

Что дальше? А сейчас ведь раскручу точную цепь всех кренделей судьбы, как говорится, «по главным вехам с веселым смехом!».

Далее мы планомерно попадаем в лапы занятного персонажа Серёги, неформального лидера энтузиастов этого само-

го «Рок-героя», вот он-то и приводит нас на славный лейбл «WWW Records» под крыло заслуженного и почти народного продюсера Максима Швачко.

Здесь и начинается нежная дружба с дорогой нашей Юленькой Старцевой, что засунула нас, переростков на легендарный «Эммаус», и супераранжировщиком ди-джеем Ва́лером или Валерием Царьковым «для немногих своих». С ним-то, бывшим суровым бойцом Московского Динамо и его соратником, блистательным звукачом Гошей Боголюбским мы и сварганили этот наш долгожданный «С кем угодно».

Вся эта конкретная «нудо́та» весьма и весьма скучновата, о, как же я понимаю вашу законную зевоту, но я так давно хотел проследить, хотя бы схематично и поверхностно, что и как мистически двигало нами, никчёмными пылинками даже для гостеприимной Москвы.

Ведь надо же было мне со своим «свежеудуманным» твистом «Москва-Динамо» попасть в накаченные пауэрлифтингом руки Ва́лера, который пол-Москвы вырежет за родимое московское Динамо. Таких, кстати, странных и оригинальных людей на планете немного. Этот брутального вида чернобровый красавец-витязь закончил аж две консерватории, а одну из них, на минуточку, в Париже! Обладатель абсолютного слуха и разрядов по борьбе и «рукопашке», великолепный пианист, кларнетист, успешный кинокомпозитор и человечище взрывного, просто опасного темперамента, «влёг-

кую» и между делом аранжировщик Наташи Королевой и адепт древней религии Русичей – думаю, вы уже представляете, что за гремучая смесь течёт в этих могучих жилах.

Верите вы, иль не верите, но когда-то мы были «придворной» группой мажорской лавки «Репаблики», и для небольшой прослойки этого шумного поколения мы, надеюсь, останемся «командой молодости нашей», и это чрезвычайно лестно.

И надо же такому случиться, что на одно из лучших выступлений «Алкоголя» милейший чувак и «репабликанец» Витюнька Титов притащил свою младшую сестрёнку – очаровательную Лидочку, что и стало ещё одной мистической вехой в истории «группы-невидимки». Влюбилась она в «алкоголиков» сразу и навсегда. Все песни она знала наизусть, всех, даже экс-артистов банды знала по имени-отчеству и до седьмого колена. Неудивительно, что крепкой библейской рукой она «разрулила» издание нашего альбома-первенца и стала бессменным директором группы и «олимпийским мишкой» «Алкоголя» на концертах.

Неожиданное знакомство в той же «Репаблике» с первоклассным барабанщиком Стасом Цалером, которого так хотел пристроить в «бурлаковские былинные» времена в «алкогольный» коллектив Женя Звидённый – легендарный «Сдвиг», басила из «Троллей», тоже факт без сомнения необъяснимый и таинственный. Бог мой, а ведь когда-то знаменитый «Сдвиг» начинал писать с нами наш дебютник,

неужели и это было…

А если добавить, что в группе появился на время Олежка Алексеев, которого пытался заманить в «Алкоголь» сам «прозорливый» Леонид Бурлаков, вызывает нервный холодок по спине! Ну посудите сами, все, кто по нашим старинным звёздным намёткам должны были выстрелить в «супергруппе «Алкоголь», оказались в ней через несколько лет одновременно и совершенно случайным образом!!! Мистика? Судьба? Конечно же, и то и другое!

Мало? Пожалуйста, ещё! Потеряв очередную работку и вволю набегавшись по московской жаре «юношей-курьером», я получил от того же Стаса Цалера знаковую наколочку поработать его напарником в магазине редкого винила «Campo Centrale». Долго же я кокетливо отказывался и пугался трудиться рядом с красавцем-Кремлём, но мой будущий босс настолько настойчиво рекрутировал меня на сию благородную службу, что я просто почувствовал всей кожей – нужно идти!

И тут же мой новый корефан из соседнего, этажом выше, «Ди-джей Трейда», милейший, замечательный Андрюха за «большим стаканом» невероятным образом знакомит меня с покровителем знаменитого «Круиза»… А мы получаем почти на шару рекламу нашего дебютника «С кем угодно» в шикарном, безумно любимом мной журнале «Classic Rock», да ещё на целый год!

Далее, внимание! На горизонте появляется живописный

и импозантный чел Женя Гришин в седой стильной хипповской бороде, в серьгах, кольцах и в невероятных историях, которые я просто обязан буду потом поведать широким массам читателей. Он недолго пробыл на нашем виниловом поприще, хотя это специалист по «пластмассе», возможно, самый серьёзный в столице! Но за это короткое время Женя (для своих уважительно «Батлер») умудрился переправить наш горячий альбом в журнал «Ровесник», где и служил журналистом.

И вот мы уже мило беседуем с корреспондентом Ильёй (честно привожу таинственный псевдоним: Владимир Никитин), и снова в точку! Его суровое сердце уже давно не трогала никакая совдеповская музыка, а наш лукавый альбомчик бальзамом лёг на его уставшую душу, и он воскликнул: «А что! Отлично! Я пишу, моя команда!».

И интервью со мной появляется незамедлительно в издании, которое я трясущимися руками выуживал из почтового ящика, перечитывая подростком стократно и запоминая «Рок-энциклопедию Ровесника» дословно, как священник Библию.

Что, думали уж всё? Как бы не так, мои торопыги! Буквально через пару недель в мою виниловую лавку, словно притянутый неким древним зовом Шамбалы подгребает сам мифический Владимир Импалер – главный редактор «мегамеломанского» журнала «In Rock». Я категорически презентую наш свежеиспечённый альбомчик и ему – и вот он уж

на «горячей» рецензии у душевнейшего Мити Кошелева. И снова тёплые слова в мной обожаемом журнале, тем более приятные, что, как говорится, «из уст» искушённого музыковеда, радио-ведущего и музыканта!

А совсем, «считай, что пару дней назад», дорогой дружище Валер небрежно рекомендует мою стародавнюю «Над Москвою»… В кино!!! И вот я немедленно уж в мелодраматическом сериале «Московские тайны» второго сезона «теле-блокбастера»!!!!

Как назвать это? Я не знаю… Я просто пытался отследить цепочку судьбы…

Украсим грустные жизни друг друга!

Я не раз уж благодарил этих прекрасных людей, которых мне так милостиво прислали, чтобы я не пропал совсем, не сиганул в отчаянии из окошка из-за того, что главное в жизни так долго и мучительно недостижимо. А сотни лет в моей судьбе нет одного – жить тяжёлым благородным музыкантским трудом, жарить по три концерта в день в поту и исступлении и что-то зарабатывать для своей семьи. Это много? Я прошу этого долгие, исчезающие годы, но пока…

Снова эти унизительные подработки за грошовые гроши, опять глумливые вопросы: «Как концерты? Сколько за выступление поднимаете? Когда уже на «Нашествие» возьмут?».

На «Нашествие»… Да пошло оно, это ваше «Нашествие»! Для меня давно уже просто оскорбление выступить в этом балагане, где только гранды – любимые мной артисты, а почти вся молодёжная шелупонь – отвратительная шайка выскочек и крикунов, не имеющих настоящего таланта. И мы, «гордые алкоголики» среди них? Спасибо и до свидания!

Но есть у них другой «великий дар» на все времена – «ты их в дверь – они в окно»… Помню, как с восторгом и взахлёб от восхищения щебетала некая околомузыкальная ма-

дам про одну «звёздочку», мать её, (называть, уж так и быть, не стану): «Ты представляешь, он, чтобы получить контракт, три месяца просидел в коридоре лейбла! Со всеми знакомился, доказывал свой талант, убеждал! И вот результат – всё, он в обойме «Нашествия», по «Нашему» крутят, какой он, всё-таки, молодец!». Не-ет, ребята, я таким «молодцом» не стану, век проживу в безвестности, а сберегу свой маленький талант и по копейкам не растеряюсь!

Ну да и хватит патетики! Хорош сотрясать воздух, грозный Игорян, начинал-то ты совсем не про то! Про славных людей, что направили, помогли и накормили! Однако, что это я всё об убогой прагматике, аж неловко – накормили… В жизни встречаются такие необыкновенные люди, что их самих нужно накормить, пожалеть и успокоить. Такие светлые, странные, созданные, чтобы украсить наш грубый мир…

Вот, например, Кирюшка Триханкин! Снова, уж извиняйте, придется вспомнить пресловутую «Репаблику», такое уж было центровое место! Он был там единственным экспонатом, кто старше меня, а я ведь для всех шустрых салажат считался, ну просто «Деда Игорян». Кирюха всенепременно щеголял в стильных наколках, вызывающей меньшевистской бородке и самых модных молодёжных феньках и прикидах! Вот так-то, учись, молодняк! За его боксёрскими плечами было всё, что только возможно – духовная семинария, служба в монастыре на Афоне, хождение по морям-океанам матросиком, растаманское прошлое и вообще «чёрте-чего»!

Музычка – самый по последнему писку IDM, всякий там трансовый Spongle, ну и, конечно, прочие расширяющие сознание штучки. Гедонистический девиз Кирюшки был всегда один: «Надо попробовать, а лучше смешать, может, въ… бёт?!».

Когда-то вместо модной неразберихи на голове он нашивал надоевшие всем и уже давно не модные «дреды».

Кстати, поражаюсь недалёким молокососам, как они всё ещё носятся до сих пор с этими непромытыми буклями? Это же так давно не стильно, и равносильно разве провинциальным «нефорам» с жидкой косой, тёртой «косухой» и пошлыми «казаками».

Но когда-то, согласен, в этом был некий ямайский вызов, и в те времена, конечно, Кирюшка был одним из первых с «дредлоками». Вот в таком, напрашивающимся на общение облике, он и зашёл покушать в одну задрипанную кафешку. А в ней уже давненько заседала группа нетрезвых товарищей, криками, гоготом и перегаром идеально иллюстрирующая термин «быдланьё». Завидев в изумлении сие яркое чудо природы, один из «братанов», покачиваясь, приподнялся и спросил, кстати, без малейшего стёба или издёвки: «Эй, ты чё – негр?». Вот он, яркий пример раздвоения несложного сознания при встрече с необъяснимым.

Разбирая в очередной раз свои дикие записки (всё же, какой-никакой, да писатель), я обнаружил в разделе «Кирюшка Триханкин» две загадочные записи «балерун» и «2-я Чечен-

ская», и в замешательстве не смог вспомнить ничего по этой таинственной теме. Поскольку человек я противоестественно любопытный, неутомимый ваш Игорян тут же начеркал Кирюхе весточку с просьбой напомнить подробности этих, по-видимому, примечательных событий.

На следующий же день я «почти моментально» получил на руки такую вот историю с пылу и прочего жару (почти цитирую, ибо рассказ хорош сам по себе в авторской своеобычной манере): «Ну, короче, шли мы как-то с одним чуваком к метро Новокузнецкая, а денег у нас не было, ну вот не было напрочь! Но мы были такие бухие, а чувак, наоборот – преподаватель танцев балетных. Он весь такой изящный и даже манерный, лет около пятидесяти, скорей всего, педик даже. Ну я в метро прилип к кому-то и незаметно проскользнул без «проходки», а он, ну мой кореш-плясун, был моментом спален мужиком, к которому «прилипал». Вот! А спаливший оказался ветераном Чечни… Ну он, конечно, давай грузить, что, мол, он не для того воевал на второй Чеченской, что бы за ним бесплатно ездить!!! Короче, и смех, Игоряныч, и грех! А спустя несколько лет балеруна моего убили – забили насмерть… Надеюсь не за такое же…». Вот такая «тру стори»… Действительно уж, и смех и грех…

А вот ещё его же штучка: раз захотел я узнать у Кирюшки, мол, чего это ты до сих пор прибираешься в магазине, будто знатный ботаник, давно уж домой пора, трудоголик что ли? А в ответ же услышал незабываемое: «Не, ты чё, я тру-

дофобик!». С тех пор это примечательное «трудофобик» так и прижилось навеки в моём небедном на дурищу арсенале.

Ну-у, если уж пошел базар про столкновение «экстравагантно прикинутых» и простых, «нормальных пацанов», доложу-ка я баечку про Максика Тарасова, тогдашнего нашего басиста!

В свои стародавние времена он тоже нашивал стрижечку в стиле «будьте-нате!» – чисто выбритый черепок, за исключением высоченного ирокеза, что крепился кремами, мазями, пастой «Гои», бальзамом «Звёздочка» и просто пивом. В этом знатном обличии на родных разбитых «Жигулях», в гордом, необдуманном одиночестве кромешной ночью ехал он по пригородам Москвы. И захотелось ему, сердешному, прикупить сигареток, ну и почему бы их не прикупить-то ночью в каком-то захолустном посёлочке, в одиноко светящемся в пустоте ларьке?

Два здоровенных и ОЧЕНЬ простых облома сидели рядом за пластмассовым столиком за фуршетом из пива, водки и ароматных котлет с макаронами. Увидев этого «папуаса» было мгновенно забыто про всё царское угощение, бычьи шеи синхронно вывернулись, отслеживая маленького храбреца.

На обратном пути следования, уже с вожделенными папиросками, довольный Максик был остановлен мягким вопросом: «Э-э, ты откуда ваще такой?». «Ну из Москвы я, сигарет хотел тут купить!». Ребятки с усиливающимся любопытством интервьюировали дальше: «И ты тут один

едешь?». Ответ Максика был простодушен и даже наивен: «Ага, один… Ну счастливо, поехал я!». Парни были на последней стадии изумления от такой наивности: «То есть ты вот хочешь сказать, что ты вот ТАКОЙ сейчас вот просто так, возьмёшь и уедешь?».

До Максика наконец-то начало понемногу доходить, что благородная храбрость и ощущение свободы имеет свои пределы: «Ну-у… А чего надо-то?». «Сто рублей!» – довольно добродушно, но твёрдо затребовали аборигены. Максик мудро вынул «сотняжку» и счастливо полетел прочь, поскорее от опасной ночной стоянки. А нормальные пацаны, наверное, долго ещё поражённо обсуждали невиданный доселе случай в их деревне.

Нет, без сомнения, славные, милые люди созданы, чтобы украсить грустные жизни друг друга, и я это вам не раз ещё докажу!

Секс, ди-джеи и анекдоты…

Иногда, отважно открывая «комп», дабы зарисовать ещё пару странных деньков из моей глупой и не очень нужной жизни, я чувствую себя просто каким-то надоедливым поездным рассказчиком несмешных анекдотов. Знаете, есть такие утомительные своей неестественной жизнерадостностью весельчаки-балагуры, от которых стонет всё купе уже через двадцать минут после заселения в вагон, а ведь ещё впереди часов пять кошмарных баек, пошлейших поговорок и адского заливистого смеха от своих же затёртых острот.

Но что делать, «житие мое» и есть один сплошной безумный анекдот… А посему снова разрешаю себе вещать, повествовать и пророчествовать!

Итак, принимайте, други мои, ещё одно былинное сказание… Есть у меня один знакомый ди-джей, и, как сугубо «по-молодёжному» говорится, он «клёвый чувачи́ла», и к тому же совершенно безбашенный гуляка. Зовут его Дрозд. Ну такое вот имя у человека. Как-то за стаканчиком, а может и просто всухую, он с фирменной своей ухмылкой рассказал мне, как на некоем «попсовом рейве» к нему подвалил один качественный быдланский парняга.

А надо сказать, что даже весьма «продвинутым» трудягам ди-джеям приходится играть порой и «сильно коммерческий «хаус» для поддержания штанов, как некоторым из наших в

сотый раз вечнозелёную «Шизгару».

«Серьёзный» дядя сопровождал свою стандартную просьбу усиленной «распальцовкой» – так тяжко давалась ему «сверхинтеллектуальная» формулировка: «Слышь, братан, а можешь такую музыку поставить, чтобы, короче, ну… Качало, но не грузило!». Давно зная Дроздика, я легко представил его невозмутимую физиономию, на которой лишь весёлая дурь в глазах могла выдать «понимающего, своего пацана»: «Да без проблем, земéля, вот, как будто прямо для тебя!» И, само собой, заводилась ровно та, что была запланирована по трек-листу! «Братан», конечно же, был счастлив до небес.

Как бы мне хотелось, чтобы девизом моей скромной книжки было это волшебное «чтобы качало, но не грузило», но… Приходится иногда грузить, не обессудьте, ибо «жизнь это вам не одни прянички, да вафельки», как говаривал один малоприятный персонаж из «Визита к Минотавру». Но постараюсь хотя бы по возможности «качать».

Представьте себе такую «курортную» картинку: на дворе славный 1988-й, советский перестроечный пляж, населённый загорелыми карикатурными культуристами и томными от врождённой глупости ПТУ-шницами, которые принципиально дают только качкам.

Я снова в компании, в общем-то, чужих мне людей, но поскольку «музыка на-а-ас связала», я вновь под покровительством вездесущего Коли Херувимова.

На горячем песке рядышком довольно бесстыдно развалились две вполне фигуристые девахи вида такого, будто местные качки прошлись по ним уже всем своим богатырским братством, а посему тётеньки дают уже всем подряд, кроме законно потерявших к ним интерес атлетов.

С нами ещё Бака́ша – легендарный герой любовник и «Казанова в законе» нашей школы. Уже в седьмом классе он, умело пользуясь своим чёрными кудрями и загорелым торсом, доставил массу непростых минут бедным родителям «давших слабину» девчушек.

Каких-то пара минут, и мы видим, как он уже взасос целуется со слегка восточной внешности кокеткой. У неё зовущая индийская фигура, шальная азиатская улыбка и слегка выпирающие зубы аля «Фредди Меркьюри». Внешность, как ни странно, типичная, и, прямо скажем, «бл…дская». Таких острый на слово Коля кличет почему-то «Зобейда́».

Да, как говорится, профессионализм не пропьёшь, слов нет, Бакаша был на пике формы. Только вот почему-то красавчик Коля был спокоен, словно индеец на охоте. Это весьма странно, ибо он его давний и достойный соперник по съёму ветреных девиц. Он медленно поворачивается ко мне и цинично объявляет: «Эту Зобейду́уже пол-пляжа перетёрло, у меня друган даже от неё «трепак» подхватил. Сильно рискует Бакаша!».

Я в ужасе выслушиваю эти натуралистические откровения и осознаю в очередной раз, что не создан я для «боль-

шого секса», здесь «рискуют» настоящие мужики, а ботаникам сидеть и «учить матчасть»!

Надеюсь, хоть в этом фривольном анекдоте я не грузил…

Девочки и их идеалы

Я поклялся в своё время не упоминать ни одного из, как бы это полегче выразиться, «неприятных» персонажей из своей коллекции-кунсткамеры, но снова не удержался…

Когда наши девочки из класса начали взрослеть, со всеми приятными анатомическими и неприятными, в смысле манер, подробностями, их естественным образом повлекло в объятия накаченных тестостероном особям пола противоположного.

Совершенно естественно, что дабы утешить себя в своих неожиданно открытых в себе же дамских страстишках, мы, жалкие ботаники-одноклассники, ну совершенно не годились. Смотреть в сторону нас – чмошников, дохляков, зануд, «и вообще, меломанов» им было чисто по-женски противно и даже оскорбительно, это мы понимали.

Но наливное тело и жаркая душа упрямо требовали своего, и распаленные девицы обратили свои алчные взоры на «милейших созданий», как это ни парадоксально, классом младше.

Самая отвратительная садистическая шпана паслась именно там. Видимо, адская акселерация началась именно с этого жуткого поколения, поэтому были они здоровее и выше нас настолько, что это как раз мы бы должны были быть на пару лет моложавей. Злобные, агрессивные и тупые, они

с распростёртыми объятьями приняли наших, переполненных гормонами девиц. Далее, совершенно логичным образом девчушки стали придворными тёлками одной из самых неблагородных, беспринципных и опасных дворовых шаек.

На уроках начались восторженные перешёптывания и восхищённое шушуканье, в которых невольно угадывались вчерашние вечерние захватывающие похождения: кого-то отметелили гуртом до полусмерти, отобрали мелочь у лохов, расколотили окно в подъезде, да мало ли геройского и незабываемого происходило, когда спускались манящие пороком сумерки. Наши девочки были так несказанно горды подобным престижным знакомством, и так лестно им было, что «взрослую», запретную, но такую сладкую жизнь по сырым подвалам и грязным чердакам им открыли эти пацанчики, которых все боятся, что посматривали на остальных лохов и лохушек класса победоносно и даже высокомерно.

Как-то во время ненавистного урока очумевшая училка удалилась из класса на пару минут и всё благородное общество облегчённо и радостно выдохнуло: «У-ф-ф… Свалила… Хоть немного передохнуть!».

Тут же мгновенно некая вечно немытая харя, казавшаяся от этой вековой грязи уже какой-то нездорово смуглой, влезла в приоткрытую дверь. Это был Мясо. Он был настолько мерзок по всем общечеловеческим категориям и градациям, что я не скажу о нём ничего. Глумливо осклабясь, он с троглодитским интересом рассматривал класс, ибо в свой

заглядывал нечасто. А время проводил в основном шлясь по школьным коридорам в поисках пакости, которую можно было с наслаждением затеять.

Одна из «посвящённых» девиц, завидя кумира и объект вожделения, с показным восторгом и обожанием заверещала: «Мя́сочка!». И столько в этом вопле было желания продемонстрировать принадлежность к знаменитому представителю криминала и вообще роскошному парню (от которого вечно воняло какой-то дохлой рыбой), что было уже просто неловко за такую чужую тупость. В неуместном крике читалось что-то вроде: «Смотрите, он такой опасный, вы все шарахаетесь в стороны, завидя его, а я вот совсем даже его не боюсь, мы ж из одной компашки, и даже вот так запросто могу сказать ему «Мясочка!».

Мясо, повёл дурным взглядом в сторону этой затрепетавшей дурёхи и гадко отрезал: «Заткнись, шмара!».

Если сказать, что выражение лица этой девицы из «воровского обоза» озарилось обидой и горьким разочарованием, то это всё равно, что заметить: «А у Роберта Планта неплохой голос!». Вся жизнь отныне была разрушена, идеалы растоптаны…

А Мясо, с шумом захлопнув дверь, удалился в необъятные, бесконечные школьные просторы в поисках очередной мерзости, которая бальзамом ляжет на его маленькое чёрное сердчишко.

Ну а неумная девочка застыла, словно холодная статуя на

несколько мучительных месяцев рефлексии, всеобщего позора и крушения идеалов!

Легенды провинциального рока

Музыканты, а в особенности, когда они ещё маленькие и наивные, представляют собой такое пёстрое племя, объединённое в беспокойный паноптикум, называемый в народе «рокенролом».

Когда мы безумными школьниками пытались кооперироваться в музицирующие «ансамбли», то обязательно в коллективе имелся, ну совсем уж странный персонаж, коим гордились и демонстрировали, словно диковинного зверя конкурирующим группировкам.

Был в одной такой группе некий замечательный фрукт Толик Мотовилов, о котором просто слагали легенды, что он в одной и той же песне играет всегда разные соло и вообще все его партии непохожие друг на друга абсолютно.

Сообщалось об этом, как о необыкновенном достоинстве и феноменальном даре. На деле этот самый Толик тупо вызубрил, как и все мы, пресловутую «Школу Ричи Блэкмора» и рубил каждый раз новую завитушку из арсенала этого титана. Придумать что-то своего ничегошеньки он пока не мог, не был он и в состоянии запомнить партию, придуманную кем-то из коллектива, отсюда родилась эта «незакомплексованная» манера исполнения, что так поражала неискушённые умы и сердца.

А потом он, бедняга, умудрился сломать ногу, да так удач-

но, что после этого никто и никогда не видел его без обязательного гипса на ноге. Так он потом всегда и игрывал, по-декадентски сидя и осторожно вытянув белую забинтованную лапку, таким навеки запомнился и мне.

Говорят, что его, обуреваемого какими-то безумными сектантскими идеями, видели в неких странных организациях, вроде ЖЭКа. Он заметно прихрамывал, а приевшийся гипс сменил на аристократическую трость. Ну хорошо, в самом деле, что тот чудик хотя бы живой!

Женька и непочтение к Битлз

У меня есть замечательный младший братишка. Собственно, он сейчас выше меня на голову и здоровее вдвое, но для меня он всегда будет «младший», мой Женька.

Как, всё-таки, жаль, что я не занимался им совершенно, а вечно был так занят своими среднестатистическими подростковыми комплексами… А ведь теплился же когда-то его детский интерес и к AC/DC и к Rainbow, а я вот ничего не поощрил, не развил, и моё преступное равнодушие стоило изломанной психики молодого парнишки, подозрительных знакомств и отчаянных выходок.

Я почти уверен, что он вполне доволен своей судьбой, и, слава Богу, но мне сейчас почему-то кажется, что я очень виноват перед ним.

У меня до сих пор перед глазами печальная картинка: я с Лёшкой Вареником, школьным моим корешком, и мы степенно беседуем за «рокенрол» в моей комнате, а несчастный мой маленький брат лежит под дверью с другой стороны и, крепко до боли приложив ухо к щели между полом, пытается расслышать наши «секретные новости». Ему так до жути хотелось пообщаться со «взрослыми, блин, меломанами», но я же, тиран-недоумок, всегда жестоко и цинично выставлял его за дверь…

Быть может, если б мы таскали его за собой, что-то

«неправильное» щёлкнуло бы в нём, как и во мне, и ещё одним романтичным безумцем стало бы больше на свете? А может, и совсем наоборот, ёще один неприкаянный мучился бы вопросом, как применить себя под Солнцем, и как снискать хоть чёрствый хлеб насущный, если делать ничего не научился…

Да уж, пусть всё будет, как оно есть, ведь остался же он таким же хорошим и славным, таким же остроумным и артистичным, как и был в том загадочном нашем детстве.

Кстати, «кровная месть младшего брата» за презрительное невнимания тоже была весьма изощрённой.

Быть может, вы в курсе, что для каждого «правоверного битломана» законом является святая примета, по которой перед каждым экзаменом в полнейшей благоговейной бессловесности выслушивается в трепете песня «Help!» небезызвестной группы «Битлз». Если все канонические пункты были соблюдены, то ты никогда не проваливался, никогда! Это было опробовано многократно и мистическим образом проколов ни разу не случалось. Я, само собой, неукоснительно следовал этой сакральной примете.

И вот, затаив дыхание, я, словно творя молитву, погружаюсь в гениальную, вечную вещь, а вредный и мстительный Женька тут же начинает дурным тоном голосить на мотив известной песенки про Буратино, ну помните: «Бу! Та-та-ра-та-та-та-та! Ра! Та-та-ра-та-та-та-та!». Ну и так далее до тошнотворного «крещендо» в финале. Только вместо киношно-

го «бу!» он подло распевает: «Help! Та-та-ра-та-та-та-та!».

Некоторое время я пытаюсь раствориться в нирване «ленноновской» мелодии и не давать надоедливому миру проникнуть в мою спокойную и благостную душу. Но пытка продолжается с удвоенной громкостью. «HELP! ТА-ТА-РА-ТА-ТА-ТА-ТА!» – упрямо и маниакально вопит «младший» с совершенно невинным лицом, дескать, «ну чего же взять с идиота-малолетки».

Я пробкой вылетаю из пугливого «сатори», глаза мои наливаются кровью, как у быка на корриде, я срываюсь с места в припадке «благородной ярости» и несусь по коридору с неумным и недостойным криком: «У-у-бью-у-у!!!».

Хитрый Женька, давно уже точно прикинувший расстояние от «подопытного» и до туалета, пулей пролетает короткий путь и захлопывает дверь сортира перед моим «битломанским» носом. Колотить по двери кулаками, ногами и головой бессмысленно, как бесперспективны и дешёвые уговоры выйти и «просто спокойно поговорить». Бешено пощёлкав выключателем раз пятьдесят в надежде запугать братца старой детской легендой про то, что «сейчас от перепада температуры лампочка лопнет и ты, деточка, останешься без глаз», я наталкиваюсь на удивительную для таких лет твёрдость.

Да, не прохиляло… И тут до меня доходит то ужасное, что, собственно, уже и произошло – я произнес СЛОВО во время песни!!! Экзамен провален, всё пропало, это ката-

строфа…

В свежем психическом припадке я вновь истово молочу кухонной утварью в дверь, но усталость берёт своё, и я решаю попробовать провести тонкий обряд ещё раз, может быть добрые «битловские» боги смилуются и повторное «жертвоприношение» будет великодушно защитано. Я благоговейно отматываю пленку и начинаю «отправление культа» заново. Какой же я наивняк…

Женька, заслышав знакомые аккорды, выбирается из спасительной маленькой комнатки и, подкравшись, как шкодливый кот к полоумному «старшему», гаркает снова своё святотатское и иезуитское: «Help!..». Рыча гортанным голосом что-то совершенно нечленораздельное, я несусь вновь за этим паскудным чертёнком и повторно оказываюсь «в идиотах». А Женька, тихонько посмеиваясь, отсиживался в своём некартинном бункере и упрямо продолжал благородное дело «вендетты» часами!

Вспоминаю с улыбкой всё это, и только одно лишь поёт в моём сердце: «Как же я люблю тебя, мой милый братишенька!».

Хулипеть и другие

Когда я опрометчиво начинал всю эту забавную канитель с романом, в загашниках у меня имелась масса шальных тем, странных заметок и прочей чепухи, из которой, собственно, и тку, словно работяга-паук, свои «эфемерные» главки.

Если тема выпадает большая и плодотворная, то тут всё ясно и нефига делать, строчки весело бегут друг за другом, словно мелодии ранних Битлов, лукаво перемигиваясь и похваляясь друг перед дружкой – «посмотри-ка, какая я получаюсь, ну а я, а я?!», и рассказик строится быстро и ловко, как новый дом неутомимыми молдаванами.

А нужно отметить, что двигаться к неминуемому эпилогу я твёрдо решил исключительно «методом паровоза», который, как известно, «впёред лети, в руках у нас винтовка», то есть, не обходя ни одной заметки, какой бы неперспективной она не была на данный конкретный момент. Всё – у тебя сейчас имеется только одна эта дохлая темка, дружок, вот над нею, родной, и трудися!

А ведь каково мне бывает, товарищи дорогие, когда я ошарашено натыкаюсь, ну например, на такое лаконичное ЦУ от моего строгого к капризам дневника: «Выражение «хулипеть» школьное…». Как развернуться плечу молодецкому, на что опереться, как вдохнуть душу в сию не вполне приличную фразу из грубого далекого детства.

В самом деле, а ведь было же такое малолетнее выражение, и когда-то оно даже казалось смешным, если б не пара препротивных персонажей, что начали долдонить её к месту и не к месту. А как известно, даже по-настоящему хорошая шутка в недостойных устах съёживается, теряет блеск и становится неприятной, и что-то неуловимо-тонкое исчезает из этого лукавого грубиянства, и выражение сие теряет свою площадную иронию и издевательский пофигизм.

Смысл же этого перла школьного народного творчества сводится к чему-то, вроде «ну, делать нечего», или «теперь уж ничего не попишешь», ну и либо так – «теперь-то чего «граблями» размахивать!». Но что же мне делать дальше? Не могу же я так вот запросто взять и закончить с этим очаровательным «хулипеть» и перейти к следующему зовущему пункту дневника, как-то, однако, маловато получается для кандидатской диссертации!

Во-от! А дальше следует второе правило Игоряна – если темка малюсенькая, нужно легко так и даже изящно присобачить к ней ещё пару-тройку таких же крошек на вес. Вот видите, какой всё же я простофиля, взял, да и вывалил прямо на шару вам этот маленький авторский секрет! Ну да ничего, у меня ведь секретов-то много, так что, пользуйтесь, мои дорогие, пока «мэтр» обретается в праздном благодушии!

И вот в елейном самоумилении я продолжаю свой былинный сказ. В далёком прошлом, словом, очень давно, когда два братца – Игорян и Женька были ещё чуть старше, чем

дитяти, по провинциальному ящику, видимо, в результате чьей-то преступной халатности показали фильм «Вальсирующие» с душкой Депардье. Если кто видел тот изумительный «хэви-метал», сразу поймет, что «такое» детям, мягко говоря, видеть не вполне рекомендуется. Сцены хипповских, а скорее уж панковских развесёлых соитий этой картины я и сейчас воспринимаю в некотором пуританском смущении. И как же только в «стародавнее тогда» эту «буржуазную растленку» крутанули по местному нижегородскому «передовому» ТВ?!

Чего скрывать, а гордые провинциалы всегда были и будут гипертрофированно «модны», и потому отсталые деревенщины-москвичи смогли официально увидеть это провокационное кинцо мно-о-ого позже. Нам же с братишкой горячий фильмец определённо понравился и даже направил неясную детскую сексуальность в нужное, хоть и несколько циничное русло.

А вспомнил я вот это «яркое событие» из «застоя восьмидесятых» в связи с парадоксальной идеей снять наш, совдеповский вариант сего шедевра. Ну, естественно, немного притянув его к родным «распальцованным» реалиям «девяностых-двухтысячных». И назвать его актуально «Спонсирующие» – по аналогии с хулиганствующими «Вальсирующими».

LIVE FAST

Если уж «пошла мука» за дурацкие словообразования и идиотские (или лучше по науке «абсурдистские») неологизмы, то припоминается ещё одна из моих «расстрельных» штучек – словечко «ебатáй» (ударение обязательнейшим образом на последнее «а»). Что оно означает, наверняка и определенно я сказать не решусь, но придумалось оно как-то само собой и сразу. Произносить его следует весьма уважительно, вот так: «Ебата-ай!». Родной брат «ебатая» – «ебатáт» имеет хотя бы более или менее понятное происхождение: кулинарное слово «батат» встретило как-то весь-

ма известное уничижительное «еб…нат» и получилось сие неожиданно гордое фонетическое дитя. Оба эти хулиганские словечки «ебатай» и «ебатат» звучат так гордо, как будто это какие-то громкие титулы, скажем, «Золотой Орды». Так и будем мы пока считать, пока не придумалась их новая, ещё более весёлая трактовка.

Думаю, стоит также особо отметить такое моё «филологическое открытие», как «Словарь Отжигова» – так называемый глоссарий «рокенрольной» мудрости по теме отчаянного и безрассудного «о́тжига». Самой собой, очертя голову «отжигая», нельзя забывать о заслуженном прототипе, скучноватом «Словаре Ожегова», который и был, надеюсь, остроумно мною спародирован.

В мою больную голову залетают иногда «идеи, одна чудеснее другой»! К примеру, припоминаете хрестоматийное из «советского»: «Вырастет из сына свин, если сын – свинёнок». Ну и мне, аномальному гуманоиду, тут же почудилось: а пасынок, стало быть, по совершеннолетию назван будет, без сомнения, па́свинок! А вот стандартная аббревиатура НХ («эн ха» есть неизвестный художник) у меня запросто расшифровывалась великосветским «ни х…я»! Дурные зайцы же из неофициального гимна СССР «от страха» не напевали, а злостно «напивались», вот такое у меня наладилось бредовое словопроизводство с шизофренической интерпретацией.

Валяю площадного дурака, сам знаю и без вас, что не

смешно, а даже грустно, но клоуны тринадцатого века обязаны быть вульгарны и грубы… Однажды брателла Русь высказался с нехарактерным для него уважением по поводу «общажного» светила науки – длинного, словно карикатурного баскетболиста, умника, дескать, вот паренёк-то вроде бы даже аспирант! Ну а я парировал небрежно, мол, да тут их таких-то… Аспирант на аспиранте! Через минуту сознаю, что формулировочка-то вышла весьма скользкая, и спешно поправляюсь: «Это я, конечно, в хорошем смысле!». Естественно, что два шута из средневековья гоготали час пиратскими, гортанными тенорами.

Иногда же наваливаются и одолевают, ну просто какие-то «пелевинские», неприличные «сдвиги в семантике», такие как, скажем, происхождение слова «ноябрь». Если его произносить со столичным жеманным «аканием», то оно навевает некоторые «социо-сексуальные» корни, проще говоря, ноябрь, он от слова «на…бать», и даже можно предположить появление в недалеком будущем лукавого осеннего термина «ная бривать».

Самого уж меня берёт жуть от галиматьи, коей я так немилосердно вас пытаю! И чтобы уж совсем вас защекотать, отважно приведу мой адский вариант гениальных пушкинских строк про «о, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух». Ни с того ни с сего, ничегошеньки не выдумывая, абсолютно трезвый, с каменным выражением лица я неожиданно для самого себя выдал в тёплой компании

обормотов-музыкантов совершенно уж бредовейший «парафраз»: «О, цирк, мадам, ублюдков разных готовит парниковых шлюх…». Тут уже, кстати, никто даже и не смеялся, а только послышалось сочувственное: «Ты же болен, ты очень болен, сынок…».

А чтобы благожелательные ваши раздумья в очередной раз не привели меня в знакомый уже жёлтый дом, закончу это сумасшествие чем-нибудь лёгеньким…

Ну не могу никак я, в связи с такой-то чокнутой тематикой, не указать на моё очередное вербальное изобретение, которое могло бы стать щеголеватым названием какого-нибудь порнобренда – VaginaLight! (Сиречь Вагина-Лайт, «ежели по-старославянски»). А ведь виной всему эти проклятые бабские «лёгкие» цигарки Virginia Light, а я всего-то лишь чуток подправил – паяца, други, не казните…

По-моему, неплохо! Или даже… хорошо? Ну а как вам-то? Спасибо, мне так приятно!

Мой Ад на Земле и под нею

Мне как-то приснился загадочный сон, будто бы я в Аду, и Ад для меня – это когда в маленькую комнатку некуда больше складывать накопленные вещи. И там, «в нехорошем месте» всё это переживается мною мучительно тяжело…

Я что, правда, такой? Современная реинкарнация Плюшкина? Блин, подонок Руслан весело брякнул, что да… Как это всё-таки грустно однако, но должны же быть у людей безобидные недостатки!

Наверное, эта курьёзная страсть к маниакальному собирательству родом из призрачного детства, где забывчивые родители как-то не весьма регулярно дарили мне заветные игрушки и книжки, что так истово жаждал их ненормальный ребёнок. Ну и что ж вы хотели…

Да, я одержимый собиратель волшебных цветных кружочков – пластинок, «си-дишек», а также редких, и не очень, книжек, советских значков, отменённых во славу «евро» иностранных монет, гитар из детства и взрослых дорогих, стикеров с «лого» метал-бэндов и высокомерными личинами рок-идолов…

Перечислено, ясное дело, далеко не всё то барахло, что я прячу по углам моей захламленной конуры, но масштабы приблизительно становятся предельно (или беспредельно?) ясны моему дорогому читателю. Может быть, даже в этот са-

мый момент кто-то из вас набирает номер невесело знаменитой «Ганнушкина», чтобы опасного мальчика прихватили в дурдом. Если что, там и ищите меня… Пока-пока, жду передач, свиданий, галоперидола!

Вроде бы, всё наспех написанное выглядит законченным, но придётся всё же накропать подземный постскриптум – снова, как на карту в масть, наткнулся на темку из пекла, которая будто нарочно попалась мне на дурные глаза, чтобы втиснуться в этот микро-рассказ…

Это до курьёза очень странно, но мне снова приснился не менее удивительный сон, что я опять в Аду и, будто военную службу, прохожу там всякие ужасные тамошние круги, испытывая кошмарную боль, находясь на каком-то дьявольском колесе, где боль на каждом из витков доходит до чудовищного пика. Причём на этом, теперешнем моём круге она почечная, а я-то хорошо на опалённой своей шкурке знаю, что это такое. И доходя до этого «волнующего» пикового момента, мне будто бы каждый раз, то ли гуманно, то ли иезуитски предлагают: «Давай, минуем этот «сладостный» момент?». Но всякий раз я упрямо отказываюсь, мол, нет, я виноват – жарьте!

Как-то невесело всё закончилось… Я не хотел…

Кощунство или нет?

Я до сих пор малодушно не решил, оставить ли эту дикую дневниковую запись в не менее безумной своей книжке…

«…покачиваясь от утомительного и ненужного опьянения, я направился «по этому самому» нетрезвому делу, уж, пардоньте, отлить. Но прежде привычно ополоснул уставшую от выпитого физиономию, и капелька прохладной воды упала мне с мокрого лица на… Было необыкновенное ощущение, нет-нет, не сексуальное, хотя это было определённо приятно, стало легче и очень чётко возникло осознание, что это было прикосновение Господа.

Так кощунство или нет? Мне так хотелось бы, чтобы я не ошибся…».

Снова сомнительная журчащая тема

Я смотрю на зелёные сочные листья деревьев из окна (эстеты не ругайтесь) общажной сортирки. Как всегда, отважно вынужден это признать, снова, будто подросток возле метро, пошло накачан дешёвым пивом, ну и, соответственно, помогая себе не лопнуть, почти философски размышляю – а может, это самое красивое в жизни, что я и видел-то…

А прелестная картинка и впрямь просто поразила меня необыкновенной красотой, чёткостью и законченностью. И ведь, смотрите-смотрите, они же ещё, милые, свежие мои деревца, так трогательно кланяются мне и приветливо машут ветками…

И чем та жизнь, маленькое совершенство в нелепой ситуации, хуже приличной, благообразной серости, в которой мы находимся каждодневно? Прям, хойку, блин! Смех, да и только! («Смех, да и хойку» – не премину, конечно же, сморозить я в завершении общего маразма).

Что ж, придётся разбавить трепетную лирику уличным цинизмом… Тем более, что щекотливая тематика места, где застало меня лукавое просветление, напоминает мне о случае из туманного детства.

Мы с Лёшкой Вареником, исчезнувшим моим дружком,

совсем ещё мелкие, невольно застали одного помятого дядьку в годах, шумно и от души писающим на стену, в общем-то, вполне приличного места – стена, как-никак, была школьная. «Ну прижало дяденьку…» – нетвёрдым извиняющимся тоном, раскачиваясь на ветру, промолвил нам тогда «поддатый» мужичок. Мы же, успокаивающе заверив бедолагу, что, мол, «ничё, всё в норме и порядке, дяденька, со всеми же случается», стремительно сбежали с места орошения, почти не сдерживая смех от этих простодушных извинений незадачливого любителя советского разбавленного пивка.

Вот теперь финал! Немного грубовато, но зато без лишних сантиментов!

Ещё одно весёлое слово о «трудовых лагерях»

В любых советских (а думаю, и «вражеского западного блока») детских лагерях отход ко сну непременно сопровождался «страшилками» – рассказами наивного пугающего содержания.

Это были легендарные, неизвестно каким народным сказителем сочинённые, лубочные истории про «красную руку», «чёрный рояль» с пауком-кровососом внутри, ну и приевшаяся уже всем «хоррор-стори» про «гроб на колесиках». Да! Ещё, пожалуй, весьма вольные пересказы прочитанных фантастических рассказов, по мотивам Лема, Конан Дойла и Герберта, нашего, Уэллса.

Хороший рассказчик должен был добиться такого мистического эффекта в притихшей палате, чтобы холодок ужаса пробежал взад-вперед по спинам потерявших сон детишек.

Такой чтец в нашей комнате имелся. Он замогильным голосом начал вещать краткое содержание «Дома Ашеров» популярного тогда в советском народе Эдгара По. Приводились подробные красочные описания мрачного ландшафта и гнетущей природы с добавлением обязательной подростковой отсебятины, которая несколько опошляла повествование, но вместе с тем и делала всё это «бульварное чтиво» более до-

стоверным, приближая его не слишком высокий стиль к вкусам непритязательной лагерной публики. В подробных смакованиях деталей заточения граждан в средневековых склепах живьём, наш идеальный рассказчик и завершил выступление под восторженные шёпоты запуганных вýсмерть школяров.

После триумфа «Дома Ашеров» начать вещание своей сомнительной байки было абсолютным творческим самоубийством. И, конечно же, я опрометчиво решился на этот акт позорного «аутодафе»…

Мною был выбран совершенно невыигрышный эпизод из «Каникул Кроша» – очень уж хотелось чуть-чуть приблизить «невзыскательного слушателя к высотам социалистической прозы». Уже к первой трети моего вдохновенного доклада я осознал всю абсурдность моей выходки. После завораживающего По мой детсадовский рассказик был чистой воды позорищем, и только железная моя воля позволила завершить сей утомительный для одноклассников спич.

Это, наверное, и называется актёрским провалом, но мой позор был пока ещё не совсем полным, а таковым он стал лишь после незабываемой фразы острослова-одноклассника Лёшки Вареника: «Классно ты, Гош, рассказываешь, засыпается так хорошо, на раз просто!».

И хоть это было смертельно обидно услышать от друга, но не оценить такого замечательного, просто «в абсолюте», сарказма я не мог и, вдохнув поглубже воздуха, дабы пропали

«творческие обидки», добродушно рассмеялся, почти забыв о своём прилюдном фиаско.

Чем всё хорошее и светлое может «сказочно» обернуться

Я очень устал пить… Можете мне иронически не верить, но эта пошлая привычка у меня уже в печёнках, причём уже в самом прямом и переносном смыслах! Если б мне не было так ужасающе скучно, я никогда не заливался бы этим жутким манером, как глушит ром без «колы» английский удалой пират. А так… Дайте же мне, наконец, точку опоры, и я…

А пока некрасивая правда такова: я рутинно бухаю от невозможности играть людям свою самодельную музыку и тяну за собой на илистое дно самообмана бедную Ражеву (когда-то ветхозаветно давно) и брата Руслана (до сих футуристических пор)…

Я в своё время даже придумал для нас эдакое вымышленное «социо-музыкальное трио»: Братья Бухалины – Бухáр и Бухóр (и специальный гость сестрица Буханочка), ну то есть я, Русь и Иришка. Не очень весёлая шутка, правда?

Я всегда очень боялся, что стану нищим, нет-нет, не таким нищим-аристократом, коим полноправно и справедливо являюсь, а натурально, спившимся, старым и грязным бродягой без угла и куска хлеба. Как представлю себе эту волшебную картинку, где мы, побродяги в лохмотьях и с котомками наперевес брёдем под ледяным дождём беспросветной

ночью, не зная куда, становится просто невыносимо жутко… Может, как-то ещё вырулит наша кривая судьба, и бодрыми старичками мы доживём свой век в нормальном обыкновенном доме, с бутербродом с колбаской в одной руке и чашкой душистого кофе в другой?

Однажды я выходил с «замечательного» метро Курская к шумному вокзалу, дабы сесть на скорый поезд до «неласковой родины», как положено жестоко раз в месяц. А навстречу мощному потоку выходящих гуманоидов двигался пьяный косматый бомж, чтобы, напротив, проникнуть в спасительное тёплое помещение. Из-за бесконечно выпрыгивающих из стеклянных дверей граждан он никак не мог заскочить в метрошку и, обращаясь к непрекращающейся людской волне, бодро выпалил: «Привет, пацаны! Сколько вас там?!». Я аж рассмеялся от такого, «на кураже» глумливого тона, а потом вспомнил о своих вечных страхах и враз как-то погрустнел – добро бы ещё остаться таким бродяжкой-бодрячком, а то на жутких московских вокзалах встречаются и совсем уж мрачные личности, превратиться в которых было бы просто Адом на Земле.

На Киевском вокзале, думаю самом жёстком в Москве, я случайно лицезрел короля бомжей, который в живописной рванине восседал на бортике подземного перехода в окружении преданной и плохо пахнущей челяди. Был он громадного роста, гладиаторских габаритов, имел свалявшиеся в паклю волосы и такую же бороду чуть не до пояса. Одет он был

в нечто такое, вроде просторной до колен рубахи грязно-серого цвета, что вызывало в памяти образ расстриги-юродивого времён Петра Алексеевича. Общий колорит довершали огромные загорелые и заскорузлые кулачищи, которые он очень скоро не преминул показать в деле.

Среди благоговейно расположившихся у ног грозного Короля Бомжей раздался тревожный ропот – появился несанкционированный чужак. Какой-то левый «подбомжик», явно не из местного «намоленного» района, попытался проскочить в переход, осторожно минуя опасную босяцкую свиту. Попытка была чрезвычайно отчаянной и, конечно же, неудачной: Король, приняв сигнал бдительных верноподданных, чуть привстал и совершенно беззлобно, но с нечеловеческой силой врезал кулачищем в череп лазутчика. Такого кульбита в воздухе и последующего длительного переката по ступеням я не наблюдал ни в одном «европейском цирке» и ни в одной каскадерской сцене из боевиков Джона Ву. После необходимой экзекуции наш Титан очень спокойно уселся на нагретое могучим телом местечко и вновь замер в нирваническом оцепенении, а благодарные слуги его долго ещё с гордостью и обожанием посматривали на своего справедливого Батюшку-защитника.

Снова вот попытался повеселее закончить мрачноватую эту главу, но получилось, как всегда, как-то не очень… Ну а стало быть, так оно и нужно – в назидание всем нам, «романтикам рокенрола», чтоб не забывали, чем всё хорошее и

светлое может «сказочно» обернуться.

Люди, я люблю вас!

Если бы не неспешные прогулки по родной обманщице-Москве или, напротив, суетливые пробежки галопом по суровой столице, вряд ли получилась бы эта книжка такой разноцветной. Столько же всего весёлого до колик и печального до слёз примечаешь невольно, когда бродишь бездельником по незнакомым местечкам или несёшься занудой по привычным делам в тысячу раз обеганной местности.

Поворачиваешь любопытную голову налево и видишь озадачивающую надпись «Клиника головной боли». Обозвались бы ещё зловещей вывеской «Головные боли», чего уж там. Начинаешь гадать, что же имели ввиду родители сего двусмысленного слогана, и надеешься, что всё же не вечной головной болью награждают они за щедрую оплату пациентов-мазохистов.

Бросаешь взор направо, и… «Из зеркала «Автобанка» на меня смотрело опухшее, рыжее, волосатое существо и смотрело оно с каким-то испуганным интересом…». Ага, стало быть, я снова с похмелья… Но расстраиваться не нужно, мои милые дамы, каких-то пару дней просушки и я снова ваш – «гибкий и эротичный рок-стар».

Совершенно бесконечный материал для «самодельного романа» – вечное, как урбанистический наш мир, метро. Вбегаю в вагон, вредные двери едва не прищемляют меня за

хвост, у-ф-ф, успел-таки! Плюхаюсь на сидение, залихватски достаю книгу, одновременно довершаю ежедневную «интеллектуальную нагрузку», включая на полную катушку плейер, и начинаю уже было исчезать из бренного мира в «фальшивые грёзы искусства», как…

Вижу рядом старушку-нищенку, такую несчастную, маленькую, очень бедно, но подчёркнуто чисто одетую. Вроде бы это я должен жалеть её, скорее всего бездомную, но она смотрит на меня с таким состраданием, будто всё ей известно о моей неприкаянной жизни – что я такой же бездомный, что неотвратимо спиваюсь, что нет у меня детей и может уже и не будет, что ничего не умею, а заработать на честный хлеб своим ремеслом поэта и балалаечника уж много лет, как не выходит… И вдруг она в какой-то совершенной трогательной святости начинает гладить меня по руке шершавой своей ладонью, как делала когда-то в детстве покойная моя бабушка Александра Николаевна. А я же, не видя в этом ничего странного и ненормального, кроме как человеческого тепла, тоже глажу её тонкую, как у птички, иссохшуюся лапку. Так тихо и проехали мы до своих станций с глазами, полными слёз, не произнеся ни единого слова и даже не простившись…

Люди… Милые мои, хорошие люди… Сколько видел я вас, скольких сердечно любил и сколькими от души восхищался! Эти маленькие нелепые истории, не имеющие ровно никакого серьёзного смысла в жизни, но именно они и укра-

шают её, делая не такой обязательной, а просто приятной, нежной и славной…

А вот ещё одна забавная необязательность: как-то после совместного музицирования с Лёнькой Липелисом, известным более, как DJ Lipelis, мы легко дефилируем эдакими помятыми денди по шумной Тверской, и он беззаботно рассказывает о том, что у них там, в родной Пензе имеется местная культовая настойка – «Петушки». Мол, субстанция настолько вкусная, что пьёшь и оторваться от порочного процесса просто невозможно, а посему необходимо быть крайне осторожным, «затягивает так, что даже заиграться можно с «Петушками». Ну не мог же я, как «природный интеллигент», на сие не заметить или даже, скорее, ввернуть: «Лёнь, это очень рискованное выражение – «заиграться с петушками», не находишь?». Обоюдное осознание сомнительного оборота приводит обоих потёртых пижонов в неистовый смеховой экстаз.

Кстати, именно он, зубоскал Лёнька, напомнил мне это незабываемое детсадовское: «Умный, умный, по горшкам дежурный!». Какая прелесть, а то я уже напрочь забыл эту многослойную первобытную субкультуру.

Ещё один неожиданный щелчок в голове и перед глазами тощая фигура бармена из той же вездесущей «Репаблики». Этот «модник в кубе» пытается в связи с неожиданным переездом сбыть стиральную машину одной местной девице: «Да забирай даром, так, пузырь вкусненького поставишь, да

и в расчёте». Корыстная и неблагодарная девчушка продолжает допытываться: «Да? А какая машина?». Бармен, уже явно раздражаясь такой бестактности, ибо «дарёному коню» всем понятно чего, в праведном гневе голосит: «Какая, какая?!! Пизд…тая!!!».

Нужно отдать должное и нижегородским чудикам! В основном, правда, это персонажи с такими уж «закидонами», что приводить примеры в такой «серьёзной книге», как моя, будет моветоном, но кое-что всё же попробую нарыть в дырявой своей памяти.

Одно недолгое и зыбкое времечко в Нижнем я работал, как я это называю, «продавцом батареек», хотя, конечно же, помимо «них, маленьких» торговал я ещё каким-то таким же дерьмом – видеокассетами, шнурами и прочей дрянью. И вот там, в этом оригинальнейшем заведении, один ловкач-продавец залихватски «барыжил» гашишем, и всё достойное общество страшно «дуло», дабы не нервничать перед самодурными начальничками и дебилами-покупателями.

Это была одна из самых жутких моих работёнок, поскольку здесь на меня пытались весьма профессионально повесить кругленькую сумму, которую я бы отдавал, думаю, и по сей далёкий день.

Оказалось, что милые мои напарнички уж год как бодро продавали самые дорогие позолоченные кабели, хромовые кассетки, да впрочем, и всё подряд без всякой там «смешной, ненужной кассы», а так, душевно запросто и в свой род-

ной карман. Как, по-вашему, можно сие квалифицировать гордым словом «афера»? Ну, разве что афера «по-нижегородски». Ну а как только в отделе чудесно появился такой классический «лошара», как я, они троекратно возблагодарили судьбу за посланного им недотёпу и… Стремительно уволились и магическим образом испарились!

Как вы, конечно, догадались, мои прозорливые читатели, на следующий же день была тут же назначена инвентаризация, и с негодующим пафосом в тоне мне был предъявлен чудовищный счёт за наворованное до меня барахло. Я уже приобрёл было крепкую веревочку и душистое мыло, но местные бандюки, как выяснилось, всё же знали своё непростое дело не понаслышке, и на следующее яркое утро оба растратчика за шиворот и, подгоняемые отеческими пинками, были доставлены на место преступления.

Казалось бы, я счастливо спасён и торжественно реабилитирован, но не на таких простачков напали наивные хозяева этой раздолбайской лавчонки. Эти два шулера долго химичили что-то с документами, и волшебным манером выяснилось, что они не делали ничего дурного, а лишь вышла «нелепая запутка с бухгалтерией».

Долго, с непониманием носорога «бизнес-боссы» и криминальная охрана водила беспомощными взглядами и вдоль и поперёк хитроумно исписанных бумажек, и эти замечательные «гаврики» были отпущены вновь! Вы вообще можете в такое поверить? Я – нет!

Ну и тогда было принято грамотное решение вернуться к беспроигрышному плану № 1, то есть снова повесить недостачу на новичка-ботаника – это на меня…

Отчего-то во мне проснулась дикая жажда расколотить эти вечные бетонные блоки несправедливости, и малодушные мысли о спасительном суициде были отвергнуты раз и навсегда. Однако, поразмыслив как следует, я осознал, что все логичные способы доказать детскую невиновность не прокатят – кинуть меня решено было окончательно всем дружным «быдляцким» коллективом.

И я предпринял единственный и неизбежный путь – просмотреть запутанные записи моих вороватых предшественников и перемешать их ещё круче! И это опять гениальным образом сработало! Дело в том, что мозги неандертальцев очень невелики и маломощны, и сколько ни скрипели жернова их крошечных извилин, они так и не поняли, где эта проклятая недостача.

С меня вычли, словно гол престижа, символические бабки за одну лишь дохлую кассетку, что я случайно пропустил при своем анти-бухгалтерском «кручу-верчу». Ну а я же скорёхонько уволился, благодаря неожиданной смекалке, доставшейся мне явно от практичного, но остроумного отца.

Да! Там же, в гордом отделе батареек трудился мой новый «партнер по бизнесу» – бывший телевизионщик, переживший очень тяжёлый развод с коварною женой. После такого богемного промысла он собирался тихонько пересидеть су-

ровые времена, ну а затем воскреснуть, подобно птице Феникс, «в новом блистательном «ти-ви» проекте».

Но былая артистичность периодически брала верх над серой ипостасью торгаша, и тогда он мог рискованно сморозить недалёкому покупателю любую пургу, вроде: «А вы смотрели фильм «Смертельная Смерть-2»? Да? Ага! Значит, вам нужно обязательно ознакомиться с «Кровавой кровью-1» непременно, просто непременно!».

А ещё он почему-то был влюблён в нечастое словечко «ба́хнуть», которое означало в его личном словаре, ну, скажем так, «переспать». «Словечечко» это вертелось и так, и сяк, склонялось на разные фантастические лады, и апофеозом этого филологического жонглирования явился шизофренический ответ покупателю на невинный вопрос: «А чья же это музыка?». «Музыка Александры Бахнутовой!» – взамен, как вы понимаете, заслуженной нашей советской композиторши Александры Пахмутовой.

Также он мог в упоении и с каменным лицом бесконечно втирать провинциалу-покупателю: «Да вы что? Эти фонари прошли клинические испытания на Северном и Южном полюсах, их ручки никогда не замерзают, а лучи растапливают даже вечную мерзлоту!». Я, спрятавшись под прилавок и согнувшись пополам, просто умирал со смеху, с трудом сдерживая рыдания от хохота, а эти простофили доверчиво кивали ему и изумлённо покупали копеечные фонарики «для отважных ледовых путешественников».

Где вы сейчас, родные мои чуваки и чувихи, с кем мне было так весело и грустно? Я же сердечно люблю вас, найдитесь уже, и пусть у вас всё и всегда будет сказочно хорошо…

На сборах

Я прекрасно помню, какие презрительные кривые усмешки состроили бывалые, «по чесноку» отслужившие «армейцы», на смелое заявление одного неумного очкарика с военной кафедры, что «отважно прошёл военные сборы»: «А вот у нас в армии так было…». Да-а-а, он был в этот момент по настоящему жалок, а глупые слова, вылетевшие из уст этого заморыша (и притом офицера запаса) заставили устыдиться всех нас – студентиков, которым выпало счастье месяцем полукурортного времяпровождения откупиться от двух кошмарных лет регулярного мордобоя и неизбежного отупения.

Добирались мы до части, где нам предстояло познать на своей нежной шкурке все прелести сурового солдатского быта, аж двумя поездами, да одним автобусом, словно заметая следы от возможных иностранных шпионов, жаждущих проникнуть в секреты расположения стратегических радиолокационных станций.

Кстати, на военной этой самой кафедре у нас имела место быть такая маразматическая затея, как «секретный чемоданчик». Он представлял собою монструозный короб очень советского дизайна, где под страхом расстреляния бережно хранились наши тетрадки и пособия «такой невероятной важности», что избирался даже специально обученный человек, который обязан был сей чемодан принимать на руки

каждое утро занятий. А после всё это «таинство» запаковать и сдать под роспись в не менее секретную комнату.

Этим «специальным» человеком был я. Дело в том, что очень быстро ваш покорный слуга просёк, что каких-то серьёзных забот с этим трогательным ритуалом у меня не возникнет, а вот червонец в месяц, что полагался к нищенской нашей «степухе» за эту почётную миссию, можно будет с толком поменять на заветные японские кассеты с различным «рокенролом». Записывались же они, вожделенные кассетки в подозрительных «шарашках», что гордо именовались «студиями звукозаписи».

Но вершиной советского военного, так сказать, маразма была подписка о неразглашении секретнейших сведений, кои поведают нам наши мудрые преподаватели по теме этих вот самых РЛС – пресловутых радиолокационных станций. Всё «секретное» дело было в том, что те РЛС, которые мы прилежно «якобы изучали», были сняты с производства лет сто назад, и тайные сведения о них могли заинтересовать лишь только какого-нибудь совсем уж слабоумного агента империализма. Но даже, если бы сакральные откровения про эти загадочные механизмы были и вправду актуальными, то и в этом случае любопытным шпионам пришлось бы отчаливать до вражеского дому не солоно хлебавши – никто и никогда ничего не учил, и ни бельмеса не понимал на этих «боевых» парах. Мы лишь чутко дремали всем героическим расчётом под мерное «бу-бу-бу» сурового офицера-препода.

Примерно минуты через две после ленивой загрузки личного состава в поезд, ко мне подошел Андрюха Варкентин, крепкий и весёлый малый, и, протянув открытую бутылку пива, по-отечески молвил: «Держи! Отрывайся пока можно, скоро у тебя этого не будет…». Вняв сему неглупому совету, я взалкал напитка и понеслась… Отчаянно доставалось всё, что было «на всякий случай» припасено перед армейским десантом – пивко, водочка, «бормотушка», шампань, чистый и уже заботливо разбавленный спирт, ну и немного немудрёной провизии, так, что называется, «к столу»: прославленные плавленые сырки «Волна», пошлые варёные яйца и разносортная колбаса, поглотившая своим навязчивым духом все запахи целого поезда. К вечеру будущие офицеры были пьяны настолько, что могли уже считаться по праву офицерами действующими. Были педантично разбиты все окна в обоих тамбурах, и худо стало многим там же, а посему пол в тамбурах представлял собой зрелище просто апокалипсическое.

Наутро наш родной подполковник Меженин с убийственным хладнокровием выслушивал надрывные крики шокированной адскими метаморфозами проводницы: «Да что же это такое?!!

Да кто же за это заплатит?!! Я это так не оставлю, вы мне всё возместите!!! Какой номер вашей части?!! Откуда следуете, я вас спрашиваю?!!». Ледяные глаза бывалого офицера были по-прежнему бесстрастны, и лишь уголки его упря-

мо сжатых тонких губ чуть выдавали жестокую усмешку. Так, совершенно преспокойно, он дождался полной выгрузки похмельного и опухшего «социалистического студенчества» под страшный вой и безумные рыдания бедной проводницы, и, не проронив ни слова, с достоинством отправился за нами, замыкая наше нестройное и нетвёрдое шествие. К чести его, он не издал ни звука по поводу сего малопривлекательного инцидента и ни разу не упрекнул нас – двуногих животных за скотоподобное поведение.

Как вы уже понимаете, бодун по прибытии в часть был совершенно бронебойного качества, и естественный интеллигентский страх перед месячной, пусть детской, но всё-таки службой, увеличился многократно. Дрожащие от холода, голода и адского похмелья, мы были согнаны и построены перед местным усатым и сипатым майором, который абсолютно без приветствия начал знакомство с нами самыми первыми нежными словами: «Товарищи курсанты, бл…ть, ну чё за ху…ня?». Ну и так далее, когда непарламентарные выражения не имеют конкретного смысла, а лишь выражают сложное эмоциональное состояние утомлённого скукой русского офицера.

В трогательной вступительной беседе он всё же дал некоторые ценные советы и практические рекомендации по несению службы в этой «необычной» части. К примеру, помимо прочего было высказано такое милое предупреждение перед первым отбоем: спать ночью всем никак нельзя – сапоги и

обмундирование тут же спи…дять солдатики и немедленно обменяют на наркоту. Так мы «случайно» выяснили, каков контингент наших будущих бравых сослуживцев и настроение стало ещё более приподнятым.

Что было тут неплохого – нас не били. Проживали мы, будущая «вшивая интеллигенция», в одной казарме с «реальными» военнослужащими срочной службы. Правда, опасаясь антагонистических «непоняток», мудрые офицеры расселили нас по одной стеночке, а напротив располагались законные «салаги», «черпаки» и «дедушки».

Не знаю уж отчего, но опасные «дедули» нас не трогали, возможно, скорое присвоение громких званий «летёх» запаса придавало нам некоей сакральной неприкосновенности. С нами заводились неспешные беседы за жизнь и сыпались дичайшие откровенности, вроде той, что сообщил воровской внешности щуплый, но агрессивный «дедушка».

Явный бывший гопник и какой-то, ну, просто «полузэк», он «душевно» поведал о прежнем своём многотрудном житии. Проходил «среднее необязательное» обучение он, как ни парадоксально, в музыкальном училище, и действительно, поигрывал понемножку на всём от барабана до гитары. Но параллельно музыкального парнишку сильно увлекал криминальный флёр, и условные сроки не заставили себя долго ждать. Основной инструмент этого странного существа был гобой (!), и он с беззаботным шизофреническим смехом открылся нам, что сначала потерял трости от него,

«а потом и сам гобой прое…ал».

Периодически мы вынуждены были присутствовать при разборках и экзекуциях разношёрстного рядового состава. Раздумчивые беседы, вроде той, что состоялась между чудовищно накаченным садистом-таджиком и нашим уркой-гобоистом были не редкостью: «Маладые савсэм аху…ли!!! Маге нада бы ёб…уть!». «Гобоист» милосердно и даже где-то гуманно ответствовал: «Да-а… Магу жалко немного…». Темпераментное дитя Средней Азии было крайне возмущено такой преступной мягкотелостью и мгновенно отреагировало в правоверном гневе: «Чиво, пилять, жялка?!!». Одним словом, Мага «огреб своё» этим же томным вечером – вороватый «покровитель муз» вырубил его одним мощным хуком. Признаться, такого поставленного удара я не наблюдал прежде в живой природе. Эдакие вот были боевые времена и нравы, братцы вы мои, да кролики…

«Салабоны» имели некоторое численное превосходство перед мрачными старослужащими, и как-то наш замечательный «исследователь породы человеческой» Дюша Сапрыкин задал справедливый вопрос гобоисту-нокаутёру: «Слушай, а если они все вместе соберутся и тебя отмутузят?». «А я тогда завтра кого-нибудь из них зарежу…» – совершенно бесстрастно и без всякого эпатажа немедленно отозвался «мультиинструменталист поневоле». Он говорил правду. Всем сразу стало жутко и гадко.

Каждую ночь, словно в кошмарном сне, я лицезрел со сво-

его привилегированного второго яруса кровати, как «дедули», подбадривая лёгкими пинками, заставляли сонных «салажат» тащиться на кухню и жарить там картошечку с лучком для заскучавших по «домашнему» «старшаков».

Да, армейская жратва это совершенно отдельная и трепетная тема! Прибыл я на сборы, в общем-то, совсем не толстяком – ординарные семьдесят два кило при росте метр восемьдесят один. По отбытии на родину вес моего измождённого событиями тельца поспешно сократился до скромных шестидесяти четырёх. Каждый Божий день мы покорно ели приблизительно одно и то же – суп-баланду, иногда даже без соли (перебои были даже с «белой смертью»). Мясо отсутствовало в этой похлебке по принципиальным соображениям местного хлебодара, а ежели в миске чудесным образом оказывалась хоть одна долька картошки, это считалось Милостью Небес, и везунчика долго и уважительно похлопывали по плечу. Думаю, не нужно пояснять, для каких «благороднейших целей» исчезал дефицитный картофель из скудных солдатских закромов.

До сих пор я не уверен, кого же винить в этом, ну совершенно отвратительном вкусе местного армейского супчика – бездаря-повара или тотальное отсутствие украденных неизвестными лиходеями продуктов. Но факт есть факт – «баланда», хоть и с отвращением, но съедалась только обильно заедаемая чёрствым хлебом и то лишь потому, что «второе» плюхалось в ту же осквернённую тарелку, и вариантов

пропустить первое блюдо просто не было. Отказ от «первого» влёк за собой автоматическую депривацию и «второго». «Второе» тоже было весьма примечательным – это была всегда исключительно гречка с обязательной столовой ложкой кильки в томатном соусе. Интересно, смог бы я сейчас затолкать в себя этот благоухающий букет кулинарии?

Когда количество кусков хлеба за поспешный (всё же происходило строго по расписанию) солдатский приём пищи неожиданно сократилось до трёх, самые оголодавшие начали проситься на работы хоть бы и на «песчаный карьер», как в избитом фильме про Шурика, лишь бы сменить «благородную кухню» на «всё что угодно, но только не это». И четверых счастливчиков, включая меня, отправили в другую, более крупную часть.

Сами же мы обретались на так называемом «Ка Пэ» или почему-то «семёрке».

Там, в «иноземной» части мы вкалывали и в хвост и в гриву на штукатурке, покраске и побелке какого-то загадочного свинарника, падая к вечеру от изнеможения. Но! Обеды и ужины в новом расположении нашего бравого каре были божественны: суп из барашка, острый настолько, что каждая проглоченная ложка вызывала просто неприличные для мужчины слёзы. Причиной тотальной «слезоточивости», как выяснилось позднее, было то, что расторопный повар-узбек стащил со склада целый здоровенный пакетище с перцем, и в приступе ностальгии по азиатской родной кухне приправлял

суп такими наркотическими дозами, что и сам с умилением крякал. А ещё ведь подавались милые советскому сердцу котлеты с «пюрешкой» и главное… Курировавший нас добряга-старлей, одаривал нашу бригаду шабашников тайным бонусом – такими деликатесными консервами, что после за всю жизнь свою я и не пробовал ничего сравнимого с этими экзотическими рыбами и моллюсками.

Я назвал это дикое помещение свинарником потому, что как-то оно очень напоминало мне этот «весьма нужный и полезный стратегический объект», а вообще, назначение этого таинственного здания неизвестно было даже тому странному офицеру, который присматривал за нами. Был он маленький, худенький и сердобольный.

Разок при штукатурке пространства возле розетки меня не хило шибануло током, и «старлей» заботливо испросил для нас стремянки, дабы появилась возможность маневра при опасном электрическом соседстве. Он ласково говорил в телефонную трубку кому-то: «Подкиньте стремяночек, очень надо! Ну росточка-то Бог не дал ребяткам, как и мне!». Нет, сам-то он, конечно, был явный низкорослый «пиз…юк», но эти странные сравнения, словно мы были какие-то африканские пигмеи, были презабавны и даже немного обидны – ростом меньше метра восемьдесят в нашей компании никого не наблюдалось.

Работали мы без халтуры, много и с огоньком. Неразгаданное помещение стремительно становилось чистеньким и

домашним, и «старлей», откинувшись в любовании чуть назад, и цокая от восхищения языком, часто приговаривал: «Ах…ительно! Ах…ительно!! Великое дело делаете…». И это наивное смешение низкого и высокого стилей было настолько трогательным, что я умиляюсь каждый раз, как вспоминаю добрым словом нашего маленького спасителя!

В общем, последние несколько стахановских денёчков мы провели в тяжких трудах и последующих неудержимых пиршествах. Возвращаться на родимую «семёрку» ежевечернее не хотелось, тут, на воле вольной, мы чувствовали себя свободными работягами-бичами. Собственно, это чуть и не погубило нас, когда мы совсем потеряли бдительность и чувство армейской реальности.

Когда мы отправлялись «защищать Родину аж на долгий месяц своей неповторимой жизни», мы, конечно, укоротили наши студенческие патлы, но совсем не настолько, чтобы выглядеть настоящими «забритыми» солдатиками, совсем не на столько…

Если на «КП» к нам привыкли быстро, да и место это было совсем уж заброшенное и отдельное настолько, что оборзевшие напрочь «дедушки» неспешно шествовали на построение в шлёпанцах, а утомлённый борьбой за дисциплину офицерский состав смотрел сквозь пальцы на такие вольности, то здесь, в настоящей части было всё несколько по-другому.

За три недели нахождения «в армии» космы у нас отросли настолько, что местные солдатики уже с сомнением посмат-

ривали на странных обросших существ, зачем-то упакованных в солдатскую форму и «кирзачи».

Но когда нас заприметил цепким взором сухой истеричный полковник, похожий на экзальтированного Суворова, глаза его медленно налились кровью, ноздри начали бурно раздуваться и, задыхаясь от гнева и непонимания «сюра» происходящего, он страшно заорал: «А ну подойти ко мне, бл…ть!!! Кто такие, бл…ть?!! Почему не по уставу, почему не по форме, нах…й, бл…ть?!!». Наше смущённое и растерянное лопотание, мол, «мы тут курсанты из Нижнего», судорожное застегивание воротничков, носимых нами не по чину распахнутыми чуть не до пупа, привело шокированного «полкана» в такое исступление, что он, уже чуть было не визжа, бросился в контору, голося: «Я щас, бл…ть, позвоню!!! Я, бл…ть, щас всё выясню!!! Я вам такое устрою, такую, бл…ть, губу, вы навсегда, бл…ть, запомните!».

Как только батюшка «Суворов» скрылся за дверьми, мы, переглянувшись, моментально поняли, что спасёт нас и нашего любимого подполковника Меженина лишь дерзкое бегство. Мы быстренько закатились в автобус, курсирующий между частями, и преспокойно свалили, оставив оскорблённого в самом святом пожилого полковника гадать, было ли это страшное зрелище на самом деле или видел он всего лишь нелепое наваждение и зыбкий морок, ведь не могло же этого быть по правде, ну просто не могло…

Как и настоящим «бойцам» нам полагались классиче-

ские «увольнения в город». На побывку отправлялись целой шумной кодлой, буйным поведением напоминая бурсаков из фильма «Вий», которых Владыка отправил на каникулы на вольные хлеба. У сердобольных киоскёрш выпрашивалось всё, что можно было выклянчить – пирожные, пиво, семечки. Кое-кто, из наиболее шустрых, умудрялись даже назначить свидания «барышням из киосков», ну тем, естественно, что помоложе.

Голодные, сердешные «солдатики» вызывают и до сей поры у женщин в провинции трогательную жалость и желание хоть как-то пригреть бедняжку-рядового. «Бедняжки» пользовались дамской сентиментальностью совершенно беззастенчиво, и с набитыми снедью карманами мы двигались дальше, обследуя занятные магазинчики, которых уже и не встретишь в больших городах. Вскладчину были прикуплены только самые необходимые вещи, без которых никакого досуга и не могло быть там, в жестокой неволе – это была водка и пионерский барабан, беспрестанно колотя по которому, мы и вернулись «к месту дальнейшего прохождения службы».

Там, на площадке для курения, трёпа и отдыха «старослужащих» в барабан для пущих акустических свойств было набита затейливая смесь из старых гимнастёрок и отслуживших портянок. Тут же спонтанно был организован академический оркестр из пары гитар и импровизированной ударной установки. Незамедлительно были громко и с надрывом ис-

полнены хиты Чайфа про «Ой-ёй!» и «нетленки» Наутилуса о прощании с несбыточной Америкой.

И только я освоился с необычной перкуссионной группой, как чья-то сильная рука доверительно легла мне на плечо. Я вздрогнул от неожиданности и замер, ожидая наряда вне очереди за недостойное будущего советского офицера стиляжье поведение.

Позади меня объявился самый тихий и незаметный офицер нашей крохотной части. Он со значением посмотрел в мои испуганные глаза и проникновенно спросил: «Ты – барабанщик?». Считать себя таковым было бы неслыханным комплиментом моему простецкому трямканью, поэтому я честно сознался, что нет. Тогда он таинственно произнёс: «А ну, пошли со мной!». И театральным взмахом руки пригласил всю нашу «джазовую» ватагу следовать за собой.

И представьте себе, у этого по-хорошему чокнутого офицера была своя секретная комната, в которой стояла сияющая, словно весеннее Солнце, полностью экипированная и собранная новёхонькая барабанная установка! Какое счастье, что ненормальные «наши» люди есть и будут всегда и везде, даже на абсурдной этой службе, и как же от этого хочется петь, плясать и ЖИТЬ!

Дав нам неумело погреметь железом, он ловко взобрался за барабаны и сам лихо заиграл очень чёткие и смачные синкопы, заражая нас восторгом и восхищением. Это был его тайный, маленький мир, куда он мог спрятаться от неиз-

бежного маразма службы, изводящего одиночества и этого крошечного пятачка земли, с которого он, быть может, и не соскочит уже никогда. Его лицо светилось счастьем – наконец-то было с кем поделиться и излить мятежную душу поэта!

Только для одного этого чудесного открытия я готов был отслужить хоть ещё и не один безумный месяц на этих дурацких, но таких «героических», да чего там, просто «краснознамённых сборах»!

Картошка и папироски

Хотел было написать пространное эссе о путешествии на «картошку», но вспомнилась только какая-то совершеннейшая глупость и «крупной эпической работы» не получилось…

Жили мы, кажется, в «Доме колхозника» – занюханном и снаружи и внутри заведении «камерного типа» с кроватками, типа «любовь со скрипом». На полу всегда хрустели песок, земля и окурки, в пространной комнате с нами жила крыса, которая постоянно хрумкала нашим печеньем, куда бы мы его в отчаянии не запрятали. Даже запертый ящик стола не был для неё препятствием – наутро пакет был привычно пуст! И как она туда забиралась?!

Когда я написал «мы», я имел ввиду мужескую часть нашей благородной экспедиции – наши робкие и не очень девчонки расселились по вредным и сугубо корыстным бабулькам. А в благородные своды защищаемого государством исторического памятника «Дома колхозника» заселились исключительно я, мой верный собутыльник Макс Лоскутов и два крепких деревенских паренька Лёлик и Паня.

Симпатии этих суровых ребят, прибывших на практику из другой, альтернативной деревни, разделились сразу. Мрачноватому Пане приглянулся брутальный Макс, и они общались как-то душевней. Ну а раздолбай и весельчак Игорян

сразу нашел общий язык с Лёликом – знатным хохотуном и любителем травить байки.

Ещё до отъезда нас заботливо предупредили о предстоящем знакомстве с местными фирменными котлетами, которые могут шокировать утончённый городской вкус. В первый же заход в столовку Лёлик выдал почти «петросяновскую репризу»: «О, котлетки! Знать, свинья подохла!». Крупногабаритный повар, он же и раздатчик был настолько смущён и обижен такой несправедливостью, что смог только лишь нечленораздельным интонированием выразить недовольство этим чудовищным поклёпом.

И действительно, на вид «котлеточки» смотрелись весьма невзрачными субстанциями и аппетита ну никак не разжигали в вечно голодном студенческом сердце. Но при осторожной попытке употребления они оказались вполне себе съедобными, а вот подвох-то заключался вовсе не в этом, а в том, что подавалось это простое, но крайне питательное блюдо практически каждый денёк и через неделю осточертело так, что заходить в местный общепит совсем расхотелось.

Поздними, полными сладкой жути, вечерами, нашим разнопёрым квартетом мы устраивали захватывающие чтения страшилок стереотипного «пионерлагерного» содержания. Особенно сильно и как-то трогательно по-детски пугался Лёлик, и умоляюще просил прекратить нестерпимую пытку ужастиками убогого содержания. В отместку он тоже простодушно попытался запугать нас, состряпав собственный са-

мопальный «хоррор», предлагая такую сугубо мистическую ситуацию: «Представь, что к тебе бабушка умершая явилась, такая вся в похорональном…». Естественно, что затейливое «в похорональном» развеяло в пух и прах наивную попытку устрашить циничную аудиторию, что моментально разразилась разудалым гоготом.

Разумеется, не мог не запомниться и маленький субтильный препод с хитреньким лицом и причёской молодого Хазанова, который зачем-то начал со мной доверительно беседовать, обильно используя нецензурные завихрении, что крайне дико ему не шло. Ну, дескать, мы тут все мужики, на тяжких трудах, словом, грубое гусарское братство! Когда он наконец-то почувствовал моё демонстративное неиспользование «свойских и молодцеватых матюгов», то крайне смутился, и процент бравых грубостей снизился вполовину.

В далёкой деревеньке этой было всё, как у настоящих «рассейских» людей – местные дуболомы по ночам разъезжали с диким рёвом на тракторах, ломились к нашим девкам, пытались отметелить и нас, но, в общем и целом, всё почему-то обошлось. Скорее всего, спасительная прививка в лице «почти своих» Лёлика и Пани давала нам крошечные привилегии на тонкий момент праздного мордобития.

Иллюстративен пикантный случай, когда томным вечером наши невольные телохранители вальяжно прогуливались с «позволения сказать, дамами» из числа деревенских красоток. К ним подкатили двое жутких «местных» – это бы-

ли реально самые опасные выродки, для которых не то что отделать до полусмерти, а и подрезать любого и совершенно без повода, было парой пустяков. Эти подонки деловито завели разговор о немедленной передаче с рук на руки «бывалых» девах, надо отметить, крайне развёселого поведения. «Светским барышням» по большому счету было всё равно, с кем провести кульминационную часть досуга, поэтому они благоразумно отошли, тихонько покуривая и осторожно посматривая на разборки титулованных самцов.

Шли напряжённые переговоры с применением дипломатического шантажа со стороны Лёлика и Пани в стиле: «Ну вы чё, пацаны, сами же потом в нашу деревню поедете, а там как после всего этого гостить-то будете?». Звероподобные аборигены же не боялись никого и ничего и были настолько агрессивны, что «дамы сердца» начинали с любовью и обожанием ласкать взглядами более витальных конкурентов.

И тут Паня (а, может, и Лёлик, уже не помню) прозорливо предложил самому «беспредельному» упырю отойти в сторонку и побеседовать приватно. Здесь, оказавшись на нужном расстоянии, когда слова парламентеров были недосягаемы для «милых девушек», он выдал то, что уже давно бы разумно предложил раньше: «Ну ты чё, не понимаешь, что ли? Я ж не могу при них-то, неудобно… Да забирай ты их обеих, они мне на х…й не нужны!». Вот какие шекспировские драмы разыгрывались на волшебных сельских просторах!

С умилением припоминаю ещё одного забавного «здеш-

него» – коренастого, но вполне безобидного и миролюбивого паренька, который так беззаветно любил курить, что поразил нас всех невероятным трюком.

Вообще-то, обряд курения в деревне имеет такое первобытное значение, что наличие папирос считается уже почти таинством, появлением светлого смысла в нудной и скучной сельской жизни. Это «по гамбургскому счёту» касается и всех курильщиков вообще – данным смертоносным процессом они заполняют огромные пустоты неинтересной своей жизни. Начинается священный ритуал – папироска достаётся из пачки привычным жестом, неторопливо разминается и щегольским жестом отправляется в рот, затем добывается живой огонь и следует расслабляющая долгожданная затяжка – и всё, происходит действие, ситуация меняется, в жизни происходит хоть что-то! Собственно, нечто подобное миллиард лет до нашей эры сформулировал сам чертяка Шопенгауэр. Цитировать таких маститых дядечек, конечно, пошловато, поэтому припишу-ка эти наблюдательные выводы себе, как народному философу.

Однако, вернёмся же к нашему фанатичному куряке, который, выцыганив у нас аж шесть (!) «беломорин», соорудил из них неким виртуозным манером единый огромный «балабас» и преспокойно, хоть и несколько демонстративно, выкурил его за один присест. Мы ошеломлённо ждали обморока, но храбрый парнишка поднялся и молвил: «Думал, х…ёво станет, а ничё, нормально, хорошо пошло!». Стрельнув ещё

парочку «на дорожку», он покинул нас, оторопевших начинающих служителей «культа воскурения табаку».

Курить я бросил сразу и навсегда после «детсадовского» первого курса, когда осознал всю дурость втягивания в себя отвратительного дыма. Никогда это сатанинское занятие мне не нравилось, а тянул я этот отравленный дымок лишь, как идиотик, за компанию. Благодарю Господа, что так скоро освободил меня от этой самой глупой и страшной привычки, из-за которой люди сознательно убивают своё прекрасное тело, подаренное Всевышним.

Снова прошу прощения за высокопарности, которые не очень к месту, да и за нудные поучения тоже, но это, возможно, единственный раз, когда я высказываю свое категорическое и напрочь не толерантное мнение. Быть может, хоть разок мне удастся сделать и впрямь что-то хорошее этим своим антиникотиновым призывом, и, как минимум, пара-тройка молодых девчушек и пареньков не станут больше сжигать свои чистые лёгкие этой паскудной отравой.

Но чистосердечным постскриптумом вынужден признаться, что первые свои «раскурки» я совершал ещё аж в первом классе с дружком детства Миркой Ливеном. Придирчиво собирались наиболее эстетичные окурки, определялись в найденный и предусмотрительно прокипяченный мундштук и… По палисадникам, детским садам и стройкам производились тайные вдыхания дыма, после чего отвратительно кружилась голова, гадко мутило, но было очень интересно. Кре-

тины! То есть, я хотел сказать – дети, ну что с них возьмёшь… С дебилов!

Эк, куда вывело меня по обыкновению! Начинал вроде с легендарной советской «картошки», а закончил прямо-таки истеричным антитабачным панегириком, уж не серчайте, милые, ремня не надо, не буду больше… Но сказать мне на эту сельскохозяйственную тему больше нечего, а как только вспомню чего «живописного» – будет вам тут же «Картошка-2» или «Возвращение зловещих животноводов», как местный Спилберг, отвечаю!

Научите меня хоть что-нибудь делать!

Как-то вдруг выплыла из памяти хулигана очень смешная картинка с одной из моих самых дурацких работ…

«Книго-музыкальный» магазин «аж на самой» Тверской. Начальство различных рангов – учредитель, его помощник, генеральный директор, да администратор сплочённо встали в кружок и, сдвинув головы и плечи и уперев руки в боки, очень серьёзно обсуждают чрезвычайно важные вещи, ну скажем, куда переместить стенд с новинками.

А «сблизились» же они все, как на подбор, словно персонажи знаменитого гейского комикса от Tom Of Finland – плечищи, спинищи, ляжки, задницы и даже мошонки так чрезвычайно и просто карикатурно развиты, что бедная «джинсура» просто трещит и лопается по швам («скузи», такая уж суровая правда живой природы). И вот стоят они, такие нелепые в своей важности и двусмысленности, а вокруг ещё «невзначай» выставлена куча дорогущих альбомов с гомо-эротикой (такая уж была магистральная политика магазина, почему-то…), и выглядит это настолько потрясающе, что я до сих пор загибаюсь от лучистого смеха.

Где же я только не имитировал кипучую деятельность…

А знаете что… Я очень хочу научиться строить дома из

тёса, обжигать кувшины или рисовать портреты, серьёзно! Что-нибудь уметь делать настоящего, осязаемого, овладеть благородным ремеслом, что кормило бы мою семью… Научите, прошу! Ответа нет снова…

Говорят, что быть продавцом – это тоже искусство, может быть, может быть… Вот душевная иллюстрация этого смелого утверждения на ярком примере продавца музыкальной аппаратуры из славных 90-х! Вопрос задаёт робкий покупатель, судорожно зажавший за пазухой накопленные рублики: «Извините, а чем отличаются эти модели проигрывателей, по виду очень похожи, а цена разная?..». Специально обученный человек с явной «торговой одарённостью», развалившись и сыто отдуваясь, квалифицированно отвечает с акцентом гопника: «Ну этот пакруче буэт!». И вновь я безответственно хохочу, вспоминая все эти мои «трудовые декады»…

А в самом-то деле, чему веселишься, Игорян? Тебе уже так много лет, а что ты можешь? Песенки? Стишата? Вот эти вот словеса, что строчишь каждый день, будто ты почётный член Союза Писателей, и «десятого с двадцать пятым», как штык прибежишь за авансом и зарплаткой «прозаика»? Приятный баритон с заездом в тенора? Не смеши! А что мне остаётся делать?!! Только и смешить вас, мои верные друзья, что трудолюбиво добрались до сих далёких строк. Что мне делать?!! Подскажите, помогите, умоляю!!! Я не знаю, как жить…

Виноват ли я, что родился таким вот никчёмным человечком? Не знаю… И да и нет… Нет, уж лучше я снова буду горлопаном-клоуном, так я сильнее, обаятельнее и, мать вашу растак, привлекательнее! А вот и я!!! С вами снова целый день-деньской рыжий Гоги на ковре, встречайте и приветствуйте, любезнейшая публика!!!!

Ещё одна ненастоящая работка – торгую раритетным винилом и хорошим настроением на Ветошном переулке, в самом сердце моей Москвы! Заходят типичные, важные и хорошо пахнущие актуальным парфюмом мажористые диджеи – девушка и парень. Все такие цветущие и пышущие журнальным здоровьем, и оба в ямайском загаре. Парень демонстративно накачан и одет во всё, что гарантированно подчеркнёт мышцы там, где нужно, девушка же стройна, словно трепетная лань после вынужденной диеты во время засухи на полгода.

Деловито выкладывают флаеры на безалкогольный рейв и всячески заостряют на этом «антиалкогольном начале» наше внимание, дескать, «мы за трезвую энергию, это важно настолько, что мы будем парить ваши мозги весьма упорно, и украденное у вас время – это только вам, несчастным, во благо». Наконец мне всё же удается выпроводить эту утомительную парочку.

И тут по винтовой средневековой лесенке спускается мой сосед и добрый приятель Боря Молчанов. Борян – без всякого сомнения, ди-джей консерватор, а потому, недобро гля-

нув на кричащие пропагандой трезвости флаеры, он авторитетно и категорично заявляет: «Да один х…й бухать будут!». А вот это наш старомодный «ответ Чемберлену»!

Наконец-то душный день за прилавком закончен, и я бреду, раскачиваясь, словно матросик, до холостяцкой каюты. Навстречу, как нарочно, попадаются крайне неудобные дамы, которые выбирают ту же траекторию следования, и куда бы я вежливо ни смещался, мы неотвратимо почти сталкиваемся лбами. Я привычно психую, но «праведно» пытаюсь гасить «неправедный» гнев, объясняя сию неизбежность тем, что я называю «столкновением интересов». Помогает.

Когда «мудро» осознаёшь, что в коматозном метро впереди тебя нога за ногу бредут ветхие тётушки, томные парочки или праздные иноземцы вовсе не потому, что они собрались тут вместе дружно извести опаздывающего на концерт Игоряна, становится легче. Эти разные люди просто очень устали на работе, а может им просто так хорошо и покойно рядом, и им очень нужно, ну просто необходимо тащиться так вот тихонько, а не нестись сбежавшей с подлодки торпедой, как любишь лишь ты. Словом, это и есть моё спасительное «столкновение интересов».

Но на душе всё равно как-то не так – «сердце тащит коробом», как говаривала Ражевская покойная бабушка, Царствие ей, славной, Небесное. Кстати, ей лицензировано принадлежат ещё такие чудесные перлы, как «на бл…дью руку», что значит «сделано весьма небрежно», и «вытряхаться из

блох» – а это уже о противоестественной активности неких торопыг.

Что ж так ломает-то, братцы? Может и впрямь, устроиться куда-нибудь, поближе «к труду благородному»? Снова в грузчики что ли? Когда-то, беззаботным студентом, я периодически вкалывал за папульку на традиционном «погруз-разгрузе», если он самозабвенно батрачил на своём дачном участке. Работка была ещё та! Когда после ночных пяти вагонов с текстилём (не знаете, что это такое? Ну и слава Богу!) под утро приходит ещё один «на закуску» с коврами, то хочется просто тихонько спрятаться где-нибудь под пыльными мешками и не дышать – а вдруг не вспомнят про «этого тощего». Тогда я первый раз и испробовал знаменитый «чифирь» – пачка дешёвого чая на жестяную «зэканскую» кружку. Гадость, конечно, отменная, но бодрит, что ваш «кокос», и никакие ковры уже не страшны совершенно – бери, дохóта больше, кидай, салага, дальше!

Как-то в паузе между бравой погрузкой и не менее лихой разгрузкой мои отчаянные сослуживцы нашли пузырь чего-то, совершенно без опознавательных знаков. Такое ощущение, что это был какой-то денатурат трёхсотлетней выдержки. Долго гадали, напиток для людей там или смертельное средство для травли насекомых и к консенсусу так и не пришли, но… Выпили! К счастью, там оказалось какое-то вполне «злоупотребимое» пойло, а может быть, кстати, и нет, просто взалкать хотелось так, что семижильный орга-

низм грузчика в очередной раз не подвёл. Предлагали всем разночинским обществом глоток-другой и одному скромному маленькому инженеру: «Ты чё, выпей, домой к жене придёшь, хоть мужиком от тебя пахнуть будет!». Но он стоически отказался. Много позже я с огорчением узнал, что, как ни странно, именно он-то потом и спился совершенно…

Трудились на этом мужественном поприще представители всех профессий и сословий – могучие пенсионеры, субтильные инженеры, просто бичи, без роду и племени и даже я. Верою и правдой служил там очень крепкого сложения здоровенный старикан поведения не совсем нормального. Был он обладателем совершенно невероятных ботинок с мощными прорезиненными, что ли, носами. Периодически он, явно бравируя, поднимал чудовищных размеров молот и с устрашающей силой ударял им себя по великанскому носку и… Ни ботинку, ни дядьке в нём ничего не было! Затем же он неизменно и картинно заявлял: «Адидас Торшин!», имитируя знаменитую в 90-е глупую рекламу.

Заикнулся про «Адидас» и снова «навеяло» – у нас в «школе дураков» у одного малоприятного хулигана, впрочем, как и у всех мальчиков города, была монструозная вязанная шапка-петушок. На этих символах советской эпохи, как правило, было канонически вышито это самое заветное «Adidas». Но это только, если дикая шапка изготовлялась «по фирмé» – кооператорами, бывшими тогда совершенно вне закона.

Но! Существовали же ещё наши замечательные бабули! Они-то, конечно, были намного слабее «профессионалов в английском» и выписывали на головных уборах любимых внучков что-то совершенно невообразимое. Мы долго соображали тайком, что же было на шапке этого злобного бугая, пока он, почему-то с гордостью не объявил нам фирму-изготовителя: «Збипс!». Можете себе представить: «Zbips», вот умора!

Ладно, пожалуй, в грузчики уж поздновато, да и таких чудо-ботинок я пока не нажил. Дык, граждане-дорогие, я ж оскоромился в младые годы службою в Сбербанке, может туда закинуть моё потрёпанное резюме? Едва ли примут – слишком уж я стал «по рокенрольному» инициативный для такого «тонкого жанру»…

Зато неверная память проделала очередной отчаянный кульбит, и я воссоздал в ней одного очень хорошего дядьку Сергея Иосифовича Шерера, что недолго составлял мне весёлую компанию в этом скучнейшем и тоскливейшем заведении. Человек большого остроумия, жизненной силы и брызжущего оптимизма, он за свою интересную на события жизнь сменил массу разнообразнейших специальностей.

Бывал Сергей Иосифович и в ревизорах. Причём, ревизором он был бесстрастным и бескомпромиссным. Как-то раз он педантично «мурыжил» приёмку строительства аж три дня, не принимая взяток, не поддаваясь посулам и не страшась угроз. На день четвёртый его завели под белы ручень-

ки в потаённую комнатку, где стол ломился такими не советскими яствами и напитками и явно угадывались такие уж запланированные «прочие» удовольствия, включая «излишества всякие нехорошие», что не сломался бы только безумец. Но парадоксальный же Сергей Иосифович разворачивается и уходит! Раздаётся оскорблённый и раздосадованный общий крик: «Сука!!!». Его, разумеется, собираются убивать, и он каким-то просто расчудесным чудом чуть уносит ноги. Благородно? Благородно!

А вот вам ещё потешный анекдот от Сергея Иосифовича, что сохранился в моей бездонной сумасшедшей копилке: в студенческие годы направили его, «не по годам одарённого» уже тогда в некую «научную командировку». И вот, в крошечной сиротской гостинице соседом по комнатке к нему определяют одного странного юношу с чересчур мягкими манерами. Ну, люди все разные, бывают и такие, не всем же плевать на пол и громко материться. Однако по наступлении ночного времени суток, «мягкий» паренёк начал проявлять необъяснимую активность в общении и закончил свои подозрительные манёвры банальными объятиями под одеялом мирно дремлющего невинного командировочного. Тут молодому и неопытному Сергею Иосифовичу пришлось распрощаться на время с врождённым пацифизмом и отстоять свою честь нехитрым манером – двинуть по башке «геюшку-соседа» увесистым будильником, что к счастью, был на тумбочке у изголовья. Пикантный инцидент был замят

моментально и грязный сластолюбец улетучился со скоростью вращения планеты Земля.

Какую же несусветную чушь я пересказываю вам здесь вместо того, чтобы мучительно придумывать фантастический способ существования, при котором всё будет сказочно просто. Ну, к примеру, издам я этот дикий роман, ведь он же немедленно станет бестселлером, и я превращусь в толстопузого миллиардера. А что, вот это мне, пожалуй, и подходит! Так-так, годится-годится!

Тут я как-то неожиданно почувствовал, что путеводитель по моей славной трудовой занятости не в меру затянулся, и энергично решил разделить повествование на две равноправные главы.

А посему заканчиваю первую часть театрального представления «Научите меня хоть что-нибудь делать!» словами безвольного короля из детской пропавшей пластинки про «Царевну Несмеяну», которую всё никак не нарою: «А теперь, сделайте одолжение, переверните пластиночку, а там продолжение…».

P.S. Прошу позволить мне этот совершенно невероятный постскриптум: в этот самый нервный момент правки именно этой главы (!!!) я обнаружил-таки настоящее название потерянной пластинки – она звалась по правде «По щучьему велению», и я сугубо «молодёжно и современно» выкачал её с воровского торрента за две минуты! Простите, любимые авторы, за то, что мне не стыдно… И за то, что я счастлив

теперь уже совершенно… Минуты на полторы.

Научите меня хоть что-нибудь делать-2

«Перевернули? Спасибо!» – так начиналась вторая сторона этой самой потерянной пластиночки из безмятежности детства. На меня, маленького впечатлительного мальчика, факт личного с тобой общения сказочного персонажа из винилового диска производил эффект поразительного чуда, какой-то просто таинственной магии, что разливалась по скучной прежде комнате.

Однако возвратимся всё же к моим «трудовым будням и свершениям». Я когда-то читал, что даже Библия, как авторитетно доказано дотошными историками и филологами, есть не что иное, как не слишком логичная компиляция текстов разных временных пластов, не всегда даже тщательно подогнанных. Ну а уж мне-то, игрушечному ненастоящему писателю, думаю, позволительно сшить белыми нитками разноцветные лоскуты воспоминаний, фантазий и разных вольнодумий.

Итак, ещё одна моя фальшивая работка – мне позарез необходимо было «перетоптаться» один голодный месяц, и я с содроганием поступил на службу продавцом сайтов в конторку, назовем которую, скажем, В-52. Предполагался там крошечный формальный окладик, на который я плотоядно и

нацелился. А вот трудиться в стиле компании «Гербалайф» заставить себя я не мог просто физически. Кстати, сектантские крики, гимны и аплодисменты безумцев из «Гербалайфа» раздавались за стеной каждое утро и вечер, когда эти помешанные подводили итоги и громко славили отличившихся. Но наша «сайтовая» шарашка, несмотря на каждодневные подтрунивания над «убогими соседями» за стеной не отличалась от «сектантов» почти ничем.

С истовыми, идиотически-деловитыми интонациями в голосе я должен был по сотне раз на дню названивать по совершенно незнакомым номерам уважаемых фирм, некрасиво отвлекая занятых людей, глупо вещая следующее: «Добрый день. Вас беспокоит компания В-52. Мы хотели бы предложить вам сотрудничество…». Сотрудничество! Вы поняли? Сотрудничество они хотели бы предложить! А страстно хотели они лишь одного. Впарить богатеньким простофилям… воздух! А воздух этот – просто-напросто обыкновенный сайтик, который сейчас левой, отнюдь не толчковой ногой сооружает за пару часов любой ловкий студент-программист.

Чтобы хоть как-то описать потрясающий воображение контингент сотрудников (программистов-дизайнеров я не трогаю – люди достойные), приведу пару наглядных примеров. Юноша без лица в ежедневной белой рубашке, выслушав мою, как мне казалось, шутку про любимую фразу, так скажем, простоватых милиционеров или охранников, надол-

го задумался. Знаменитая фраза эта «прошу понять» обязательно произносится преувеличенно низким мужественным тоном, и наряду с обращением «уважаемый», является спасительным мостиком между нами – пешеходами, автомобилистами, покупателями, посетителями и ними – теми, кто нас строит, поправляет, поучает и наказывает. Словом, любое замечание административного толка должно заканчиваться этим многозначительным «прошу понять». Мой странный коллега по «сайто-продажам» в задумчивости пожевал губами и уважительно изрёк: «Хм, хорошее выражение, надо записать, потом буду использовать в беседах». Он аккуратно достал внушительный ежедневник и старательно и на полнейшем серьёзе зафиксировал эту «мудрость». Я не смеялся. Было жутковато.

Вторым «партнером по бизнесу» была остролицая девушка, которая цельный месяц изводила меня какими-то «хаббардистскими» нравоучениями про то, что «нужно не просто продавать, нужно получать УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ ПРОДАЖ!!!». Как мог, я не вступал с ней в интереснейшие дискуссии на эту тему, но пару раз доложил-таки свою альтернативную точку зрения по данному вопросу. В глазах фанатичной барышни выступили слёзы.

Как-то раз ухватистый босс этой нездоровой конторы произнёс нечто вроде пламенной речи, дабы сплотить ряды и выше поднять знамя охвата народонаселения города сайтами. В числе прочего в припадке красноречия была неосто-

рожно высказана святая правда: «Для меня главное и единственное только одно – ПРОДАЖИ!». Встревоженная девица, быстро и нервно стрельнув в мою сторону глазками, вскочила и негодующе вскрикнула: «А как же удовольствие от продаж?!». Опытный и хитрый босс, спохватившись, тут же поправился, вспомнив про свои же лицемерные тренинги: «Да-да, Танечка, конечно! И удовольствие от продаж! Это обязательно!».

Бедная девочка, как она хотела доказать мне правоту своего трепетного принципа, а тут чуть было не произошло предательское крушение идеалов… И от кого пришла беда – от «отца родного», кумира и учителя!

Как вы, конечно, догадались, сил на унизительный обзвон, бессмысленные (никто у меня ничегошеньки не покупал) поездки и встречи с недоверчивыми клиентами мне хватило на неделю. Я понял, что просто тихонько сойду с ума от такого чуждого душе времяпровождения. К счастью, к конторе была прикомандирована серая статная «Волга» с шофёром явственно криминального прошлого. Ежели встреча с очередной «жертвой поголовной компьютеризации и интернета» была на краю земли, то можно было воспользоваться корпоративным транспортом, чем я и немедленно начал «воспользываться»…

Отследить, с кем я веду «деловые переговоры» было невозможно, и я начал совершенно официально кататься по всем музыкальным магазинам Нижнего, со вкусом прово-

дя время в познавательных изучениях ассортимента компакт-дисков, гитар и музыкальной литературы. В конце-то концов, должны же быть сайты и у этой благородной отрасли торговли!

Пишу вот сейчас всё это и думаю – прочитают сии откровения кто-нибудь из участников этой мелодрамы, проклянут ведь! Но назад дороги нет – позади Москва, играем в открытую!

Параллельно в памяти бодро пробегают ещё какие-то нелепейшие способы заработать на жизнь, и чувствую, что не избежать нам и третьей, заключительной главы о моих трудовых мытарствах и неразгаданном доселе призвании.

Об этом, стало быть, позже, а пока о родном Campo Centrale. По наколке потомственного барабанщика Стаса Цалера я угодил в этот магаз редкого винила и всяких там японских «Си Ди», да «Ди Ви Ди», рядом с родным, из детства, ГУМ-ом. Это было вполне достойное такого «классического представителя богемы», как я, место. Ну как же – в двух шагах Кремль, лавка для элитного сноба-меломана, внутренности моей комнатки обставлены с упрямой претензией на «стильность». На втором этаже, куда вела почти средневековая крутая лестница, жил под заунывные хаусовые «умца-умца» отдел ди-джейского барахла, что подтверждалось ежедневными набегами «наркотов» всяческого толка – от «скоростных и кокосовых», до малахольных «укурков» (все они, видимо, были ди-джеями),

Кстати, к ним, моим хаусо-трансово-драм'энд'бейсовым соседям часто забегал наверх на второй этаж долговязый глазастый наркоман по кличке Колпак. Каждый раз он пожимал мне руку обеими своими здоровенными клешнями и необыкновенно душевно говорил: «С праздником!». Всякий раз. Даже если захаживал пять-семь разов за световой день. Иногда он таинственно спрашивал что-то вроде: «Там наверху… Много?». Имелось в виду – есть ли начальство, светиться при котором он пока почему-то робел. Если мне нужно было отлучиться, то я затворял на время свой виниловый лабаз, и позже открывал ему, когда он уже нетерпеливо топтался у двери встревоженным конём. Тогда он неизменным заговорщическим тоном вкрадчиво ворковал мне: «Вы чё там, дуете, да? Вы не бойтесь, не закрывайте…». Намекая, видимо, что свой он просто в доску, и не выдаст никого и никогда, а верить можно просто, как родному – двери настежь и «забивай» всем дружным коллективом.

Покупателей у нас не было совсем, что мне, «кипучему лентяю», очень нравилось. Денег, соответственно, тоже не случалось, что несколько удручало. Но денег у меня вообще не было никогда, и я давно научился жить совсем без них. Это очень и очень сложное искусство, почти как просветление в «дзэне», но это уже отдельная, следующая глава…

Искусство жить без денег

Главная заповедь адепта этого способа жития – никогда не нервничать, не паниковать и не расстраиваться от их отсутствия, ибо… деньги всегда будут! Как только ты успокаиваешься, изощрённый на придумку мозг тут же выдаёт тебе весьма лёгкий и приятный выход из ситуации (ну или неприятный).

Во-вторых, когда паника прошла, нужно спокойно и хладнокровно перебрать в памяти друзей, знакомых, родителей-родственников, словом тех, кто теоретически может посочувствовать «богемному» приятелю и отпрыску. Да-да, для того, чтобы деньги безболезненно выдавались, нужно обязательно представлять что-то из себя в этом «аристократическом» смысле, ну или на крайняк, хотя бы казаться таким, но это уже халтура, которую я презираю.

Дело в том, что люди, ну, скажем, большинство из них, живущие так называемой «нормальной» жизнью: учёбка, работка, семья, дети, зарплатка, отпуск, выходные, телевизор, евроремонт, Турция-Италия-Египет, футбол по субботам, шоппинг, пенсия, размен квартир, мебеля́, окна-стеклопакет, любовницы-любовники, разводы, кредиты, свадьбы, сантехника Grohe, Камеди-Клаб, соцсети и прочее, прочее, прочее, прекраснейшим образом осознают, что находятся в каком-то бесконечном адском беге по кругу.

И ты, неприкаянный, для них воплощение всего того, чего они себе никогда позволить не смогут – не думать обо всём этом вышеперечисленном «благолепии жизни»! И тебе, тому, кто сладко спит до обеда, неделями вдумчиво «сиячит», посещает невероятным образом все более или менее значимые концерты и выставки, не работает (в социальном понимании этого слова), не имеет своего жилья, а лишь сочиняет нелепые песенки, они дадут денег, даду-ут.

Потому что – раз! Юродивый на Руси кто? Пророк и святой! Два! Все «нормальные особи» панически боятся оказаться на моём месте, ибо страшно, аж жуть… Три! Я – «живой символ» недоступной для них свободы! Четыре! Я – поэт и музыкант, и мановением руки могу заставить их плакать и смеяться. И самое главное, я здесь, я рядом, свой, можно сказать, семейный придворный шут! В общем, несмотря на презрение, раздражение и зависть – ДАДУТ!

Нельзя, конечно же, сказать, что я вовсе никогда не работал и не работаю и теперь. Но! Если не считать позорного прокола – работы в Сбербанке, куда меня запрятали «заботливые» родители после казуса учёбы в Университете (об этом отдельный саркастический рассказ), то мои специальности – это пристанища классического маргинала: грузчик, охранник, сторож, продавец, курьер и всякое «такое-другое» не менее серьёзное времяпрепровождение. И я горжусь этим, хоть и несколько по-детски, конечно. Как, к примеру, гордится своею доблестью настоящий вор в законе, который

никогда на державу не горбатил, «официяльно» не женился и в армии почетной службы не тянул.

Короче, категорически резюмируя, высшим искусством жить без денег (а никак не плебейским ремеслом) овладевают лишь упорно прошедшие, словно в далёких монастырях Шаолиня, многолетие практики, либо немногие спонтанно и мгновенно просветлённые. Такие, как я.

Научите меня хоть что-нибудь делать-3

Как и кровожадно обещал чуть выше, я домучаю вас третьей, заключительной главой о вашем «работяге-многостаночнике».

Когда-то, в бытность «трудов моих» в пресловутой Репаблике, знавал я страшноглазого Олега – менеджера по «сиди-шкам» и винилу, по совместительству бывшего алкаша, а ныне нервного и параноидального укурка. (Ну чем-то нужно было заменить милый сердцу напиток). Весьма часто он незаметно подбирался ко мне и очень вкрадчиво говаривал: «Мне кажется, что ты очень ленивый…». Разумеется, намекая на моё скорое увольнение.

Я преисполнялся священным негодованием, тем более что я-то доподлинно знал кто так преподло «вломил» меня по этой оскорбительной для «стахановца» теме. Такой же завязавший «торчок» субтильной наружности, сменивший свои ласкающие страсти на какую-то мутную тибето-непальскую псевдорелигию московского разлива и дичайшую страсть к мелкой власти, что давала ему гордая должность «старший продавец». «Да я… Да тут вообще всё на мне!..» – и прочие обиженные выкрики изливались из меня, «главного трудолюба» гламурной магазки.

Ну конечно же, и тогда и теперь я прекрасно осознавал, что я и в самом деле ЛЕНТЯЙ, причём лентяй кубический, параллелограммический или ещё повыше. Я – идеальное воплощение этого термина и несу с гордостью на плечах своих это тяжкое, но почётное бремя.

Но лень ленью, а порой приходилось-таки нюхнуть боевого пороху, к примеру, на славном поприще автора и ведущего моей бездарной радиопрограммы, когда я четыре хлебосольных месяца беспомощно копировал нарочито жлобскую манеру блистательного Николая Фоменко. У меня даже остались записи нескольких, с позволения сказать, «программ», но переслушивать их пока, признаюсь, страшновато.

Была безмерно хороша и должность охранника в крошечном магазине обуви, где странный молодой человек с рокерской косой зачем-то стоял в углу по десять часов в сутки. Жуткая вещь, знаете ли, когда тебе абсолютно нечего делать так много времени – доходило до того, что я изможденно следил за секундной стрелкой на настенных часах, отмеряя в самогипнозе: «Вот ещё минутка прошла… Ещё четыре раза вот так и уже пять испарилось…». Это злодейское преступление против человечества – столь цинично убивать драгоценное время, но таковы жестокие законы «самой нужной профессии на земле».

А ведь и украсть-то тут было ничегошеньки невозможно – немодные ботинки и туфли были выставлены в единственном экземпляре, и даже унылые, незадачливые наркоманы

уходили от нас, не солоно хлебавши.

Как-то раз заглянул в «мой обувной» ну очень уж «правильный пацан», и, завидев охранника такой экзотической наружности, подозрительно и с полупрезрением произнёс: «Это ещё что за БГ?!». Я так и не понял, лестно мне должно было быть или, наоборот, совестно.

«Волосатый» сторож на недостроенных коттеджах также вызывал недоумение местных таджиков – с одной стороны какой-то малоуважаемый «неформал», а с другой, все явные признаки власти: камуфляжная куртка, мобильный телефон размером в рацию, просроченный газовый баллончик, всё было налицо. Видимо, они всё-таки решили склониться ко второй, авторитарной версии и одним тёмным вечером зазвали меня, как «представителя державности», к себе в «кишлак» – грязную комнатушку с зачумленными лежанками и угощением прямо на бетонном полу. Зачем я согласился, не знаю, но, может быть, не хотел обидеть простодушных в своей наивной хитрости восточных людей, ибо после званого ужина с хлебосольными представителями Средней Азии таджики тут же зачастили ко мне позвонить на шару с казённый мобилы, так сказать, «тонко» спровоцировав меня на «алаверды».

Во время знаменательной трапезы щедро подавалось пиво, вкус которого разгадать сразу не удалось, и в результате этой неосторожности я оказался весьма быстро и качественно пьян – пиво оказалось крепким. Тут на секунду ме-

ня пронзила нелепая, но жуткая мысль: «А не завлекли ли они меня сюда коварной хитростью? Сейчас навертят из меня шаурмы, да и попируют на славу… Я уже и в винной пропитке весь, так что блюдо получится пикантным…». Усилием воли я отогнал этот стереотипный сценарий для третьесортного ужастика и стал изучать особенности быта сиих занятных по-своему людей.

Готовил младший – таковы непременные законы Востока. Здесь мне посчастливилось наблюдать таинство высокой кухни далекого Таджикистана: в эмалированное ведро, что торжественно водружалось на электроплитку, кидалось четыре пачки сливочного масла, затем в кипящий ароматами бульон кололись и забрасывались друг за другом два десятка яиц, несколько помидорин и что-то ещё, европейской идентификации не поддающееся. Всё это крошево важно перемешивалось, а параллельно отваривался сырой, грязноватый картофель, разрезанный пополам. Когда картофелины были полностью загружены в видавшую виды кастрюлю, в ней же деловито мылся нож и полоскались руки с невычищаемой грязью под ногтями.

И я потом всё это пробовал. Даже не пробовал, а прямо-таки ел за обе щеки, поскольку подливали мне угодливые таджики беспрестанно и обильно, и неестественный пивной аппетит перевесил естественную брезгливость «белого человека». Вот так было проявлено «уважение», как говорят трафаретные итальянский мафиози из «Клана Сопрано».

Не могу не вспомнить ещё одну мою дикую работёнку непонятно кем. Ну, скажем так, «помощником генерального» в одной конторке, что занималась знаменитыми взаимозачетами конца «девяностых», так остроумно зарисованными в фильме «Олигарх».

До сей поры я душевнейше благодарен моему тогдашнему директору Владимиру Павловичу, сквозь пальцы смотревшему на моё явное раздолбайство. Эх, если бы сбылась его тогдашняя мечта – стать помощником самого Президента! В таком раскладе Палыч, или «Непалыч», как называли его за глаза «верные» подчинённые за опыт сотрудничества с коварными, жадными и не выполняющими обязательств, непальцами, мог продвинуть мою карьеру «рок-шамана» просто феерически. Он любил в минуты распития беззаветно обожаемого им шампанского выдать в барском благодушии: «Игорёк! Скоро заступлю на должность и такое тебе финансирование выпишем, даже сам не поверишь! Помогу тебе, вот увидишь, моё слово верное!». Но как всегда случается с вашим «непокорным слугой», всё очень скоро пошло прахом…

Палыч так крепко зарубился в коварной борьбе за это вожделенное кресло, что отпустил вожжи основного хлебного бизнеса, да ещё какой-то хлыщ из неблагодарных его друзей, бесчестно обошёл его и демонстративно заполучил это сияющее золотом место. Директор мой не смог пережить такого подлого удара и начал попивать, и кроме ещё одного проры-

ва в «президентские опричники» уже не мог грезить более ни о чём. Это превратилось в его болезненную «идею фикс», и мне страшно было наблюдать, как хороший человек неотвратимо теряет чувство реальности. Он жил и дышал теперь только этим триумфальным возвращением в «элиту Кремля». Трезвым с той поры я его уже не видел.

Фирма практически не функционировала, но зарплату мы исправно получали ещё пару месяцев даже после того, как забавным нашим главбухом Вячеславом Васильевичем было смущённо объявлено: «На работу пока приходить не нужно… Как дела наладятся, мы вам позвоним… Обязательно…». Мне было по-настоящему жаль нашего Владимира Павловича. Столько литров шампанского было выпито на «корпоративных» посиделках под байки «босса» о грядущем изобилии! Как же любил я тогда игрывать в лёгком «подшофе» в убогий «восьмибитный» Doom, попивая «Советское» с весёлыми пузырики и хмельно шарахаться от калечных «думовских» монстров.

Мы ведь даже одно время ежедневно «жирно столовались» на его «Ласточке» – личном пароходе Палыча, где повар-виртуоз готовил для нас всяческие разносолы. «Ласточку» тоже пришлось продать… Осталось лишь восторженное воспоминание о бифштексе из сои, который был стократно вкуснее мясного, клянусь!

Я не знаю, что случилось дальше с нашим Палычем, но очень надеюсь и верю, что он не сломался и справился с этой

бедой, и, кто знает, действительно сейчас обретается где-то в обласканной привилегиями президентской свите. Всего самого хорошего вам, дорогой Владимир Павлович и спасибо за доброту и снисходительность к одному странному шизику!

В маленьком штате моего тогдашнего босса состоял совершенно необыкновенный шофёр, верный ординарец шефа и прирожденный балагур Владимир Семёнович Сербин. Только прекрасные шальные воспоминания сохранились у меня об этом необычном и сильном человеке. Он везде побывал, всё умел и обладал таким запасом оптимизма, что, как от атомной батареи я заряжался от него, даже если похмелье было убийственного качества.

Он умудрился с триумфом потрудиться даже в самой «проклятой Америке», как он её всегда трогательно обзывал. Он и поведал мне почти без утайки про все многочисленные хитроумные и не очень способы заработка «полунелегалов».

Самое кошмарное – это, без сомнения, чистка нефтяных танкеров, на это соглашались лишь отчаянные пакистанцы, которые были готовы за зелёные бумажки равнодушно оставить там своё одноразовое здоровье, вдыхая адские пары нефти и чистящих средств.

Ну а вот традиционно ловкие поляки, напротив, были гораздо изобретательней, хотя и исторически авантюрней.

К примеру, одной из «неординарных специальностей»

этих хитрецов было очень виртуозно броситься под колёса дорогущей тачки и вытребовать кругленькую сумму за «жуткие увечья, несовместимые с продолжением профессиональной деятельности». Главное в этом опасном искусстве было нырнуть под тачку так ловко, чтобы отделаться необходимыми для шантажа, но не самыми опасными для здоровья синяками, ушибами, да шишками.

Был ещё один весьма остроумный способ срубить «честную монету» в чужом отечестве – один и без того здоровенный и высоченный по щедрой природе своей поляк напяливал поверх могучего туловища чёрный, необъятных размеров и до пят, плащ. В таком вот демонстративно привлекающем к себе внимание облике он заявлялся в местные супермаркеты и подозрительно и нудно бродил по изобильным рядам, хватая самые дорогие продукты, но всегда благоразумно возвращая их на родные, «намоленные» места.

Естественно, что бдительная охрана, завидя такого гигантского клошара, да ещё в плаще на три размера больше, ни на мгновенье даже не сомневалась, что пресловутый плащ набит до отказа уворованной элитной снедью. А вот на это и был коварный расчёт ловкача-поляка.

После неосторожного предложения распахнуть чёрную зловещую плащ-палатку наш придумщик хладнокровно соглашался, но при одном маленьком условии – в присутствии его личного адвоката, который, разумеется, был в доле.

Доблестная охрана на секунду начала было сомневать-

ся в правомерности «шмона», но всё же не дрогнула, и при незамедлительно прискакавшем «адвокате» обнаруживалось, что под плащом нет ничего, кроме узловатого торса великана из братской Польши.

И кроме того, что и было самым важным – одновременно были нанесены «непоправимые моральные оскорбления» и без того бесправному представителю эмиграции. Выписывалась такая компенсация по суду, что хватало обоим «деятелям аферы» на неплохую тачку и на ностальгическую поездку на родину к заждавшимся семьям, да ещё и на пару увесистых злотых в дорогу.

Лично я был в щенячьем восторге, когда услышал такую блестящую авантюрную повесть.

Впрочем, Владимир Семёнович не принадлежал к числу любителей лёгкой криминальной наживы – он вкалывал «по чесноку» поначалу мойщиком посуды. Работка была адская, и на неё тактично привлекались лишь в основном мексиканцы, отчего мне и немало известно теперь о легендарной их лени.

Трудились они скромными посудомойками, поскольку были охвачены обязательной и облагораживающей трудотерапий с местной биржи труда или, как там она у них зовётся. Уныло и вяло, словно отбывая срок на галерах, «мексы» апатично возили тряпкой по тарелкам лишь только, если над душой грозно стоял вездесущий хозяин заведения. А если же он всё же ненадолго оставлял пост надсмотрщика, то чер-

нявые «латино» сразу же опускались на корточки, прижавшись спиной к стене, и мечтательно сиживали до момента, когда горластый хозяин не подскакивал снова и не начинал активно склонять к труду.

Кстати, этот самый истеричный хозяин почему-то вечно пришмыгивал носом. Выяснилось трагикомическое – одного из изнурённых подёнщиной мексиканцев он до того довёл своими придирками, что тот темпераментно схватил сковородку и вклеил по физии ненавистному «рабовладельцу» так, что с носом приключилась такая вот утомительная канитель. Ну не созданы эти дети солнца для работы, надо же понимать, эх вы, недалекие «гринго»…

Однажды на местной кухне Владимир Семёнович между делом сварил борщ, простой наш советский, наваристый, красный, с золотым жирком, с тающим во рту мясцом и запахом таким, что вся фауна в округе прискакала к заведению и требовала отведать этого ароматного «русского чуда».

А нужно отдельно отметить, что местный американский супец готовился так: в запаянный жутковатый чан заливалась водица из-под крана, забрасывалась картошка, лук, какие-то кусочки живности и так далее. Всё это месиво варилось (без шуток) дня три и на выходе получалась совершенно невообразимая несъедобная чёрная масса, напоминающая мазут и видом, и запахом, и вкусом. Вся эта антигуманная субстанция разливалась по плошкам и выдавалась за фирменный «soup».

После такой волшебной демонстрации «рашен-кулинарии» Сербин Владимир Семёнович моментально был переведён сообразительным хозяином в ранг повара, и жизнь «русского самородка» наладилась настолько, что уже можно было изредка побаловать себя ординарным, но всё-таки «Paul Mason», да и на вожделенный «Жигуль» отложить получалось намного скорее.

С той поры братья-поляки стали одолевать новоявленного «шеф-повара» осторожными просьбами о совете, к примеру: «Владимир, як червону рыбу зробить?». А почему осторожно, да потому нрава Владимир Семёнович был весьма и весьма крутого и мог так отшить любого «интернационалиста», что психологический шок был бы пожизненным. И вот так запанибрата не каждый отважился бы подойти с прошением к нему, матёрому человечищу с сугубо русской душой.

Да, кишка у меня ещё тонка вот так вот запросто выжить в чужой и непонятной земле, так что покуда скромно побуду поэтом, останусь музыкантом и послужу писателем. Хотя бы в своём богатом на выдумку воображении.

Барабанщики, их шоколад и немного джаза…

Только настоящие, «в законе» советские люди, вроде меня, запросто могут обходиться бесконечным цитированием пары десятков до дыр засмотренных наивных шедевров нашего кино. Просто какое-то поколение Эллочек-людоедок, честное слово. Доходит порою до сладкого маразматического бреда, каюсь…

На одной из тысяч «алкогольных» репетиций в руки сроду не видавшего сытой, капиталистической жизни вашего покорного слуги попадает настоящий, напыщенный, словно миллионер на рауте, «телекастер». Это гитарка такая, для тех, кто не в курсе, дорогая, культовая и недосягаемая, как бюст бойкой певицы Сабрины.

Долго и расточительно расходуя драгоценное репетиционное время, я выпиливаю на сияющем волшебством сокровище звуки, которые, видимо, должны были напомнить звучание «божественного» Эрика Клэптона. «Собравшиеся творить нетленное» терпеливо ждут минут пятнадцать, а потом твёрдо требуют оставить ни в чём не повинный благородный инструмент в покое.

Я же неожиданно для себя отвечаю адаптированной одесской получастушкой из «на все времена» кинофильма «Мы

из джаза»: «А я не уберу свой телекастер, а я не уберу свой телекастер, а я не уберу, а я не уберу, а я не уберу свой телекастер!». Там, на экране, правда, исполняется босяцкое «а я не уберу свой чемоданчик», но безумие эталонного советского, к месту и не очень, цитирования, налицо.

Дорогая моя столица, дорогие её игрушки… Как ни крути, а центр Москвы, где я восседаю «царь во дворца» идиотиком Боратом – местечко бойкое, и чего-чего, а недостатка в «живом» материале для своей «книжки-раскраске» я никогда не испытывал. Каждый новый денёк щедро приносит впечатление одно другого забавнее.

Один крайне чудной дядька заглянул ко мне в лавку и неожиданно доверчиво рассказал историю про то, как он, отбывая срок в горячо любимой всеми нами армии, постоянно и жутко хотел есть, и за праздничную жратву и несколько плиток шоколада, которые полагались только элитным лётчикам, как «офицерский доппаёк», согласился подменить захворавшего барабанщика в солдатском оркестре. Хотя (маленькая такая, незначительная ремарка) за ударной установкой никогда в «немузыкальной» своей жизни он не сидел!

Времени хотя бы на одну формальную, «для галочки» репетицию катастрофически не было. «Новобранца» успокаивающе похлопывали по плечу, мол, ничё, «брат-шумовик», одни стандарты-то и лабаем, ты ж мигом на слух сообразишь, «который Эллингтон к какому Стингу».

Чегой-то там затейливо и не без экспрессии, а «голь гуслярская» на выдумку хитра, он еле-еле прогремел и прозвенел. Одним словом, как у нас, «бывалых артистов» говорится, «мимо нот, зато неритмично»…

Все без исключения музыканты боевого оркестра и даже некоторые «продвинутые» зрители были шокированы «новаторским» исполнением измученного голодом солдатика. Но настолько он, сердешный, нахально провернул всю эту комедию, что даже и оскорблённые «лабухи» и буйное начальство его простили… И даже милосердно накормили с шоколадкой на десерт, восхищённые его обаятельным простодушным враньём и солдатской смекалкой!

Я, улыбаясь, смотрел на него и, конечно же, понимал, что этот смешной дядька, несмотря на безжалостные годы, явно его потрепавшие, остался тем же до смеху непосредственным пацаном. И он, этот маленький трогательный мужичок, тоже поглядывал на меня почему-то смущённым и умилительным взглядом.

Как бы и мне научиться вашей всепоглощающей страсти, что играючи переворачивает мир… Чтобы вот так же, за желанную шоколадную плитку «почти из Швейцарии» беспечно сигануть куда угодно, да хоть и в неизведанные ударники, и пусть даже пока это будут лишь «ударники социалистического труда»!

Очерк о трудовом подвиге, или «Маленький босс»

Неторопливо описывая происходящее за окном моего винилового лабаза, я чувствую себя просто каким-то трепетным художником на пленере. А наблюдаю я торжественную картину трудового подъёма и вершин производственного духа. Проще говоря, работяги-экскаваторщики разбивают асфальт и роют вечную свою траншею.

Один из усердствующих «недогегемонов» надсадно и сипло орёт другому: «Подыми ковш!». В ответ же ему слышится дивное: «Ты чё, сука! Х…ли ты орёшь?! Ты чё мне, бл…ть, бригадир?!!». Вот такая славная, несколько простоватая, но оживлённая трудовая беседа.

Представитель гордого племени пролетариата, что принципиально не признавал подобного неуважения к субординации, был настолько вульгарно высокоголос, что мог бы в совковой «восьмидесяшной» хеви-металлической группе запросто рулить на вокале. И вот этот самый адепт вокальной манеры Владимира Бажина истеричным фальцетом (на который, впрочем, уже и внимания никто не обращал – привычное дело) заставлял третьего, совсем уж забитого трудягу чистить стекло экскаватора грязной рукавицей. Что тот и делал, малахольно размазывая грязь по стеклу.

Думаю, что эта очередная дурацкая зарисовка немного не тянет на пламенную передовицу «Правды», но для альтернативного матерного, эдакого диссидентского номера «Крокодила», полагаю, сгодится!

И ещё… Позволю себе крохотный и малодушный постскриптум, напомнив для начала, что всё это дурное шапито происходит на фоне символа «всевластья» – гордого Кремля. И вот я в философском полузабытьи заворожённо смотрю сквозь витрину своей игрушечной лавки на «драму власти и народа» и тоже страстно желаю выпить прямо сейчас, в середине дня, как эти свободные, как пташки Божьи, «отчаянные трудяги»…

Queen – хорошо, Lady Gaga – плохо

Что-то вновь я «ощутил потребность творить» в совсем уж малой форме, ну так, «слегка» и «понемногу», как пушкинский Онегин.

А посему, любезные, встречаем! Ещё одна миниатюра вашему, надеюсь, чрезвычайно благосклонному вниманию! И предупреждаю заранее, что потом, быть может, появится из космической пустоты ещё одна крохотная игривая главка, если неизвестный мой читатель не слишком уж активно против!

Итак, снова в родимый мой «виниловый» (куда ж ещё-то) забрели позитивный такой папашка лет сорока пяти с семилетним, навскидку, шустрым сынишкой. Папаша ласковым взором осматривает местную ностальгическую музыку и с мягким умилением и даже тайною слезой испрашивает то Nazareth, то Slade, в общем, однозначно и очевидно, что милейший человек этот наш, безусловно «старпёрский».

Бойкий и очень обаятельный мальчишка обнаруживает знакомые названия и обложки и радостно выкрикивает: «Папа, смотри – T. Rex, папа, а это твоя любимая группа – Queen!!!». Обоим невероятно приятно: отцу, что сынок знает музыку его рокерской юности, а сыну, что он угодил отцу, да и вообще, похоже, что милое дитя небезразлично к немодному теперь «хайратому рокешнику». Я, соответственно, то-

же крайне умиляюсь от увиденного. Здесь, почти как у Чехова – «все трое были приятно ошеломлены».

Но тут продвинутый в мохнатых дебрях «семидесятых» пацан неожиданно орёт от накатившего счастья: «Папа, папа, гляди – Lady Gaga!». Улыбка медленно сползает с лица растроганного папки, и он смущённым и извиняющимся голосом бормочет, стараясь не смотреть мне в глаза: «Что ты, что ты! Даже имени такого тут не произноси! Даже слов таких вслух не говори!».

Но мираж священной связи поколений не исчезает, а наоборот, усиливается – как всё-таки повезло им говорить на одном языке, чёрт возьми! Т-с-с… А вот о чёрте не будем…

Или всё-таки поговорим?..

Один мой хороший знакомый, узнав, что мною «ваяется» ни много ни мало, а «цельный романчик», вначале уважительно-снисходительно похвалил меня, а затем дал странный совет: «Напиши-ка лучше роман о дьяволе, а то кому нужны твои лохматые мемуары!». Я призадумался – тема, прямо скажем, была опасная…

Многие самонадеянные и, кстати, весьма прославленные писатели, да и ветреные поэты с легкомысленными музыкантами сильно поплатились за заигрывание с этой тёмной сферой творчества. Но с другой стороны, дерзко написать об этом «запретно-чернокнижном» было бы интересно до жути, а уж о перспективной спекуляции на читательском интересе к такой провокационной стороне бытия и вовсе нечего говорить. Да-а-а, я мог бы продаться миллионным тиражом…

Тем более, что все эти искушения с наваждениями, сами знаете кого, изрядно испытаны мною на собственной потрёпанной шкурке, и устоять пред ними я весьма часто был не в силах… Только обойдёмся без красочных примеров, ладно?

Ну так что, сомнительные мемуарчики или такая перспективная «рогато-копытная» конъюнктура? В общем, признаюсь, я зассал. Ну не каждому же, в конце концов, в Джимы-то Моррисоны, кто-то же должен и Полом Маккартни век отслужить, ё-моё!

«Шизгара» на русском

Ещё одну «маленькую» и шабаш! И буду снова заниматься крупными полотнами, что-то вдруг вновь потянуло…

Который день кручу для привлечения доверчивых покупателей в опостылевшую мою музыкальную лавку незаменимую «Шизгару». Чем я занимаюсь тут, родные мои? Наверное, это один из бесконечных путей дзэна к просветлению, как знать…

На вечнозёленые звуки в магазинчик, разбивая вдребезги моё хрупкое «сатори», неожиданно влетает азиатского облика тётка в оранжевом дорожно-строительном комбинезоне. Маленькая, толстенькая, зубы через один золотые, лопочет с восточным акцентом, и вообще, еле подбирает, безбожно перевирая, русские слова: «Этот пэсня прадаётся, а? На танцах мы в молодость бегаль танцвать! А? Скока? Васьмсот? А по-русски есть, как в молодость быль? Тока английский? Ашто первели уже на английский?».

Я терпеливо втолковываю среднеазиатской меломанке, что, мол, только и была одна единственная на английском, «и не биль никакой на русский». «Ну не знай, может не обращаль вниманий в молодость» – такой ошеломляющий ответ заставит засомневаться в правоте любого.

Вот и думай-гадай, а может, и вправду была в советские «семидесятые» такая раритетная версия на русском, и ни-

какой другой редакции отдельные далёкие граждане нашей многонациональной семьи и не знавали?

Братцы, если кто слышал эту таинственную экзотику, просветите, клянусь, что в долгу не останусь, проставлюсь и даже щедро поведаю тоже что-нибудь из тайных личных своих закромов!

Психи, пожалейте!

Беспардонно разрушив мою тонкую связь с Высшими мирами, ко мне в осточертевший уже читателю виниловый ларёк рядом с вечно праздничным ГУМом заявился один странный мужичок 56-ти годов, в чём он сам зачем-то немедленно и признался.

На первый черновой взгляд был он вроде бы вполне себе безобидным, но каким-то уж слишком утомительно бодрым и чересчур жизнерадостным. Изнурительно блаженный тип, из тех, кто до мутной старости что-то вечно ищут в себе, начинают учиться играть на музыкальных инструментах, декламировать стихи, танцевать джигу, и это я ещё милосердно перечислил самые безвредные из их закидонов. И при всяком удобном, а чаще неудобном случае подобные энтузиасты духа с наслаждением и взахлёб демонстрируют свои нелепые, не по возрасту и способностям увлечения, смущая и раздражая коллег по нехитрой работе – электромонтёров, сторожей, охранников и водопроводчиков.

Первый раз это было даже забавным, но во второй визит он бурно разговаривал без перерыва в течение часа, причём на «очень различные темы» и вытащил из меня абсолютно все жизненные силы. При всей моей «гениальной способности» найти общий язык с любой субстанцией во Вселенной, я впервые за очень долгое время твердил про себя: «Мужик,

пи…дуй отсюда немедленно, я сейчас просто сдохну от твоего бреда!!!».

«Темы» безумно и неожиданно меняли друг друга. Я периодически отключался от потока сознания этого шизофреника и внезапно очнулся на главе про какого-то, мать его, Серёжу Шаталина.

Но первая его история про воровство шашлыка у офицеров противоракетных войск, признаюсь, была более чем вполне! Ну, про армейское голодное братство рассказано немало, я тут, может, и не главный эксперт, но истовое желание потребить продукт, коим развлекалось гедонистическое наше офицерство, было у моего утомительного рассказчика степени просто запредельной.

Как же страстно он вещал, даже и теперь судорожно сглатывая слюну, про то, как они, бедолажки-солдатики, навеки закалённые перловкой, чёрным хлебом и прочими «французскими» излишествами, увидели этот издевательский офицерский пикничок…

Чего там только не наблюдалось – и копчёная колбаска, порезанная иезуитскими тонкими кружочками, и чарующее запахами дома, украинское сало, балтийские шпроты в заботливо открытой коробочке, армянский коньяк, почему-то в канистре для бензина и… Вершиной пиршества, венчающей эту невыносимую пытку, был шашлык!!! Дымящееся ароматное свежее мясо было чередовано, как и полагается, запёкшимися помидорками и золотым лучком, и боже-

ственный шашлычок у озверевших от пищевого однообразия бойцов младшего рядового состава вызывал состояние где-то между «самадхи» и обмороком.

Неизвестно, что произошло бы, если б наши рычащие от голодухи бойцы воочию увидели обряд поедания всего вот этого волшебства, но… Офицерики, приготовив сей роскошный стол на благоухающей природе, в полном составе, словно по команде, удалились! И бедовые «рядовые» поняли всё – далее по утвержденному начальством плану идёт приглашение дамской части этого пиршества и сей вакханалии и, будьте уверены, воспоследующая жаркая оргия.

Полянка осталась пустовать…

Словно орды кровожадных варваров, молодые люди в потёртых гимнастёрках и странных неудобных сапогах напали на ни в чём не повинные замечательные продукты. Судорожно отхлёбывался коньяк, разливаясь по сероватым подворотничкам, трясущиеся руки запускались в банки и тарелки, и достижимая лишь в эротических снах пища стремительно исчезала в крепких пастях бравых солдат.

Через несколько секунд стало ясно – всего за раз не сожрать! В пластиковые стаканы скорёхонько сваливался заветный шашлык с шампуров, в пакеты нервно запихивалось всё, что было на огромной клеёнке, галантно прижатой валунами к земле.

Далее был безумный по скорости побег с места мародёрского расхищения, и через пару километров, в соседнем про-

хладном леске все доблестные трофеи были тщательно прикопаны – ведь нужно было переждать бурю офицерской мести, бешеных поисков, самосуда и линчеваний.

И только тогда, через пару изнурительных дней ожидания из прохладных недр Земли-Матушки извлеклись бы эти разлюбезные сердцу килограммы и литры, и экстатическое поедание завладело бы полностью этими отважными чревоугодниками. Так оно счастливо и случилось – пяток оплеух, гауптвахт и проклятий не сломили твёрдого духа заговорщиков, и на третий, благостный день свершилось оно, Галактическое Обжиралово!

В общем, так: «безвредный мужик», за душевную историю я, конечно, прощаю твои бесконечные мантры идиота, но больше я тебя, не серчай, не вынесу всё равно. Я забаррикадирую дверь, вылечу через трубу или позову милицию! Психи, имейте совесть, пожалейте!

Повелитель звуков

Добрый сосед и славный корефан с моей «ненастоящей музыкальной» работки, бывалый трубадур Андрюха травит иногда такие нелепые, но славные байки, что они, бойко перебивая друг друга, так и просятся на страницы моего былинного эпоса. Правда, иногда они носят несколько «бытовушный» характер, но при этом, если вдуматься, все они какие-то довольно «вывернутые». По-модернистски. Как говорится.

Но вот эта «авангардная повесть», без сомнения, просто роскошная! Дело по обыкновению состояло в том, что вчера наш в высшей степени постоянный в пристрастиях Андрюха снова вдумчиво выпивал. На этот раз с неким приятелем-звукоинженером в сверхурочное, так сказать, время – после закрытия магазина, там же, среди сияющих благополучием контроллеров и акустических систем.

Инженерный же приятель удачно оказался «большим знатоком саунда» и, долго хлопая себя руками по ляжкам, в голос восторгался неземным звуком, льющимся из ординарнейших колонок «Panasonic»: «Ну это вообще ох…еть, я никогда такого звука не слышал, никогда! Слышишь, слышишь, какая детализация?!!». «Звучок», надо отметить, был жутко плоский, и совершенно без мясистой «середины».

Первая же «чекушка» развязала язык и деликатному Ан-

дрюхе, который прекрасно знал цену этому копеечному «хай-теку»: «Да ты чё, чувак, не слышишь что ли, колонки-то так себе, и это я ещё мягко выражаюсь… Вот, заслушай, как всё расцветёт…». С этими откровенными словами, он залихватски «подрубает» реальные продвинутые «гробы с музыкой» и «авторитетный звукопёр» замирает в остолбенении: «Это ты чего сейчас сделал? Чего сделал-то, а? Это ты «сидюк» поменял, и такая разница только-то из-за «сидюка», что ли?». «Да нет, друг, это я настоящую, приличную акустику пришпандорил».

И снова «звукоре́жские» огромные лапы лупят по многострадальным ляжкам, и начинаются новые причитания: «Ну это вообще, я не знаю что! Такой звукан, такой звукан! Слышишь, слышишь? Как будто музыканты прямо перед тобой, слышишь, да?!!».

Для сравнения вновь тестируется опозоренный «Panasonic», и сразу же идёт в бой миллионерский «хай энд». «Инженер по звуку» просто уже дурниной голосит: «Даже не ставь мне этот сраный «Panasonic»! Ничего и знать больше об этом японском говне не желаю!».

Закономерно появляется новая «чекушечка», и с каждой поглощаемой рюмкой впечатлительный «звуковик» становится в экспериментировании ещё более изощренней. Он начинает со знанием дела и значительностью на челе слегка поворачивать колонки друг против друга, и немедленно появляются следующие глубоко профессиональные коммен-

тарии: «Вот так нужно их располагать, понимаешь, самый «саунд» тогда идёт, самый «саунд»!

В размякшие тела грамотно вливаются ещё по рюмочке, и дорогущие колонки поворачиваются лицом к лицу всё более радикально: «Чувствуешь, чувствуешь! Какой звук пошёл, а? Вот смотри, вот тут барабаны и голос в центре, а бас и дудки по бокам, детализация какая? А какая локализация?».

Неизбежность следующей рюмашки, думаю, ясна и ребёнку. После этого неутомимый в изысках «саундпродюсирования» «звукач» поворачивает бедные колоночки практически «губы в губы, глаза в глаза», и в его экстатическом закатывании глаз и блаженном выражении на лице читается: «Вот оно, идеал достигнут, это и есть воплощение гармонии… А где бы всё это таинство было, если б не трепетные пальцы «Мастера», что произвели магические, тончайшие изменения, и грубая техника была одухотворена Гением, Прометеем и Повелителем такой зыбкой материи, как звук!».

Бытовуха 1

Сегодня снова неуёмный в «человековедении» Андрюха пугал очередной своей «бытовушкой», но я почему-то всё прилежно зафиксировал. Ну так что, рассказать что ли…

В очень типично-показательной общаге одна чрезвычайно простая тетёха проживала с не менее «малоклеточным» чуваком и… двумя его соседями. Такая вот милая Швеция по-российски. Она их нежно обстирывала, сытно готовила и простодушно считала основного корешка своим мужем. Он так не считал… И подло привёл как-то левую девку, из «легкомысленных», заночевать.

Ночью весь «цвет дворянства» привычно нажрался, и с похмельного утреца «полузаконная жена», оставшаяся на этот раз ночевать у подруги, по обыкновению заботливо принесла благоухающий борщ в гигантской кастрюле. Но дверь была подозрительно заперта…

В истеричных «непонятках» она бешено колотила в фанерные врата, и кто-то из мающейся «аристократии» сдуру и с бодунища впустил её. Ошарашенная «благоверная» кинулась в крик, задаваясь неоригинальным женским вопросом, мол, кто эта сучка? А наш же почти «муженёк» с законного перепою возьми да и брякни не менее «свежее», дескать, «да это ж сестрица моя родименькая в гости с Украины приехала».

«Супружница» профессиональным отточенным жестом инквизитора сдергивает простыню со встревоженной гостьи и вполне резонно голосит: «А почему это твоя сестра с Украины… без трусов?!!». «Хохляцкая сестричка», как на грех, тоже оказалась девахою бойкой и решила контратаковать – а ты сама-то, мол, курва, кто такая есть? В ответ ненаглядной ближайшей родственнице несётся гневное: «Да это вообще-то мужик мой, муж, даже можно сказать!».

Суп ожидаемо падает на пол и, безусловно, начинается драка. Мужички-сожители с угару вообще не понимают абсолютно ничего и только похмельно икают, выпучив мутные от мыслительного напряжения глаза.

Кончилась же вся шекспировская драма тем, что обе обманутые тётки, обожжённые напрочь так и не опробованным борщом, солидарно ушли, оставив этих неверных и неблагодарных животных.

Зачем вот я доложил всю эту чушь? Совсем же не наша тема… Ни фига не «рокенрол»… Не знаю, прилипла «лавстори», мать её, пусть уж живёт!

Бытовуха 2

Опять неиссякаемый Андрюха и снова цирковая «лавстори» в стиле «Питер Брейгель Старший».

Итак, буду краток, но ёмок, как протокол следователя. Один вполне домашний себе мужичок мирно выгуливал такую же заласканную комнатную собачонку по парку, и на дивной поляне на пенёчке увидел милую плачущую двадцатилетнюю девушку с недопитой бутылкой портвейна.

Как гуманист и вообще потенциальный защитник униженных и оскорблённых, он участливо испросил её на предмет, «чего, мол, плачешь, красотка?». Девчушка, глотая горькие слёзы, поведала ему на ушко, что только что рассталась навсегда с «любимым до гроба парнем», да ещё каким – красавчиком и сердцеедом.

Ясное дело, что сообразительный дядёк, хоть и явная тихоня, и вообще, зашуганная личность, с энтузиазмом принялся успокаивать «брошенку» стандартным и пошлейшим манером: «Ты ж такая молодая, да растакая красивая, найдёшь себе другого, ещё краше, милей и богаче! Да и вообще, дело ж такое, житейское, всё ведь бывает…».

То да сё, покурили. Допили. Мужичишка галантным манером сбегал ещё за пузырём водки. Дело, разумеется, както само собой пошло на сближение. Он расстелил куртку в густых, так и зовущих к страсти кустах, и с избитыми слова-

ми, мол, «это лучший способ забыть всё», начал активно её «утешать».

Откуда же ему было знать про один сущий пустячок, известный, видимо, лишь одному лукавому Эросу. В недостойной, но увлекательной суете у нашего дядьки совсем вылетело из кругом идущей головы, что где-то рядом «на районе» рыщет навеки любимая жена…

Его ничегошеньки не подозревающая жёнушка, томно дефилируя неподалёку, заметила, что одинокая их собачка гуляет свершено одна и без присмотра. Волнение за судьбу родимого мужа овладело заботливой женщиной, и она в великой тревоге крикнула прямо в мохнатое ухо скотинки: «Где же хозяин, веди же скорее к нему!».

Собаченция же простодушно и без малейшего злого умысла привела охваченную заботой супругу прямо к преступным кустам. Законная жена, завидев сей дивный эротический этюд, понятное дело, издает дикий вопль. Дяденька-эротоман в не меньшем культурном шоке – откуда в парке жена?!!

«Безутешная» же наша «молодуха» от крика воплощённой ревности испугалась до полусмерти, схватила куртку, остальные пикантные шмотки помельче, включая завлекательные кружева, и голышом кинулась бежать прочь от позора и побоев.

Здесь нужно сделать небольшую, но принципиальную ремарку – до этого необыкновенного происшествия жена неза-

дачливого «утешителя» устроила ему недельный мораторий по части женской ласки, и это у них в дружной семье практиковалось довольно активно.

И тут хитрый наш дядька, наш замечательный умница, в святом пафосе и слезою в очах патетически заявляет жене: «Вот! Ты мне неделю не давала, что же я взрослый мужчина должен в душе сам с собой? Ведь это же ты и виновата во всём! Только ты! И во всём!».

Вновь получился какой-то неумный трамвайный анекдот… И снова жестокий вопрос: «Нафига я развёл тут такое недостойное безобразие?..». Пока что царским жестокосердным цензором решаю, войдет сия порнография в книжку или же нет…

Речные люди и лапта

В 9–40, а стало быть, для меня весьма ранним утром я был разбужен не знающим жалости будильником, но на сей раз расколотить крикливый мобильник мне не хотелось, а, напротив, слова благодарности сами срывались с губ в адрес моего маленького пластмассового дружка.

Драматическая ситуация была таковой, что мой верный телефончик, бывший при мне много лет чем-то вроде верной домашней зверушки, на сей раз просто спас меня! Спас от кошмара, что привиделся мне под привычно-похмельное утро… Да, не хотел бы я узреть, чем закончится этот бесовской морок!

Одним словом, снился мне призрачный сон, будто еду я в странном поезде туманной ночью, полулёжа на верхней полке последнего вагона. Место моё самое крайнее и дверь, что завершает вагон с торца, то ли распахнута настежь, то ли нет её вовсе. И вот тихонько лежу я и наблюдаю через неё удивительный и загадочный пейзаж, что убегает от меня – зыбкие пролески с корявыми лапами «дубов-колдунов», тёмные кусты, похожие на сказочных злобных карликов, и чувствую, что состав незаметно полегоньку замедляет свой ход, и, в конце концов, останавливается совсем.

Ночная тишина завораживает, а свежесть необыкновенного сказочного воздуха настраивает просто на какой-то вос-

торженный мистицизм. Вглядевшись в призрачный туман, понимаю, что остановились мы почему-то прямо у небольшой реки. А она же, ирреальная речка, тоже покрыта туманом, словно некою сладкою ватой и…

В воде кто-то есть… Испугавшись не на шутку, щурю глаза в надежде разглядеть неведомое и начинаю различать эфемерные фигуры непонятных людей. Явно вижу худощавого паренька в бородке и длинных патлах, забранных в «косу». С ним ещё два приятеля, но их видно совсем уж нечётко. Все они по пояс в тёмной воде с голыми торсами, но почему-то в «хипповской» джинсе́.

«Волосатик» по цирковому ловко подбрасывает высоко вверх два игральных «чижика» от лапты, потом ещё два, взявшихся ниоткуда, и виртуозно жонглирует ими над головой. Иногда он допускает ошибку и деревянный «чижик» плюхается в реку, и раздается хоть какой-то объяснимый звук в этом пугающем полном безмолвии. Патлатый парнишка чертыхается и упрямо повторяет трюк ещё и ещё, пока всё не проходит чисто, без сучка и задоринки.

Мой страх ненадолго уползает в какую-то свою тайную нору, где живёт с той поры, как я себя помню. И, несмотря на то, что в вагоне или все крепко спят, или нет здесь никого вовсе, кроме зашуганного меня, я сквозь тревогу проникаюсь талантом ночного жонглера и уважительно показываю ему большой палец.

Он как-то не сразу видит мою восторженную реакцию,

и лишь через несколько мгновений поднимает голову и довольно странно смотрит на меня снизу вверх грустными глазами. Смотрит довольно долго, будто раздумывая, принимать мой робкий комплимент или не обратить внимания на случайного чужака с поезда. Потом всё-таки чуть заметно кланяется мне головой в благодарность за признание необычного дара.

От моей поездной лежанки со второго яруса до самой открытой двери почему-то свалена куча вещей различного назначения, словно весь бесконечный скарб мой со мной, и я куда-то отчаянно переезжаю, причём очень давно. Среди «накопленного» приютилась и маленькая гитарка, которая моментально заинтересовала загадочного «местного», и он, ловко цапнув её, издал тут же несколько печальных звуков в магическом миноре.

Я растерялся – заплатить за это сомнительное знакомство любимой гитарой в планы мои как-то не входило, поэтому я произнёс как можно более деликатным тоном: «Только ненадолго, ничего?».

Парень снова взглянул на меня задумчиво и, поразмыслив, положил гитару на место. Это успокаивало, так как наш поезд уже тронулся и начал медленно отходить от этого в высшей степени «неразъяснённого» местечка, и я ненадолго мысленно уже простился с инструментом.

Гитару он закинул уже на ходу, и я уж было приготовился лениво обдумать эту совершенно неясную встречу, как па-

ренёк из реки молниеносно, как уличная кошка, запрыгнул в мой вагон! Моментально то же самое сделали два его смутных спутника.

Они, кстати, были явно не очень в себе – первый, что постарше, почти уже дяденька, медленно раскачивался из стороны в сторону и осматривал внутренности поезда с совершенным недоумением и непониманием того, зачем он вообще тут. А второй же из свиты «речного» был уж вовсе нелеп – судорожно размахивал над головой руками, как будто жутко хотел о чём-то предупредить, возможно, о какой-то опасности, или показать энергическими своими жестами, что, мол, сюда нельзя, категорически нельзя!

Теперь я уже мог рассмотреть их неясные лица, и к их какой-то трагической одухотворенности началось примешиваться что-то, что пока мне разгадать не удавалось. И тут наконец-то мне открылось ВСЁ – на их лицах с тонкой, словно папиросная бумага, бледной кожей были следы разложения… Это были мертвецы!!!

Сейчас мне уже, пожалуй, даже интересно, что произошло бы через секунду – разорвали бы в клочья и сожрали меня ужасные нежити или наоборот, смиренно поведали мне свои трогательные, но печальные истории. Но тогда родной мой звоночек, пропиликавший так кстати, спас меня от панического ужаса, что обуял мною в самый жуткий момент дикого сна!

Всё, сей дурной сон мужественно зафиксирован мною.

Это было непросто, поскольку нетвёрдые руки мои ещё дрожали, а внутренности вибрировали от предрассветного «бэд трипа».

В конце тревожного повествования, дабы хоть чуть-чуть отвлечь моего перепуганного читателя от «хоррор-подробностей», обращу его любезное внимание на «чижиков» для лапты, коими лихо поигрывал речной «упырёк». Несмотря на то, что и сам напуган я был до «кондрашки», но ещё там, в страшном моём сне смог отметить – ну надо же, а я ведь так же когда-то играл во дворе беззаботным салагой.

Не помню уж точно подробностей этой несложной, в отличие от монструозного бейсбола, игры, но наказание проигравшему было «будь себе здоров»! «Чижик» выбивался лаптой со страшной силой «чёрте куда», и ты, маленький лох, должен был прыгать до него на одной ноге, зажав под коленкой второй ещё одного «чижа», дико голося на всю округу, обязательно не прерывая вопля: «Ку-ли-ки-то-по-ри-ки-и-и-и-и…» – и так далее, насколько хватит детской хилой «дыхалки».

А вот ежели дыхание на изуверском «и-и-и-и» предательски обрывалось, то садист-победитель подбрасывал «чижа» повторно и с наслаждением отсылал его с места первого падения ещё дальше, вплоть до соседнего опасного двора. И ты с глазёнками полными слёз начинал скакать ещё раз с самого начала пути и орать дебильные эти «кулики». Пытка могла быть просто бесконечной, поэтому память об игре у меня

двоякая – вроде как, интересно, но проигрывать было категорически нельзя, потому что в таком раскладе твой сорванный визг про «топорики» уже в сумерках могли слышать испуганные редкие прохожие, а самое страшное, безжалостная чужая шпана.

Такое вот оно, наше детство! Суровая вещь… Настоящая, сугубо реальная, опасная жизнь, а не какой-то там детсадовский ночной ужастик.

Котэ Vs Собачки

Кто вам больше нравятся, коты или собаки? Вопрос, конечно, в стиле хорошей блондинки с Тверской, но мне «посерьёзу» интересно, что вы «за то» думаете?

И те и другие зверушки имеют свои неоспоримые преимущества и свои же безусловные неудобства.

Собаки, как известно, по холопьи преданны и демонстративно любвеобильны, всегда рады ненаглядным хозяевам, счастливо заливаются лаем и сучат лапками по родному туловищу, что усталое, притащилось с работы. Собачек всегда можно в умилении потискать, погладить, потеребить за шерстяным ухом, они это любят. К тому же они не гадят подло по углам, и выгуливать их нужно всего-то пару раз на дню.

Теперь о котах. «Котэ́» почти никогда не позволяют себя гладить и обнимать, а если и разрешают, то так, очень нехотя, и в форме деланного снисхождения к надоеде-хозяину. Котики могут «нахулиганить», но так, в виде исключения, чтобы мы не шибко расслаблялись и не убирали слишком далеко половые тряпки. А ещё котейки очень любят сладко дремать день-деньской, порой и не отыщешь, на каком же это они ночлеге. А вот ночью, напротив, обожают поорать, поскрестись, пошвырять обувь, ну, словом, со вкусом провести досуг. Коты обязательно побьют всю вашу любимую посуду и обточат коготки об идеальную полировку в вашей новой

квартире, не сомневайтесь, гарантия сто десять процентов.

И всё же я голосую за котов, они крайне неудобны и так же восхитительно красивы, как и женщины. Я лично выбираю «котэ». От них приятно пахнет, что не всегда скажешь про псинок, уж не серчайте, вислоухие наши друзья. И ещё – коты необъяснимым образом создают магию покоя и уюта даже в самом бесшабашном доме, например, моём.

Нет-нет, пёсики бесспорно тоже бесконечно милы, просто их как-то всегда уж слишком много для меня. А вот коты – это какие-то неуловимые и подчас невидимые члены семьи. Ну и уж, конечно, они без сомнения, считают себя непререкаемо главными существами в вашем доме, а эти «здоровенные двуногие» созданы лишь по ошибке и только, чтобы вовремя подтаскивать жратву и шустренько прибираться в осквернённом лоточке, ибо «грязи мы не выносим-с».

Что-то я уж совсем грудью стал за котеек, нужно бы, по справедливости, что-нибудь доброе замолвить и за собак.

Итак, мелодраматический этюд. Топаю это я как-то «крайне устамши» поздним, зимним, тёмным и заснеженным вечером по привычной аллейке. В воздухе витает запах тоскливого мороза и на душе зябко. Вижу – томные хозяева собаченций праздно остановились и неспешно беседуют о своих мохнатых питомцах.

Полная, степенная дама начинает многозначительное: «Она у меня боится, когда…». Далее следует «захватывающий рассказ», подобный тем, что обожают глуповатые от об-

рушившегося счастья, молодые мамаши.

А собаки с любопытством прислушиваются, понимая, что праздная беседа про них, и от этого им чрезвычайно приятно. Они лезут к людям заинтересованными мордами, и им совершеннейше ясно – они в семье, и от этого факта им втройне хорошо. И сразу мороз в сердце отступает и хочется идти быстрее и легче, и тёмные мысли свежее, и снова хочется петь.

Спасибо за вашу трогательную душевность, пёськи! И котикам тоже спасибо. Просто так.

Худруки в ДК

Думаю, почти каждый (сорри за громкое слово) музыкант, начинавший в наше кургузое советское или страшноватое постсоветское время, знает столько дичайших историй про так называемых «художественных руководителей» в Домах Культуры, что уже неоригинально и утомительно будет что-то на эту тему вещать. Но я всё же кое-что расскажу. Совсем немного.

Во-первых, Дома Культуры – это нечто священное из сферы моего мистического детства, когда всё в них казалось волшебным и таинственным. Мой Дом Культуры – имени Серго Орджоникидзе. Только много позднее я узнал, что Орджоникидзе не просто «обыкновенный великий революционер», а, следовательно, один из многочисленных сталинских злодеев не последнего ранга, а, напротив – доведённый «вождём и учителем» до самоубийства честнейший человек.

До сих пор, будучи уже конкретным «старпёром», я в волнении захожу туда с каждой оказией, и сердце сладко замирает от его лубочных колонн, огромного и высоченного центрального зала с балконами, переходами, этажами, портретами вождей, композиторов и «героев войн и трудов».

Когда ты беспомощный малыш лет четырёх-пяти, и тщеславные предки хотят сделать из тебя одновременно танцора, музыканта и артиста, ну и волокут ежевечерне за этим делом

к «очагу искусств», то маленькому пацану это гигантское здание кажется ещё более потрясающим. Полумрак, подсвеченные белые колонны, необъятное пространство внутри с гримёрными, «фортепьянами», реквизитом, гигантской сценой и плюшевым занавесом.

Пусть юные танцы мои были совсем прозаическими, без всякой там латиноамериканской экзотики, и даже затёртый полонез Огинского почитался мною «за аристократа» по сравнению со стереотипными коленцами матросского «яблочка», но с этим-то самым полонезом меня в группе таких же малолетних товарищей и показали аж по ящику на местном ТВ. По тем временам событие сие было вовсе не рядовое и для моих польщённых предков волнительное. Интересно, хранятся ли в каких-то неведомых архивах эти древние записи? Вот бы увидеть себя того, крохотного танцора, будто в сказочной машине времени! Уф-ф-ф, даже жутковато немного от такой «невозможной возможности». Нас, понятное дело, не снимали беспрестанно на мобильники, как теперешних карапузов, и увидеть себя далёким ребенком в динамике – это для меня сродни искушению променять душу самому дьяволу на мимолётное погружение в моё «артистическое» прошлое.

Не хочется затягивать повествование, но ведь это же мой роман, как хочу, так и будет, ага? Поэтому я, пожалуй, ещё немного «повспоминаю» про мой детских родной ДК…

Теперь уже, будучи вполне себе взрослым и, вообще, «ин-

теллектуалом с высокоразвитым художественным вкусом», я, конечно же, понимаю, какое нелепейшее действо тогда ставилось доморощенными режиссёрами. Но тогда эта «гениальная хореографическая постановка» под зажигательную мелодию «Время вперёд» мне казалась безумно роскошной.

Старшие девушки и юноши годиков по пятнадцати в чём-то белом без названия выплясывали нечто энергическое под сполохи прожекторов, управляемых умеренно выпившими осветителями. Всё это, видимо, что-то олицетворяло, ну, скажем, праздник освобождённого труда или энергию юности. Потом свет на сцене гас, выли жуткие сирены, раздавались зловещие звуки бомбардировки и… Выбегали мы, маленькие дурачки, заламывали руки, принимали умоляющие (нет-нет, только не сбрасывайте бомбу, мы же малютки) клишированные позы, которым нас обучали те же циничные худруки. Мы были внутри белых пятен от прожекторов и чувствовали себя настоящими артистами, шутка ли – полный тёмный зал (пролетариев с прослойкой интеллигенции), сцена, действие и МЫ!

Здесь же, в этом замечательном соцзаведении помимо почти пяти лет упорных танцулек я умудрился немного научиться играть на аккордеоне. И до сих пор, выпив стаканчик-другой «шампанского «Кристалл», я безжалостно мучаю своих самых близких друзей крайне нестройной игрой на трофейном «Вельтмайстере».

Довольно ясно я помню образ тогдашнего преподавате-

ля танцев – его точёное тело, жившее своей отдельной жизнью, вечно гуляло, словно на шарнирах! Обладатель улыбки-лампочки, загорелый, стройный и кудрявый, танцевал он нереально потрясающе. Но кое-каким эффектным трюкам он всё же обучил и нас недоделков, к примеру, плавно двигать головой вправо-влево, параллельно плечам, как индийский божок, ловко крутить «вертушку», ну и другим нехитрым танцорским штучкам. «Каскадёрскую» почти что «вертушку» я потом эффектно продемонстрировал перед избалованными девчонками в школе во время цунами брейк-данса, на некоторое время отодвинув «мышцатых» конкурентов-одноклассников.

Как-то на смотре «творческих достижений и прочих успехов» (были тогда и такие) наш «танцующий препод» в паре со своим клоном-приятелем, который к нему часто захаживал, роскошно «вжарил» эдакий «ритмически захватывающий» этюд под всенародную песенку «Амара кукарелла фафа на-на». Они были прикинуты в ковбойские шмотки, у каждого имелось аж по два револьвера в кобурах, двигались синхронно, как шерифы-близнецы, и это был драматический миг, когда каждый из нас, жалких неумёх, всё бы отдал, только чтобы тут же оказаться на их «звёздном» месте.

Правда, я уже тогда неясно чувствовал, что были они «какие-то не такие», очень уж пластичные и странным образом женственные. Это уж теперь я точно знаю, что почти все танцоры действительно «не такие». Зато уж наши краснолицые

«худруки» были совершенно вот «такие» и даже «растакие» на все пролетарские «сто». Да и чего там, на всю цветную «поллитру» и даже радужную «ноль семь»!

Ещё за худруков и дикие репбазы СССР

А теперь о настоящих, что называется, «тру» (ну, в смысле, «true» «по-американскому») художественных руководителях, тех, что плотно сидели (и, думаю, сидят) в маленьких клубиках по интересам «на рок-группах».

Первый мой худрук был учителем географии в школе. Он наповал и в самое сердце сразил меня скоростным (разумеется, по тем салабонским меркам) соло на гитаре во время исполнения искромётных частушек на пионерскую тему в трудовом лагере. Уважение к нему разрослось до размеров галактики, когда я к тому же узнал о его коллекции фирменного винила, в которой имелся, на минуточку, весь божественный «Grand Funk» и прочее волосатое богатство.

И вот она, первая наша, говоря по-современному, «репбаза»! Мы, будто стайка затравленных деревенщин, робко вошли в помещение с гитарами, барабанами и клавишами внутри, и глаза наши ослепли от роскоши янтаря «Уралов», «Стелл» и «Аэлит». На предложение «босса» разучить что-нибудь из Макаревича, мы немедленно ответили гордым презрительным отказом, заявив, что желаем играть исключительно Heavy Metal в духе «Accept» (не забывайте о нашем мастерстве инструменталистов – четыре аккорда, чувак, че-

тыре аккорда!).

И началась обычная для этого периода чехарда с пересаживаниями с инструмента на инструмент в классическом духе: «А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь».

На калечных отечественных «барабасах» оказался совсем не тот, кто изначально самонадеянно собирался, ибо его чувства ритма и координации не оказалось даже в зачаточном состоянии. Сжав стоны в горле и еле сдерживая детские кипящие слёзы, «горе-драммер» уступил место совершенно левому пареньку, который первый раз в жизни сел за установку и поразительным образом заиграл сам собой очень ловко и даже с негритянским огоньком.

Ну и так далее в порядке живой очереди со всей бандой недотёп, включая меня. Взяв дрожащими руками гитару, я сделал шокирующее открытие – она не звучала, как «зафузззованная металлюжная» лопата, а тренькала так кисло, что едва ли сгодилась бы даже для «хеви-медлячка». Я, равно как и мои разочарованные «подельщики», нервно озвучил сию тему «шефу», жалуясь, что, мол, гитары-то «не те». На что он педагогически резюмировал: «Ну раз не те, то давайте пока всё-таки разберём Макаревича».

Спесь с нас слетела быстро, и мы покорно выучили все партии не самой сложной песенки «Машины времени», а потом робко исполнили их одновременно под манящий «неведомым» сладкий отсчёт: «One, Two, Three, Four!!!». И к ве-

личайшему нашему изумлению мы неожиданно зазвучали, как хреновый, но всё-таки ансамбль!

Он ещё немного повозился с нами, кретинами, знающими три-четыре аккорда на всех, и с облегчением передал нас одному своему малоприятному знакомому. Сей сомнительный персонаж «держал худруковскую мазу» в клубе (вдумайтесь!) имени Володи Ульянова, так вот запанибрата и душевненько.

Второй худрук по «рокенролу» был намного ближе к классическому типу «худруков» – музыкант-неудачник, пиком карьеры которого было, скажем, кратковременное участие в сольном проекте басиста Константина Никольского. Почти спившийся, завистливый, крайне неприятный человек, спиз…ивший всё, что только можно спиз…ить во вверенном ему хозяйстве. О нём у меня всё.

А вот ещё одна престраннейшая «точка» – общага мединститута. Считается (ну, это эротический фольклор такой студенческий), что самые развратные девчушки учатся именно в «Меде». Почему – неизвестно! Быть может, потому, что натурализм обучения, да и самой профессии очень близки к чистой анатомии, животному, так сказать, началу, уж не знаю.

Но, даже владея этой манящей, хотя и непроверенной информацией, я был настолько одержим идеей создания «великой группы», что не спешил сразу воспользоваться мифической любвеобильностью медичек, а в первую очередь хо-

тел произвести впечатление на местный худсовет.

А собрался он на предмет разрешения репетировать в комнатушке, где уже жил, да был один музыкальный коллектив. И «рок-старожилы», думаю, были совсем не рады соседствовать с какими-то нахальными варягами. Встревоженная эта группа в полном составе, пара-тройка тёток необъятных размеров и непонятного происхождения (это и был грозный худсовет) выслушали нас внимательно-настороженно.

Соло-гитарист Лёха Каулин не пришёл вовсе по причине врождённого раздолбайства (впрочем, весьма милого, чем и пользовался, паразит), и я шпарил за двоих. В этом «неполном» составе мы играли вживую первый раз, а за сутки до этого просто-напросто выучили все партии заочно. Это было более чем смело, но поразительным образом всё «прохиляло» вполне себе сносно.

Тётушки, видимо, не очень вслушивались в злобненькие тексты, а музыка, состоящая из постбитловских мелодий, простой «роллинговской» гитары, плавающих, словно гибкое соло, басов Лёшки Вареника и прямолинейных, как речь военрука, барабанов, сделали-таки своё «духовное» дело.

Высокомерные местные «артисты» вынесли следующий великодушный вердикт: «Ну, для первого раза неплохо…». А грозные медицинские женщины были сражены нашим обаянием (другим взять пока мы не могли).

Кстати, высоченный и худющий Лёха действительно играл весьма занятно, партии баса он выстраивал нестандарт-

но-мелодичные, будто бродящие по грифу. Когда он нелепо загремел в Чечню, я поддерживал его, как мог, панковскими своими письмами, и, словно верная одноклассница, в нетерпении ждал его возвращения. К тому времени у меня по волшебству появился на гитаре гениальный Руська, и при таком самобытном басисте мы могли, как я наивно тогда полагал, просто свернуть любые там Эвересты с Джомолунгмами. Лёха же отбывал страшный свой срок на совсем других горах…

Я, надо сказать, всегда находил такие уж самые невероятные и «остроумные» варианты составов, что никто и никогда не верил, будто это чудо случится, а я же верил всегда, и безумие моё срабатывало. Покорнейше извиняйте, что похвалил себя сам и, кстати, на этот раз совершенно напрасно…

Лёха вернулся, но это уже был совсем не он. Всё детское в нём умерло. И на моё неуместное предложение он ответил жестоко и сразу, не оставив мне даже крошечной «рок-надежды»: «Гош, для меня ничего этого больше нет, я живу, и буду жить совершенно другой жизнью». Как же всё это было грустно… Правда, спустя довольно много времени, я вновь повидался с ним на импровизированной встрече выпускников и заметил, что это нечто неуловимое-школьное всё же вернулось к нему, и это было удивительно и радостно.

А ещё (пожалуйста, можете мне не верить), но мы невероятным образом «ре́пались» в… Доме Офицеров! Вспомнить не могу, хотя и очень стараюсь, как же это мы, волоса-

тые, попали да в такое-то заведение! Но ведь чудом чудесным случилось и это удивительное дело…

Мы рубились на самом последнем этаже в пыльной комнате, заваленной аппаратурой неведомого, и, видимо, стратегического назначения, с множеством гитар крайне низкого происхождения и допотопных клавиш с тембрами теперешних нойз-групп. И среди всего этого богатства и прочих излишеств не нашлось ни одной, пусть хоть и неандертальской «басухи». Бедный Лёха вынужден был исполнять партии баса на обычной гитаре, получалось диковато, но не без первобытной оригинальности.

Сейчас вот скажу без ложной скромности, так что-то надоела уже она, эта политкорректная самокритика – какой бы ни был «молодёжный» состав «Алкоголя», пусть и неумелый и не сыгранный, а странные песенки мои звучали всегда хорошо, ну вот звучат они, родимые, и всё тут!

Местные военные люди вызывали нас на ковёр, прослушивали очень серьёзно, обдумывали степень «неидеологичности» и так и не могли решить – играть нам у них на сугубо суровых вечерах самодеятельности, или всё же опасненько выпускать «таких вот» из клетки на зелёную боевую арену. С одной стороны, раз «репаются» на шару, так хоть шерсти клок с патлатых, а с другой – идеологическая диверсия! Ну а мы, «волосатики» и рады были офицерским сомнениям.

Вообще говоря, эти мрачные торжественные стены, как это ни поразительно, были прибежищем всяческих маргина-

лов различного свойства. Например, странного вида молодой «звукореж», прискакавший к нам на звуки доморощенно сооружённого «каверочка» на Sex Pistols, восторженно заголосил: «Ну, чуваки, спасибо, вот порадовали, вот порадовали, не ожидал услышать здесь такое, родные вы мои! Давайте-давайте, жгите, чувачки!».

Или, скажем, этажом ниже занимались «напрочь незакомплексованные» студенты театрального училища, вытворяя дичайшие свои этюды. Аномально смеялись и рыдали они в буквальном смысле часами (такие, понимаешь, у них практики наработки состояния). И всё это непотребство среди суровых стен Дома Офицеров, огромных полотен со сценами баталий, смурных полководцев и реальных, не менее сердитых военных, проходящих мимо нас, гоблинов, невесть как попавших в заповедный уголок.

Абсолютно всё, где имелась сцена, аппарат и комнатка, где его хранить, могло быть оккупировано непрошенными гостями из антагонистического мира артистов. Да какого там нафик, антагонистического, нормально мы ладили с товарищами военными. Мы были для них забавными интересными зверушками, а «неведомы зверушки» благодарны были им, уже хотя бы за попытку понять нас, безумных инопланетян, и даже как-то мирно с ними сосуществовать.

А точка в библиотеке отчаянной Ражевой – это же ещё та экзотика! Трудилась она тогда на ниве просвещения местных сумасшедших. Нелегко библиотекарю весной, когда все

разномастные психи посёлка оттаивают и начинают охоту на «нормальных», но на таких подневольно-нормальных, что по долгу службы не могут выставить гадкого сумасшедшего вон.

Вот и начинается утомительное общение с не всегда приятно пахнущими и вынимающими душу юродивыми по различным литературным и общефилософским вопросам, вроде: «А эта книжка интересная? А можно её почитать? А она про что? А стихи там есть?». Вопросе на пятнадцатом возникает естественное желании вызвать, ну, если не ментовку, так хотя бы скорую! Помочь чтобы, стало быть, «душевному» человеку… А нельзя, понимаете вы, нель-зя! Ведь они, хоть и психи, а в библиотеки записаны вполне официально, и права, как говорится, имеют, и «прописаны по какому-нибудь Кривоколенному пять», вот такая весенняя дичь.

Мне очень повезло, я знаю, что такое волшебный мир библиотеки. Особый щекочущий запах страниц и атмосфера почти храмовая. Миллион помещений, где ночью жутковато и мерещатся призраки и герои любимых книг (и не всегда положительные!). И такое великое множество книженций, которые можно полистать или просто погладить.

По беспечной рекомендации Иришки мы зависли там надолго и прожили в магической библиотеке большую репетиционную жизнь, курируя из одного самобытного помещения в другое, ещё более невероятное, с этажа на этаж, и везде было нам вдохновение.

Там и состоялось наше первое наивное выступление. Осталось забавное видео, где мы очень смешные и нелепые, а важные наши гости – друзья и знакомые так милы, что невероятно приятно видеть их и сейчас, молодых и улыбающихся.

Я, скорее всего, путаю события во времени, смешиваю их, ошибаясь хронологически, но ведь это такая фигня, правда? Не в этом же дело, не в этих ненужных деталях и напрасных соответствиях, тоже мне хроники «выдающейся творческой единицы России». Я лишь хочу оставить вам память, письменные фотки того сумасшедшего времени, когда не было у меня мобильника и не щёлкал я ещё дуриком всё подряд…

А мне же самому безумно любопытно, смогу ли я сделать это – сожмётся ли сердце прочитавшего эти путанные страницы в ностальгической неге… Надеюсь, как же я надеюсь, что да…

Ещё пару слов об упырях «музыкальных руководителях»

Тех самых, кого демонстративно не называю в книге, и не потому, что деликатным манером боюсь обидеть или в припадке благородства «ни о ком плохо говорить не хочется» – нет, просто не желаю упоминать их крошечные имена, что называется, «в веках».

У всех этих типов (а я снова о худруках) была одна и та же навязчивая идея – обнаружить и взрастить, так сказать, самородка-виртуоза, и впоследствии стричь с него, феноменального, капусту долгие и счастливые годы. Ну, в общем, как заштатный тренер из провинции жаждет найти гениального молодого боксёра или бегуна, а ещё лучше целую бриллиантовую команду.

Так, в пропитых до изумления маленьких мозгах худруков намертво поселяется дикая мысль «воспитать» группу, которая «загремит» не тише, чем сам «Ласковый Май», ну или в крайнем случае, чем какое-никакое «Кино».

У них всегда и обязательно имелись свои любимчики, быстрее других терзавшие «Музимы» и «Ионики», а значит и оставалась надежда на лавры «открывателя гения», которая, конечно же, так и оставалась священной на все оставшиеся годы «влачения» благородной миссии педагога. Про

мало-мальски выбившуюся из местного ДК группу эти хмыри на людях истерично и самодовольно кричали: «Это ж ученики мои!». Но тут же мерзенько так добавляли: «Но я ими, если честно, недоволен…».

Надо сказать, функции у подобных наставников были следующие: суетливо взять бабки за репетицию, периодически пьяно вламываться к нам в «святая святых» и тошнотворно вещать про то, что, мол, «вот у нас, епть, была группа, мы-то, как Дипёпал играли, не меньше, а вы…».

Унять их старческий ревнивый бред было практически невозможно, и мы покорно выслушивали их покровительственные поучения вместо того, чтобы упорно пилить свои нехитрые нотки: «Ну ничё, я в следующий раз вам покажу такие партии, что закачаетесь, спасибо ещё говорить будете, эх вы, убогие…». «Партии», разумеется, никогда не демонстрировались, ибо мифическое мастерство было давно и надёжно пропито, да и было ли оно, нам уже, к счастью, не узнать.

Ну а ещё замечательными нашими «худруками» гадко вымогалось бабло на водку, за которой нас заставляли ещё и бежать поперёк проплаченной нами же «репки».

Ну что ещё… Ах, да! При всём шизоидном желании открыть группу «Намба Уан», они слюняво умилялись, когда подопечный коллективчик весьма похоже лабал, к примеру, песенки «арт-роковой» группы «Мираж», и в завистливой раздражённости «опускали» любую маленькую вещицу, на-

писанную нами, бедолагами, терпевшими всех этих упырюг, ради той беззаветной «святой, понимаешь, к музыке любви».

Бытовая филология – лженаука? Безусловно!

Как «полноправный автор, творец и почти что волшебник», я уже давно и бесповоротно решил, что как можно больше замечательных граждан останется «в зыбкой памяти человеческой» и, так сказать, «на грозных страницах Истории», благодаря этой очень самодеятельной, наверное, книжке.

Отставить смешки! Пусть звучит сия «потерянная скрижаль» громко и наивно, но это же книга для тех чокнутых «не от мира сего», кто честно воевал рядом со мной на странной этой войне. Ну и, может быть, ещё для тех немногих, кто, как и мы, чувствует и помнит всей израненной кожей наши общие дурные времена.

Так что всё! Хорошие люди пусть остаются «в веках, да тысячелетиях», а те, кого я не люблю – пусть «канут в лету», провалятся в ад и «живут на одну зарплату», их тусклых имён тут никто не найдёт, я обещаю!

Как же я ненавидел их когда-то, тех, кто с наслаждением изуверски колотил меня и моих друзей, подло обижал и мучил так, что глаза аномально расширялись от муки и гнева и становились «белыми», как метко отмечали за мной мои верные кореша и подруги. Моя любимая бабушка Александра

Николаевна не раз говаривала о своём безумном внуке в эти непростые моменты психологического экстрима: «Выпучил зенки свои лубошные!». Неплохой «оборотец», не находите?

Лихая бабуля моя была вообще сильна на «кручёные» обороты, да и на крепкое словцо тоже, чего уж скрывать! Как же мы доводили её, бедную, с младшим братцем Женькой, вспомнить стыдно… Обычно после нетривиального «трёхэтажного» в наш адрес, спохватившись, она приговаривала: «Согрешишь, согреше́нный!». Что точно имела в виду наша загадочная бабушка, пытливый я не разгадал и до сей зрелой поры. Большая хулиганка, она на мои робко-плотоядные «бабуль, а мне бы мяса…» неизменно отвечала: «Мяса? Какой мясник! Мясо – у попа под рясой!». Да… А вот это уже было сказано более, чем «рокенрольно»!

Помнится, с мясом и прочими его «колбасо-сосисочными» имитациями тогда были крепкие советские «траблы», и в основном же в нашей «фамилии» обходились разнообразными макарошками… Но всё же, думаю, уж не такие у нас практиковались вынужденные глухие посты «по скоромному», какие были во время торжественного приезда тогдашнего Председателя Совета Министров СССР Косыгина в город Горький в брежневские «семидесятые» (а, может, и в хрущевские «шестидесятые», лень проверять такую ерунду в Интернете).

Моя милая бабушка «диссидентски» рассказывала, что, когда мрачный правительственный кортеж пролетал по за-

мороженной улице Чаадаева, какой-то очень нетрезвый дядька забрался на высокий сугроб и аполитично и опрометчиво голосил: «Косыгин, мяса давай!». Очень надеюсь, что пьяный его бог уберёг отважного мужичка от законной отсидки.

Если я вдруг вспомню что-то из богатого репертуара моей чудесной бабули, то обязательно и в красках доложусь, и, уверяю вас, вы не пожалеете!

Да, лексика отдельных занятных персонажей, с которыми пришлось мне «поручкаться» и пропустить по «трёхлитровой банке» порой и вовсе поражает своей причудливостью…

На обязательной картошке перед первым курсом Универа к нам в хибарку заходил частенько деревенский парень лет двадцати восьми, жилистый, лысеющий и крайне женолюбивый. Относился он к нам дружелюбно, но ветреных наших девчонок раскрутил «на любовь» тот паренёк немало.

Так вот, каждый раз, как только он заставал нас безмятежно курящими, неизменно и неожиданно появляясь из мрака и пугая внезапностью, то миролюбиво бросал всегда одну и ту же неприличную фразу: «Ну что, куркие…а́ные?!». Для наиболее полного понимания своеобразия фонетики поясняю: первая буква непечатного слова – «е», а не привычная «ё», а вот ударение строго на «а», отчего фразочка получалась намного более ядрёная, просто изумляющая новизной подхода к российскому мату, а, главное, дико смешная.

Ну, раз уж пошла такая юмористическая катавасия с бы-

товой филологией вперемешку, нескромно сообщу и об одной из своих, личных дикостях. Есть такая изумительная повесть Анатолия Рыбакова «Каникулы Кроша», в которой кроме трогательных взаимоотношений юных героев, некий подлый и беспринципный искусствовед Владимир Николаевич или «Вэ Эн» охотится за знаменитейшей японской фигуркой-нэцке «Рисующий мальчик».

Ну а мне, аномальной и извращенческой личности, пришло в больную голову, что молодой бандит, давящий физически и морально на свою коммерсантскую жертву, может, соответственно, называться «прессующий мальчик»! Как всё же причудливо сказывается многолетнее знакомство с дворовым воровско-бандитским жаргоном…

Сорри, братцы, за всю эту отчаянную дурищу, но кому же ещё её и расскажешь-то, если не вам, безумным индивидуумам, кто отважно читает эту странную книгу до сих пор.

Славик

Сейчас выдам такую «контрреволюцию»… Даже жутковато… Набираю воздуха в лёгкие перед отчаянным прыжком в ревущую бездну…

Замечательное всё-таки изобретение «вконтакте»! Уф-ф-ф… Я таки сделал это… Первостатейной пошлостью считают эту «соцсеть» почти все мои «высоколобые» знакомые. А по мне так удобнейшая штука – можно потрепаться с приятными знакомыми, когда нет бабок на мобильном, разыскать любую музыку, редкую инфу и… старых друзей. Точнее, они находятся сами!

Это так похоже на чудо, но ко мне, как «у нас неприлично говорится», «постучался в друзья» давний и «славный» мой кореш Славик Соколов. Совершенно необыкновенный персонаж из студенческой нашей истории.

Когда-то он был потрясающе музыкален – блестяще играл, как сам Брайан Джонс из косматых «Роллингов» на всём, что было под рукой – фортепиано, гитары, бас. Он даже недолго и слегка игрывал на басу и у меня «в оркестре», причем «лабал на четырёхструнной» весьма недурственно. Но, как и вышеупомянутый мистер Джонс, Славик был склонен к ведению «лайфа» в «жизнерадостном тумане», а посему долго в коллективе не задержался. А жаль… Играть он любил и умел!

Сохранилось пара кассетных записей, где я ору раненным тюленем что-то гневное, а группа шпарит эдаким мелодичным вариантом Sex Pistols. В конце памятной сессии микрофон забыли выключить, и слышно, как музыканты собирают свое небогатое барахлишко, а Славик своим мягким баритончиком лукаво произносит: «Классически…». И в этой наивной фразе плещется столько счастья от совместного музицирования, да чего там, от простой причастности к музыкантскому раздолбайскому клану, что каждый раз мне хочется душевно обнять его.

Он очень хотел играть… Как же так получилось?!! Уж он-то точно был достоин «жарить рок» в нашей «вечной группе» – надёжный, крепкий басист с прекрасным слухом, музыкальным чутьём и чеканным бэк-вокалом! А теперь он пишет, что владеет не всеми пальцами – некоторые почти отнялись… Да что же это такое?!! И сейчас я уже начинаю «поздновато» винить себя в том, что, как и остальные «осторожные», ничем не помог тогда… Когда ему было так тяжело… Просто перестал общаться с «неудобным и неконтролируемым» человеком…

Сколько же весёлых попоек и трогательного невосстановимого общения было в те, «свои времена»! Существовал даже целый язык, подобный «митьковской фене», когда мы со Славиком свободно себе «тёрли», скажем, только фразами из «Места встречи изменить нельзя», и нам вполне хватало! И когда он, словно из тьмы прошлого, прислал мне снова

все эти «вы от Евгения Петровича?» и «шлю тебе, Анюта, с ним пламенный привет…», я чуть не разрыдался…

Что-то соплив я стал в последнее время, может, пора уже слегка поработать над собой и включить бывалого циника? Да, пожалуй! Так безобразно раскисать просто непростительно, ведь можно и потерять «братанское» уважение, что чуть было не случилось с легендарным мафиози Тони Сопрано, позорно практиковавшим визиты к «мозгоправу».

Итак! Как-то мы пили всю ночь напролёт – я, наш суровый предводитель Макс и затейник Славик, который отчего-то начал абсолютно все действия и предметы, включая людей и зверей, произносить в каком-то сусальном уменьшительно-ласкательном ключе. Я ржал до колик над всеми этими: «Максимушка, подержи, пиджачишечку! Может ещё по пивчишечку?». И так без конца и умолку. Я был очень доволен и с любопытством ждал каждого нового «неологизму».

Но вот Макс… Он не любил филологии… Он любил женщин. Которых этой ночью он почему-то не наблюдал… Съём явно не клеился, а заплетающиеся языки беспечных гуляк под утро всё меньше и меньше привлекали местных ночных красоток. Наконец, измученный воздержанием Макс решительно скомандовал: «Всё, щас подходим к каким-нибудь толстухам, они уж точно дадут! Прямо при них, демонстративно покупаем гондоны – и ко мне! Чтобы сразу все точки поставить над «и» и разъяснить тёлкам нашу жёсткую позицию!».

Дело было сильно под утро, и мне уже давно ничего не было нужно по части этой экзотической эротики, равно как и хохмачу Славику. Он умилительно улыбнулся Максу и блаженно предложил: «Максимушка, не найдется ещё пару рублишечек, возьмём опять по пивчишечку…». Макс просто взревел: «Да пошел ты на хер со своими словечками, достал уже, идиот!!! Баб нет, утро, бл…ть, скоро, до дому х…й знает сколько пилить! А он…».

«Максимушка, Максимушка, ну что ты! Сейчас берём таксишечку…» – примирительно залопотал Славик, не переставая, тем не менее, продолжать дурить в своём словообразовательном ключе. Я на секунду испугался, что явно расстроенный «секс-фиаско» Макс влепит нашему личному «петросяну» в ухо, но Славик как-то странно испарился и также внезапно материализовался минут через пять, зазывно махая «ручишечками».

Как он, пьяный в дым, умудрился поймать тачку среди ночи в этой пустынной части города, и самое главное, «уболтать» патологически жадного водилу, чтобы тот довёз всю эту шваль бесплатно, не ясно. Но помню только, что даже в машине он продолжал «литературно» хулиганить, извиняясь перед изумлённым собственной щедростью «бомбилой»: «Братишечка, пойми, я – дойду, а вот они – нет! Гошечка с Максимушкой…». Я старался ржать токмо в душе, поскольку дико замерз, и двигать до хаты «пешочечком» мне было уже не зубам.

Сколько же их было, этих маленьких приключений, безумных историй и абсурдных выходок… А вот теперь есть снова Славик, и снова хочется шально жить, записать всю эту забавную чепуху и встретиться хоть ещё разок с добрым моим «корефаном». Да так оно и будет, ты только не пропадай, дорогой мой дружище, пиши мне, пусть и в идиотском этом «контакте», и мы обязательно встретимся в этой жизни, в этой, не в той!

Дуня и гопники

Сегодня почему-то снова вспомнил о Вовке Мигутине, о нашем знаменитом на весь местный андеграунд «Дуне». Чудик без возраста, хоть родом из шестидесятых, в инфантильных кудряшках и таких самопальных татуировках, что обзавидуется сам раздолбай Оззи Осборн. Сладко пропивающий всё, на что падает его беззаботный взор, дурковато поющий «остограммившимся» оперным тенором, он так и стоит у меня перед очами, хитро и как-то по блаженному сбоку заглядывая мне в лицо. Так что-то скучаю я по нему…

Есть такие пёстренькие персонажи на нашем чёрно-белом свете, что являют собой ну просто олицетворение трагикомедии, с элементами мелодрамы и где-то даже буффонады. И все разнообразнейшие неприятности мира наперегонки сбегаются посмотреть на него, человека-проблему.

Случилось это рядовое событие весьма давно, когда неоригинальным манером, подошли как-то к Вовке нешутейно опасные и на редкость мерзкие «гопники». Само собой, вкрадчиво «испросились» средства, потерять кои наш Вовка совершеннейшим образом не хотел. Поэтому преувеличенно громко, явно привлекая внимания спасителей-прохожих, ну или на крайняк, равнодушных ментов, Вован слезливо запричитал: «Эй, пацаны, вы чего, нет денег, совсем нет, ну вы чего, ребята?!».

Многоопытные «гопари», настороженно озираясь, начали хватать бедолагу за рукав куртки и подло тянуть в подворотню, где можно было без опаски «распотрошить бакланчика». При этом они сквозь зубы и полушёпотом, но явно угрожающе приговаривали: «Тихо, тихо, заткнись… Ты чё спектакли устраиваешь?!». Как Вовка отбился тогда, известно лишь его вечно поддатому ангелу-хранителю, но в связи с чудесным спасением, нажрался он тогда «в три звезды» и в аккурат перед нашей «священной» репетицией.

Впрочем, его бухие заплывы на «репу» были делом обычным. Помню, как наш местный Фрэнк Заппа Серега Ретивин заскочил ко мне, чтобы помочь сочинить басовые партии к моим «бессмертным новинкам», а вот педантичный Дуня вновь прибыл в состоянии «экстатического шока». Он истово бренчал что-то дикое, только лишь изредка заезжая в тональность, но понимая в глубине бурлящего подсознания, что неслабо всех подвел, периодически останавливал «импровизацию» и просил зафиксировать свой очередной «удачный» пассаж: «Неп-плохой ход, н-неп-плохой…». И почему-то вот мне, а вовсе не «нетрезвому дарованию» в тысячный раз было жутко стыдно перед великодушным Серёгой…

Необыкновенно «странный и яркий» был состав, когда мы игрывали в формате трио: я «искрометно вокализировал» и стрекотал «на ритме», Вован посильно терзал «соляками» облезлую «музиму», ну а прилежная Иришка бойко шпарила

на монструозном чешском басу. Вся эта «инсталляция» поддерживалось «барабашками», вколоченными в самую дешёвую и примитивную «Ямаху».

Играла «самобытная басистка» весьма недурственно и ничего себе, шустро плетя фанковые длинные рисунки. И трогательный Дуня, узнав, что Ражева отваливает из группы, искренне расстроился: «Она что совсем не будет ни с кем играть? Жаль, что она из музыки уходит, хорошо играет, не лажает… В отличие от меня…».

Так забавно было слышать эти наивные «совсем уходит из музыки», ведь это я, так сказать, «самолично» научил её играть на басу, причём «с нуля», и всего-то за пару месяцев. А направлена была эта «педагогическая» акция только лишь на то, чтобы получить «доступ к сердцу» эффектной гитаристки. Ну и после «сближения музыкантских душ», мы могли уже не обманывать никого этим не особо нужным теперь совместным музицированием.

Но возвращаясь к пьяным Дуниным заездам на «свято чтимую репку», расскажу-ка я про ещё один из них. Собственно, до самой репетиции дело и не дошло. Подходя к «точке», я увидел две странные фигуры, которые зависли на каком-то школьном спортснаряде – это были Вовка и Богданыч. Оба они плакали.

Пьяный Дуня лил слёзы по причине оплеухи, которую словил от сурового Лёхи Богданова, что служил у нас тогда клавишником. Трепетная душа Богданыча уже просто не вы-

держала такого демонстративного неуважения к репетиционному процессу, и он выдал Вовке вульгарным манером по морде. Лёха же горько рыдал, потому что по природе своей был человеком незлобивым и даже гуманным. Ему было очень жаль обалдуя Вовку и вообще, он был неутешно расстроен, что сорвался в пучину жестокости и экзекуций.

Дуня пьяно всхлипывал и заученно по-бабьи приговаривал: «Вы мне всю ж-жизнь испоганили…». Как только до Лёхи дошёл смысл Вовкиных причитаний, он дико захохотал и смог остановиться только через пару часов, когда уже все мы, насосавшись тогдашнего «мыльного» пива, сидели где-то в «питейном» и обсуждали грандиозные планы по захвату мирового музыкального рынка. Лёха, Вовка, дорогие, вы где сейчас?..

Я – за книжки!

Пусть даже сберегательные. Газет я не читаю и не читал никогда. Только музыкальные журналы, да и то очень выборочно – лишь те, где про музыкальные новости, а не про то, что Элтон Джон гей, тем более что это давно уже не то что не новость, а даже не шутка, над которой и ухмыльнётся-то разве что только «Бог Металла», «очень пластичный» Роб Халфорд.

Когда я был ещё школьником, в наши глупые советские времена была такая нелепая, но почётная общественная нагрузка, как «политинформатор». Дичь, надо сказать, первостатейная!

По субботам первым уроком обязательно проводилась эта вот самая «политинформация». Все нормальные, разумные детишки практически до состояния некоей благодати были рады этому «ненастоящему» уроку, где можно было не бояться, что вызовут, отчитают и накажут. Собственно, спросить «за политику», конечно, могли, но последствий в виде оценок ниже трёх баллов и прочих неприятностей никогда не случалось.

Но вот я, несчастный, снова попал в ловушку своей сугубо положительной внешности! Ну такое лицо у меня, понимаете, пардон, за неприличное слово, «интеллигентное»! «Сразу видно – мальчик начитанный, в курсе политической ситу-

ации, всё может грамотно изложить и даже направить тёмных одноклассников в нужное, советское русло» – так высказалась наша властная «классная» Эра Моисеевна прилюдно, чем пригвоздила мою, и так нестабильную репутацию к позорному столбу.

Итак, я – политинформатор! Повторяю, я не читал газет никогда! А теперь представьте, какую несусветную чушь мне приходилось нести, чтобы хоть как-то спастись от постыдного разоблачения. Я плёл совершеннейшие небылицы, отчаянно фантазируя, жонглируя фактами, что слышал случайно по радио, и, оперируя непроверенными слухами, кои вполголоса высказывались на кухне моими отважными родителями и их друзьями-полудиссидентами. К третьему «занятию» до «классной» таки дошло, что мальчик-то «в неадеквате», а может и вреден, и даже опасен! С ответственной должности я был тихонько снят и незаметно задвинут подальше за вольности по части «нетривиальных» высказываний. Я же был, ну вот, совершенно не против!

Точно так же с упорством мычащих идиотов меня назначали председателем совета отряда и ещё каким-то «тотальным ответственным за политвопросы» в славные комсомольские годы. Я успешно «заваливал» всю работу, и класс занимал стабильные последние места в соревнованиях, конкурсах и смотрах. Меня снова «убирали с объекта», гадая, как же это случилось, ведь «мальчонка-то вроде наш, правильный, посмотрите, глаза какие умненькие!». Словом, я был

для НИХ удивительной и неразъяснимой загадкой…

А помнит ли кто-нибудь ещё из нас, не вымерших пока динозавров «Совдепии», такого замечательного крупненького дядьку Чарльза Хайдера, который в «проклятой Америке» против чего-то там протестовал, ну и для привлечения к своей бородатой персоне не ел года аж три? Ну, три не три, а всем было ясно и понятно, что не может человек, пускай даже американский профессор, уж совсем-то не кушать столько времени. Стало быть, втихаря прикармливался!

Но поддержка и сострадание советского народа не знала границ, и со всех уголков необъятной нашей Родины присылались «голодающему» тонны вязанных перчаточек, тёплых носочков и прочей чепухи. Представляете, он мог менять носки с варежками каждый день по нескольку раз, эдаким щёголем, а всё равно за всю жизнь не перемерял бы и половины!

Итак, еле идёт какое-то жуткое глобальное собрание – полный актовый зал равнодушных и унылых комсомольцев, их «пламенных» лицемерных вожаков и очень серьёзных учителей с фальшивой скорбью в глазах. Вот уж поднят наиважнейший и актуальнейший вопрос о судьбе народного героя СССР – Чарльза Хайдера, и нервный директор школы гневно вызывает меня, которого эти ненормальные мазохисты на этот раз избрали ответственным «по политике», да ещё аж по всей школе.

Я не делал ничего. Совсем. Уже полгода с момента тор-

жественного назначения. И вот я подле мрачной трибуны и грозного президиума и лицом к лицу к огромному залу собравшихся «сочувствующих».

Пётр Алексеевич, наш суровейший директор в праведном пафосе восклицает: «Как же так, Матрёнин, человек умирает, а ты, ответственный за политработу, ничегошеньки не предпринял?! Давай, ответь нам всем, перед лицом своих товарищей, ответь, что ты сделал, чтобы помочь человеку?!

Все школы, все, как один, уже выслали и перчаточки, и носочки, а некоторые даже кухонные доски с выжженными на них рисунками о мире во всем мире! А что сделал ты?! Ты подвёл всех нас, всю школу!! Подвёл!!!».

На поддержку старшего экзекутора истерично подскакивает стервозная очкастая училка, вечная КСП-шница, молодящаяся старая дева, что мучила нас методично и каждый год в трудовом лагере своим вечным сусальным «милая моя, солнышко лесное», и истово вопит: «Ты хоть понимаешь, что человек умирает?!!».

Только моя железная воля помогла мне не провалиться на этом самом паркетном полу в Преисподнюю, где, как выходило, мне и самое место за моё преступное бездушие. Как я тогда «уболтал» разъярённых моих обличителей, уже не помню, но камнями побит не был, и одежды мои не порвали на тщедушном тельце. А почти упитанный мистер Хайдер, между тем, вскорости преспокойненько голодовку-то прекратил. Вот так… И наши чистосердечные носочки с перча-

точками, боюсь, до него, сердешного, дойти не успели… Кто их теперь донашивает?

А доложил я эту стародавнюю «телегу» лишь только для того, чтобы не без хвастовства отчитаться об очередном своем лингвистическом хулиганстве. Как и было сказано, газет я и в руки не беру, но! Я вынужден порой ездить на диких наших маршрутках, которые просто ненавижу за изматывающее «передавание» мелочи, которая так и норовит с подлым звоном вывалиться из рук, за ржавые двери, что фик откроешь, за позорное проползание к выходу, согнувшись, как в катакомбах, и за проклятый «рашен попс'энд'шансон», в который так поголовно влюблены все водилы.

И ещё! Там читают газеты! И стоит только чуть сместить голову от спасительной книги, за которую прячется перепуганное сознание, как ты натыкаешься на кошмарные заголовки, вроде: «Потомственная ясновидящая Эльвира» или «Дочери олигарха оказались трансвеститами».

Ну и вот, благоволите, снова крайне странная «объява»: «Поздравления – почтой». И естественно, в голову лезет привычный бред: «А чего ж почтой-то? Поздравления – деньгами!». По-моему, так как-то свежее и ярче! А главное практичней и правдоподобней! В общем, газетам – ноу! А книжкам – йес! Пусть хотя бы и сберегательным!

Иван Иванович, Давид Соломонович и Костя Майо́р

Ражевский замечательный папа, Иван Иванович, разумеется, по-родственному тоже Ражев, служил в своё время в советском КБ блестящим инженером-конструктором. Случилось так, что несмотря на удивительную коммуникабельность и многочисленные «полезные» знакомства, он органически не мог отпихивать кого-то локтями от кормушки с благами, просить и требовать сладких «профитов» у «власть имущих», а посему так и остался скромным преподавателем. Такие одарённые молодые учёные должны становиться академиками, но для этого, как и для статуса «рок-божества» нужно уметь делать много неприятных и неприличных вещей.

Иван Иванович был просто талантлив. А все эти карьеры… Пусть над ними трясутся ловкие, да цепкие, те, что из «правильного теста».

Обожаю, признаться, дегустировать с ним «национальный напиток» и слушать «исторические» байки про славные «шестидесятые» с «семидесятыми». После первой же «апробированной» бутылочки, естественным образом, живо поднялась тема про извечный «еврейский вопрос».

Тут необходимо отметить, что чернобровый Иришкин па-

па происхождения цыганского, а поэтому сам, будучи русским только отчасти, никогда даже в праздных разговорах пошлого антисемитизма не разводил, а подтрунивал всегда на этот «тонкой счёт» исключительно с мягкой и доброй улыбкой. Вот, привожу забавный блок маленьких весёлых историй на «крупную и серьёзную тематику».

Прибыл как-то однажды в скромный техникум, где служил верой и правдой Иван Иванович, новый сотрудник. Вошел он в кабинет бойко, что называется, «на лукавом глазу», и отрекомендовался немедленно и без обиняков: «Давид Соломонович Эфис! Кстати, русский!». Взрыв дружелюбного хохота раздался в «преподавательской», словно выстрел из ста «катюш», и шустрый «новичок» моментально стал своим! Вот вам легендарная еврейская адаптация на живом примере!

Для пущей справедливости нужно всё же заметить, что преподавательский состав техникума не отличался особым уж «русофильством» – фамилии преподавателей Тренкель, Голубчик и на закуску Майя Бриллиантова живописующее сами говорят за себя. И никто, кстати, косо друг на друга не поглядывал! Ну, дык, Советский Союз, ёлы-палы, пятнадцать республик, пятнадцать сестёр…

Кстати, по поводу фамилий у лукавого Ивана Ивановича имелось в арсенале несколько бронебойно весёлых историй. Одна из которых гласила о некоем всевластном директоре треста столовых Московского района. Фамилия его была ни

много ни мало – Медведь. И вот вяло проходит какое-то собрание по делам общепита, все сложнейшие вопросы обсуждены, решения приняты, а выводы сделаны. Наконец, общее формальное действо перетекает в бурное «неформальное» отмечание такого наинужнейшего «соцмероприятия», и кворум «набирается» до состояний фантасмагорических.

И тут неожиданно, подобно гоголевскому «Ревизору», в зал вбегает запыхавшийся гонец и произносит страшное: «Люди, Медведь пришёл!». Этот факт вызывает у половины загулявшего собрания гомерический хохот, дескать, хороша шуточка! Ну а вторая половина уже настолько «отметилась», что даже немного недоуменно и с опаской оглядывает входную дверь – а вдруг и вправду в помещение каким-то чудом, натурально, забрался «косолапый». То, что к ним «на огонёк» заглянул такой крупный чин, не пришло в голову решительно никому. Погуляли…

Одним из неисчислимых знакомых чрезвычайно общительного Ивана Ивановича был человечище с гениальной фамилией, некто Костя Майо́р (!), счастливый обладатель докторской степени, как он сам с удовольствием шутил, «по картошке». И действительно, без малейших там дураков, темой диссертации было доподлинно «условия хранения картофеля». Как можно было получить «доктора» за «мешки с картохой», пусть даже и Майору, мне крайне неясно, но на то она и наука, правда?

Ну и последний, самый яркий, пожалуй, эпизод на тему

«библейских имен» от неиссякаемого Ивана Ивановича я с особой симпатией даже выделю отдельно.

Ванечка Нея́кий

Иван Иванович Ражев, отец Иришки и мой дорогой (но так случилось, уже бывший) тесть, поведал мне за стаканчиком, да и другим крепкого пивка про некоего Ванечку Неяко́го, жившего в стародавние и, прямо скажем, былинные советские времена.

Ничего не подозревающий агент по переписи населения по долгу службы и зову сердца зашёл к этому самому Неякому Ванечке и на невинный вопрос о национальности получил от него шокирующий ответ: «Еврей!». Ошарашенный агент в ужасе отшатнулся и, ещё на что-то тайно надеясь, робко переспросил его: «Что, так и писать, «еврей»?!!».

Сколько вот ни вспоминаю эту показательную миниатюру, не могу удержаться хотя бы от широкой шутовской улыбки – как же всё-таки «наши люди» бывают поразительно измучены всяческими дурными стереотипами и разными там фобиями! Сквозь здоровый пролетарский смех проступает даже тихая слеза жалости к этим запуганным бедолагам…

К трогательным байкам неподражаемого Ивана Ивановича я ещё обязательно вернусь, не могу же я вот так просто, «за здорово живёшь», да «за рупь, за двадцать» пропасть жемчугу «народного сказания»!

Бояркин и Голопяткин

Пацан сказал – пацан ответил! Как и обещал, снова несколько ностальгических воспоминаний из исчезнувшего СССР прямо из первых «социалистических уст». Уютненько сидим с различными рюмочками за тогда ещё семейным столом, и умиротворённый Иван Иванович неспешно заводит свежую байку про некоего Бояркина.

Этот странный дядька всё и всегда говорил и делал настолько уж невпопад, что над ним потешались сообща всем сплочённым трудовым коллективом, и даже прилежными апостолами записывали за ним его «евангелические» перлы.

Одна из тогдашних его цеховых сослуживиц уже довольно долго находилась «в почётном декретном отпуску», и у любопытствующей заводской аудитории периодически возникал законный вопрос: «Когда же наконец-то произойдет это демографически волнующее событие?». И невозмутимый Бояркин осведомлённо выдаёт в ответ вот эту весьма смелую реплику о жене коллеги (!) по «соцтруду»: «По моим подсчётам должна родить!». Лицо соратника по производству немедленно вытягивается, а присутствующие еле сдерживают разъезжающиеся по лицам «понимающие» улыбочки.

Впоследствии на ещё один сугубо демографический вопрос: «Егорова-то из «декретного» вышла? А кто у неё-

то?». «Двое товарищей у неё родилось!» – на абсолютнейшем «рассерьёзном серьёзе», квалифицированно и авторитетно ответствовал симпатяга Бояркин. Тоталитарная терминология… Она навеки проникала просто в самый спинной мозг тогдашнего советского человека, и рождались такие вот ещё вроде груднички, а уже одновременно и «товарищи».

Некая Клава Чеснокова (а фамилии-то какие – просто конфетки, а не фамилии) темпераментно выясняет, когда же, наконец, будет выполнена некая срочная и архиважная производственная процедура. И получает от того же вездесущего Бояркина не оставляющий надежд ответ: «Клав, машинка у меня не работает! И у Толи тоже!».

Несгибаемая Клавуня теми же ногами движется к опозоренному работяге: «Толь, Бояркин говорит, что у тебя машинка не работает!». Плотоядный Анатолий схватывал всё буквально на лету, и поэтому, хитро подмигнув, законно предложил: «Так пойдем, проверим!». Речь шла, конечно же, о гидравлической машине, но простодушная Клава Чеснокова, вернувшаяся после «демонстрации силы» к очернителю Бояркину, наивно ему доложилась: «А вот у Толи работает…».

Не могу не признать, что юмор сей, конечно же, какой-то уж совсем нехитрый и сугубо заводской, но в этой трогательной наивности шуток как раз и присутствует что-то необъяснимо щемящее.

Ну что ж, встречаем свежий номер комикса про уже, надеюсь, полюбившегося мультипликационного персонажа. Был как-то раз Бояркин в командировке в культовой Алма-Ате. Торчит он в южном гостеприимном городе уже целый месяц, а на производстве, ну никогошеньки нет, все трудятся «на табаке» – в разгаре сезон сбора, и лучшие силы республики переброшены на горячий «никотиновый» участок.

Он ничегошеньки не делает. Целый месяц. Совесть и праздное безделье доводят Бояркина до героического шага. Он идёт к местному начальству и кратко, но ёмко заявляет: «Уезжаю!». А местный смуглый начальник воркует ему так вкрадчиво, по восточному и с прищуром глаз: «Не спеши, дорогой… Тебе тут нравится?». Отвечал Бояркин откровенно – нравится! Ещё бы: за двадцать пять советских копеечек ты мог получить на тутошнем шумном базаре и пивка и шашлычок, а зелёный пахучий лучок прилагался к натюрморту и вовсе бесплатно и в любом количестве. Местный чиновник мягко и с удовольствием улыбается на такой радующий душу восточного человека ответ и резюмирует: «Ну и всё! Продляй командировку, дорогой!». Только на Советском Востоке такой хлебосольный вывод мог сделать казахский радушный руководитель.

Бывал в приветливой Алма-Ате и сам Иван Иванович. И так уж крепко «задружился» он тогда с местным почитателем доброго вина, да хорошей закуски, что захмелевший абориген решает непременно и щедро угостить нового рус-

ского друга.

Расслабленно походкой заходят они в колоритную лавку, и представитель «солнечного Казахстана» без обиняков обращается к продавцу: «Слушай, дорогой, денег нет у меня сейчас, завтра занесу, днём, слово даю! Нам лепешек, шашлычка, вина, ну всё, что надо, чтобы хорошего друга угостить, понимаешь?». Но продавец как-то не спешил давать в долг бойкому незнакомцу с честными глазами. Тогда наш «гид и покровитель» вкрадчиво, но твёрдо молвил «новообретённому» кунаку следующее: «Стой здесь, не уходи никуда! Я минут через десять буду!».

По истечении назначенного срока он картинно появляется в лавке снова. В милицейской форме. Мундир капитана славной казахской милиции, разумеется, производит немедленное магическое впечатление, и целая корзина благоухающей снеди с несколькими бутылками местного вина уважительно вручается представителю власти.

Пили и гуляли всю знойную восточную ночь. А наутро щедрый «начальник» действительно где-то раздобыл денег и вернул-таки долг тому торговцу, что был так впечатлён волшебным переодеванием, всё до последнего тенге.

Эх, всё же что-то доброе исчезло в людях… Ведь разве можно сейчас себе представить такую трогательную «картину курдючным салом»? Да никогда! Эта щемящая ностальгия по «дружбе народов» зыбким мифом осталась жить только лишь в прекрасных фильмах Георгия Данелия.

А вот ещё одна чудная фамилия. Прошёл по и без того грустному городу Горькому печальный слух, что некто Андрей Голопяткин умер. Его коллеги-садоводы безотрадно едут на дребезжащем трамвае до станции Варя и… Видят его! Бросаются с изумлёнными расспросами, славя волшебное воскрешение: «Ты ж умер?!!». «Спасённый» же Андрюша Голопяткин лукаво усмехается и важно ответствует: «Дык, уж встал!».

Интересно, он реально восстал из мертвых? На этот теологический вопрос бывалый «краевед» Иван Иванович Ражев отвечал уклончиво, оставляя место чуду в современном сером мире доллара, кризиса и интернета.

Кусэ́чек

Иришкина мама, любимая наша Галина Васильевна очень забавно говорит, когда просит угостить её чем-нибудь вкусненьким: «Дай кусэ́чек!». Честно сказать, этот «кусэчек» я давно стащил у неё и преспокойно пользуюсь, так сказать, в быту и творчестве.

Спасибо ей за многое, этой красивой и мудрой женщине с огромными насмешливыми глазами! Терпеть таких «маргиналов», как мы, под боком, это, знаете ли, удел сильных духом.

В тогдашнем «рокенрольном» доме, как в цыганском таборе постоянно кто-то репетировал, ночевал, бухал, столовался, гоготал ночами, устраивал первобытные пляски и чудачества посерьёзней. Представляете, какую сложную гамму эмоций можно испытать, когда «лицезришь» на своей родной кухне абсолютно незнакомое существо, с аппетитом поедающее твой же суп прямо из кастрюли.

Признаюсь, как на исповеди, я бы такого «вольнодумия» в своём доме не потерпел. Только вот дома своего у меня нет… Дайте кусэчек…

Ножи на хате Шахета

Я человек мирный, можно сказать, пацифист и филантроп. А можно так и не говорить, ибо есть люди, которые видели меня в деле. В самурайском деле… Вы скажете, конечно, что всё это чепуха и позёрство заигравшегося ботанэллы. Может, да… А может, и нет… Просто так уж вышло, случались со мной такие боевые приключения, что до сих пор я не уверен, правда ли это происходило со мной или я просто выдумал всё, а рассказывал так часто, что мне уже все и верят. Но…

Вот, хотя бы такая знатная дурнища, что приключилась со мной в бытность жития на московской квартире некоего Шахéта – персонажа культового в Нижегородской музыкантской среде. Этот странный, но благородный в своем роде чел был (надеюсь, есть и сейчас) бизнесменом первой, так называемой, «реальной» волны.

Помимо основного и прибыльного бизнеса он умудрялся впрягаться во все мыслимые и не очень аферы по музыкальному люду. Он спонсировал альбомы, клипы, туры, снимал квартиры, покупал инструменты… Не верите? Я и сам уже не верю! Так изменилось время, и есть ли ещё на злобном теперешнем свете такие, по-хорошему безумные люди… Да, конечно же, уже нет…

Здесь нужно откровенно отметить, что мы его любимцами

никогда и не были, и честно тащился он лишь от голосистых, виртуозных и мелодичных, но вот только чтобы «по образу и подобию» пресноватой группы «Воскресенье».

Но вот однажды некто неизвестный удивил его нашей «гневной» песенкой «Не сдамся». Ни слышать, ни петь, ни говорить о ней я уже не могу! Наверное, она «где-то и отчасти» помогла нам, ведь всем же известно, что открыто матерящийся площадной артист всегда будет иметь у толпы на Руси уважение, да и залихватско-жлобско-пролетарская тематика «осечек на дуэли не даёт». Так или иначе, это неожиданное «ска-хулиганство» абсолютно любой аудиторией от отборных гопников провинции и весёло пьющих студенток до мрачных кремлёвских чиновников и «накокошенных» звёзд совэстрады принимается на полное «гип-гип, ура» и спасает любой вяленький концертик.

Песня в очередной раз «вдохновила», и мы были тут же разысканы «покровителем горьковских муз» Шахетом и ещё какими-то загадочными личностями, пьяное общение с которыми, как всегда началось снисходительными обещаниями по феерической раскрутке и мега-финансированию. Ну вы знаете: «Значит, пока поначалу окладики вам положим, ребятки, для поддержания, так сказать, штанов…». А закончилось всё, конечно же, как обычно – нашими унизительными «дониманиями» горе-спонсоров по телефону и их не менее пошлыми увиливаниями от общения с будущими звёздными протеже.

Но всё это «саркастическое» только не о Шахете. Великодушный Шахет «без дуриков» бросил нам с барского плеча прямо под ноги свою роскошную московскую квартиру аж с двумя сортирами и метражом со Швейцарию величиной, что снимал для своих редких в столицу наездов. Детское счастье наше было безмерно, пламенные сердца трепетно сжимались и разжимались от головокружительных перспектив и… В общем, вот оно, попёрло!!! Сколько же раз мы, бедные дурачки, покупались на всё это фуфло и свято верили в свою особую судьбу успешных и известных… И не сосчитаешь, как пресловутых бразильских Донов Педров.

Выперли нас «оттель» в аккурат через две недели после торжественного заселения, причём без малейшей возможности найти хоть временную собачью конуру, а прямо сразу – завтра и нафик! Шахет, надо сказать, к этой «попахивающей» истории отношения особо не имел, это была задорная инициатива одного нашего очередного «земляка».

Много же их было на нашем «босяцком» веку, «землячков-нижегородцев», так «помогавших», что вспомнить не то, что жутко, а «сильно противно». Душевно-бескорыстно помогали-то нам как раз москвичи, владивостокцы, новосибирцы, омичи… И великодушное сорри, дорогие, ежели я кого-то ненароком забыл! А вот наша «замечательная диаспора»… Ладно, я же решил, что совсем уж дерьмовые истории выкатывать напоказ мы не станем, так пусть эпопея наша будет раздолбайская, но всё же весёлая, ну а если и

с некою грустинкой, то такой, знаете… Небольшой-небольшой… Так что, немедленно взбодримся, и – далее, в дебри необыкновенных приключений отважных «алкоголиков»!

На момент неожиданного «изгнания из рая», словно для «усиления остроты ситуации», у нас «чуточку» гостила наша Иришка, одним словом, можете представить освежающее состояние «поймавших удачу за хвост» двух провинциальных охламонов, да ещё с блаженной художницей на дрожащих руках. На улицу, родимые, на у-улицу-у!

Я, как всегда, «разрулил всё грамотно и чётко»! Как и должен поступить «настоящий мужчина, который контролирует ситуацию и может защитить свой маленький отряд» – я преспокойно пошел на работку «курьерить», а двум своим компаньонам по удачам и успехам дал краткое, но компетентное ЦУ: за восемь часов своего царственного отсутствия снять недорогую квартирку и ювелирно уложиться в наши грошики, что ещё оставались!

По-моему, очень разумное и волевое получилось распоряжение… Вечером мне было радостно и практически на пределе гордости доложено: усё готово, вещи собраны, квартирка снята, бабосики заплачены…

Долго ещё потом звонили мы на несуществующую «небольшую квартирку, с крошечной кухней на окраине, потому и недорого, ребятки», и с содроганиями вспоминали пустые подлые глаза риэлторов-кидал и их поганенькую конторку… Такие, знаете ли, голографически-бликующие ли-

ца, каждое мгновение разные, прямо как в моралистическом ужастике «Адвокат дьявола».

«Не пужайтеся, граждане», а также милые вы мои друзья, те, кому небезразлична судьба маленьких героев этой нашей общей теперь книжки, на улице мы не остались – нас в который раз приютили родные Лёха и Санька, новосибирские, между прочим, музыканты. Так «рокенрольное» спасибо им, да и поклоны до земли!

Но, однако, теперь и о главном, о чём, собственно, я и собирался рассказать по поводу этой мажорской хатки. Отец родной, Шахет ответственно предупредил, что гости всё же у нас будут – и это верные его работники и коллеги. «Преданные» коллеги, надо сказать, оказались вполне весёлыми и благодушными созданиями, однако также не преминувшими посулить нам очередное мифическое спонсорство! Нечего делать, знакомое покровительственное похлопывание по плечу было пережито снова и снова. А вот с работниками вышло чуточку по-другому…

По производственной, так сказать, необходимости на Шахетовской квартирке останавливались и его работяги с какой-то, если не ошибаюсь, фабрики или чего-то такого же для артиста малоинтересного. Приняв предупредительный звонок нашего недолгого босса на ниве музицирования, мы от чистого сердца стали готовиться к встрече «трудяги-земляка».

«Работник» оказался худым, маленьким и жилистым мужичком годов тридцати пяти с бегающим взором и суетливыми жестами. Он был без дураков по-хорошему принят, вкусно накормлен и даже занят светским разговором под свежее разливное пиво. Пиво ему пить почему-то было грустно. И как догадался бы уже любой «настоящий россиянин», через некоторое время он неоригинально кинулся к двери, приговаривая что-то вроде: «Ну это… Чё-то не то, не это, надо взять, щас я это…».

Вернулся он почти мгновенно с «недостающим» пузырём такой величины, что я даже до сих пор не уверен, полуторалитровый он был или всё же больше. Коварный напиток методично и неумолимо выпивался, скорость же злоупотребления была обратно пропорциональна настроению «корешка». Он довольно озлобленно что-то вещал своё сокровенное про то, «какие все вокруг красивые, б…я, и хорошие, а настоящий пацан страдает». Затем пошли классические демонстрации силы на примере пятидесяти отжиманий на од-

ной руке от пола. Ну и, наконец-то, пришла пора ожидаемого уже предложения подраться на ножах.

Я вообще человек мирный… Я ведь, кажется, говорил уже это? Можно сказать, пацифист и филантроп. Тоже говорил? Ну правда, я очень благоразумный молодой человек, ну не пойду я драться на ножах, и, во всяком случае, хотя бы попробую для начала как-нибудь разрулить боевой конфликт по-другому.

Но безмерное количество «поглощённого» неумолимо вытолкнуло меня за грань здравого смысла, и я безвозвратно прошёл «точку самурая»… Так я называю свое «запредельное» состояние, когда благоразумие, страх и здравая оценка ситуации уходят куда-то далеко, и ярость кипит в тебе, как адский котел, и ты уплываешь в другое измерение (и это вовсе никакая не шутка и не литературная гипербола), где самурай должен наказать жалкого негодяя.

И вот я тоже со свистом выхватываю здоровенный кухонный нож (картинка, а?) и произношу жутким, низким и гулким, не своим голосом: «Слушай ты, сука, тебя тут приняли, как родного, посадили за стол, обезьяну, а ты такое себе позволяешь!!! Я щас тебя самого на куски покромсаю, чмо!». Отвратительный «гость» злобненько следил за моим «карающим мечом» прищуренными глазками, и всё его «бытово-криминальное» судорожно боролось со страхом – а вдруг и вправду я реально сильнее?

Честно скажу, не знаю, чем бы вся эта «эксперименталь-

ная пьеса» закончилась, если бы затосковавший Руська не взял этого насосавшегося троглодита под микитки и, грозно рявкнув: «Всё, спать пошёл!», вывел его, натурального Шарикова, «в опочивальню». Уж очень это одноклеточное существо хотело кровушки, и уверяю вас – лишь исключительно на время его остановила моя уверенность в том, что Д'артаньян здесь я, и поединок неминуемо начался бы и, в общем, понеслась бы такая стихия…

Грустно… И смешно… Весь следующий день нашкодивший «работничек» стыдливо просидел в своём углу и вечером тихонько свалил на поезд. Не особенно что-то верю я в его «глубинную» совесть, а думаю, что трясся он всего лишь от того, что вломят его, немытого зверька, всесильному Шахету…

С тех пор мы навеки усвоили один важный «жизненный урок» – никогда не пей с незнакомыми людьми! И в особенности с «человекоподобными». Этому железному принципу свято и сурово мы следуем и по сей день много-много «дивных» лет!

Ножи на Багратионовской

И ещё чуть-чуть о ножах… Шикарный барабанщик и улыбчивый красавец Санька Базанов… Чёрт, никак не могу привыкнуть, что его уже безжалостно нет на этом свете… Он-то и пристроил нас, бездомных Алкоголиков, в «апартаменты», которые сдавал один музыкант «сильно за сорок» по имени Женя – матёрый кабацкий басист и вокалист направления «гангста-шансон». Исполнял он «блатняк» настолько «реально по-пацански», что любой в «правильном» зале верил – вот этот, если уж не сидел, то точно сядет (тьфу-тьфу-тьфу!).

Это было одно из самых кошмарных мест, где довелось нам «жить-поживать» за бесконечную московскую одиссею. И дело не в нашей очень небольшой комнатёнке, которая была уж не из самых наших ужасных, нет. Как-никак, а рядышком с метро, пускай и Багратионовская, одно, но большое окно – гордость Жени и наша (ибо хоть и в сарае, но буржуйский стеклопакет), под боком восточный рынок, шальная Горбуха и даже пьяный Парк Фили.

Но соседи… Может, это карма какая-то, наше наказание уже здесь, на Земле? Всегда эти ненормальные, лезущие во всё, готовые убивать за очередь в душ, придирающиеся ежеминутно по самому неприличному вопросу… (Примеров приводить не буду, ибо по натуре эстет и практически

властитель дум и баловень искусств).

В одной из мрачных комнат, что ближе к нам, проживала бесцветная тётушка с потугами на интеллигентность, по всему видно, училка из хохляцкой провинции. Ну, знаете, эдакая смесь постоянного сетования про «цены такие здоровущие» и утомительного втягивания в разговоры, вроде: «Так обожаю Чайковского, особенно «Лебединое», а вы как к «Лебединому», а?». Ну и её угрюмая дочурка годов о двадцати пяти, ещё ничего себе, но уже старая дева, злая как бобик, и посему замуж «не угодит» уже никогда.

Это, разумеется, были цветочки. А вот ягодок было три. Три грымзы. Национальность их я определить не берусь, скорее всего, некие молдаване с опасной примесью чего-то татарского. Законченные ведьмы, похуже сестричек Соледад старого колдуна Кастанеды. Огромные, рослые, одинаковые, чёрные, горластые, жадные, скандальные суки. Вместе втроём они появлялись крайне редко, так как по «родственной» очереди одна из сестриц регулярно оттаскивала накопленное бабло и шмотьё на жаркую родину.

Я и брателла Русь за всё время героической эпопеи в столице Родины вдоволь нажились в одной комнате и на одной подстилке почище Джаггера с Ричардсом. И по вековому опыту знаю, что, несмотря на нашу склонность к неумеренному употреблению бодрящих и вострящих воображение напитков, люди в быту мы тихие. А все эти наши «хеви-металы» и «ви-джейства» на темы советского кинематографа

всегда производились на громкости, близкой к умеренной, и только в пределах собственной берлоги. И разнообразные дикие выкрики в терцию, да языческие песнопения прекращались за порогом законно отведённой комнатухи и неподсудных «двадцати трёх нуль-нуль». А посему юридически, да и просто тупо по-бытовому, придраться было не к чему, ну не к чему, уважаемые граждане судьи!

Мегеры выжидали долго… Уж слишком мы были аккуратные: на кухне за собой уборочка, мусор – да ни в коем разе, выносится, не появившись, в общем, мы им страшно не нравились, да чего там, они просто возненавидели нас! И не мытьём, так всяким катаньем, потихоньку-полегоньку ими была выработана изощрённая техника доёб…вания до «этих волосатых музыкантиков»…

Стоило кому-то из нас занять хоть на минуту общий, разумеется, душ, как тут же одно из трёх чувырл выскакивало и начинало дубасить в дверь на тему: «Да что ж это такое, невозможно ни постирать, ни помыться!!!».

А надо добавить к общей светлой красоте этой картины, что грязь в коридоре, на кухне, в ванной и «прочих, с позволения сказать, удобствах» была настолько чудовищной, что после первой же попытки как-то вернуть лицо этой ночлежке, мы потерпели крах – просто не существует таких сил человеческих и здесь спасёт только напалм.

И тараканы… Они ретиво бегали стаями, человек по тыще, и если ты не ровен час выходил в тёмный коридор или

до душа, то… Бр-р-р… Но! Не хочу выставлять себя нетленным святым, однако ни одной пакостной животинки подобного сорта никогда не появлялось в нашей комнате, это совершенно необъяснимо, но так необыкновенно лестно. Ведь «таракандель» – тварь традиционно дьявольская и со вкусом проживает лишь рядом с ему сочувствующими, а стало быть, не так уж мы и окончательно-то плохи, ура!

Но сколько ни оттягивай неотвратимый финал, а о кровавой развязке мне рассказать-таки придётся… Донимали нас долго, нудно, гадко, а, стало быть, профессионально. И в один из вечеров, когда мы с Русланычем «употребили» особенно лихо, много и душевно пели, и Русь подался совершить вечернее омовение (дело было типичным российским нудно-душным летом), он снова нарвался на главную из адских сестер. На её несчастье я выключил ненадолго ласкающий ухо «Джудас Прист» и услышал, как снова злостно обижают моего беззащитного брата…

Вы знаете, у меня есть одно, уж не знаю хорошее или не очень, свойство души, которое усиливается в подпитии многократно – это обострённое чувство несправедливости. Впадая в него, я перестаю идти на компромиссы, даже если наверняка знаю, что разрушится моя несуществующая карьера, или я сейчас выясню отношения «любви и дружбы» до самого конца.

Итак! Я взял два длинных ножа (читатель, ты только не подумай, что я зациклен на этой самой зловещей теме рас-

членёнки, это всего лишь второй и последний фантасмагорический эпизод в моей жизни, поэтому-то я и расположил их рядышком, чтобы принять позор одиножды за оба случая), вышел в полутёмный коридор и произнёс проникновенным тоном маньяка: «Слушай ты, тётя, это мой друг и я не позволю обижать его, это понятно?!!». Ну и для того, чтобы наглядно закрепить произведённое впечатление, я вонзил один тесак в крышку общественного холодильника, а второй в его белую прохладную бочину.

Думаю, мои «убийственные» слова и «устрашающий» тон, казавшиеся мне невероятно ужасными и эффектными, не произвели на неё ни малейшего впечатления. Впрочем, как и всегда, когда мне приходится так по-детски стращать хулигана, негодяя и хама. «Не верю!» – говорит подонок – «Не верю, по Станиславскому не верю!». В общем, верю только наивный я сам.

Но ножи в холодильнике… Покачиваясь, как две шпаги в загнанном быке, которого атаковал жестокий тореро, они светились так ярко под луной и авторитетно говорили лучше всякого гневного спича!

«Эй, парень, хлопчик, ты это не надо, ты убери, убери нож-то…» – пятясь к своей двери, мямлил этот струсивший монстр, и, достигнув обширным задом искомой, ловко юркнул к себе в пещеру, стремительно щёлкнув всеми многочисленными замками и засовами. Недолгая победа… Приятная, хотя и пополам со стыдом.

Что ж, пару дней передышки мы заслужили вполне законно, но уже очень скоро начались демонстративные и пока робкие жалобы перед нашей дверью «соседке-псевдоинтеллектуалке с Украины»: «Да что ж это такое творится-то, он же сумасшедший, ненормальный он, я ж посажу его, не в милицию, так в психушку, я ить дело это так не оставлю…». В её истеричных словах не было угрозы, это был просто «насекомый» страх, единственное, что подобные тараканы понимают. По-бабьи глупо, она всё ещё пыталась меня запугать, но уважение к такого буйного рода выходке уже никуда было не деть. Это был классический неадекват…

Неадекват – а люди это ценят! Так что же, я – неадекват? Ну доведете, буду… И душевнейше вас умоляю и мягко рекомендую, не нужно больше повторять ножей на Багратионовской…

Андрюха и ФСБ

В молодости я ни за что не поверил бы в то, что когда-нибудь попаду в категорию «пьющих». Но с упрямым, как Овен, фактом не поспоришь, я – алкоголик. И как ни печально, круг людей, где я, так сказать, вращаюсь, разумеется, составляют совсем не трезвенники.

Пьющий сразу видит «дорогого коллегу», зорко «выцепляя» его из группы «обычных» граждан. Пьющий всегда поможет себе подобному, пожалеет и никогда не продаст. Это, наверное, не очень смешно, но я так живу. Таким как я приходится иногда весьма сложновато – постоянное мимикрирование под «нормального» порой смертельно утомляет.

К примеру, если честно распахнув душу, признаться «обрабатываемой» девушке, что алкоголь имеет власть над тобой, то лучшего варианта отпугнуть её от себя и не сыщешь. А как же – прежние виды на замужество приобретают жутковатый оттенок, перспективы просто красивого романа рассеиваются, и вообще, в конце концов, может элементарно «не дать».

Да и «правильные» друзья-товарищи с коллегами-сослуживцами начинают настороженно всматриваться в моё «порочное» лицо – чего ждать от такого? Да чего угодно!

Ну и, переходя к пропащим моим собратьям по Бахусу, и иллюстрируя курьёзную нашу тайную жизнь, влёгкую нари-

сую такой вот сюжетец…

Уважаемый коллега по работе на Ветошном переулке (есть рядом с ГУМом такой маленький магазик винила и ди-джейского барахла) и верный мой собутыльник Андрюха как-то душевно подсел ко мне за стол. И я сразу же доверительно признался ему в том, что, несмотря на очередную завязку, бухнуть мне хочется просто дико. На что он добродушно усмехнулся и неторопливо рассказал, что загулял вчера так жестоко и с такими безумными компаньонами, что хоть и сам бывалый «бу́харь», но до сих пор пребывает в эстетическом шоке…

«Забухал я, Игоряш, с десантником – краповым беретом, одним стариканом шестидесяти пяти годочков – бывшим инструктором по рукопашному бою и просто ФСБ-шником». Короче, «вот компания какая», как задорно поётся в известном детском шлягере…

Загадочный ФСБ-шник и громила-десантура ёще как-то друг друга знали, а вот дедушка-рукопашник и наш Андрюха приблудились случайно. Дедушка, беспрестанно опустошая стаканчики, мучил несчастного «крапового»: «Хорошо вас, молодежь, учат-то, наверное… Дай-коть, я тебе чего покажу, па́ря…». И как-то неуловимо перехватывал его монструозных размеров руку и ловко нажимал на секунду в локте. «Краповый» орал благим матом: «Ай, б…я, дед, отпусти, не могу больше!!!». Дедуля добро улыбался и отпускал.

Выпивали ещё. Дедушка продолжал гнуть линию настав-

ничества – нажимал в каких-то тайных двух точках позвоночник румяному здоровяку-десантнику, и тот рушился на столик бездыханный.

Со стороны это выглядело, будто какой-то сюрреалистический балаган: тощий старикашка в костюмчике со значком «Мастер спорта» дотрагивался до слона «вэдэвэшника», и тот падал в «бессознанке». Деда вновь добро усмехался постариковски и дотрагивался до каких-то его секретных точек за ушами и у висков, и «десантура» оживал и, испуганно озираясь, вопрошал окружающих: «А чево, чево было то?».

Бодро проведя ещё пару заломов, дедушка из Шаолиня отвечал степенно: «Да ничего, сына, просто дедушка старый, дедушка знает много…». Оставив телефон и обещания курса молодого бойца для «крапового», он незаметно растворился в околокремлёвской ночи, оставив ощущение чуда.

Постепенно потерялся и здоровяк-десантурщик. Но ещё долго нудный ФСБ-шник донимал Андрюху государственными тайнами, технологиями убиения человека за несколько секунд, постоянно оглядываясь и приговаривая: «Так, тут камер нет, случайно? Ага, вроде нет. Ну а ты меня не сдашь, если чё? Ты, часом, не агент?».

Вот так «священная синька» делает людей ещё более забавными, чем они есть. И, слава Богу! К тому же, если б не наше нетрезвое братство, откуда бы взялась эта удивительная и фантастическая история? А-а-а… То-то!

Дар – вызывать доверие

У каждого человека на этом свете и у всякой нежити на том, даже у любой бессловесной твари или просто совсем уж неодушевлённого предмета есть свой Дар Божий, это совершенно определённо. Только вот далеко не каждый обнаруживает его за целую долгую жизнь. Как же это должно быть ужасно – в конце своего отведённого, положенного и прожитого, давясь последним своим вздохом, судорожно тонуть в безутешных думах: «Как же так, прожил серенько, незаметненько, а зачем это всё, зачем небо синее коптил, никому не помог, никогошеньки не порадовал, и где же оно, то, особенное, что так и не распознал…». Вот такая вот «астролябия»…

Дар обыкновенно вручается не один: маленький и великий, нелепый и вполне общественно полезный, явный и заметный лишь немногим. В общем, можно так классно шевелить ушами, что спасти чью-то пропащую душу от самоубийства, вызвав приступ весёлого жизнелюбия, а можно быстро-быстро играть на рояле, а только кроме тоскливой досады, вроде, «да когда же это всё издевательство закончится…», так ничего и не выходит у подобного виртуоза.

Говорить о талантах и дарах, применительно к самому себе некрасиво и пошловато, но я всё же рискну. Не знаю, какой уж у меня там поэтический и мелодический дар, как я,

скажем, пою и сколько могу выпить текилы, не мне судить, но вот один Дар у меня есть наверняка – Дар вызывать доверие.

Доложу я вам, это довольно мучительная и обременительная штука. Раньше, в молодости я ещё не врубался, что происходит, почему самые невероятные персонажи, словно доверчивые дети, выкладывали мне всё самое болезненно-сокровенное, выворачивали изнанками души и поверяли в страшные тайны реальной жизни и воспалённого подсознания.

Подчас я по собственной глупости довольно безответственно и без нужной деликатности относился к выданному мне на исповеди и обижал некоторых нелепых дурачков, так доверившихся мне. Но невольно, поверьте! А когда же пришло ясное осознание, что это не случайность, что бедные люди и в самом деле запросто приносят мне, как древние в жертву, свои тайны, мечты и переживания, я был довольно сильно напуган.

Никогда в жизни я не пользовался корыстно этим своим чрезвычайно странным свойством. И поверьте, мне ни капли не лестно, а, наоборот, до сих пор весьма не по себе от этого самого сомнительного таланта. Мне совершенно не нужен этот Дар, ведь почти всегда он в тягость….

Вы только попытайтесь представить: я выслушиваю чудовищно плохие стихи от человека, от которого подобной дряни ну никак не ожидал. Он не глуп и совсем не бездарен,

правда, в несколько других областях бытия, а вот тут такой постыдный для нас обоих прокол. Как мне реагировать на эти адские вирши? Вам легко советовать быть милосердным, толерантным и снисходительным, вы не слышали ИХ и никогда не услышите, это то, что хранится в тёмном подземелье души, сюда не допускается ни один смертный. Язык не повернется повторить подобное, даже если б я был негодяем-разгласителем, это страшно, ведь «доверившийся» просто не понимает, что сие не просто бездарно, пошло и глупо, это – СТРАШНО!

И вот я, как какой-то злобный тролль, завладев доверием очередного несчастного, выслушиваю то, чем потом мог бы легко манипулировать и даже просто убить. О, сколько же я познал таких вот «стихов», от стольких поэтов-просветителей, поэтов-романтиков, поэтов-святых!

Да что стихи… Мне известны такие вещи интимной жизнедеятельности многих моих знакомых, без которых я прожил бы ну совершенно тишайше и спокойненько, а теперь вынужден с содроганием вспоминать все эти эротические фильмы ужасов.

Но тут необходимо всё же отметить и светлую сторону этого странного явления. Дело в том, что очень часто совершенно незнакомые, но такие милейшие персонажи поверяют мне истории своих порой невероятных жизней и судеб, что на помятой моей душе потом так неземно спокойно, трогательно и по-доброму весело.

Вот, буквально сегодня, сидючи терпеливым пауком в своём виниловом магазинчике, я познакомился с потрясающей тётушкой из Бразилии, где много-много… Да сами знаете! Нет, серьёзно, загорелая, с фарфоровыми белоснежными зубами, подтянутая, с лёгким изумительным акцентом, «лет сорока девяти на вид», если выразиться галантно.

Она изящно вошла и испросила ностальгической советской музыки и нестареющего французского шансону. И между делом, то есть параллельно с её неистребимым временем «меломанством» и моей нехитрой коммерцией, рассказала мне о том, что вот уже сорок лет живет в далекой Бразилии, в городе с романтическим флёром Сан-Паулу.

В том самом тревожном «шестьдесят восьмом» она ещё в призрачном СССР познакомилась со своим красавцем «Доном Педро», что гостил и учился у нас по «научно-культурной» линии ЮНЕСКО, и в уже в «семидесятом» красиво переехала к нему «на фазенду».

А ещё она мило доложила, что никаких претензий к советской власти не имеет, что нехарактерно, согласитесь, для наших утомительных «страдальцев-эмигрантов». Что выпустили её совершенно запросто, как в сказке, и даже старенькая ёе мама гостила в стране карнавалов аж шесть раз по полгода.

И потом как-то одновременно легко и страшно сообщила, что шесть месяцев назад у неё умер муж… «Мне так удивительно» – говорила она как-то странно, даже не печаль-

но, а совершенно опустошённо – без сомнения, это была её огромная и светлая любовь, – «Что я ставлю теперь свечки за упокой мамы, папы и… за мужа». Он стремительно умер в самолете от неожиданного инфаркта, никогда серьёзно не болев, на семьдесят втором году жизни, вот так…

«А я вот не боюсь стареть» – продолжала щебетать моя новая очаровательная знакомая, – «Здесь в нынешней России по людям сразу видно, как это их пугает, а мне вот шестьдесят шесть (!), и старюсь я абсолютно легко и спокойно».

Она два раза рассеянно снимала деньги с карты, напротив в шумном ГУМЕ, и легонько упорхнула, унося в местном нелепом «фирменном» пакете заливистого нашего Полада Бюль-Бюль Оглы и почему-то сентиментального «ихнего» Фаусто Папетти. И ещё, я так на это надеюсь, моё искренне сочувствие… Я ведь, каюсь, еле сдерживал непрошенные слёзы, когда заворожённо слушал её, а вы ещё говорите, что я – старый ворчливый циник. Жизнь, рассказанная за пять минут, что может быть прекрасней…

Ну чего, пока что по этой щекотливой теме всё. Но ведь тяжкие испытания Даром Доверия не могут не продолжаться – и вот уже кто-то снова таинственно входит ко мне в мой Маленький Магазинчик Ужасов…

Не поднесут…

Моя милая бабушка никогда особо не нажимала на алкоголь. Что само по себе, наверное, и нормально, и даже гармонично, поскольку таким образом поддерживался хрупкий баланс в противовес обоим моим убеждённо пьющим дедулям. Разве что так, могла влёгкую выпить полстаканчика древнего египетского напитка, а проще говоря, пивка, и то, если мы её иногда угощали.

Сразу же после приёма внутрь «культового и прославленного» она несколько картинно ужасалась волшебной силе опьянения: «Ой-ой-ой, какое пьяное, сразу в голову вступило!». Она была уже очень-очень старенькая, выпивала крайне редко, а поэтому и вправду быстро хмелела от такой ничтожной дозы. И каждый раз трогательно изумлялась, как сильно и скоро лукавый хмель оказывал своё сказочное действие.

А мы все, её разношёрстные дети и внуки, пряча хитрые улыбки, переглядывались, ожидая сакральной фразы. И действительно, обязательно и неизменно она, лучшая бабушка на свете, приговаривала чуть позже: «Дед ваш мне всегда говорил – пей, Александра Николавна, помру, никто тебе не поднесёт…». Господи, как же грустно всё это… Но мы ей всегда подносили, видит Бог!

Валюшка

А ведь это же было! Было, когда я, уже сильно великовозрастный, шустро бегал по магазину, что на улице Тверской, эдаким удалым продавцом. Такое вот моё изрядно припоздневшееся «студенчество» – ведь общался я там с чокнутыми ребятами и девчатами намного младше себя, и мне безумно это нравилось. Я и сам становился лет на десять моложе, и то, что я до преклонных лет имею весьма инфантильную внешность, заслуга и этих славных дней, и шального «молодняка», который я так любил.

Как-то, по обыкновению, я пытался слиться с местным музыкальным антуражем, дабы нудные покупатели не донимали молодящегося философа-невидимку. И увидел, как ко мне приближается блаженный малый с причёской аля «Курт Кобейн» и огромными голубыми глазищами. Это был Валька. Мой будущий закадычный кореш и «старпёр на вырост».

Был он наш, дремучий советский меломан, хоть и по годам совершенно не из нашего «поколенья злых». Кто перед ним, он тоже просёк моментально, и вековая дружба завязалась в одну секунду.

Таких хулиганов, матершинников и шутников на гране фола Мать-Земля до него ещё не рождала. При его внешности красавчика-сердцееда внутри него сидел такой опасный чертёнок, что порой просто жутко было от той дичи, что со-

чинялась в его лукавом сознании! Ну и я был тоже не промах в средневековых грубостях и фривольных зарисовках. Одним словом, мы оба были в восхищении друг от друга – эдакие субтильные варианты панков Гаргантюа и Пантагрюэля.

Валюшка мог так филигранно спародировать любое создание на планете, что такой уж пустой предмет, как просто человечек… Это было для него уже даже скучно.

«Коммерческая» карьера хулигана Вальки, прямо скажем, задалась, и он безропотно принял на свои плечи нелёгкий крест администратора зала. Так вот у него, в охваченном отеческой заботой подчинении, трудился некий паренёк, который так уж любил выпить, что приходил на службу через раз, а опоздания на «пару часиков» были и вовсе детской шалостью.

И вот в один из особо тяжких похмельных «подъёмов» он объявил обременённому монаршею властью Вальке о своём торжественном уходе. Сам я при этом не присутствовал, но гениальный Валюшка так достоверно передал суть причины «безвременного» ухода и степень отчаянья этого индивида, что я, как будто сам видел сию драматическую картину.

На высокой истеричной ноте Валька голосил за вышедшего в тираж преданного поклонника Бахуса: «Ну не напиваюсь я, ну, ну, не напиваюсь! С таким графиком невозможно жить, совершенно невозможно! Ну не напиваюсь я, не напиваюсь!».

Так и радуем мы друг друга, часами хохоча над чушью, которую вдохновенно несём, наполняя, так сказать, мир светом, да вселенную радостью. Два странных шута… Но наверное, и такие для чего-то нужны… Валюшк, дорогой, а ты сам-то как думаешь?

Колобочки

Тёплое всё-таки местечко досталось мне в качестве почётной трудовой обязанности – сижу возле Кремля, ваяю «доброе и вечное». А, в общем, ни много ни мало, а как-никак пишу «роман»! И в то же время вроде бы нахожусь на работке – усердно отдаю долг труженика-стахановца. На благо, так сказать, великой России и её богоносца-народа.

Можно и спеть, если душа просит, ведь нежная подруга моя, родная моя гитара всегда под рукой. Правда, развесёлые мои дружки ди-джеи, что живут этажом выше, не дают впасть в самолюбование, заслышал мои истошные вокализы. Не знаю уж, в чём тут дело – в моей своеобразной дикции или в особенной акустике помещения, но всякий раз дерзкие слова моих песенок слышатся им в каком-то трансформированном и даже сюрреалистическом ключе.

Ну, Бог с ним, довольно специфический припев саркастической песни «Бэки в кабаке» они могли еще ошибочно интерпретировать, как забавно-бредовое «Бэтмен в кабаке», но этот фонетический мираж…

Имеется у меня одна «композиция», как очень любят штампованно «краснобаить» диск-жокеи на радио и танцульках, где не самый привлекательный персонаж умиляется собственному сытому благополучию: «Мои три ларёчка стоят на морозе!». Ну хорошо, фразочка, возможно, тоже из

«заковыристых», но услышать в ней «и в каждом лоточке сидят колобочки» – это уже из разряда: «А-а-а, а я понял-понял, вы все тут «на этом» сидите!». Какой-то просто наркоманский глюч по глубокой укурке…

И каждая «свежеприготовленная» от «композитора Игоряна» сопровождается безумным смехом, поскольку в ней вновь местные «резиденты» увидели диковинный словесный пируэт. Ну вот что мне сказать им, любимым моим подонкам, когда моя мрачная героиновая баллада «Друг семьи» легко превращается в грязную панкуху из «семидесятых» – «Труп свиньи»?!!

Но сейчас дружный гогот раздаётся не в мою славу «сонграйтера», а просто наш Андрюха, очень похоже имитируя кассиршу из родной «беляшной», гениально голосит: «Два по сто, забираем водочку, забираем!». Ох, ещё один пьяный день… В тёплом лоточке с «колобочками».

Страсти за замком

Особенно пытливый читатель задастся вполне естественным вопросом: «А почему в книге так немного «захватывающе-эротического?». А и действительно, почему? Ведь в жизни любого «разностороннего» человека сексуальная сфера занимает такое неприлично высокое место, что весьма странно, почему в сиих повествованиях я такой непорочный монах.

Отвечу! Ну для начала «раскрепощёно» вываливать на целомудренные белоснежные страницы всю палитру собственных «сложных эротических переживаний», считаю просто неэтичным, да и неэстетичным, наверное.

И конечно же, чего застенчиво скрывать, мне страстно нравятся все женщины мира, как и любому другому примитивному самцу, но зачем гневить Бога некартинными подробностями… Да и вообще, все эти «вожделенные» описания наших вполне естественных реакций на ту или иную аппетитную кобылку… А зачем-таки всё это надо?

Так что, спрячем то, что нужно спрятать и лишь слегка и в душе примерим лавры Маркиза Де Сада…

Ди-джеи рэкетиры

Ди-джеи рэкетиры уверенно и несколько зловеще вошли к моим соседям наверху в магазин с модным «умца-умца» оборудованием. Я назвал их так, как только увидел, непроизвольно и сразу, уж настолько им это подходило – по-хулигански коренастые, стриженые под урок, с полудеревенскими рублеными физиономиями и низкими лбами.

Манера же изъясняться у них была настолько эклектична, что наряду с терминами «контроллер» и «звуковуха», совершенно спокойно соседствовали «сентенции», вроде «а мне насрать, лишь бы бабки были».

До того, как войти, они долго матерились у входа, тревожно кого-то ожидая. По-моему, я слышал даже характерные стрекочущие звуки разгрызаемых сёмок.

Наконец прибыло накаченное до непотребства подкрепление, и они всей живописной кодлой грозно поднялись наверх. Я даже замер, ожидая привычного в «весёлые девяностые»: «Ну чё, б…я, бабки где?». Но к счастью, послышалось родное очень плохое «техно», и я вздохнул с облегчением – обошлось! Времена всё-таки на чуток, да изменились…

Когда они возвращались, то шли друг за другом, «по-бандосски» покачиваясь, и каждый поворачивал бритую башку в мою сторону и презрительно зыркал на мою волосатую личность. Бог мой, ну просто, как в родимом Нижнем…

«Ну чё, поезд-то скоро? Ниче, б…я, успеем!» – такой вот прощальный диалог состоялся напоследок под долгое прикуривание цигарок у открытой моей двери («подыши с нами никотинчиком, братан!»).

Расфасовав закупленное под мышками, шайка отчалила и… Чу… Растворилась совсем в пахучих московских подворотнях. Это были ди-джеи гастролёры…

Женя Гришин

Хулиганка-судьба день ото дня знакомит меня с самыми примечательными персонажами города Москва, в который я давно и безнадёжно влюблён. Как и зачем это происходит, остаётся только гадать, изумлённо хлопая глазами и ушами.

И вот так же, неведомо и спонтанно, свела она меня с этим колоритнейшим московским «битником». Зовут его Женя Гришин и «ручкался» он на секундочку (только не брыкайтесь в бесчувствии сразу) … с самим Фрэнком Заппой!!!! Когда я узнал об этом, то истово тряс огромную его лапищу минут двадцать, втайне надеясь на перетекание в свою жалкую ручонку гениальных исторических ДНК.

В дикие перестроечные годы, когда ещё могли происходит фантастические вещи, бывалый и несколько суровый Женя рулил гастрольными делами «Цветов» и «Коррозии Металла». Такой уж вот приключился широкий диапазон в его жизни и творчестве. Ну и неспешно выпивая в сей именитой компании в кафе центра Стаса Намина, как раз и можно было «по-товарищески» запросто столкнуться с Самим Заппой! И даже мирно сиживать с ним за одним столиком и праздно беседовать с Гением! И это не какая-то там «старпёрская» байка, а самая настоящая шокирующая правда, похожая, конечно, на «рокенрольную» сказку.

И за этот вот «королевский» столик тогда бодро и подсе-

ла одна эдакая «околомузыкальная» барышня и, не обратив особого внимания на «состав присутствующих», легкомысленно защебетала что-то необязательное. Один из «счастливчиков» за озарённым Светом столом, затаив дыхание в предвкушении эффекта, выдал эдаким небрежным манером: «Ты хоть видишь, птичка, кто с тобой рядом сидит-то?». Рассеянная девушка фокусирует взгляд и… Начинает вместе со стулом сползать по стене в предобморочном состоянии! Бедную девочку успевают поймать и начинают отпаивать решительно всем, от валидола до шампанского. После первого страшного шока она немедленно вцепляется до белых ногтей в «запповский» рукав, и отодрать её от черноусого красавца никому уже не удаётся до самого рассвета.

А вот, когда вездесущий Стас Намин эффектно представил утомлённого от объятий Фрэнка надутой московской публике перед концертом «Рок-лаборатории», мол, «встречайте – великий американский музыкант и композитор» и всё такое, лишь недоумённые «академические» аплодисменты раздались в зале. Никто его не знал. Вот вам и хвалёная «хипповская» музыкальная эрудиция… Да-а-а… А почему же мне-то так стыдно?

А ведь имеется ещё одна, вторая трогательная хрестоматийная встреча Жени с великим кудесником Фрэнком Заппой: идёт какая-то куцая «репа» наших «рассейских рокменов», а «метр» лениво попивает любезный его сердцу кофеёк вприкуску с сигареткой. Идиллическая картина! Все, ра-

зумеется, неотрывно смотрят на Заппу, а не на скучную сцену. Великий же Фрэнк неспешно дошибает жизненно необходимый для него, непьющего, напиток, а пластиковый стаканчик элегантно задвигает под стул и направляется за очередной дозой кофеина.

И тут Женин мозг пронзает неземное озарение: «Бог мой, это же сам Фрэнк Заппа!!!». Он бережно подбирает стакан и забирает его на память вместе с теплом пальцев одного из величайших композиторов двадцатого века. Этот скромный стаканчик до сих пор трепетно хранится у него в секретной «кунсткамере», увидев которую, кстати, можно совсем уж лишиться рассудка.

Таких фантастических, но абсолютно реальных историй, произошедших с седым и могучим «рокенрольщиком» Женей Гришиным невероятное множество, их просто сотни! Чего только стоит неделя, проведённая в компании, вот ни за что не догадаетесь, мистера Дэвида Ковердэйла! Вы можете в это поверить – умница Женя умудрился выиграть какой-то там архисложнейший конкурс по меломанской линии, где несбыточным призом было общение, выпивание и праздные прогулки по английским улочкам с этим колоссом, легендарным сингером «Deep Purple» и «Whitesnake»! Лично мой неискушённый дух периодически захватывает от того, как близко ты в этот ускользающий миг к истории Музыки, находясь рядом с этим затянутым в кожу мощным усачом.

Он и сам, кстати, зело грешен литературным ремеслом –

изредка ваяет замечательные и очень душевные статьи в легендарном «Ровеснике». Да и ещё такая «малая малость» – у него в коллекции весь каталог «первопрессных» пластов Vertigo, и сам он один из авторитетнейших коллекционеров винила в России. Ну что ещё пустословить, да Жень? Аплодисменты!!!

Аша Бхосле из пригорода

79-й год. Женя Гришин в компетентной компании друга-хиппана решает совершить «социокультурную» акцию – выходить на каждой понравившейся станции в легендарном «ерофеевском» Подмосковье.

И вот колоритные коллеги-путешественники лениво выползают из «красочного» вагона в не менее живописном захолустье, рядом с классическим «сельпо». А надо сказать, в этот отрезок их пожизненного «меломанства» интересовались они исключительно и демонстративно только индийской музыкой. Ну такой вот «восточный период».

В сельпо, как и положено, имелся весь советский колхозный набор – висели жестяные кастрюли, покоились какие-то жутковатых фасонов и размеров носки, мирно лежало кошмарное хозяйственное мыло. Короче, не было ни фига.

И тут наши не в меру остроумные «гастролёры» исключительно ради молодецкого прикола, да чтобы немного потешить самолюбие столичных снобов, решаются насмешливо спросить: «А индийская-то музыка есть у вас?». И необъятных размеров тётка, за широкой спиной которой раскачивались лишь какие-то нелепые черпаки и высились пирамиды из спичечных коробков, совершенно так спокойно им и отвечает: «Конечно есть! Вот, пожалуйста!». И вынимает из-под прилавка редчайший в Союзе винил самой, что ни на

есть, нашей заслуженной Аши Бхосле.

Посрамлённые приятели-интеллектуалы были просто в экстатическом восторге, и роскошная экзотическая пластинка немедленно приобреталась аж в трёх имеющихся экземплярах. Крепкая же тётенька-продавец лобызалась также троекратно, и в густом провинциальном воздухе возникла настоящая заморская нирвана, родом из далёкой, но традиционно дружественной Индии. Короче, «Хинди-Руси – Бхай-Бхай!».

Лучший клавишник-непрофессионал

В замечательном «поселении» Чекмени в начале дичайших наших девяностых проводился музыкальный конкурс. Почему именно «в Чекменях»? Ну а где же ещё? Где же ещё быть благородному музыкальному ристалищу, как не в Нытвенском районе Пермского края?

В конкурсе принимали участие всего две команды – кажется, Стаса Намина и, блин… Я забыл… Я отчаянно разыскивал милого чела Женю, чтобы тот авторитетно напомнил мне канувшее название второго оркестра, но тот пропал по всем телефонам и явкам… Женя, старший брат мой в «рокенроле», надеюсь, у тебя всё хорошо?

Невеликое, прямо скажем, количество конкурсантов может вызвать некоторое недоумение, но, с другой стороны, почему бы и нет, суеты меньше, а призовой фонд, как раз наоборот. Клавишник *** отсутствовал, как таковой. То ли он классически запил, то ли решил вовсе уйти из коллектива, а то из музыки совсем, в общем, обычная музыкантская история – раздолбайство.

*** играли крайне полифонично, и в «сильно прогрессивной» записи на кассете «Denon» это было особенно заметно. А посему выступление втроём под такую «насыщенную»

фанеру своим скромным визуальным рядом могло вызвать справедливые подозрения и у жюри, и даже у неискушенного провинциального зрителя. Ну никак таким экономным составом на сцене не передать всей полноты арт-рокового творения.

Из свободных творческих единиц имелся только гастрольный директор «наминского» бэнда, уже хорошо известный вам Женя Гришин. Осиротевшие ***-цы с детской надеждой в глазах кинулись к нему. Ну а он, как и положено, был волосат, в хипповом тряпье с головы до голых пяток, одним словом, лучшего клавишника сыскать было просто невозможно даже для самого Сантаны на Вудстоке.

«Женя, чувак, выручай! Слабаешь с нами на клавах под фанеру?». «Да без проблем!» – беззаботно ответствовал Евгений, не игравший на неведомом инструменте никогда в жизни.

И во время конкурсного ответственного показа он так мощно дал «Кита Эмерсона» с трясучкой синтезатора, любовного с ним акта и прочими классическими выпендрёжами, что первое место было у *** в кармане уже сразу после открывающей выступление «виртуозной» композиции.

Мало того, анекдотическим образом Женя получил «специальный приз», как «лучший клавишник фестиваля», и ещё долго после выступления к организаторам шоу и очень важным музыкальным руководителям подходил восторженный люд со словами: «Ну, клавишник у *** просто «чума»,

ну парень крут, ох, лютый, ох, лютый клавишник!».

Думаю, совсем не последнюю зарисовочку про замечательного, можно сказать, исторического человека Женю Гришина вы прочтёте в моей «олдовой» книжке, тем более что он клятвенно обещался объявиться и подкинуть «горячего» в мою разноцветную копилочку историй.

P.S. Женя нашёлся. Название того примечательного коллектива он, конечно же, не забыл. Но. Строго-настрого запретил мне указывать его прилюдно. Ибо история историей, а «закулисы закулисами». Знать простому люду про сии тайны не положено. В общем, ансамбль-то звался «С…вояры». А вот оставить ли мне этот маленький хвостик правды-истины, я пока не решил…

Поднять адреналин

Женя Гришин не понаслышке и очень хорошо знает этих лихих упырей из «Коррозии Металла»… А всё потому, что был он их суровым тур-менеджером и совсем не пару месяцев на подмене. И совершенно естественно, что я кинулся к нему с расспросами о легендарном Пауке. Но безжалостно правдивый Женя сразу же вылил на меня ушат ледяной отповеди: «Да на самом деле, Паук не так уж много бухал и трахался, как вещает об этом на каждом углу…». И я совсем сник, потеряв интерес к самостоятельно пропиаренной «угарной» персоне.

Однако, про кой-какие буйства участников одиозной банды Женя мне всё же поведал. Ну, к примеру, факт угона Боровом и Пауком башенного крана в каком-то захолустном городишке во время гастролей, разумеется, уже «немножечко» говорит за себя сам.

И вообще, как ни крути, а эти ребятушки всё же достаточно хороши для «рокенрола»! О чём, конечно же, красочно кричит в третьей «метальнóй» октаве славный рассказ о таинственном «подъёме адреналина».

Сие былинное сказание весьма немало добавило энтузиазма мне лично и изрядной уважухи в адрес прославленных диких парней: «Дело было так! Стою это я посреди вагона, в котором «Коррозия» катит в очередной город со своим лю-

доедским шоу. Как обычно, пытаюсь следить, чтобы водки было выпито ровно столько, чтобы тихий детский сон накрыл этих, мать их, измождённых «рыцарей тяжмета» и при этом, чтоб ничего разбито не было, и поезд не был остановлен, понимаешь, удальским и молодецким рывком стоп-крана.

Было вроде как всё ровно и даже посему скучновато. Скуку развеял Боров. Он неожиданно появился, словно из ниоткуда, и таинственно молвил: «Жень, пойдём со мной, подстрахуешь на всякий случай…». Я насторожился и не на шутку, но послушно последовал за этим, блин, «волосатым и могучим певцом» в сторону последнего вагона.

Ночь была темна и сурова, будто глаза ведьмы, и весьма свежий ветерок пронизывал насквозь, навевая малодушные мысли о тёплой постельке и стакане ароматного чаю… Но отступать было категорически нельзя – Боров явно чего-то задумал!

«Давай, Жень, держи меня…» – выдохнув воздух, как перед стаканом, взволнованно выдал Боров и, ухватившись руками за край открытой двери последнего вагона, отчаянным парашютистом сиганул в чёрную пропасть ночи. Развеваясь, словно флаг на ветру, на полном ходу следования состава он болтался в сладком ужасе, выпучив глаза и голося дурниной все пиратские ругательства на свете.

Насладившись этим адским аттракционом, он дал судорожную отмашку, мол, «Жень, вынимай!». Я в предсмерт-

ном ужасе от происходящего втащил этого безумца обратно в вагон, думая про себя: «Чтоб я ещё раз участвовал в этой клинике!!! Никогда! Я ещё покажу вам, как нервишки щипать! Я вам такую, бл…ть, выволочку устрою, полгода, бл… ть, без премии!». А Боров же, уняв ускоренное близкой гибелью дыхание, невозмутимо изрёк: «Ну, порядок! А то как-то грустно было. Нужно было адреналин поднять…». Игорёк, лучше б они бухали!».

Братцы, уж не знаю, в каком вы сейчас впечатлении, но лично я в восхищении, изумлении и, пожалуй, что даже и преклонении! Хотя, если вдуматься, это же «жёлтый дом»… Женя, жду, так жду твоих новых баек, былин и басен, возвращайся поскорее, дорогой!

Человек, воссоединивший великий поп-дуэт

Сегодня прямо с вечного похмельного утра ко мне в контору весьма некстати закатился дядечка годиков эдак пятидесяти, седой и с «маньячными» усиками. Я немедленно «определил и рассекретил» его, как жутко похожего на страуса – маленькая голова на характерной шее, специфическое конвульсивное оглядывание по сторонам, да и вообще, был он всей своей настороженной статью, ну страус и страус.

Обнюхав помещение, он вкрадчиво запросил группу «Witness». Не то что бы она была какой-то там уж патологически редкой и элитарной – так, «рочóк», он и есть «рочóк», но у каждого подобного персонажа должна быть такая вот «заветная», «про которую не всем ведомо», и диалог можно сразу начать с интеллектуальной победы и продолжать его долго-долго, самозабвенно клюя мозг.

Так и случилось. Хоть я мельком и слыхивал эту среднестатистическую группёшку, но в небольшом магазине её, как и тонко планировалось, не нашлось, и поэтому подбородок дядьки гордо взметнулся ввысь, радуясь лёгкой виктории. Далее последовало ещё несколько метких камней в моё трепетное меломанское самолюбие: Mad Max, Tokyo Blade – да слышал я всю эту «хардóвую» чепуху! Но… На прилавке

нет, а стало быть ассортимент несерьёзен, и с этим уж никак не поспоришь – и я оскорблённо сопел, сурово закусив губу и поскрипывая зубами.

Молчали. Дядёк начал понимать, что всё может вот так скучно и закончится, и страшно заволновался. Потом внезапно, как будто что-то припомнив, доверительно и по-свойски подсел на стульчик напротив меня и, указуя перстом на германские пластиночки с общенародно-ностальгическими Modern Talking, сообщил мне то, что сразу меня пронзило знакомой догадкой: «Ага! А вот теперь всё ясно – шизик, и сейчас «оно» будет очень всерьёз и надолго…». А дядечка счастливо смотрел в мои глаза, прекрасно понимая, что «вот этот точно выслушает весь мой дурдом и даже пожалеет и, может, поймёт…».

«А вы знаете, что я был инициатором их воссоединения?» – начал он сразу с самого страшного. Разумеется, я не был в курсе. Да и откуда мне ничтожному знать, что творят сильные мира сего, те, кто небрежно движут историю и снисходительно вершат судьбы. «А я это вообще предвидел!» – неумолимо продолжал он. «Есть у меня такой дар, обладаю». Моё бедное сердце сжалось от ожидания следующей кошмарной порции невменяемых откровений.

И они, невменяемые, не заставили себя долго ждать: «Приезжали они как-то к нам, но отдельно, и жили в гостинице на Тверской. В разных номерах. Да! Ещё Нора, жена Томаса с ними была тоже. Ну и думаю, давайте, ре́бя, доста-

нем наши старые плакаты, да транспаранты, ещё с прошлого их приезда, встанем дружно перед окнами, мол, посмотрите, что написано: «Нора», «Дитер» и «Томас»! И давайте снова, по-старому, как раньше, дружить и песни писать великие!

Гляжу, в одном окне Дитер задумчивый, а в другом Томас тоже весь в сомнениях. А Норы-то и нет, на счастье! Видят они нас, сердешные, душою радуются, а я возьми и скажи – ну, Дитер, чего ты, давай уже, ну хватит, посмотри на него! А уж после всего в те мгновенья пережитого, инкогнито, они, родимые, встретились в парке, прямо на той же Тверской и замирились, хоть и ненадолго…».

С пересохшим от ужаса ртом я выслушивал поток шизофренических галлюцинаций и, слава моему самообладанию, даже осторожно подавал реплики, вроде: «Ну-у, да-да, бывает… Получается, вы вошли в историю поп-музыки…». Психически нездоровый мужичок переживал эмоциональный экстаз за экстазом, и когда почувствовал, что пик наслаждения определённо миновал, начал откланиваться, совать ладошку для рукопожатия каждому, кто был в комнате, включая надменного директора, и скорёхонько исчез.

И я совершеннейшее уверен, что он так же таинственно появился в ближайшем музыкальном магазине и начал новый, ещё более достоверный рассказ о том, скажем, что именно он посоветовал группе Status Quo перепеть песенку «In The Army Now» никому не известного дуэта «Bolland & Bolland». И сей мировой хит вновь возродился благодаря

лишь только пророческому совету маленького, незаметного, но страшно влиятельного человечка, как минимум воссоединившего великий поп-дуэт.

Ну пожалуйста, я же заслужил…

Ещё одно мрачное утро, ещё одно яркое похмелье. Самому уже противно каждый раз начинать повествование с этих пошлых признаний, но факт штука неприятно упрямая – я пью подряд уже месяца три, без «пропусков и невыходов», пунктуально и обязательно.

Нервно двигаюсь по направлению к Кремлю – там моя работа. Как обычно, впереди тащится какой-то бодрый тип, с удовольствием посасывая сигаретку. Покуривает неспешно, и что называется, «с оттягом». Я еле плетусь следом, безуспешно пытаясь двигаться так, чтобы холодный ветер не доносил до меня этот пакостный никотиновый дымок. Загадываю – сейчас он повернет направо, и мои мучения прекратятся! Щас! Этот жалкий раб табака преподло заворачивает в аккурат по моей протоптанной дорожке.

Почему в Москве так любят курить по утрам?! Весь утренний «организмус» человека в этот интимный час, словно только что после болезненного рождения, ёжится и хочет спрятаться обратно в кроватку, будто в надёжное и тёплое чрево матери. Нужно беречь его, организмик, нежить и баловать свежим воздухом, тёплым чаем и добрым словом. Так чего же нужно им, кто засовывает с восходом солнца эти отвратительные палочки себе в пасть, поджигает и с наслаждением вдыхает в себя этот бессмысленный и бесполезный

яд?!!

Да-а-а… Папиросный чувак явно, словно по заказу, будет смолить до самой моей двери. С тоской стискиваю зубы и как можно дольше стараюсь задержать дыхание. О, только не этот адский дым!!! И в состоянии безалкогольного покоя эта отравленная субстанция раздирает мои лёгкие и убивает мое обоняние, но с качественного похмелья это совершенно нечеловеческое истязание.

Иногда мне кажется, что весь огромный мой город окутан этим запахом тления, и спасения нет нигде, даже дома, где всенепременно со смаком затянется кто-то на соседнем балконе или в неге устроится «на корта́х» на лестничной клетке с тупым блаженным выражением на лице.

Всё, я в родном помещении, задраиваю люки, и никто больше не посмеет мучить моё уставшее тело! Но пережить новый день нужно не просто недвижимо, сидючи на попе – необходимо написать как минимум один рассказ, распеться (минимум двадцать песен), отжаться от пола раз тридцать-сорок, всем позвонить, написать и вообще вести себя хорошо. И всё это «перпетуум мобиле» через мучительный сумрак бодуна. Вот тогда, мо-ожет быть, тебе будет за что выпить тихим вечерком.

Сегодня после работы редкая встреча с милейшей Людкой Галонской, мы не виделись почти триллион лет, а ведь когда-то в компании таких же «безбашенных покорителей Москвы» мы были настоящей развесёлой шайкой. Пусть по-

хмелье пройдет до вечера! Я устал…

Слава Всевышнему, дружеская свиданка с «толстой девочкой», как себя почему-то несправедливо окрестила Людок, прошла без головокружений, «мутоты́» и прочих славных прелестей алкоголизма. «Толстая девочка» похудела до пугающих сорока пяти и беспечно открыла мне по секрету кое-что из своих похождений. Ну а я, как сами понимаете, черкнул для памяти пару штрихов в секретный блокнотик и благоразумно испросил разрешения на публичную сплетню.

Свою неожиданную худобу Людок оценивать однозначно как-то не решилась, отметив только, что её польская бабушка откомментировала измождённое тельце без компромиссов: «В гроб краше кладут!». Старшее поколение, безусловно, «правофлангово рулит» со своим лаконичным красноречием.

Ну а растрепать «по секрету» и, безусловно, «всему свету» я загорелся трагикомичную повесть о свидании с «очень опасным и чрезвычайно профессиональным «пикапером». Итак, Людок неосторожно завязала знакомство с человеком из грозного племени «пикаперов». Был он высок ростом, да и красив лицом, а главное, «прошёл элитное индивидуальное обучение и жесточайшие тренинги высокого искусства «пикапа».

Его самоуверенность (несомненно, подкрепленная посвящением во все тонкости съёма) была велика. Он не переставая вещал о «боевых» заслугах на фронте укладки шта-

белями неприступных девиц, приводя смущающие девичье сердце нескромные примеры. И даже сообщил доверительно о шокирующей её почти невинную душу «неделькe» – когда опытнейший «пикапер» соблазняет каждый из семи дней недели новую неосмотрительную барышню.

Нескромное слово за слово, а угощение в кафешке неотвратимо завершилось, и началась атака Казановы-2012 на «толстую девочку». Каждое своё небрежное и повелительное движение «боец сексуального фронта» чувственно комментировал. Когда происходило, будто бы незаметно, касание запястья, либо плеча, он снисходительно пояснял: «Это пока ещё «зона социального доступа», обычно начинаю с неё!». Далее, видимо, предполагались касания более неосторожные, и «зон сильно за гранью социального доступа». Предпринимались и попытки поцелуев, но безуспешные. В общем, в кафе не случилось ничего.

Но смутить такой мелочью многоопытнейшего мастера было невозможно, и в шумном метро он интимно приближался, вытягивая шею до напряжения жил к лицу Людо́чка, в слепой уверенности сорвать заветный, но привычный поцелуй. Она же «под дурика» отодвигалась в деланном непонимании от прославленного, хоть и новоявленного Маркиза де Сада, и из метро «толстая девочка» вышла вновь в девственной чистоте.

«Профи» упал духом. Он обмяк, плечи его безвольно обвисли, и он понуро и униженно трусил за своенравной жерт-

вой, провожая её на какую-то дикую окраину. На безлюдном и заметённом ветрами пустыре произошло последнее отчаянное Ватерлоо. Ростом он был выше Людочка почти вдвое, и поэтому его истошные объятия и нависания над бедным ребёнком были крайне комичны.

Наконец, ужас поражения совсем обезволил опозоренного соблазнителя, и он жалобно и недостойно заныл: «Люда, ну пожалуйста…». Людок же была непреклонна до конца – всё это убогое шапито несказанно её развлекало, и она предвкушала сочный рассказ подружкам про горе-пикапера. А наш Ален Делон тем временем уже просто позорно голосил: «Люда, ну я прошу тебя! Ну я же заслужил!!!».

После такого крика отчаявшейся души даже жестокая Людок растаяла и позволила чуть-чуть себя облобызать. Пошатнувшееся самоуважение несчастного ловеласа было хоть немного восстановлено, и этой ночью он, по-сиротски вздохнув со всхлипом, мирно уснул в холостяцкой кроватке.

Великодушие и сочувствие – вот что отличает наших сердобольных девушек от прагматичных иностранок! Но признаться, мне было бы приятней, если бы этому глупому обормоту совсем ничего не обрыбилось… Людок, ты намного великодушнее меня!

Не стреляйте в пианиста

Прохладным ласкающим утром я сонным иноходцем трусúл на работку и по обыкновению опаздывал, ибо да, неисправимо грешен, и есть такое «страшное» за мной. Но, несмотря на привычную суету, я неожиданно замер и остановился, хоть опоздал потом уж напрочь. А всё потому, что уязвимое сердце моё так и съёжилось от этой горькой картинки…

Возле торговки пирожками, довольно мерзкой (каждое утро она истошно орёт, цепляясь к ранним прохожим, навязчиво втюхивая вечные свои «с мясом», «с капустой, яйцом», гадко при этом приговаривая, мол, да чего вы два-то берёте, берите четыре, разве этим наешься), в творческом кураже стоит уличный гитарист в лихо заломленном сомбреро и весьма эдак ловко наигрывает какое-то своё «кантри».

Неприятная торговка явно в кантри-роке ни х…я не понимает, но морду корчит такую самодовольную, какую часто видишь в переходах, когда различное быдло заказывает несчастному музыканту за три копейки «любимую, б…я». За эти свои жалкие гроши они, по-купечески расставя ноги и, уперев, словно самодур-хозяин, руки в боки, ждут до самой последней ноточки, когда «музыкантишка» по полной отработает свой оскорбительный «гонорарище» – пригоршню самой непотребной мелочи.

И не музыка им нужна вовсе, а это позорное сладостное ощущение – «эй, играй, как надо, старайся, волосатый, плачу!». И каждый раз с презрением восклицаешь про себя при этом безобразии: «Хоть бы сотняжку бросил, тогда уж, ладно, куражься, гнида!». Но это третьесортное жлобьё всегда кидает в музыкантскую плошку именно пару мелких монеток и всенепременно до секундочки выстаивает всё своё «проплаченное», ощущая себя не меньше, чем в первом ряду Колонного Зала Дома Союзов, да ещё самодовольно полагая, что он реально чего-то забашлял.

Уж извиняйте, граждане читатели, за длинную ремарку, но так всегда оскорбительно больно за своего братана-музыканта, хотя, согласен-согласен – выговорился я довольно ядовито.

Так вот, пирожковая тетёха внимала «иноземному искусству» в точности так, как я и гневно подметил чуть выше. А работал-то «ковбой» как раз за пару пирогов, причём лабал виртуозно и долго, а подлая тётка всё слушала и слушала, однако же, жратву не выдавая – «пускай сердешнай как следоват сыграт!». А он и бесконечно жарил, заглядывая ей в маленькие жадные глазки, словно ресторанный скрипач во время персонального соло на день рождения богатого юбиляра.

И до того страшно и противно было лицезреть эту уличную бесовщину … Да ты же должна была так, без этого марафонского представления угостить его, он же не завтракал,

старая ты карга!!! Но нет, она с поспешной радостью согласилась на его наивное предложение и внимала, что называется, «с двойным оттягом». Эх, тётя, тётя… Эх вы, люди добрые…. Не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет – давно и точно сказано, и сказано не просто так!

Понты

Все мы временами пытаемся представить из собственной малозначительной персоны нечто грандиозное. Потом очень стыдно. Но волна воодушевления, что порой сшибает с ног в минуты чарующего самообмана, заставляет забыть об этом жгучем стыде. А он настигнет, обязательно накроет и всенепременно накажет. Будет страшно неловко, но! Остановить себя в эти упоительные моменты не по силам нам, слабым людишкам. И вот уж несётся поток полуправды, в которую сам страстно веришь, а вот слушатели… Они жалеют тебя. В лучшем случае.

Пафосно приводятся списки имён и фамилий еле знакомых «селебрити», небрежно демонстрируются номера телефонов известных музыкантов и артистов, с которыми виделся полтора раза, и даже (какой же всё-таки позорище) совершаются в их адрес прилюдные показательные звонки. На вежливый вопрос «а на чём вы играете?» следует высокомерное, но не совсем честное: «Да на всём!». И, конечно же, происходят порой и многие другие чудеса человеческого духа. Примеры? Что ж, попробую.

2004, Москва, МДМ, ждём великого Джона Зорна и его Electric Masada. Ожидаем, признаться, долго, но люди приехали уважаемые, терпеливо сносим и считаем часы и минуты мучительной отсрочки.

В зале – расфуфыренный бомонд, как, собственно, и должно быть, когда приезжает такой «странный и элитарный», а стало быть, «престижный» артист. «Понтонуться» после такого мероприятия можно на всю катушку, так что «все здесь, там – никого».

Я на первом ряду, билетик подогнал сам Леонид Бурлаков через знаменитого импресарио Александра Чепарухина, ну, мол, «звезда будущая, вот, пожелали-с, надо помочь мальчику». «Звезда» была в развалившихся ботах и в курточке, аля «Усть-Илимск рулит».

Начало выступления затягивалось уже просто неприлично долго. Рядом, чуть выше располагались весьма именитые артисты и маститый музыкальный критик с очень симпатичной спутницей. И вот я вновь компетентно узнаю´это непреодолимое желание дать «влиятельную фигуру» перед молоденькой барышней, ибо «сам этим грешен зело».

Вальяжным критиком небрежно достается мобильник, и он томно произносит: «Саш, ну что такое-то? Почему не начинаете? Давно пора уже!». По всей видимости, это была сугубо доверительная беседа с организатором выступления – тем же маэстро Чепарухиным. Далее после такого запанибратского спича уж вообще должно было следовать логичное, ну то есть, второй повелительный звонок: «Джон, ну я не понимаю, в чём дело-то?! На сцену все и быстренько!».

Глаза приятной спутницы наполняются трепещущим уважением и безмерным восхищением! Работает, братцы! Ещё

как работает! Сам тысячу раз проверял…

Далее был концерт. Он был не то что великолепен, он был божественен! На сцене только звёзды «даунтауна», назову только, на минуточку, великого Марка Рибó! Гениальные музыканты на наших глазах творили запредельное! Был даже бис, которого быть не могло по определению, ибо экстравагантный Зорн не признает «бисирование» артиста, как класс.

Но! Дождавшись стихания шквала громогласных аплодисментов, мэтр музыкальной журналистики очень отчетливо, чтобы слышали все, капризно подытожил: «Лично я разочарован…». А? Каково?! Я был просто сражён и восхищён одновременно! Это, думаю, была одна из недосягаемых вершин «пускания пыли», я лично так бы не смог!

Однако, имеется ещё один конкурирующий эпизод в смысле «во все стороны понтов»… Ко мне в музыкальную лавку категорически заявился некий тип в вызывающе дорогом костюме, с фианитовыми запонками, сияющими, словно твои бриллианты. Он страшно долго и жутко нудно отбирал в высокую, самодовольную стопку самые дорогущие и раритетные релизы, и в конце буржуйского процесса элегантно отодвинул её чуть в сторонку.

А я ведь почти купился на его дутое фуфло! Но этот его подозрительный жест сразу разрушил все мои плотоядные надежды – я был уже слишком опытен в психологии псевдопокупателей. Я просто ждал яркого аргумента для отсрочки

этой небывалой покупки.

И она, разумеется, не заставила себя долго ожидать: «Знаете, я зайду попозже, молодой человек! Меня лично всё устраивает! Просто я ведь не один. Я должен провести совещание с моими швейцарскими друзьями!».

По-моему, я просто громко рассмеялся ему в лицо. Тут уж не до политкорректности и «корпоративного этикета»! Это – круто! Сие заслуживает самого искреннего уважения! Когда «понты» убоги настолько, это уже становиться искусством! Салют вам, гениальные понтярщики! Виват вам и неугасаемая Слава!

Две истории о нищенстве, благородстве души и миллионерстве

Как же я мог забыть эти две прелестные истории из «сердитого» детства?! Когда я сейчас забегаю в самый обыкновенный угловой магаз, чтобы купить там дешёвого порошкового «пиваса» в исполинских пластмассовых флягах или соевых пельмешек категории «по тридцать семь рублей», я всё же не могу мимоходом не отметить неприличного изобилия жратвы и бухла на буржуйских прилавках. И невозможно уже теперь поверить, как это могло быть, когда на тех же, но тогдашних социалистических лотках зияла жуткая фантасмагорическая пустота.

Я помню белое лицо пианиста Лёхи Богданова, который не мог найти пачки папирос в пустом голодном городе. Всё не по-осеннему морозное утро он, бедняга, рыскал по ларькам в поисках хотя бы одной сигаретки поштучно. Да-да, была такая дикая практика в годы пугающего отсутствия ВСЕГО! И для нёго, отчаянного курильщика с двадцатилетним стажем это было пыткой почище какой-то там жалкой средневековой инквизиции. Он жаловался, что задыхается, что голову его, словно металлическим обручем, сдавливает что-то жуткое со всех сторон. Я просто не мог выдержать вида

его адских мучений и малодушно сбежал, так как помочь тогда не мог совершенно ничем…

На нашем же родном Авиационном заводе счастливчику-папульке и другим пообносившимся работникам подкидывали иногда кой-какое нелепое шмотьё, и ещё почему-то милосердно практиковались ежемесячные «вливания» в виде пузыря сомнительной водки.

Ну а барахло это было такого пролетарского пошиба и в количествах таких уж неимоверных, что было крайне неловко встречать зачумленных граждан на улицах в таких же, как на тебе, убогих плащах и ботах ещё позорней, чем легендарные «прощай молодость». Поговаривали даже, что в этих прочных и тёплых уродцах на босу ногу хоронили бездомных жмуриков в далекой Америке.

А уж эти знаменитые плотные рубахи лесорубов в чёрно-белую клетку с какими-то неожиданными безвкусными красными вкраплениями, их помнит, думаю, каждый «пацан на районе» того времени. Вот так неспешно и хаживали мы в этих самых одинаковых стрёмных рубашках – и гопники, и отличники, и «металлисты» и «депешисты», словно навеки безработные чёрные гарлемские ребята.

И вот в эту-то вечноголодную, беспорточную и унизительную эпоху мы с тогдашним моим приятелем Колей Херувимовым решались на самые отчаянные поступки, лишь бы чуток срубить «бабулек» на сносные башмаки и наивную кафешку с мороженым для первых наших девчонок.

Вопрос покорного «влачения» подобного нищенского существования для активного Коли не стоял никогда. Он был предприимчив, как генуэзский купец, и плутоватые глаза его всегда горели безумным огнём лёгкой, но не совсем легальной наживы.

Отчётливо помню, как очень серьёзно и вдумчиво обсуждался вопрос попытки умыкнуть медный (предположительно) кабель с высоченного крана в нашем дворе. Коварно задумывалось забраться ночью на неприступный объект и огромными кусачками «обхряпать» этот вот самый вожделенный «драгметалл», а затем, скорёхонько свернув награбленное, спасительно удрать. И вот тут-то и начнётся безбедная, роскошная житуха с ликёрами «Амаретто», майками «Лакоста» и кроссовками «Пума»! Самым долгим и напряжённым был спор о том, под напряжением будет ночной кран или нет. Эти два дня сомнений и решили вопрос ограбления века. Кран перебросили на другой объект. А мы остались живы, и суровый опыт пребывания в тюряге тоже счастливо миновал нас, наивных дурачков.

Николай же не знал покоя ни ночью, ни днем. Он впрягался во все мыслимые и не очень аферы и авантюры – какие-то водочные пробки в промышленных масштабах, стыренное масло в громадных бутылях с похожего на легендарные Кресты мрачного «масло-жир комбината» и прочая чепуха, которая, впрочем, приносила гарантированный доход.

Как раз эти пухлые чемоданы, полные водочных пробок

и толкнули неутомимого Колю на реализацию дефицитного тогда товара по различного рода подозрительным ларькам. А остро требовались эти маленькие круглые объекты для завершения формирования важнейшего товара той поры – палёной водки.

И вот мы с неугомонным живчиком Николаем (я на подхвате) опасливо трёмся возле этих жутких ларьков, населённых криминального вида и такой же сущности продавцами. До сих пор у меня перед глазами стоит важная Колина личина, с которой он, храбро и очень по-свойски просунув голову в бойницу бандитского ларёчка, заявил «с пониманием темы» в тоне: «Чё, по завышке торгуете?». Можете себе представить реакцию этих мрачных обитателей «босяцкого» ларька, которых абсолютно неизвестный фраер, а, возможно, даже и мент или провокатор, включив «своего» («да ладно, чё вы, я ж в теме, чё гоношитесь, да со мной-то уж тихариться-то западло»), фактически обвиняет в том они торгуют своим дерьмом выше назначенной хозяином цены.

Затравленные и откровенно подозревающие глаза с прищуром уставились на самонадеянного Колю, и в ночи зависло и застыло угрожающее молчание. Развязный тон и запанибратское выражение лица стало таким неуместным и опасным, что уркаганская наигранная кривая ухмылка моментом слетели с Николаевой фотокарточки. А мы же улепётывали с этого, не по чину выбранного пятачка, со скоростью страуса эму. Есть такое блатное выражение: «В уровень надо для

базара человека присылать!». В самую, надо сказать, что ни на есть, «в жилу»!

Кстати, несмотря на временный случайный провал «гешефта», несгибаемый Коля таки сдал эти пресловутые пробки, превратившиеся впоследствии в пару модных в среде местной шпаны туфель.

Но тема с медными кабелями по-прежнему неотступно манила упрямого Николая, и он разработал ещё один гениальный план. На сей раз наш неистощимый на выдумку проныра был замечен поздним томным вечером в частном секторе нашего невесёлого города. Там, на месте он, орудуя огромными кусачками, «отхряпал-таки» здоровенный фрагмент драгоценного кабеля.

Разумеется, свет моментально исчез во всех близлежащих маленьких одноэтажных домишках. Представить и ощутить степень потери бедного обывателя, когда погасли экраны желанных телевизоров, и мрак скуки и безнадёги завис над осиротевшим посёлком, нам, зажравшимся обладателям «ноутов» с батарейками, не под силу.

Деловитый Коля, между тем, торопливо сматывал добычу, беспокойно оглядывая сумеречный пейзаж. И делал он это не напрасно – мрачная громадная фигура нарисовалась на горизонте. Это был один из аборигенов, который выбрался из обесточенного дома в надежде найти причину краха надежд и чаяний на сегодняшний вечерний досуг. Завидев Николая за этим недвусмысленным занятием, он в мгнове-

ние рассвирепел так, что глаза его завращались в праведном сельском гневе, а из лужёной, годами залакированной самогоном глотки, вырвались все тонкие философские мысли по наболевшему вопросу: «Ты чё это, бл…ть, сука, делаешь?! А-а-а?! Куда, бл…ть, пошёл, стоять!!!».

Похититель замешкался лишь на секундочку, но этого короткого мгновенья хватило на спасительную комбинацию. Глаза артистичного Николая наполнились такой обидой и почти что слезами оскорбления, что карающий кол, выдернутый из забора мощной ручищей «терпилы», задержался в воздухе перед смертельным ударом. С драматической дрожью в голосе Коля досадливо заныл: «Да я ж, наоборот, чиню вам, монтёр я, а вы меня ругаете!». При этом он потихоньку и незаметно исчезал в густых зарослях кустарника, пятясь назад маленькими шажками.

Усыпить бдительность громилы удалось очень ненадолго. Мозг жителя нижегородских предместий на предельных оборотах судорожно пытался правильно оценить сюрреализм ситуации, и это ему, правда, с роковым опозданием, наконец, удалось. Разоблачение свершилось! Еле-еле, но до детины всё же дошло, что ночной визитёр ну никак не мог в этот полуночный час починять обрыв, причём сразу через пару минут после трагической аварии. Он страшно заревел голодным медведем: «А-а-а, бля!!! Какой нах…й, монтер?!! Стоять, сучара!!!», – и страстно кинулся в погоню.

Но было поздно. Направление преследования сразу бы-

ло выбрано неверно и, свирепо озираясь, полночный вепрь окончательно потерял след и, обиженно завывая, понуро побрёл восвояси. А наш Коля, напротив, зайцем рванул пару рекордных стометровок и был спасён, свободен и… Богат!

Что ж, упорство, целеустремленность, находчивость, внутренний жизненный стержень и своеобразное благородство души и есть составляющие того, что делает из обыкновенного человека Миллионера!

Симметричные бомжики

Загородные электрички – моё бывшее недолгое хобби. Путешествия по Подмосковью страстно увлекали меня буквально пару месяцев, но любовь эта была сильной.

Я лениво садился в поезд, за проезд я беспечно не платил и никогда почему-то не попадался. Ездил я в ту пору всегда исключительно до Ховрино и обратно, поскольку там жила моя любимая тётушка Наташа с мужем Сергеем, и я иногда мило и по-родственному выпивал и закусывал с ними.

Я усаживался поудобнее на жёсткую советскую скамейку, и после положенного третьего звонка начиналось волшебное представление: актёры появлялись по очереди, друг за другом, никогда не пересекаясь и выдерживая уважительную паузу между каждым оригинальным номером. Мне кажется, что строго и точно просчитанная Главным режиссёром очерёдность в этом странном шоу, была филигранным образом продумана и доведена до творческого абсолюта.

Первыми появлялись юркие продавцы энциклопедий, художественных альбомов и сборников афоризмов «мудрых» мыслей. Бодрым, малороссийским говорком, «под убогонького», предлагались «красочные фолианты с только что завершившейся питерской конференции метеорологов и лингвистов». Далее, после стихших аплодисментов под барабанный бой разбрасывались по рядам заворожённых зрите-

лей подозрительной выделки «браслеты, волшебным образом регулирующие давление». Через мгновенье же новый факир заставлял ёжиться от неожиданного прикосновения к голове ледяных «паучьих лапок» магического массажёра, который неумолимо избавлял «от стрессов, неврозов и депрессий».

Шустрые лоточники тут же сменялись профи-нищими, источающими природное обаяние, несгибаемую витальность, и вещающие нараспев свои стандартные скороговорки про «извините, что к вам обращаемся», «помогите на операцию» и, конечно же, про «и счастья вам, и здоровья».

Торжественный марш просящих подаяние плавно перетекал в «концерт по заявкам». А иными словами, в вагон просачивался засаленный волосатик в сомбреро, и сосредоточенно волоча за собой тележку с вживленным комбарём, под аккомпанемент жуткой ларёчной фанеры заунывно исполнял «Звезду по имени Солнце», «подбрякивая» на диковинной гитаре, по виду века, эдак, XV-го.

Одним словом, трущобное шапито по первому разряду, но настолько милое, что хотелось так ехать всю свою шальную жизнь, лишь изредка выходя на неведомые незнакомые перроны бесконечных станций за живительным пивом и порцией доброго солнечного света.

Так сладко и катался я, пока и это мне не надоело. Помню только, что будто прощальный подарок явилось мне дивное зрелище при самом последнем отправлении с мрачноватого

Ленинградского.

Заглянув в засаленное окошко, я философски лицезрел проплывающую лавочку на заплёванном перроне. А на ней гордо и неподвижно, словно группа неразлучных аксакалов, восседали три острохарактерных бомжа. Но самый изысканный колорит создавало то, что обладали они здоровенными фингалами под глазами. Причём, что поразительно, клянусь, то святая правда – у того бородача, что справа, фонарь был под правым глазом, у оборванца слева – под левым, а центральная могучая фигура имела в арсенале аж два победно подбитых ока!

Я и сам был настолько нищ тогда, что не было у меня даже завалящего мобильника, дабы запечатлеть эту эпическую композицию, а как же жаль… Если б видели вы, с каким неподдельным достоинством и царственным величием сиживали эти три исполина духа – два суровых вассала по бокам и неподражаемый их мощный сюзерен в центре.

Вот такая высокохудожественная природная симметрия. Почёт же электричкам, поклон безвестным артистам, и да здравствуют путешествия!

Ратми́р

В «дорогом» моём Нижнем всегда существовали эдакие «для своих» заведения, где собирались бывшие волосатики из семидесятых, а ныне пузатые, лысеющие и всем недовольные, брюзжащие мужички. Самая сложная для меня публика. Исполнять «в копейку» «Дым над водой» мы никогда не умели, а наши шутейные версии «эвергринов», вроде «Yesterday» в регги, были сущей красной тряпкой для быка в лице этих малоприятных стареющих субстанций.

Классическим таким местечком был небезызвестный бар «Бочка» на центральной улице «горького города». Хриплый провинциальный «ракинрол» нам так и не удавался… А посему в «Бочке» мы выдали лишь один единственный «экспериментальный» концерт, и на этом «злодейский» эпатаж местных завсегдатаев «под полтинник» был окончен.

Но наши хорошие знакомые и потрясающие музыканты из «ДНК» были там решительно «на ура», и мы с чувством подпевали их удалым песенкам из зала, старательно накачиваясь традиционным рокерским «пенным».

В один из антрактов к легендарному звукачу и аранжировщику всего нашего тесного городка Максу Созонову подкатило странное существо. Макс вышел покурить в зыбкую ночь, рядом со входом в бар, но душевного перекура не случилось.

Томный «юноша» под тридцать, характерно вытягивая губы дудкой, протянул ему: «Меня зовут Ратми-ир…». Максу стало всё ясно в одно мгновение. Совершенно определённо «нетрадиционный мальчик» решил завести приятное и далеко идущее знакомство. Элегантно уперев одну тонкую ручку в бок, а второй делая жеманные пассы, он продолжил процесс обольщения: «Я, ва-абще, художник… Живу тут недалеко, прямо в этом доме, наверху, над этим вашим шумным баром… У меня там студия, может, па-аднимемся, посидим, выпьем? Обеща-аю, тебе скучно не бу-удет…».

Макс насмешливо оглядывал наивного растлителя – этот бедолага единственный не был в курсе, что такого бабника, как наш Максим просто не отыскать по всему развесёлому Нижнему. Но надежда, как известно, последней покидает сердца и умы (или не знаю уж, что там главное у «этих» ребят), и, опершись цепкой лапкой в дверной косяк над плечом уже в открытую глумящегося Макса, он с обожанием заглядывал в его циничные глаза.

Далее, скорее всего, последовало бы незаметное и сугубо эротическое опускание горячей ладони на шею подопытного. Зрачки сексуального злодея уже закатились от предвкушения, как вдруг с лестницы раздался ужасный шум – это на свежий воздух выбирался очень известный и строптивый «барабасер» из шабутной нижегородской тусовки.

Внешности он был очень мужской и весьма брутальной. С треском и гиканьем он выкатился на волю и, заметив за-

державшегося Макса, блаженно заорал: «Макс, ёпта! Вот ты где! А мы ищем-ищем, а тя нет ни х…я!».

Ратмир тут же обиженно поджал губки и, надувшись, замолчал. Скорёхонько курнув, разрушитель романтической идиллии так же вульгарно громко вернулся в кабак. Ратмиру сразу же надоело дуться, и он, вновь подобравшись к Максу, с деланным недоумением презрительно спросил, налегая на томное богемное «а», вместо «о»: «Это ещё что за крака-адил?».

Тут уже не было никакого удержу для окружающих. Те, кто поделикатнее и «потолерантней», прыскали в кулак. Циники же разбегались, не сдерживая мужланского хохоту.

А непробиваемый Макс невозмутимо молвил: «Ты не обижайся, Ратмирчик, мне играть пора. Хороший ты парень, конечно, по всему видно… Только не знаю уж когда теперь к тебе в мастерскую и загляну-то…». И лукаво подмигнув любителю «необычной клубнички», легко подпрыгивая на деревянных лубочных ступенях, спустился в прокуренный зал.

Ратмиру разбили сердце… В который раз…Какие всё-таки мерзавцы эти артисты!

«Циник» против «романтика»

Когда мы, уж простите за медицинскую грубость, испытываем оргазм, то порою кричим: «О, Господи!», благодаря Его за неземное наслаждение. Вот как вы полагаете, кощунство это или нет? Кто-то тут же и без паузы ответит: «Нет!». Ну, выходит, что с Небесами у него свои особенные и даже отдельные отношения. А вот я нелепо парюсь над каждой примятой травинкой, слово та ещё гимназистка.

Вообще говоря, мы, «граждане с приличной чудинкой» часто меняемся ролями, ну вроде как, «циник» против «романтика». Обыкновенно нудный романтик это «он, ваш покорный». Но подчас и я бываю ещё тот «врубелевский демон». Как-то в припадке возвышенного восторга я брякнул несносной Ражевой, мол, общепризнанно, что Леонард Коэн один из самых интеллектуальных людей столетия. На сию вопиющую пошлость с суровым сарказмом и надменным ликом подонка она выдала мне звонкую плюху: «Самый интеллектуальный человек столетия – это Александр Друзь!».

Так неблагопристойно и цинически я не хохотал как минимум лет восемьсот после последнего памятного спуска в Преисподнюю!

И ведь при всём при этом пьяном шутовстве я так же прекрасно помню и её полные слёз глаза, когда жена ушедшего от нас хорошего знакомого Арсения, Царствие ему Небес-

ное, передала Иришке его простодушные стихи… Стихи были изданы каким-то наивным, кустарным манером, крохотным тиражом, и от этого самодельный сборничек казался ещё более щемящим и безысходным… Его бедная жена сделала для него всё, что смогла, чтобы в нашей короткой эгоистичной памяти остались эти бесхитростные строчки… Эта тонкая тетрадочка бережно хранится и теперь, и пальцы начинают нервно дрожать, когда решаешь взять и пролистать эти трогательные страницы.

Какая всё-таки невыносимая хулиганка наша жизнь! Еле печатаю на потёртом «компе» все эти «сентиментальности» и сам уже готов почти разрыдаться, а краем глаза всё же замечаю издевательское сообщение с «торрента» о завершении порно-закачки с высокоинтеллектуальным названием: «Корпоратив в честь 8-го Марта». Ну что же это за «такое-растакое», госпожа «разбитная житуха»?!!

Да, малодушно расслабляться и распускать нежные сопли никак уж нельзя, ведь иначе… А иначе тебя «всенепременнейшим» образом окунут в такую ледяную прорубь цинизма, что враз станет невыразимо неловко за свои мальчишеские умиления и прочие экстазы. А на ранимом сердце вечно должна сиять ледяная броня, чтобы капризная твоя Москва «никогдашеньки» не приметила твоей главной слабости и тут же не погубила тебя, молодого и красивого, за неё, за презренную слабость быть добрым…

Шпаги к бою, господа Шизики!

Пожалуй, пора уже поведать то, что знаю пока один лишь я, ну и безумные участники этих адских паноптикумов, шапито и кордебалетов с макабрами.

Безрассудная Иришка всю свою неподражаемую жизнь вращалась в сферах, весьма близких к тем, что мы гордо называем «рокенролом». Нет, не то чтобы это были одни сплошь музыканты и артисты, хотя и этого добра хватало, но… Просто безобидные чудики, опасные маньяки и гении-самоучки населяли миры этой странной девочки настолько густо, что это граничило уже с некоторой патологией. Привлекать к себе блаженных, психов и юродивых всегда и везде – вот, что роднило нас помимо беззаботного пьянства.

Посему начну понемногу предавать огласке то, что было рассказано ею промозглыми осенне-зимними вечерами под рык вечно поддатого Тома Уэйтса и неведомый болгарам «главный их национальный напиток» «Монастырская изба». Кстати говоря, без всяких стёбов, это наше излюблённое пост-студенческое пойло с гордой надписью «Изготовлено в Болгарии» не имеет ни малейшего отношения, ни к этой гостеприимной курортной земле, ни к сухим винам вообще, как разновидности алкоголя.

Эта чистейшей воды наша «рассейская» подвальная бо-

дяга, наводнившая замызганные ларьки и куцые «супермаркеты», долго кружила умы местной «творческой прослойки». Сколько же ящиков этой отравы было выпито, причём каждый «засол» смаковался, и затем следовали непременные оценки гурманов-специалистов. Словно искушённые сомелье, мы важно цокали языками, пытаясь раскусить «сложный букет» и рассыпались в комплиментах, если бутылочка оказывалась особенно «пикантного» вкуса.

Я как-то сдуру недавно купил пузырь этой «ностальгии», и хоть и был отчаянно «вдет», моментально понял, что это просто кромешный ад и «поножовщина». На вкус это было ещё тошнотворнее, чем жуткое пиво «Б…гбир». Вот и гадай теперь, то ли мы были настолько уж невзыскательны по молодости, да неискушенности, то ли сейчас наш культовый «сухарёк» превратился в совершенную «мёртвую воду» из-за преступной неисполнении технологий. Да чего гадать, думаю, и то виной, и другое.

Ну, будет уже лирически отступать, Игорян, ковыляй уже дальше! Итак, байка первая. Давным-давно (ещё до февральской революции) была у Ражевой школьная подружка, и звали её Наташа Лосинская. Как и почти у всех девочек имелся у неё и папа. Но папа необычный, папа непростой.

Ну так и что же с ним было не так? А папа был у неё ученый, точнее, он один так думал. Думал долго, сурово и бескомпромиссно. Он занимался «Наукой» по вечерам после тяжкого трудового дня и даже сделал кой-какие открытия.

Когда же становилось ясно, что открытие совершено окончательно и сомнению не подлежит, он неоднократно писал письма в Академию Наук приблизительно такого содержания: «Уважаемый товарищ профессор, я расшифровал письменность Майя по Вашим книгам! Как быть? К кому обратиться с сенсационной разгадкой века? Кому передать рукописи, ибо труд сей может пропасть для науки, цивилизации и вообще человечества!». Да уж, воистину, что же не так у нас с папой?

А вот ещё один пример творческих изысканий, а точнее благородного писательства – в Иришкином классе учился некто Тресков, он был известен двумя очень примечательными деяниями. Первым было то, что он заканчивал каждое школьное сочинение, независимо от темы, стиля и эпохи, драматической фразой: «Да, забыл добавить, на нём были красные трусы!». Даже этого с лихвой хватило бы, чтобы остаться в веках для грядущих поколений, но была и вторая примечательная «странность» – он писал книги.

С одной стороны, а почему бы и нет, многие же пишут романы, и ваяют так, что будьте нате, некоторых даже печатают, а есть и те, кого читают. Но «необычность» и даже «новаторство» подхода Трескова было в том, что работал он следующим образом: он внимательно смотрел долгоиграющие сериалы по «ящику», а потом старательно записывал всё, что слышал, видел и запомнил, от руки. Работа кипела, заполнялись крючковатым почерком толстенные общие тетра-

ди, которые бережно складывались в высокие стопки. Утром Тресков записывал, а вечером подправлял. Когда его неделикатные одноклассники резонно вопрошали «литератора»: «Это что же, по-твоему, ты так романы сочиняешь?!!». На это «прирождённый прозаик» недоумённо отвечал: «А как ты думаешь, книжки-то пишут?». Любимая мама его была такая же очень «паранормальная», и при всём при этом данный «мастер словесности» учился в общеобразовательной школе. Ну что ж, во всяком случае, он никогда и никого не тыкал вилкой в глаз и не пил чернила, так и пущай себе учится, родимый.

Не стану более «грузить» тебя, любезный мой читатель, сразу всеми прелестями и изюминками «ражевского» окружения, а расскажу лишь ещё об одном любопытнейшем сумасшествии. Ну а потом уж снова с удовольствием вернусь к её занимательнейшему «дурдому».

Теперь же слово учителям! Ух, как же много наших педагогов было явнейшим образом не в себе! Галина Евгеньевна. Уважения к ней не было никакого. Была ли любовь? Возможно. Но такая… Похожая на любовь к потешной обезьянке на рыночной площади. Да и сложно снискать уважение у жестоких и коварных школяров, когда безумная училка, ткнув указкой в любое место на карте, уверяла: «А вот здесь находится Пустыня Смерти!». Доходило до того, что местный хулиган Ромка Сорокин выхватывал длиннющую деревянную указку, вставал в «мушкетерскую позицию», и, делая де-

монстративный угрожающий выпад в сторону «необычной» географички, призывал её к бою: «Галина Евгеньевна, защищайтесь, вы обосрали кончик моей шпаги!».

Нервный смех через светлые слёзы – вот что вызывают эти удивительные «новеллы» от нашей бывшей непослушной ученицы, что прошла, как и все мы, сквозь тьму и маразм советской школы. Я не прощаюсь с этой благодатной темой, нет, ни в коем случае. Просто небольшая, гуманная передышка, чтобы не напугать уж вас совсем, мои родные! И снова шпаги к бою, господа Шизики!

Шоколадные принцессы

«Подожди, подожди-и!» – истошно голосит маленькая девчушка убежавшему вперёд нервному отцу, волоча за собой ещё более крохотную сестрёнку. У обеих в руках по здоровенной шоколадной конфетине, симпатичные мордочки, естественным образом, напрочь перемазаны. Весь Ветошный переулок объят сладким кондитерским ароматом.

Измождённый папашка утомлённо останавливается и с мукой и гневом в голосе взвывает: «Это издевательство какое-то! Вы меня с этими конфетами достали уже!!!». «Сладкие» девчонки умилительно смотрят на него, не переставая уплетать свои липкие сласти, как бы говоря всем своим трогательным обликом: «Ну разве же можно на таких вот сердиться? Ну как же можно таких вот не простить?!». Вконец измученный детским чревоугодием отец, энергично, но одновременно и обречённо опускает руку и продолжает путь, а за ним снова нога за ногу плетутся две «шоколадных принцессы».

Вроде бы какая-то ерунда, сущая мелочь, на которую жаль и времени-то, чтобы кинуть вечно озабоченный взгляд, а вот ведь осталась такая забавная фотография в моём чёрством сердце, и, извините, вашем…

Работа!

Возле метро «Фрунзенская», там, где легендарный МДМ, при выходе стоит сухонький пожилой дядька и предлагает, суя в нос каждому проходящему, что шарахается от него, как от зачумленного, куцую газетёнку с вакансиями на разные кошмарные работы и ноет на разные лады одно единственное слово: «Работа!».

Долдонить одно только это часов двенадцать подряд – занятие сродни одному из наказаний за земные грехи в ожидающем нас всех Аду, поэтому, чтобы хоть как-то разнообразить своё незавидное существование, он то повышает до «буратинистого» юродствования тон своего нытья, то понижает его аж до спившегося церковного баса. При этом он жутковато делает ударения на все буквы по очереди, и до страшного долго тянет гласные: «Ра-а-а-бота, рабо-о-о-о-о-о-та, работа-а-а!».

И я с ужасом потихоньку осознаю, что дядёк начинает натурально сходить с ума, во всяком случае, на время этой варварской жизнедеятельности. Потом он отчаянно решает давать раскатистое «Р-р-р-р-работа!!!», а затем выдает уже совершенно истошные комбинации вышеперечисленного: «Р-р-р-ра-а-або-о-от-а-а-а!!!!!».

На этом-то клиническом «вирше» я и сломался и молодецкой рысью просто побежал уже прочь, чтобы поскорее ис-

чезло из моего поля зрения это назидательное напоминание мне и другим занудам, мол, как же тяжело и горько нам бедным приходится. Не, чуваки, мы ещё живём!

Дóдик

Давным-давно, когда я был молод и красив, на нашем весёлом университетском курсе, как в сказке жило-было, поживало одно нелепое создание по имени В., но звали его все почему-то Дóдик или Дод.

Длинный, тощий, сутулый, носатый, общим обликом определённо напоминавший гигантского богомола. Ну, казалось бы, вроде обыкновенный классический «ботаникус», о чём тут и говорить-то, но дело было в том, что он был НЕобыкновенный!

Он был крайне доверчив, но происходила она, эта доверчивость, не из чистой наивности, а из чудовищной переоценки своей «звёздной» внешности и «искрящего интеллектом» ума.

Ему прямо на лекции можно было деловито предложить стать вокалистом создающейся на курсе рок-группы и там же, посреди монотонной пары провести ознакомительное прослушивание кандидата в Джимы Моррисоны. Я исключительно ясно помню, как сидящий на ряд ниже Додик «эффектно» развернулся к нам, оторопевшим от такой-то дури, и, зажав воображаемый микрофон в характерной «цоевской» позе, драматично проблеял: «Груп-па крови на рукаве…». Если бы он в тот момент удачно стебанулся, я тут же бы поставил ему «пятёрку с плюсом» и даже бы пожал его

вечно влажную ладошку, но… Он был собран, серьёзен и… глуп! Мы еле сдержали душивший нас хохот и продолжали «рекрутировать» с шиком показавшего себя будущего роскошного певца ещё около часа.

Додик был счастливым обладателем довольно страшненькой прыщавой физиономии, на которой жили чёрные полуподростковые усишки. Он постоянно довольно гадко «прихихикивал», словно припоминал или видел нечто непристойное. Вообще говоря, «переклин» на сексуальной сфере у него был «будьте нате». Даже при прослушивании относительно безобидной модной тогда песенки со словами «в движеньи я, в движеньи ты…», он многозначительно и по маниакальному мерзенько подмигивал и тихонько-гнусаво тянул: «Движе-енье… Ты понял, движе-енье…». Становилось противно настолько, что захватывало дух от столкновения с такой «извращенческой» сферой человеческого бытия.

Как-то после массовой «несдачи» зачёта по предмету, что вёл некто Хворенков или «Хворь», мужская часть нашей группы собралась стоически залить горе в нашей студенческой забегаловке, прямо возле священных аудиторий.

Несколько слов об этом занимательном персонаже. Хворь был маленький холерический человечек. Сдать его незначительный в нашем и без того фиктивном образовании зачёт было равносильно переходу на следующий курс. Ходила даже невесёлая присказка: «Пока зачёт Хворя не сдал – ещё не студент». А между тем, дело-то было аж на третьем курсе!

Я не знаю, какой уж он там учёный (если вообще имелась такая его ипостась), но «препод» он был кошмарнейший. Тем более, мне известно совершенно доподлинно, что будучи студентом, больше трояка он сроду и не получал на душу населения. Никто и никогда не понимал, что он сатанинской скороговоркой несёт на своих занятиях. Он влетал в аудиторию секунда в секунду точно (уверен, всё это дешёвое представление было продумано и расписано до мгновения и жеста, ибо такого «понтярщика» было больше не сыскать в разнообразнейшей нашей Вселенной), с небрежностью хватал мел и начинался мучительный набор рубленных фраз и междометий, общий смысл которых не сводился абсолютно ни к чему. Резонно возникающие вопросы он презрительно обрывал очередной «эффектной фразой», разбивающей в осколки их изначально «убогое содержание».

Выслушав однажды вопросительное лепетание того же Додика, он привычно досадливо отмахнулся рукой от «очередного дебила», но потом как-то замер на мгновенье, слегка призадумавшись, и неожиданно изрёк настолько для него нехарактерное: «А-а-а, ваш вопрос не лишён смысла!». Он и сам был несколько потрясён, что мы можем хотя бы пытаться что-то понять в его эзотерической абракадабре.

Когда же бесконечная пара заканчивалась, он резко бросал мел и торпедой вылетал из аудитории, никогда не прощаясь, демонстрируя, по-видимому, полное презрение к пошлым условностям, не имеющим никакого отношения к Свя-

тыням Науки, Патриархом коих на Земле он и являлся. Вот такое дешёвое пижонство нам приходилось регулярно видеть, испытывая вечную интеллигентскую неловкость за чужое жлобство.

Изматывающие же зачёты его были для него ещё одним изощрённым способом привлечь внимание к своей довольно сомнительной персоне, ну и поднять шаткую нестабильную самооценку за счёт сладкого унижения растерянных и беспомощных (не по своей, кстати, вине) студентов.

Многие из нашего незадачливого брата пробочкой вылетели из-за его невразумительной, дутой дисциплины из Универа и пополнили армейские ряды, так нуждающиеся в светлых, но незадачливых головушках. «Терзания младенцев» производились «с утончённым оттягом» в две-три пересдачи (в первую не сдавал никто и никогда).

Помню, как содрогаясь заранее от адского шоу, я, ни хрена не понимающий и не учивший совершенно его предмет (справедливо считая его лженаучным), нервно ожидал, когда начнется и моя экзекуция. Хворь подкатил ко мне, коротко бросив в характерной своей суетливо-небрежной манере: «Много там ещё осталось… Этих… Баб?». Что-то доверительное и сакрально-мужское промелькнуло в сей фразе, и я уже было затрепетал от надежды на зачёт на халявку… Как всегда, я глупо просчитался – мне с пулемётной скоростью был задан вопрос, ответ на который предполагал или жёсткое «да», либо твёрдое «нет», варианты хитрожопо-

го литья воды и включения изощрённой студенческой логики с использованием всего, что ты знал и слышал к месту и не очень, отсутствовали напрочь. И я выбрал?.. Ну, конечно же, неправильный ответ.

На последней, решающей мою судьбу пересдаче, страшный Хворь вновь совершенно садистически ошарашил меня единственным вопросом абсолютно такого же «пятьдесят на пятьдесят» свойства. Я затаил дыхание, выдохнул воздух, словно перед боевыми «сто грамм» и отчаянно выпалил один из двух возможных вариантов. Сердце мое затравленно перестало стучать, в ожидании приговора… Хворь стремительно зыркнул на меня и экспрессивно затараторил: «Ну это другое дело! А то, вот как, приятно бы тебе было, если бы на кафедре про тебя говорили, что Матрёнин… Чудовище!». Попал! В точку, граждане, дорогие! Прощай, суровая армия, здравствуй, родное раздолбайство!

Я естественно, ничегошеньки снова не учил (а как вообще можно учить то, чего нет?), и вот, наконец-то подоспела спасительная везуха! Вежливо улыбнувшись на искромётное «чудовище» (да кому нужен хоть кто-то из нас грешных студентиков для обсуждения на кафедре, давно погрязшей в переделке званий, взяток и зарплат), я вылетел из аудитории к Свободе, Музыке и Счастью!

Но вернёмся, однако, к моменту, когда всё было не так уж радужно и предстояли ещё две неизбежные карательные акции от маэстро Хворенкова. В полуподвальном, дразняще

пахнущим деревом и яичницей с луком кабачке расположились мы – понурая орда «не сдавших» мужеска полу. Были заказаны традиционные для нищего студенчества надёжный в таких случаях напиток «водка» и гренки, то есть, проще говоря, много чёрного хлеба, нарезанного брусочками и зверски изжаренного в машинном масле с чесноком. Нам нравилось.

«Болезного» Додика накануне попоечки вопрошали уже (и снова в аккурат посреди лекции) на предмет опыта общения с женским полом. Была вначале предложена вполне лояльная и щадящая формулировка, типа: «В…ик, ты, конечно, извини, но ты уже можешь сказать о себе, что ты… Мужчина?». Мгновенно переварив суть вопроса, самый простецкий малый с нашего потока (а простота, как известно, изрядно хуже воровства), не долго думая, брякнул: «Додик, ты бабу е…ал?». Аудитория аж дружно крякнула от средневекового образа изъяснения. На что наш (нет, уж извините, не наш!) Додик ответствовал степенно, но с вызывающими гадливость затягиваниями в тоне: «Ну-у… Я решил сначала испробовать другие удовольствия… А уж потом…». Ржали до рыданий даже невозмутимые наши девушки, гадая, что же за такие «иные удовольствия» недоступны были этому аскету поневоле.

Оказалось, что выпивать до этой скорбной гулянки ему тоже не приходилось. То, что он истерично дёрнул, преодолевая детский испуг, пару стопочек, само по себе вызыва-

ет, если не уважение, то уж точно изумлённое восхищение. «Дебютант алко-фронта» тихонько сидел, чутко прислушиваясь к изменениям в «юношеских» организме и сознании. Когда изменения явно свершились, он украдкой наклонился ко мне и вполголоса поделился откровением: «Ну-у-у… Примерно так я себе это и представлял…». Мне даже немного стало жаль его, и я не сдал этой его уморительной фразы пьяным, шальным сотоварищам, но делаю это сегодня, потому что теперь это уже История, а она должна принадлежать самым широким массам российских и зарубежных читателей.

Прознав о нечеловеческом интересе В…ка к женскому полу, одна весёлая девушка (я не стану называть её и спасу от преследований уже сформировавшегося к этому времени серийного маньяка) лукаво решила ему позвонить, представившись анонимной обожательницей. Самым обольстительным тоном она расхваливала его роскошную фигуру (!), дворянскую осанку и дьявольское обаяние, а затем пригласила на многообещающее свидание с собой, длинноногой таинственной незнакомкой.

На следующий день каждый с курса во все глаза таращился на «избранного Судьбой счастливчика» и с нетерпением ждал его юмористических откровений. Но Дод молчал. Сообразив, что реакция на звонок, случившийся с ним предыдущим роковым вечером, останется для скучающих окружающих тайной навеки, самые неосторожные стали потихоньку

ку расспрашивать новоявленного Казанову, мол, как вчера вечер прошёл, всё ли было как всегда, не случилось ли ничего необычайного. И он не выдержал! И вывалил всё, что было льстиво нашёптано и щедро наобещано прекрасной обольстительницей. Со всех сторон слышались одобрительные возгласы: «Молодец, В…ик! Ну ты красавчик! Теперь уж не теряйся! Вперед, мчи на свиданку, и она твоя!». Но наш отчаянный покоритель дамских сердец разом разочаровал всех хохмачей несравненным: «Не-а-а, я не пойду… Ещё подцепишь чё-нито…».

А вот вам ещё одна яркая страница из жизни супер-героя комиксов… Нас, тогдашних студентов, сгоняли зачем-то в какие-то стихийные, дикие, но Добровольные Народные Дружины или ДНД в простонародии. Мало того, что мы сами надирались до первобытного состояния во время сиих рейдов, так ведь ещё этот беспощадный факт – как ни крути, но мы же всего-то лишь дохляки-студенты… Вот что же, я интересуюсь, мы могли противопоставить жестокой уличной шпане? И в чьей больной голове возникла эта человеконенавистническая и трагикомичная затея, затрудняюсь и предположить.

Так вот, нас по-армейски разделяли по небольшим группам и направляли по различным неблагополучным районам города, дабы мы, видимо, отважно стерегли там мирный сон обывателя. Наше «дежурство» проходило привычным манером – коллективно выпивались благороднейшие напитки,

типа «Арпачай» и «Страгураш». Пить их было весьма непросто, проникали они внутрь с трудом, ибо обладали настолько специфическими запахами и вкусами, что описывать я их не буду и милосердно пощажу ваши эстетические запросы и элементарный аппетит. Всё это «аристократическое» закусывалось в лучшем случае «аскорбинкой», а в варианте самом отчаянном и тупиковом – «закуривалось» Беломором. В общем, у нашей сплочённой группы имелось увлекательное и долгосрочное занятие этим зимним снежным вечерком.

А вот группа, состоящая всего из двух участников – небезызвестного Додика и его приятеля, приблизительно такой же комплекции, была резонно направлена в самый опасный район города, курировать некое питейное заведение, практически шалман, где регулярные драки и поножовщина уже не трогали даже местных ментов, давно плюнувших на этот безумный вертеп. Скажу честно, фик бы я пошёл в это милое заведение, а тем более стал наводить там «комсомольский» порядок – суицидальное во мне развито крайне умеренно.

Эти же два обормота, то ли по совсем уж скудости ума, то ли из-за гипертрофированной гражданской ответственности, проникли внутрь и по-свойски уселись в глубине тёмного зала. В насмерть прокуренном помещении сидели жуткие существа в наколках и золотых зубах и периодически опрокидывали стаканы с подозрительно пахнущей жидкостью, выдававшейся здесь за водку. Мерный гул зловещих

разговоров периодически прерывался гортанными материными выкриками, и тогда кто-то отчаянно вскакивал, и начиналась лёгкая потасовка, которая заканчивалась вначале парой тычков в грудь оппонента. Но минут через сорок напряжение в забегаловке неминуемо достигало точки извержения вулкана, и вот уже бутылка из-под коварной «беленькой» повестерновски легко разбивалась о чью-то клишировано бритую черепушку, и начиналась настоящая бойня с резнёй и погромом. Ну, короче, самый, что ни на есть, босяцкий отрыв, зачем, собственно, такие люди сюда и приходят – отдохнуть.

Видя, что зыбкая ситуация окончательно вышла из-под его комиссарского контроля, очаровательный Додик предпринимает крайне нестандартный шаг, который и прославит его впоследствии в глазах изумлённых современников, а грозное имя его останется в веках, как символ парадоксального и запредельного. Он отважно решает спасти положение и очень отчётливо, низким глубоким и самоуверенным голосом бывалого шерифа произносит: «Эй, тихо все, успокоились!». Внезапно, в один миг наступает гробовая тишина, бродяги и убийцы всматриваются в бездонную ночь кабака и не могут разглядеть во мраке, кому принадлежит сей могущественный повелительный глас. В некотором недоумении аборигены решают на всякий случай подчиниться человеку из Тьмы, который запросто мог оказаться влиятельным авторитетом, и затихают. Постепенно возобновляется пугающее

пьяное бормотание, редкие выкрики и рядовые потасовки, но сегодня здесь никого уже не зарежут… Так велел Додик…

Не думал и даже не гадал я узнать что-то о судьбе главного героя этой маленькой водевильной повести после нашего выпуска, но узнать всё же пришлось…

На суетной остановке, рядом с Площадью Минина встретил я как-то бывшего сотоварища Додика по «победе над бандой изуверов» во время того прославленного рейда. Вот он-то и поведал мне очередную леденящую душу историю о незабываемом Додике.

Маниакальный интерес долговязого Дода к трагически недоступным женщинам всё это время ужасающим образом усиливался. Ещё в университетские младые года я случайно услышал обрывок разговора, после которого не каждый решится не позвонить в «дурку», дабы спасти грешную душу пациента и жизни невинных отроковиц. Доверительная беседа была о бравом похождении по женской линии Додиковского дружка, когда тот вкратце обрисовал ему свидание с обязательными (а, возможно, и выдуманными) поцелуями. Внимательно выслушав не густо прорисованный деталями рассказ, весьма распалённый услышанным Дод, начал отчаянную атаку: «А ты трогал её за это?». Гнусаво и с перерывами дыхания: «А за Это?». Ударение на второе «Это» заметно усиливалось. Причём оба каким-то жутким патологическим образом понимали, что есть «за это», а что «за Это». Надеюсь, вы уже начинаете в ужасе понимать, что за субъект

сейчас перед вами.

К моменту же нашей встречи с бывшим однокурсником, Додик уже был не последним сотрудником какого-то банального банка. И счастливо имелась у него та заветная сумма, которая волшебным образом позволила бы ему поездку в зовущий пороками город Париж и вожделенную тамошнюю проститутку, что покажет ему постельный мир утех и альковной услады. Вы спросите законно: «Зачем же для этого в Париж-то?». Но «развратник» Дод упрямо твердил, очень характерно отвратительно гнусавя: «Хочу только парижа-анку. Именно парижа-анку». Одним словом, в манящий страстями Париж отправились они вдвоём и, как только нетвёрдая нога нашего эротомана-теоретика коснулась исторической земли, он начал беспрестанно и мучительно гундосить: «Отведи меня к проституткам. Веди меня к проститу-уткам…».

Вам ведь очень интересно узнать, что стало дальше? А представляете, как мне было до жути любопытно дослушать эту фривольную повесть до конца, но… Как нарочно и так некстати подоспели вредные редкие наши маршрутки, и мы моментально разлетелись в разные стороны города. И вот я, так же, как и несчастные вы, не знаю и не узнаю, видимо, уж никогда финала этого полудетективного фарса…

Я как-то неосторожно поделился этим секретным преданием приятелю Сеньке – московскому ди-джею, так же, как и я подрабатывавшему в сектантской «Репаблике». И этот вполне уравновешенный и благоразумный человек, словно

сорвался с цепи, будто его подменили хитрые шаловливые духи. Он бродил по торговому залу и гнусаво приговаривал целый день: «Хочу парижа-анку, отведи меня к проститу-уткам». Часам к четырём меня он достал «по полной», и я уже прятался от него на складах, в подтоварниках и сейфах. И тогда (о, ужас!) он начал приставать к покупателям и, особенно, к привлекательным покупательницам: «Девушка, а вы случайно не парижа-анка? Дело в том, что мне нужна именно парижа-анка…».

Я был готов провалиться в самые кипящие тартарары, но Сенька был непрошибаем и довёл свой бесовской номер до двенадцати ночи, ни разу не замолчав и распугав остатки затравленных им посетителей. Ни до, ни после он не позволял себе ничего подобного, это было какое-то загадочное помешательство. Видимо, страшные флюиды подавленного Додиковского вожделения и превратили кроткого парнишку диджея в распущенного наглого клоуна.

«Ма́хи» за автобус

Когда-то давно, в жутких, но странным образом ностальгических «девяностых», в мрачном холодном городе Нижнем Новгороде была одна дикая проблема – автобусы. Даже не просто проблема, а, натурально, беда.

Если показать тогдашнему запуганному и зашуганному «переходным периодом» человечку обилие маленьких, суетливо снующих маршруток и автолайнов, он был бы поражён намного больше, чем пророческому видению нашествия инопланетян на планету Земля или зловещим картинам Апокалипсиса. А пока древний мир не знал ещё этих крошечных спасительных механизмов, а довольствовался лишь ничтожно малым количеством желтобрюхих «Икарусов» и грязненьких, вечно нервно дрожащих «ПАЗиков». А к опустошённым же «девяностым» они все как-то разом поломались, и починять их никто не умел, так как к этим историческим временам делать уже не умел совершенно ничего ни один гуманоид России.

После многочисленных университетских пар уехать домой было категорически невозможно. Каждый случайно залетевший автобус с улюлюканьем и разбойничьим посвистом атаковали бесчисленные орды жаждущих попасть домой работяг, интеллигенции и просто неопределённого подозрительного люда. Периодичность была просто изувер-

ской – один расхристанный транспорт в полтора-два часа.

Зима. Очень холодная, лютая зима. Толпа размером в ватагу революционеров, берущих Зимний, как мы это свято помним по советским идеологическим киношкам, грозно вибрирует, издавая жутковатый гул. Уставшие люди замёрзли до костей и потери всякой чувствительности, и каждый мечтает лишь о горячем ужине перед дающим уют наркотическим прибором «телевизор».

Я расположился чуть поодаль, не веря уже ни в какую возможность попасть в свою родную комнатку с дружочком-магнитофоном и шкафом с книгами. Со мной рядышком отчаянно мёрз бывший мой одноклассник Серёга Шаров, железно решивший раз и навсегда, что будет качать мышцу́ ежевечернее в течение месяца. И только по истечении оного срока позволит себе оглядеть распухшее от регулярных усилий тельце в зеркале. И вот лишь тогда, в сладостной истоме, он рассчитывал насладиться этими чудесными изменениями. Эксперимент был без сомнения крайне благороден и увлекателен.

Время неумолимо ползло к ночи, была половина одиннадцатого вечера и зловещая темень заползла во все щели и норы. Я резонно заметил Серёге, который иноходцем топтался на хрустящем снегу, что сегодня, видимо, придётся всё же пропустить эти два часа сладострастной раскачки. На что, упрямо закусив губу, он твёрдо заявил: «Ни фига! Приду, поем, на отдых полчаса и таскать железки! Меня ничего не

остановит, буду херачить ночью – я зарубился!». Уважительно взглянув на него, я начал зорко всматриваться в чернеющее небытие, откуда мог вывернуть подонок-автобус.

И он появился… Но ждать спасения от этого жалкого транспорта было абсолютно напрасно. Чтобы появился шанс ворваться в обледенелое нутро «Икаруса», неприлично отталкивая соседей, нужно было занять место в первых рядах толпы ожидающих. Мне это было решительно западло, и я приготовился к холодной смерти совершенно осознанно.

Прибывший транспорт был уже почти полон, словно советскими селёдками в банке, копошащимися серыми людьми. Места для новых яростных пассажиров не было совершенно. Но это была только забавная иллюзия. Озверевшие граждане бросались волками-оборотнями в чуть отворившиеся двери. На обледеневших ступенях в затейливых позах висели и лежали счастливчики, что втиснулись на предыдущей остановке. «Новички» хватались за хлястики, рукава, шеи и другие более деликатные места «старожилов», пытаясь втиснуться в пространство, которого не было уже как остановок пять-семь. Закрепиться в полусвободном висе самым активным невероятным манером, но удалось. Но двери! Двери должны были каким-то волшебным образом сомкнуться! До тех пор, матерясь, стеная и проклиная всё на свете, все собравшиеся должны были, подыхая от лютой стужи, ждать, когда наконец-то полуживой автобусик отправиться дальше. Никто из «зависших» никогда бы не разжал

отмороженных пальцев, поэтому все знали – сейчас начнется второй акт этого некартинного действа.

И тут ненадолго становилось теплее – улыбка оживляла мое белое от холода лицо! Дело в том, что заползающие «висяки» позорно производили пакостные телодвижения, очень напоминающие любовный акт, подталкивая впереди стоящих в промозглое нутро железной машины. Различия между полами и возрастами не было – все были сосредоточены на этих гадких «мáхах», забыв про стыд, приличия и этику с эстетикой. Некоторые «махи» были весьма большой амплитуды, но несколько размеренны, с циничным «оттягом», так сказать. Другие «махи», напротив, были суетливы и по подростковому быстры. Смешно и страшно было наблюдать, как эти измученные, окоченевшие люди плевали на то, как до позора убого и жалко они выглядели…

И тут, безмятежно вспоминая этот курьёзный вечер, я наконец-то осознал, зачем же я всё это делаю, зачем записываю эти грустные и забавные истории, порой беспощадно бередя свои сердце и душу. Я консервирую время! Да-да, именно этим я и занимаюсь! Ну так что же, я очень надеюсь, что всё сойдётся в моей заплатанной судьбе, и я наконец напечатаю мою странную книжку. Моё консервированное время…

Я и Ленин

Ко мне сегодня зашёл Ленин. Нет, я серьёзно! Ну, натурально, Владимир Ильич!!! Открыл дверь, сказал «здрассьте!» и присел рядышком на стульчик. Вежливо попросил разрешения передохнуть, привычно достал «мерзавчик», предложил «пятьдесят». Я с большим пиететом ответствовал, мол, на работке, и никак нельзя, тогда он вкусно глотнул сам для поправки здоровья вождя мирового пролетариата и рассказал, неспешно матерясь, как он стал Ильичом.

Странная эта история началась ещё в бандитских «девяностых», когда всех его тогдашних дружков-корешей методично пересажали, а кого даже и перестреляли, и его личные перспективы грустно рисовались лишь приблизительно такими же. Решение пришло само собой – валить, пока не поздно, в солнечную Грецию, где, как известно, даже ботинок не нужно на благодатном ласкающем зное. Там будущий Ульянов-Ленин как следует прожарился на солнцепёке, пожёвывая халявные фрукты-овощи аж долгих пять годов. И, собственно, на эллинской священной земле и обратили добрые люди его рассеянное внимание на то, что уж очень он похож на того самого, из Революции, Владимира Ильича.

Короче, слово за слово, и чем-то там да по столу, и вот, уж у Кремля появился новый, свежий «самопровозглашенный»

Ильич. И поведал мне Ленин, потирая затёкшие с утра ноги и отдуваясь под нашим почти буржуйским кондиционером, что на этой необычной службе он уж восемь тяжких годочков. Что народец пошёл не тот, то ли стал жадноват, то ли, наоборот, обеднял. Но факт он и есть, не что иное, как только лишь факт: «Раньше ко мне, веришь-нет, очередь стояла. Да я пробегусь в былые времена туда-сюда – семь штук приклеилось, а сейчас, дай Бог, две-три, так, на гостиницу, да на пожрать, да вот… На малую чекушку… А без неё никак! Ты ж, лохматый, никак музыкант, сам же знаешь, как целый денёк перед толпой-то клоуном, без поддачки никак, никак, сердешный…».

Я в свою очередь тоже немного пооткровенничал, что, мол, случается, и сам побухиваю «не по чину» и очень даже и не в меру, и что печёночку свою единственную порою чувствую, ой, как родную. «Так! В почку отдает уже?» – деловито и с пониманием дела вопрошал Ильич. «Нет? Так это ещё ничего, ничего…». Он немедленно, с отстраненной интонацией матёрого врача со стажем лет в сорок, дал мне некоторые дельные, правда, несколько жутковатые советы: «Берёшь «гемодез», «глюкозку», витаминчики «Б 5», «Б 12», иголочку, просишь наркомана знакомого, чтоб в вену попал, и огурчиком, огурчиком наутро! Правда и наркоманы-то пошли сейчас какие-то… Пластмассовые… В вену попасть не могут, жрут всё чё-то… Не, мне-то это всё вообще никак, инфаркт уже был, спасибо!».

Я как можно более деликатно поинтересовался, с которого же часа начинается рабочий день у вождя, на что Ильич с хитрым, наработанным и характерным прищуром говаривал: «А как решим, так и выходим!». Д-а-а… Режим меня явно устраивал. Я снова робко приставал с расспросами (не каждый же день сам Ленин так запросто приходит в гости): «Есть ли выходные или так, не щадя здоровья пашем?». Тут он меня немного удивил, назидательно сказав: «Ну ты что, лохматый, я зимой вообще отсюда уезжаю! Под капельницу и на овсяную кашку. Мне уж сорок два годка, старый я… А тебе-то вот сколько самому-то?». Пришлось в который соврать, что мне «тридцатник», чтоб не травмировать «вождя» своим мальчишеским обличием в свои-то почти что «сорок и один». «Ну, ты салабон ещё!» – ёмко выдал Ленин и мудро приложился к заветному «фуфырдику».

Хмелел он моментально, но не борзел, и лишь только изредка доверительно дотрагивался до меня рукой, после чего странное ощущение охватывало меня, словно мрачноватая ленинская энергетика проходила сквозь моё тело чёрной пролетарской «искрой». «Люди все одинаковые, ущипнешь (он осторожно щипал меня за руку) и – ка-а-ждому больно! Да ты не баись, я человек адекватный…».

Ну что ж, пожалуй, что дядька был мирный… Но взгляд… Конечно восьмилетний тренинг был налицо – и «путеводная» фирменная жестикуляция и придурковатый наклон головы, всё как в знакомых по детству фильмах, но глаза…

Сквозь пристальный, испытующий взор изливалось нечто, полученное им самим при перевоплощении – страшная энергия того, настоящего Ильича-душегуба. Мурашки периодически прыгали с места на место по моему телу, но я держался спокойно, хоть Ленин-клон всё никак не уходил на заработки, а со вкусом отдыхал телом и душою у меня в прохладном закутке.

«Пушкин, сука, не пришёл, молодой, тело-то ещё горячее, сильное! Вечно его бабы заберут к себе, всю ночь с ними куролесит, пьёт, да «дует», а как на работу выходить – не в форме. А одному тяжело… Мы в паре с ним! Это ведь моя отдушина, ученик мой. Задумал, дубина, правда, какой-то «рэп» читать. Ненавижу этот «рэп» поганый, сам-то я «скорпóв» уважаю… По молодости-то и сам, бывало, «дунешь», и с тёлкой… Ну понимаешь меня… Сейчас уж, конечно, не то, здоровья того нема… Ты представляешь, хохма, Пушкин читает «рэп»! Да ещё меня заставил в его дурацком клипе сниматься, папироской в камеру пыхать, каналья! Я-то его сразу приметил, мы за городом рядышком кантовались. Нос у него, ну копия Александр Сергеевич! Я ему и предложил, ты, паря, хорош бриться, а я из тебя такого Пушкина сделаю! Ежели не стричься, кудри будут? Ну в точку! Заказал костюм ему… Он, оболдуй, меня молодостью заряжает, мне с ним жить снова охота! Мож, и выйдет у него чего с этим его «рэпом», контракт получит и меня не забудет, «писяшку» нальёт…».

Внезапно Ильич срывается со своего насеста и цепко ловит за дверью дюже заросшего бакенбардами долговязого паренька: «Ты почему в гражданском?». Тот робко заходит к нам и начинает смущённо оправдываться: «Дык, ты ж сам сказал – «я форму твою в пакетике-то захвачу…». Грозный Ленин, по видимому, не может быть долго строгим к любимцу и ласково прощает выходного сегодня Пушкина: «Ладно… Ну хорошо, что пришёл, не пропал вовсе… Отдохнул вчера, вижу, отдохнул… Свежий, бодрый, нечего сказать…». Пушкин, понимая, что совсем уж распекать не будут, радостно подхватывает: «Ага! Отдохнул… Но даже не дул вчера, не дул, только пил… Тут вот тебя Лёня искал (я интуитивно понимаю, что речь о Леониде нашем Ильиче), да и вроде Николай (ну это который, надо полагать, «Второй») обещал подгрести». Оба исторических персонажа явно находились в этот душевный момент на эдаком сладком «алко-артистическом» подрыве.

Внезапно раздается звонок в тёмном плотном «ильичёвском» пиджаке («а ты вот попробуй по солнышку-то в таком попляши-ка денёчек-то, паря!»), и «вождь» важно сообщает мне: «Брежнев на проводе!». После короткого разговора, который заканчивается хрестоматийной «ленинской» фразой «сам козёл!», Ильич машет коронным жестом вождя мне на прощание и исчезает под стенами сурового Кремля.

А я остаюсь вспоминать обрывки сумбурного рассказа этого странного человека, который уже и не совсем себе при-

надлежит. Часть души его забрал тот ненормальный карлик-убийца, что лежит тут же рядом, за мраморной плитой.

Что-то станет с ним, странным двойником, неясно… Хотя непростая судьба, по его же словам, почти обласкала местного Ильича: «Даже в газетах лондонских и нью-йоркских моё фото! Да я вообще туристический бизнес поднимаю, на что тут без меня смотреть-то? Тут что, Рим, Париж какой, а? Да меня ни одни мент не смеет прогонять, я символ Москвы, пойми ты это, не меньше! Да мы им теперь и не башляем даже, это раньше было дело… А теперь их всех, упырей, в «полицейских» переформировали, они и рады бы брать, да как пока не знают. Да я и сам корпоративы веду и свадьбы, и в кино меня не раз снимали… Каплан, сука, в меня холостыми на съёмках, а плечо, веришь – нет, по-настоящему теперь болит, такие вот дела…».

Но босяцкая бравада бравадой, а его, «рядом с Кремлем», гостиница на деле оказалась дрянной ночлежкой за двести пятьдесят в сутки с двухъярусными из «На дне» лежанками, вечерней похлёбкой и обезболивающими «сто пятьдесят» для сна…

Держись, дорогой Ильич, ничего, уже скоро свежая, хлебосольная осень и перспективы оздоровительной зимней капельницы, да чудотворной овсянки…

7-е ноября 1999 – 7-е ноября 2012. Связь времён

Кефир, скука, правильный Игорян, грустный денёк и… Жутко хочется есть! Запой длился ровно неделю, обликом я превратился в какую-то лукавую старушонку, противно… С утра практиковалась страшная пытка изнурительной зарядкой прямо через чудовищное похмелье. Но это фанатичное самоистязание как будто бы помогло слегка проснуться и чуточку прочистить проспиртованный донельзя мозг.

Сижу на работе, разговор снова крутится вокруг водки, селёдки под шубой и толстозадых девок. Дошёл… Забежала кокетливая соседка, что продает мажорские шмотки рядышком через дверь. Снова затеяла кулинарную инквизицию, живописуя свои мифические способности в готовке. Ладно бы хотела зазвать на ночку, так ведь нет – проверено и не раз. Не мной, не мной, не ловите! Просто местные сластолюбцы Борян и Андрюха уже многократно пытались склонить к распутству говорливую соблазнительницу, и результат был неизменно оскорбительный – нулевой.

И тут, так, «святотатски» между делом, «эротическая кулинарша» торжественно объявляет: «7-е ноября сегодня… Парад на Красной Площади…». «Ладно, не гей-парад» – сумрачно думаю я и вдруг чувствую, что озаряет! Седьмое Но-

ября – ностальгия, подпольные школьно-студенческие выпивания, дикие, но милые сердцу демонстрации и славные девчушки, готовые, если и не на всё, но уж точно на многое…

Глядь, и печальные было лица моих сумрачных соратников по благородному делу торговли уж засияли улыбками надежды! А ведь повод-то железобетонный, настоящий, «тру» и даже «ориджинал»! Не какое-то там непонятное «четвёртое» – единение, и прочее там возрождение, а настоящее, Народное Празднество!

Но как нарочно, словно подлый чёрт из табакерки, к нам заявляется занудное начальство. Ну что ж, хотя бы появился здравый шанс спастись от малодушия «развязки», хотя облом, гражданки-граждане, катастрофический и лютый! Ёрзаем, делаем вид, что в жутком трудовом внимании, а сами же витаем в праздных мыслях только об одном – быть может, проклятое руководство всё же свалит, и запируем мы в честь Детства, и катись оно всё под гору, один ведь раз живём, а жизнь так тяжела, и посему имеем право!

А как мы выпивали за «великий рокенрол» в уютных палисадничках в тот замечательный денёк «три тыщи лет назад»! Тогда, на невинном первом курсе, мне было ответственно поручено «где хочешь» раздобыть аж два пузыря сомнительной «ветлужской водовки». Всем же остальным участникам молодёжного филиала ноябрьской демонстрации задания были розданы намного примитивнее и проще – ну там, нарыть колбаски, хлебушка, огурчиков, да ещё рю-

мочки. Ну а вот мне же, с моею физией отличника приобрести флаконы огненной воды было практически нереально.

Все предыдущие пирушки я отделывался слитым у моей невнимательной бабульки самогоном, да тыренными коллекционными сигаретами отца. Что же делать, ребятушки?! Подвести всю «честну́» компанию и испортить священный праздник я не имел никакого морального права… Далее мне тускло светил лишь благородный выход офицера: дурную пулю в лоб, ну или срочный переезд в другой, далёкий северный город.

Спасение явилось неожиданно и скоро! На моё сомнительное счастье рядом оказался бывалый однокурсник Юра Тащилин, человек внешности довольно солидной, да к тому же обладатель чёрных, весьма убедительных гусарских усов. После полутора часов отстоянной очереди в компании люмпен-пролетариата, он небрежно подвалил к заветному окошку и, запросто сунув пухлой развязной продавщице красные бумажки, получил на руки две царственно поблёскивающие бутылочки. Спаситель, отец родной и покровитель, до сих пор я благодарен тебе, дядька Юрик!

Если бы вы видели, как вальяжно вытащил я из сумки их, родимых, добытых так просто, а вместе с тем и не очень. И как же уважительно глянул на меня матёрый Коля Херувимов: «Ну, Гоги (так почему-то по-восточному душевно он и звал меня), не подвёл и самурая лицо сохранил, вот молодчага!».

Компашка была разнополой, и смешные наши девчонки робко топтались, раздумывая, стоит ли им глотать эту сугубо пацанскую субстанцию, да ещё 7-го ноября и в каком-то подозрительном палисаднике. Помню, что с нами-обормотами тогда торжественно дегустировала шнапс весёлая и вообще классная девчонка-хулиганка Инка Новикова – верный товарищ по святому меломанству и любви ко всяким Назаретам и Битлам. Не серчай, родная Инка, что «сдаю», сейчас уж можно, ведь давно мы уже стали большие, и пей – не хочу….

Одному из нас поручено было добыть «лафитный стаканчик», и этот знатный недотёпа гениально приволок крохотную тридцатиграммовую рюмочку. Наш грозный главарь Коля недоумённо и укоризненно пригвоздил взглядом «салабона». На что тот, сбивчиво оправдываясь, комично залепетал: «Дык, я ведь подумал, что «лафитный» это и есть маленький, слово какое-то такое, подходящее…». Делать было нечего и, словно затейник царь Петр I с сотоварищами, мы надирались из малюсенькой стопочки, что оказалось весьма коварной акцией.

Первое, что я сделал, оторвавшись от нашего бравого отрядика, который нестройно брёл к колонне демонстрантов, это вытащил красный флаг, что идеологически грамотно развешивали тогда на первых этажах жилых домов. Я истово побежал вперед, размахивая багряным полотнищем по ветру и голося, что-то из репертуара народной металлической группы «Accept». ДНД-шники, что приняли меня немедлен-

но, на моё счастье «приняли» уже и во внутрь. Поэтому, мягко отобрав знамя революции и слегка пожурив, мол «ну чего ж ты, паря, не хулиганничай, все мы праздника «жалаим», а всё ж сдерживать «сам себя следоват», отпустили на волю-вольную.

Героем я вернулся в стан «праздничной студенческой молодежи». Наши девушки поглядывали на меня с восхищением, а коллеги-ребята с уважением и лёгкой ревностью к победному залихватскому броску.

Добрели мы в составе изрядно загулявшей колонны Авиационного завода лишь только до культового кинотеатра «Москва». Силы потихоньку оставляли нас, и требовалось снова промочить молодецкое горло «всерассейской беленькой». Мы тихонько отделились от магистральной линии движения, тем более что изрядно усилившиеся «употребимым» горячительным нестройные голоса пролетариев и инженеров начали вызывать тревогу.

Вторую порцию «праздника» раздавили в жидких кустах в аккурат возле кинотеатра. И сразу же было принято естественное решение посетить дневной киносеанс. Шумной ватагой мы ввалились в чертоги КТ «Москва». Опять-таки первое, что я «драгунски» предпринял, это снял корзину искусственных цветов с крепления на стене и галантно презентовал одной из наших прелестных дам. Чем, разумеется, снискал ещё большее расположение женской части культпохода, но и заставил занервничать престарелых служительниц хра-

ма советского кино. Цветы пришлось вернуть, а меня срочно спрятать в темноте кинозала.

Далее припоминаю всё, как под кислотой в 68-году в «хипповском» Сан-Франциско… По-моему, фильм был почему-то про каких-то змей и от сюрреалистического зрелища одному из нас стало худо. Бедолага был госпитализирован в район туалетных комнат, где и утерял в недрах общественной сантехники свою шапочку с помпоном. Рассказывали, что он ещё долго смеялся там над этим фактом высоким дурным тоном мультяшного героя… И шумно радовался, что хохочет так похоже, по-цирковому привизгивая: «А я Петрушка!».

Я, кажется, приставал ко всем прекрасным дамам, что были рядом и даже самонадеянно полагал, что мне отвечают взаимностью. Дальше, как говорится у Вилли Шекспира, тишина…

Да-а-а… И я снова хочу этого жалкого отдыха? Да, хочу! Стыдно, больно, но как бы я сладко вернул этот дурацкий денёчек, когда мы были такие балбесы, но такие молодые балбесы! Вот почему снова так охота лихо накатить в этот революционный денёк, несмотря на глупые запреты и зароки! Всё, нафик, я бегу смотреть социалистический парад на мою Красную Площадь, а там уж, как повернёт затейница-судьба! И держите меня семеро нетрезвых самураев!

Смех и слёзы на Jethro Tull

Где же играть музыканту, как не на похоронах и свадьбах, как тонко говаривал один из героев пьесы Вампилова? Ну вот и я стараюсь воплотить эту печальную заповедь в своих нечастых выступлениях, да в этой разноцветной книжке, которую, хоть и слова мои весьма нескромны, уже и сам люблю. Заставить недоверчивого зрителя улыбнуться, заплакать, а потом снова расхохотаться сквозь слёзы – вот моя сверхзадача, как вашего личного клоуна.

Я, кстати, всё ещё здесь, с вами, 7-го праздничного ноября «две тысячи двенадцатого», воротившись, не солоно хлебавши, «с грандиозного парада», на который я и не успел. Лишь только полуживые полотна знамён, что ёжатся на зябком ветру, да заиндевевшие рабочие, разбирающие сцену напротив забытого Мавзолея, ну разве что ещё горстка зевак из приезжих, вот, что досталось мне вместо торжественных колонн, шаров и транспарантов… Ну да и ладушки, я «независимо» вернулся и вот сижу себе, по-детски надувшись на всех, даже на родных Андрюху и Боряна. Ну это ж надо – коварно поманить гулянкой, а потом взять и прикинуться такими скромницами!

Взамен на разбитые надежды пристыжённый Андрюха примирительно предложил послушать историю из его нестабильной коллекции, но и она оказывается так себе, и тя-

нет лишь на лёгкую улыбку. Это была скромная байка про некоего чувака-одноклассника, который вначале считался такой уж конченой шпаной, что бедные менты, постоянно его ловившие и терявшие, просто по-человечески устали… И после небывалого окончании им десятого класса «озарено» предложили ему… самому перейти «в ментуру». Ну, дескать, «хоть следить за тобой, паскудой, не придётся». И этот мелкого роста субтильный типчик с тех пор в классических фуражке и форме, что велики ему на размер, и исправно состоит при пресловутой «ментовке». Наверное, нужно это считать примером счастливого перевоспитания. Но почему-то я так не думаю. А думаю я, что ментовскому полку садистов и взяточников прибыло… Скорее, печальная «стори», Андрюха…

Гораздо веселее, когда бухой и буйный наш «гитарреро» Руська голосит среди тёмной ночи, имитируя сцену из «Вия», где напуганный Фома Брут вопит на коварную ведьму: «Заклинаю тебя гайдуком!». Затем с Руськом происходит безумный коллапс, и он продолжает, искромётно импровизируя: «Заклинаю тебя Пауком! Заклинаю тебя Виктюком!». Тут он берёт короткую паузу, а я уже подыхаю от хохота. Да, заклятья мастером металлического «трэша и угара» и томным режиссёром – это, доложу я вам, не просто формальный подход. И наконец, в голову дикого Руськи приходит самая озорная и абсурдная реплика: «Заклинаю тебя Кравчуком!». Тут я просто синею от смеха, потому что Лёша

Кравчук – это один из лучших саксофонистов и пианистов Москвы, но при всём при этом такой тиран-руководитель, что многочисленный музыканты России уже пугают своих детей его грозным именем, мол, «вот не будешь гаммы играть – отдадим тебя в оркестр к Кравчуку-у-у!!!». Смешно… Ну объективно, граждане, смешно!

А теперь действительно про «грустно»… Сегодня с утра, бодрый и в завязке, и вообще, радуясь чудесной жизни, случайно увидел пергидрольную и слегка беременную женщину. Она стояла, обречённо облокотившись на угол ларька, с окраинной его стороны, где каждое утро лежат на лавках аллейки, рядом со стадионом «Динамо», живучие алкаши. Женщина положила голову на локоть руки и настолько горько смотрела на проходящих, что в обречённом лице её читалась какая-то невероятная детская обида на то, что этим жестоким утром её не опохмелили, «а ещё называются дружки…». И пойти ей пока явно было некуда, и никто не нацедит ей кружечку. И так ей плохо от бодуна, а больше от невыносимости мысли, что, ну решительно негде снять похмелье, никто не поможет. А подойти с деньгой я не решился – а вдруг ей просто грустно без причины или я обижу её свой неуместной подачкой. Ведь одета она, конечно, несколько потрёпано, но видно, что совсем ещё она не бродяжка. Вот где настоящие слёзы, без пошлых «дураков»…

А вот вам ещё один смех, да и другие слёзы… Как-то на феноменальном концерте Jethro Tull, группы озорной и ост-

роумной, их безумный «вокалёр» Иен Андерсон – ну просто фавн, и только рожек не хватает, выдал номер в своем фирменном духе! На бис вышел на лукавом глазу, согнулся в реверансе, а флейту, хулиган, небрежно приложил к причинному месту, и так, держась за символический приап, и кланялся нам, изумлённым зрителям.

В общем, здорового смеху хватало. Если б не один совершенно странный факт. Перед самым концом первого вполне зажигательного отделения гениальный дядечка Иен энергично взмахнул рукой, и понеслась великая «Bouree»…

И вся моя дурная жизнь скорёхонько пробежала перед глазами за эти три-четыре минуты! Зелёные глаза мои наполнились слезами, как у гимназистки, так, что неловко было смотреть на рядом сидящих старых дядек и молодящихся тётек. Я уже собирался тихонько удрать в антракт, чтобы умыться, как ровно впереди меня, на том же самом месте, лишь на ряд ближе к сцене, ко мне повернулся чернявый бородатый чел, наверное, моих же лет, с такими же смущёнными глазами «на том же мокром месте».

Мистика какая-то! Как нас, двух сентиментальных «старпёров», кого пробила на слезу эта волшебная вещь, забросило чуть не на одни и те же места в огромном «Crocus City»?!! Эх, смех и слёзы, о, как же вы, дружочки, рядом…

Волнующий душ «Шарко́»

Когда-то и я был молодой, но не шустрый и энергичный, как в нынешнюю пору, а какой-то словно задавленный жизнью. Обычно бывает наоборот – эйфория юности сменяется гнетущей печалью. Но у меня всё было не так. Только теперь, несмотря на бродяжий быт и полуголодное веселье, я стал наконец-то свободным. Радуюсь и упиваюсь этим поздним подарком каждый Божий денёк. Нет больше глупых надежд, почти исчезли вселенские амбиции, осталось только то, что есть на самом деле – любовь, друзья, музыка и скромное моё творчество.

Снова привычно расшаркиваюсь в извинениях перед своими читателями за высоких слог, но, «так уж делается», как резюмировал однажды Русь моё признание в лёгком преувеличении некоторых событий этого развесёлого (а может, и архигрустного) романа.

Сердце молодого человека, который жаждет славы, обожания, состояния шейха Арабских Эмиратов всегда будет цепко сжато лапкой беспокойства, тоски и обиды. Сжигающее душу чувство несправедливости, поступки и мысли, за которые неловко всю оставшуюся жизнь, постоянная неприличная суета – вот грустные признаки молодости. Всё нафиг в сторону! Каждый новый день – маленькая жизнь, вот так, и не меньше!

Но вот тогда, давным-давно, когда ещё в больной башке юного Игоряна зрели надежды, что новые «Роллинги» во главе, разумеется, с ним станут властителями мира, а, главное, хозяевами девичьих грёз, тогда было особенно тяжело. И всё это вечное проклятие любого артиста выливалось не только в бессмысленные, «белые» глаза и ежеминутное опустошение, но и в прозаичные болячки, которые, как известно, есть физическое воплощение недуга духовного.

И вот ваш смешной герой обречённо валяется в трёх, сменяющих друг друга, больничках, одна грязней и кошмарней другой. Человек, выпивший Адриатическое море пива, заполучил банальные камни в почках… Это какой-то издевательский нонсенс, а точнее нормальная кармическая расплата за уныние и пару поступков, которых, в общем-то, быть и не могло…

Не стану, само собой, мучить вас чарующими подробностями пребывания в чертогах бесплатного Здравоохранения. Отмечу только разве, что больно было так, что мои бодрые и простодушные соседи-выздоравливающие совершенно напрасно сватали мне грудастую любвеобильную медсестричку, которая, кстати, попадала в вену «пятьдесят на пятьдесят», и каждый раз я с дрожью ожидал очередную капельницу с обезболивающим. Так вот, как женщину её я мог воспринимать очень теоретически, я был больше занят тем, чтобы не заорать от боли в обществе малознакомых людей.

Там же, налегая на больничную малосъедобную снедь, я с

изумлением обнаружил, что отвергаемая мною, как антагонистический класс, овсянка местного разлива необыкновенно вкусна. Недоумевая, я обратился с культурологическим вопросом к местной поварихе – с какой планеты, мол, происходит сие чудо гастрономии. Оказывается, овсяную кашу в подобных печальных заведениях готовят в автоклавах (слово-то какое!). И больше ни в каких, пусть хоть даже в космических условиях, достичь этой благости, такой волшебной степени «разварки» и волнующего вкуса просто невозможно. Стану большим, куплю автоклав – подумал я тогда и, собственно, сладостно мечтаю о нём и теперь.

Ещё одно замечательное священнодействие постсоветской больнички – это легендарный душ «Шарко́». В общем-то, несомненно, одна из самых приятных и безобидных лечебно-оздоровительных процедур, но и она таит в себе скрытые вначале унизительные подробности. Ну для начала раздеться догола ты должен был в замызганном закутке, вроде предбанника. А достаточно долгий для твоего пикантного положения путь через всю душевую ты обязан был проделать перед пристально разглядывающей тебя медсестрой, покачивая совсем не «перьями на шляпах».

Загадочный «Шарко» – это не что иное, как вертикальные тонюсенькие струйки воды под хаотичными углами, бьющие по многострадальному тельцу страждущего с коварно меняющейся силой и температурой. Вначале было просто приятно, да и не безынтересно, а чуть позже я с волнением обна-

ружил ещё один «животворящий» эффект популярной в народе процедуры. И волнение это выразилось вполне недвусмысленно, но совсем не «парламентарно». Стоять рядом с туманно улыбающейся «сестричкой» в таком «приподнятом» состоянии было страшно неудобно и настолько неприлично, что я предпочёл выбросить на время «оздоровления» из головы всю убогую мораль и ложный стыд – просто перестал нескладно отворачиваться к стеночке и отстоял всю непростую процедуру до конца в своём гордом и честном естестве. С тех пор, галантно расшаркиваясь с бесстыжей жрицей культа «Шарко», мы слегка понимающе улыбались. Можно даже сказать, что это была такая очень невинная больничная интрижка.

Да! При долгожданной выписке степенный доктор, давая мудрые советы «на дорожку», неосторожно спросил меня: «Молодой человек, вы пиво любите?». Я задохнулся от переполнявших меня эпитетов, фразеологических оборотов и здравиц во славу древнего напитка и смог вымучить только сдавленное: «Д-да!». «Ну и чудненько, дружочек, пейте как можно больше, прекрасная профилактика, знаете ли!». Облобызав троекратно такого понимающего и чуткого врача, я полетел к первому же пивному ларьку, дабы немедленно открыть «профилактический сезон», чем не без успеха продолжаю с наслаждением заниматься и по сей нелёгкий день.

«Эй, заткнись, женщина, и принеси мне моё пиво!» – как справедливо заметил мудрейший Гомер Симпсон.

Заводские чудики и их забытый запах

В очередной раз поклялся неделю не видеть спиртного. Утро от этого факта обманчиво бодрое, несмотря на низкие мрачные тучи и пакостный мелкий дождичек, плещущий прямо в лицо под порывами зябкого ветра. Самурайская зарядка проделана в полном объёме, хотя бодун свирепствовал, как халдейский царь Навуходоносор при расправе.

Бегу, неловко подпрыгивая под английских гопников «Crass», за спиной маленькая гитара и рюкзак к бутылкой нежирного кефира. Это всё на сегодня из питательных веществ, разрешённых самому себе на этот день раскаяния, расплаты и смирения. В левом ботинке вечная, как этот бренный мир, дыра. Холодная водица из гигантских постсоветских луж с удовольствием вливается в видавший виды носок, и сама обувка начинает звучно хлюпать, пугая одиноких и без того зашуганных ненастьем прохожих.

До метро добираюсь на противоестественном похмельном драйве. И там внутри ощущаю давно забытый, из далекого детства, запах. Вначале он упрямо не поддается идентификации, но старпёрская память снова не подводит, и я наконец понимаю – семижильные таджики починяют загадочные механизмы эскалатора. Это сладковато-горький запах нагре-

того машинного масла, металлической стружки в замесе с застарелыми ароматами дешёвых папирос. Так это же благоухает знаменитый Авиационный завод из моего школьного отрочества!

И снова бесчисленные воспоминания начинают обуревать мною, как каким-то брошенным всеми девяностолетним старичком, со слезой, растревоженным сердцем и неприличной сентиментальностью.

Привели нас, облачённых в тёмно-синие дурацкие халаты маленьких обормотов, на месячную практику в жутковатые цеха наши школьные «трудовики» и сдали на заскорузлые ручищи местных «мастаков» – мастеров, что проведут нас по всем кругам ада этого странного инфернального места.

Хотя, конечно, купленная за семьдесят пять «честно заработанных» здесь рубликов ленинградская гитара – неплохая расплата за циничную эксплуатацию детского самоотверженного труда. Собственно, цена этому «винтажному», как пошленько бы выразились сегодня «матёрые» всезнайки-музыканты, инструменту была на два рубля дороже. Их пришлось с большой неохотой выпросить у любимой мамочки. А так ведь жутко хотелось заработать на первую рыжую мою подругу в полном и гордом объёме самому… Итак, семьдесят пять карбованцев уже в оптимистическом активе! К тому же эти забавные четыре недели мы были освобождены от ненавистной учёбы, во что даже вначале просто не верилось раздолбайскому школьному люду.

В общем, нас начали методично раздавать «мудрым наставникам», ну прямо как в знаменитой сцене из фильма «Афоня». Я лично попал к высокому и плечистому с причёской аля «молодой Леонтьев» весёлому работяге. Другой мой малолетний коллега по «труду благородному» был вручён смешному маленькому волосатику, над верстаком которого я зорко «выщепил» родную сердцу надпись «AC/DC», начертанную с бережно сохранёнными особенностями логотипа. Было явственно видно, как старательно он срисовал её с любимой народом пластинки 79-го года.

Лохматый этот паренёк был явно не в себе, что называется, полнейший «чудик» и «не от мира сего». Выражение лица его было всегда несколько потерянным, словно он незримо витал где-то не здесь, а в других, более «высоких» сферах бытия. Когда же один из «мастаков» постарше и явно «ответственнее» вопрошал что-то «патлатого» по производственному процессу, тот словно «из ниоткуда» появлялся, причём с большим неудовольствием, в нашем убогом мирке и с досадой восклицал: «Ну вот! Такая мелодия была в голове! Сбил, как нарочно, теперь не вспомню!». Он картинно заламывал в отчаянии руки, обхватывал непрочёсанную голову и нервно ходил хрестоматийным киношным «Ильичом» взад-вперед.

Я робко попытался выяснить у своего «красавца Леонтьева», мол, правда ли, что тайно сочиняет этот малый, да и «AC/DC» в «красном углу», мол, «глаголет за многое». На

что мой личный «мастер и наставник» весьма важно и, явно демонстрируя музыкальную и общую эрудицию, ответствовал: «AC/DC»… Не знаю, чего уж там в нём «постоянного», но вот «переменного» точно хватает!». Такой вот, понимаешь, замечательный пример фабричного красноречия. Улыбку свою до ушей я еле спрятал тогда, деликатно понимая, что отреагировать на сей «изящный сонет» нужно уважительно и даже с восторгом.

А вот ещё одному из наших юных школяров попался экспонат «института наставничества» подревнее… Закалки, прямо скажем, социалистической. Маленький, сухонький, замызганный мужичонка, вечно смолящий какие-то гадко пахнущие папироски. Постоянно всем недовольный, завистливый, лет эдак под все шестьдесят, словом, живой свидетель Революции. Критически осмотрев своего весьма полноватого школьника-бутуза, он немедленно дал ему мудрый и благородный совет: «Чё-то ты толстый какой-то! Если так дальше дело пойдёт, совсем разжиреешь! Скорее курить начинай, а иначе, всё – хана, вовсе жирдяем будешь!». Добрый был дядька…

Болезненно помню и жуткие промасленные чертежи, в которых, как ни пытался, ни бельмеса не понимал, но наугад и по наитию срезал все эти «фаски» (ещё одно гениальное словечко) и в стружку отважно уничтожал батареи ценных болванок. Словом, трудился.

Ну и конечно, из детской памяти не вытравить душераз-

дирающий эпизод с неисправным прессом. Пресс – это монструозных размеров стопудовая конструкция, под которую подкладывалась непослушная железяка, которую требовалось особым образом согнуть. Чтобы, так сказать, человеческий гений сломил строптивый металл. Во время закладки болванки наши рабочие ручки неминуемо оказывались под пугающим прессом, и это всегда было очень и очень страшно.

Но случай со мной был куда посерьёзнее – как только я пытался закинуть объекты сгиба под многотонную громаду, пресс коварно дёргался, на несколько миллиметров явно приближаясь к моим музыкантским лапкам. Они, тщедушные, конечно же, немедленно и в ужасе отдергивались. Но после стоически пережитых мною пары-тройки подобных «закладок», я в панике припустил к «мастаку» и, сбиваясь от понятного волнения, доложил, что от подобной «работы с риском» категорически отказываюсь. Ну нравится мне, понимаете ли, держать вилку с ложкой сугубо самостоятельно, то же касается и зубной щётки с шариковой ручкой.

Наставник неспешно «зарядил» болванку и… Ничего не произошло! Ещё раз. И ещё. И ещё… Надменное лицо бывалого «учителя» уже выражало нечто вроде: «А я тебя понял… Работать ты, сука, не хочешь!». И тут на моё маленькое счастье кровожадный пресс показал свою адскую личину – он совершенно отчётливо содрогнулся, чуть опустившись к ручищам дылды-наставника. Тот отшатнулся и, побледнев,

сдавленным голосом просипел: «Слушай, а он и правда, товой… Несправен…».

Так я счастливо спас свои детские ручонки и, надеюсь, многие правые и левые конечности нашего сплочённого школьного коллектива, поддержав производительность и прочие трудовые успехи на высоком, социалистическом уровне! И всего-то знакомый запах в метро – а сколько забавной дурищи припомнилось за одно лишь мгновение! Ваш бывший трудяга доволен!

Адский Цой

Сегодня приснился мне совсем уж ненормальный сон про то, что Цой, оказывается, всё это горькое время был жив, и лишь ловко инсценировал свою гибель. А вот теперь решил с триумфом вернуться. На Большую Эстраду, так сказать.

Я узнал об этом из крикливых новостей, которые транслировались с огромных экранов, висевших повсюду в каком-то футуристическом городе. Расторопная Земфира тут же взяла его в своё новое турне и звёздный тандем должен был взорвать закисшую было рок-сцену. «Зёма» была, как всегда, высокомерна и посматривала на пришедший чествовать их плебс через вечные тёмные очки.

Затем, как это запросто бывает во снах, я моментально очутился на том сенсационном концерте, как раз во время выступления вернувшегося к нам Цоя. Он был в белоснежном с синим костюме позднего Элвиса, почему-то с «киркоровскими» блёстками, вычурным, совершенно не к месту плащом и ремнём с гигантской, сияющей стразами, пряжкой. Цой довольно сильно располнел и совершал при пении пафосные телодвижения, характерные для того же толстого Элвиса. Пел он тоже как-то странновато – при всём его характерном и узнаваемом на раз тембре, в голосе его появились глубокие, оперные обертона, опять же наводящие на сравнение с Королём.

Концерт закончился внезапно, как и положено в сновидениях, и я непонятным образом очутился рядом со сценой и посмотрел на уставшего и опустошённого нового Цоя, а он с тоской взглянул в ответ в мои глаза… Это был взрослый, подпухший восточный человек, похожий на киношных партийных деляг из Средней Азии. Он совершенно не понимал, что ему делать дальше и стоял в полной растерянности посреди пустой сцены и погасшего немого зала и поглядывал в сторону кулис – может оттуда дадут отмашку и пригласят в лимузин?

Я постеснялся и дальше так бесцеремонно разглядывать вновь вспыхнувшую «суперстар» и побрёл искать выход, плутая минут двадцать по подозрительным гримёркам, маленьким грязным комнатушкам жуткого назначения и тоскливым, словно больничным, пролётам и коридорам. Выбравшись из жуткого концертного зала, я потерянно уселся на низкой скамеечке, возле стены какого-то замызганного кафе.

И тут началось совершенно невообразимое: улочка, где я торчал, вмиг видоизменилась, превратившись в какой-то китайский квартал, загремели трели азиатских барабанов, заиграла разухабистая китайская, а может, и родная восставшему из пепла герою, корейская музыка, запахло характерными пряностями азиатского фастфуда.

Оказывается, чтобы обновленный Цой мог целым и невредимым добежать до гастрольного автобуса (а публика готова была от счастья разорвать вновь обретённого кумира), было

продумано некое адское сценическое действо.

Сначала по узкой улочке бежал великанского роста жутко агрессивный азиат в национальном расписном костюме, в пугающе мерзенькой меховой шапке, наводящей на мысли о воине эпохи Чингисхана. Он наперевес держал в руках длинную изогнутую палку (а может, и пику) и, странно вращая её и рыча, как сумасшедший, разгонял зевак и поклонников, которые в процентном отношении стремительно становились сынами Востока. Затем ещё два таких же клонированных азиатских амбала проделали за ним ту же кошмарную процедуру. И потом ещё и ещё… Уже целые отряды каких-то «шаолиньских» выпускников неслись по улице, истошно голося и махая явно колюще-режущими предметами различного назначения. Правда, эти восточные бойцы были уже вполне себе небольшого, китайского росточка.

Наконец, быстро-быстро к автобусу пробежал сам сиятельный Цой, опасливо и как-то «по-наложничьи» прикрывая скуластое лицо какой-то дикой накидкой. За ним, защищая уже достаточно увесистый тыл «звезды», кинулись с воплями вперемешку отряды «маленьких» и «больших» воинов Цоя.

Пора было сваливать, всё интересное было явно закончено, и несколько разочарованная разношёрстная публика (и я тоже) потянулась в разные стороны этого шабутного переулка.

Но тут, случайно повернув голову, я в остолбенении уви-

дел чудовищных, высотой в дом размеров, то ли слона, то ли имитирующий его дьявольский механизм, на котором в расписном седле восседал, ни кто иной, как сам Виктор Робертович в компании… Ильи Лагутенко, который лыбился своей раздражающей всех постоянной немотивированной улыбочкой.

Цой перехитрил всех нас – он подослал своей преданной челяди подлого двойника, усыпив таким хитроумным образом нашу бдительность. Да, возвращение и в самом деле оказалось вполне триумфальным!

Пишу эти безумные строчки и периодически сам верю во всю эту галиматью… Может я, того? Перетрудился на ниве литературной? Да, не-ет, показалось!

Две транспортные саги

В дико душном метро я безвольно мотался из стороны в сторону со страшного бодуна. Внезапно поезд остановился и стоял, не шелохнувшись, будто умер, и так долго, что я еле сдерживался, чтобы не заорать: «Выпустите меня, я прошу, я сдохну сейчас, если не глотну свежего воздуха, если сейчас же не будет свободы!!!».

И-эх! Общественный транспорт… Нет, ну не всегда же там настолько печально, ведь бывали со мной и презабавные случаи…

Ещё не шибко испорченным юношей ехал я в набитом до краев автобусе. На мне широченные брючата-бананы – ужасная, доложу вам штука, в общем, «восьмидесятые» аляписто рулят. Такую красоту на́шивали (в смысле, носили, а не пришивали, одним словом, ударение на первое «а») все мальчики нашего полку моднейшего брейк-данса и «прочего ньювейва». Зачем в них облачился я, оголтелый поклонник и фанатик «хеви-метал», уже и не помню, видимо, чересчур заботливая моя мамочка настаивала приобрести «лишь бы только не эти кошмарные душные джинсы».

Держусь обеими лапами и даже, кажется, хвостом за поручень, словно мишка-ленивец, чтобы не попасть под ноги покорно трясущихся граждан. А навстречу плывет барышня, хорошенькая и молоденькая. Чернявая, взгляд лукавый,

и так уж любуется собой, что просто смех, да жуть.

Чуть не доплыв до моей напряжённой персоны, но, уже накинув на меня тончайшую ткань обворожительных духов, она внезапно обрушилась всей своей хрупкой фигуркой на меня. Дело в том, что средневековый транспорт тряхнуло, и какой-то огромный и чрезвычайно простой дядька, обликом схожий со Степаном из кинофильма «Спортлото-82», мощно припечатал её ручищей-лопатой по костлявой спине.

Выражение самодовольства у автобусной обольстительницы моментально сменилось испугом и детской обидой. Девушка замахала тонкими ручками и принялась хватать пальцами воздух, дабы не пропасть на грязном полу салона.

И прихватила она меня в аккурат за самую, что ни на есть, «мужеску доблесть». Вот почему я так издалека и тонко начал «за брюки-бананы». В нашей рокерской облегающей «джинсуре» такого пикантного казуса никогда бы произошло!

А вот теперь уже и я смотрел на неё напуганными глазами мелкого мышонка из мультика. Вы представляете себе эту картинку – в центре набитого автобуса, средь бела дня стоит симпатичная девушка и крепко держит пальчиками бледного молодого человека за пиписку!

Но моя девчушка оказалась совсем не из робких – в мгновение придя в себя, она обворожительно улыбнулась мне, будто говоря: «А это будет наш маленький секрет, ага?». Доверительно помахав мне на прощание, она выпорхнула бес-

телесной птичкой в открывшуюся дверь, а я так и остался стоять смущённым соляным столбом, и только бледность испуга сменилась на румянец неловкости.

Я же говорил, две экстремальные ситуации в общественном транспорте, а какие разные! Затейница-жизнь, как не крути её, а всё же «прекрасна и удивительна»…

Быть бездомным псом

Я не пробиваю на слезу, честно! Трюк, конечно же, верный, но, прямо скажем, пошловатый. На девушек действует просто безотказно, а молодые люди, как ни парадоксально, подвержены магии жалости ещё и похуже.

Только вот снова не выходит у меня из головы такая грустная картинка, где самодовольные, хорошо одетые хозяева неспешно дефилируют по аллее парка, держа на поводке своих холёных, похожих на своих двуногих повелителей, псинок. А рядышком, в холодной осенней траве пасутся ничейные, бродячие собаченции – совершенно невероятных смешений пород, огромные мутантики и крошечные тролли. И так это заметно-очевидно, что ноет моё чувствительное сердце: как же бездомные собачки завидуют, когда тоскливо смотрят на домашних…

Дом… Есть ли он у меня? Ладно, без соплей! Захотелось тут, понимаете ли, кому-то собственного угла… Не забывай, дружок, что нам «по понятиям» не положено…

А вот, кстати, живут же на белом свете такие удивительные персонажи, что дом-то им, как раз и нафик не сдался! Не верите? Я тоже не верил, но факт штука весьма непреклонная!

Колпак… Помните такого паренька из предыдущих «полупростых, полупечальных» моих глав? Годиков ему тогда

было, по самой «максималочке», думаю, двадцать три – двадцать пять. Высокий и тощий прощелыга, и к своим юным летам уже законченный профессиональный попрошайка и аферист.

Если народонаселению нашего прославленного ди-джейского магазина требовалось усладить душу спасительным горячительным, а средств унизительно не имелось, вездесущему Колпаку ответственно вручались всяческие бесплатные промо-диски, буклеты, короче, бессмысленный хлам. И вся эта чепуха гениально реализовывалась им в течение получаса, празднично открывалась дверь, и счастливый и гордый Колпак, звеня посудою, принимался под дружные здравицы и аплодисменты измученной аудитории.

Живёт он где попало, там, где разрешат «поночевать». Последнее экзотическое пристанище – складское помещение Большого театра. Как он договаривается с людьми на все эти аномальные «движухи», не ведомо никому, ибо сие есть большой дар! Уболтать гражданина, который, как говаривал бессмертный Жеглов, «не спит, не пьян, не под наркозом», на любое, нужное Колпаку деяние: купить дурацкое бытовое барахло, подогреть сэндвичем, скинуться неожиданно для самого «клиента» на бутылку коньяку, одарить модной одёжкой – вот это Талант!

Кстати, у многих, возможно, создается впечатление, что это первый шаг молодого смелого нахала к накоплению капитала, становлению предприимчивого деляги, а дальше –

семья, квартира, положение… Фига два! Он убеждённый бродяга, он обожает скитаться, выпрашивать деньги, и он без ума от хитроумной борьбы за каждодневный ночлег.

Да и пресловутая квартира-то у него, кстати, была – досталась, обормоту, по наследству. Хата была в Москве, где-то на севере. Он пропил её за два месяца!!! Безбашенный Колпак, по вступлении в права наследства, моментально продал сию квартирку, и, наняв личного водителя, шиковал всласть с «кокосами», «кристаллами» и элитными девицами, подтерев собою всю Москву. Представьте себе только, ему совершеннейшее не нужен дом! Всё, чего он так жаждет, это пьяный развесёлый угар, быстрая жизнь «под скоростями» и волнующий миг лёгкой аферы и разудалого «развода».

Ну что ж, кто хоть разок глотнул этой дикой житухи «в рокенроле», к спокойному тёплому быту надолго уже не способен, надёжно знаю это по себе. «Бездомный пёс» – так поют гордые чёрные блюзмены о своей глубинной сути. А все настоящие хвостатые псы-то, как раз и хотят и дома, и хозяев, и неизменной плошки с колбаской.

Помню, что как-то надумал размеренно пройтись по Седьмому микрорайону – самому «гопническому» райончику города, заявляю это авторитетно, ибо изрядно уж довелось мне там пожить. Стало быть, иду себе, ускоряю шаг, поскольку гопнички пошаливают, посвистывают, да сёмками поплёвывают. Шутки, конечно, шутками, да только это я сейчас такой весёлый и отважный. Прогулка такая очень да-

же может стоить молодецкого здоровья, так как шпана здесь крайне жестокая, мерзкая и злобная.

И вот я движусь по мрачнеющей окраине то деланно неспешно (вроде как, ничего не опасаюсь, силёнки-то имеются), то, наоборот, лечу белым лебедем («очень, ну просто очень тороплюсь, важное совещание») и вижу «псинку». Пёс огромный, рыжий, ростом мне по пояс, шерсть свалялась, башка здоровенная, как у буйвола, смотрит на меня умными уставшими глазами. Честно скажу, даже забыл я тогда про сормовских отборных хулиганов и подумал тоскливо: «Ну всё, сейчас она меня кушать станет!».

Я потихонечку начал сокращать расстояние между мной и могучим зверем. Собаченция же приподняла свое мохнатое туловище с сырой земли и побежала рядом со мной, параллельно, не отставая ни на шаг. Напугался я тогда страшно, начал топать медленнее, чтобы не рассердить и не распалить странную зверюгу. Здоровенный пёс тут же и сам замедлялся и, деловито посматривая на меня, трусил ровно с такой же скоростью рядом.

И тут-то меня осенило – он меня охранял! Уж не знаю, надеялся ли он на то, что возьму я его к себе на постоянную пайку тушёнки с кашкой, а, скорее всего, кто-то Свыше прислал мне это могучее создание, чтобы добрался я до дому невредимый.

А опасаться, уверяю вас, было даже очень чего. Как на грех, я выбрал такой неспокойный денёк для «графского

моциона»! Стайки ублюдков отвратительно кружили вокруг меня, сменяя друг друга, рассчитывая на мой кошелёк (которого, кстати, и не было-то никогда). Осторожно бросая взор на этих ребяток, я видел в их кривых лицах столько злобы и желания положить меня-нефора под ноги, что меня просто мутило от их чёрной энергии.

Но они не подходили ко мне! Они зассали! Ещё бы, огромная собака, словно ангел-поводырь была рядом, под густой шерстью её перекатывались внушительные мускулы, а когда она изредка открывала пасть, были ясно видны острые клыки такого размера, что человечишку-то она запросто перекусила бы пополам.

Вот уж показались убогие местные магазинчики, серенькие люди поползли по домам с работы, здесь уже царство гопников не имело такой силы. Нет, оно не заканчивалось, просто это уже были не джунгли, где человека можно было легко и безнаказанно прикончить.

Родная псинка была всё еще рядом, но только лишь я шагнул на шумный проспект, как она вопросительно взглянула на меня в последний раз, мол, «возьмёшь – нет?», и оставила свой пост, выполнив всё, что было ей предначертано властной рукою с Небес. А может, она просто так, по своей собачьей воле пожалела меня и спасла от боли и злобы…

Я обернулся, чтобы сказать ей, извиняясь и смущаясь: «Пёська, дорогой, не могу я тебя взять, не обижайся, хороший мой… Кот у меня дома, не уживётесь…». Но милого

пса уже не было рядом, он исчез… Он так и остался навеки бездомным… Как и я?

Мамулька

У моей любимой и самой замечательной в мире мамочки было, как ни странно, счастливое детство. Уж не знаю, кого благодарить ей за него – товарища Сталина, моего сурового дедушку Степана или странную и необъяснимую тогдашнюю «лёгкую зажиточность» их небольшого семейства, но факт есть факт: по-советски голодать им не приходилось.

Это уже потом, в «чудесные» семидесятые и «удивительные» восьмидесятые мы познали прелести «деликатесов», не очень щедро представленных в жутких горьковских магазинах ливерной колбаской с фрагментами костей, а также кошмарной селёдкой в огромных, словно коробки от фильмоплёнок, банках, и прочими сомнительными гастрономическими утехами социалистического человека. А пока, помимо трудовых почётных будней на родном заводе, мой редко улыбающийся дед имел своё «приусадебное хозяйство», что и создавало некоторые «нэпманские» излишки.

Милая бабушка моя, Александра Николаевна всегда с высокомерным презрением относилась к слёзно просящим подаяние, говоря обыкновенно: «В жизни своей руки не протяну! Пока бегаю, сама всегда свою копеечку заработаю!». Женщина она была очень гордая, но в то же время и вовсе не привередливая. Если нужно было реализовать на рынке фрукты-овощи из нашего райского сада, она без всякого ро-

пота подхватывала увесистые корзинки и легко летела на рынок, где без всякого ложного стеснения обменивала всё это благоухающее чудо на мятые рублики и трёшки. Когда я был совсем крохой, помню, мне почему-то было немного неловко видеть бабушку в роли «полулегальной» торговки на базаре. Но она так царственно восседала за своим лоточком, и глаза её были полны такого достоинства и доброжелательного лукавства, что неловкость моментально испарялась.

Так вот эти самые смятые и потрёпанные купюрки и обращались в детский Эдемский сад моей мамочки. Щедрой рукой моего деда ей покупались пижонские платья и башмачки, и, конечно же, дефицитные сласти. Мамулька рассказывала как-то с нежной ностальгией, что у неё под кроватью у изголовья всегда был Вечный Вафельный Тортик с миниатюрным ножичком в комплекте. И среди ночи моя любимая мама, а тогда ещё крошечная девочка, могла, неожиданно проснувшись, отрезать кусочек и уплести его для пущего сладкого сна.

Если уж и говорить о неловкости, памятуя торговые успехи моей бабушки, самые неловкие моменты доставлял моей мамочке именно я, когда был ещё неразумным дитятей. Моя славная мама не раз вспоминала, как она готова была провалиться под землю от стыда, когда я трехлетним пиз… юком истово горланил в набитом автобусе песенку разбойников из культового мульта: «Ой, лю-лю, ай, лю-лю, а я денежки люблю!!!». Демонстративно любить деньги, да ещё в обществен-

ном месте было тогда «чуждым, антисоветским явлением».

А ещё я как-то невольно заставил краснеть её, бедную, когда кто-то из знакомых спросил деточку: «Игорёк, а кем твой папа работает?». Непосредственный Игорёк, ни секунды не раздумывая, выдал: «Землекопом!». Папулька действительно тогда, как нарочно, подрабатывал на раскопке каких-то экстремальных траншей. Однако мамочке пришлось долго и смущённо разъяснять, что работящий её муж вовсе не люмпен-пролетарий, а лишь небольшие сбои в бюджете молодожёнов заставили его пойти на этот не слишком престижный дополнительный трудовой подвиг.

Мамочка моя всегда была Красавицей. Есть в домашнем архиве фантастические фотки, ещё черно-белые, типичные наивные постановочные фото, но где она выглядит, как звезда советского кино, без преувеличений и всяких там родственных комплиментов. Когда она забегала проведать меня-практиканта в промасленный и прокуренный цех, то все присутствующие работяги, как один выворачивали шеи, пялясь на молоденькую красотку-визитершу. А мой «мастак», числившийся местным Аленом Делоном, даже подкатил ко мне деланно равнодушной походкой и, словно невзначай, бросил: «Сестра твоя, что ли старшая? Познакомь, а?». И долго не верил, наотмашь поражённый фактом несколько другого родства.

На любом празднике моя заводная мамулька могла так лихо урезать твист или фокс, что искры летели из-под её

острых каблучков, и все поголовно заворожённые мужчины смотрели на неё, остолбенев в полнейшем обожании.

Я хотел бы выразить ей свою любовь так красиво и ярко, чтобы она почувствовала это и простила мне всю мою нелепую и беспутную жизнь, но эти маленькие чёрные буковки не позволяют мне передать все мои чувства… В стихах всё намного проще… Я люблю тебя, мама, прости меня за всё…

Лидок

Взрывоопасный, обидчивый и непредсказуемый, но такой родной человечек! Один из самых стойких и благородных воинов Алкоголя Лидочка пережила вместе с нами все самые обидные падения и небольшие, но такие приятные взлёты.

О сколько же раз, крепко держа «не велико тверёзых» Руська и Игоряна, словно пару слепых щенят за шиворот, она вытаскивала из баров нас – существ, уже не принадлежащих к гордой человеческой расе. Тысячу раз я был в совершеннейшем отчаянии и уже решался завершить и без того куцую карьеру певца-куплетиста, и тысячу же раз спасительница Лидок придумывала что-то, что заставляло снова повернуть заплаканное лицо к солнцу и увидеть неожиданную перспективу!

«Дилектор» – так мило называет она себя, цитируя рыжую бестию Пеппи Длинный Чулок, с которой она себя по праву ассоциирует. Человек, исполняющий желания – вот миссия, уготованная ей, и она, так же, как и знаменитая Пеппи, следует по жизни маршем, напевая сей прекрасный девиз! Красотка Лидóк – лучшая директриса всех времён и народов и совершенно ненормальный мой Друг…

Таких преданных идее людей очень мало, их почти нет, дальше просто идёт сомнительная ниша «группиз», но это уже совсем другая история, которая столько раз описана с

таким «пиканом» и клубничкой рокерами из Motley Crue и Guns N' Roses, что волнительная тема становится уже неинтересной.

Вулканы эмоций и цунами страстей, что клокочут в ней за гранью температуры кипения, не дают ни на минуту расслабиться никому в и без того нервном коллективе – каждое мгновенье может случиться грозный скандал на пустячном месте!

Артисты Алкоголя не имеют права смотреть на поклонниц группы более трёх секунд, иначе это приравнивается к подлой измене! После выступления никто не посмеет принять и невинной кружечки пива от благодарных почитательниц, ибо немедленному уничтожению подлежат и взяточник и взяткодатель! Причём, когда сердце славной Валькирии утихнет на время, то Лидок может сама, весело расхохотавшись, вспомнить свои дикие выходки, но приходит час концертной феерии Алкоголиков, и всё повторяется, словно в пресловутом Дне Сурка.

Иногда наша трогательная Лидок яростно грозится покинуть свой почётный пост, словно Саманта из пошловатого, но любимого всеми «Секса в большом городе», которая вечно хочет уйти от своего неверного миллионера. Это берёт своё накопленная усталость от утомительной слежки бедняжки Саманты за бесконечными мнимыми любовницами своего «ветреного» Ричарда. Лидочка, не гневись, но иногда это так забавно, и, главное, что лишь начинается шоу – и

снова, и снова на своем законном VIP-е наша буйная директриса.

Уверен, что всё здесь написанное будет с возмущением отвергнуто, а черновик развеян по ветру, но моя скромная задача – лишь увековечить хороших людей на бумаге, просто дав им вечную жизнь, вот и всё!

«А я никогда не сержусь, я – добрая!» – иногда подтруниванием мы над нашей родной Лидочкой, цитируя томную купчиху из «Женитьба Бальзаминова», в исполнении великой Нонны Мордюковой, если Лидок совсем уж захулиганит. Но если серьёзно, она и вправду очень добрая, немного одинокая и прекрасная девочка!

Утро делового человека

В понедельник в 10 часов утра покачивающийся на ветру мужчина в деловой белоснежной рубашке старательно делал вид, что всё под контролем и работа кипит.

Он напряжённо общался по мобильному с невидимым коллегой по работе, крепко сжимая в руке начатую баночку пива. С напускным вниманием он выслушивал серьёзные вопросы с другого конца связи и даже иногда позволял себе давать рекомендации почти научного характера: «Это нужно делать с помощью редак… редак… редактора!».

Нужное слово наконец-то выскочило само собой, и мужчина выглядел очень довольным – день явно задался, ситуация находилась в волевых руках, и беспокоиться было не о чём! Эх, мне бы такую славную работенку!

Звонок с того света

Быть мистиком – не моя стезя. Если я отпускаю себя в этом заманчивом, но опасном направлении, то становятся видны явно-явно все повороты и закоулки собственной судьбы. И самое жуткое то, что ты можешь наблюдать все жизненные изменения в динамике, как будто со стороны. Все знаки и намёки свыше управляют тобой, и это так заметно, что пугаться приходится всёрьез. Нет, не люблю я это дело, уж лучше просто жить весёлым пьяницей, не замечая того, что простому чуваку знать-то и не положено. Однако, нет-нет, да и вновь пошаливают духи, пытаясь привлечь внимание обыкновенного парня с гитарой.

Как-то тёмным неприветливым вечером, когда хочется поскорее пробраться в свою собачью каморку и выглядывать из неё, освещённой, пусть одной, но честной лампочкой, у меня неожиданно зазвенел мобильник. Я уже было собрался понежиться под дымящуюся яичницу с куском душистой колбаски, как вдруг вздрогнул от надоевших уже трелей потрёпанной «нокии».

И сразу непонятная тревога ворвалась в душу, заставив нервничать и волноваться. Трубу брать совсем не хотелось. Однако, как нормальный наивный музыкант-неудачник, я нехотя принял тревожный звонок, а то «вдруг контракт какой, песню поставили на радио или даже бабок дают на рас-

крутку…».

На другом конце стояла холодная космическая тишина, и лишь какой-то далёкий ветер иногда жутковато прерывал её. Мурашки побежали трусливыми толпами по моей спине, и захотелось немедленно прервать этот неравный пугающий диалог. Я занес дрожащий палец над красной клавишей и…

Там, из другого ледяного чёрного измерения послышался далёкий, призрачный голос. Он звучал так тихо и неразборчиво, что даже не ясно было, на каком это языке. А может, и не было такого языка на Земле никогда…

Самое зловещее во всём этом было то, что чуть различимый бестелесный потусторонний голос словно просил помощи, молил меня, случайного абонента, то ли вытащить его из тьмы, то ли умолял присоединиться к вечному ужасному путешествию. Я просто не понимал, что же мне делать, а хуже всего было то, что я осознал наконец-то – общее загробное послание было таким, что я, то ли сам умер, то ли меня предупреждали о чём-то таком невесёлом…

И в самом конце моих истеричных «алё, алё, кто это, вы меня слышите», я будто бы различил явственное: «Ты живой?». И после пропало всё, исчезла зыбкая связь между двумя такими разными существами, а на дрожащем сердце остался лежать камень от этого дурного и нереального происшествия.

И только лишь через день меня осенило – можно же посмотреть, что это за номер!!! Я судорожно открыл папку с

принятыми номерами и увидел то, что совсем уж меня удручило и наполнило душу ноющим трепетом и страхом: «Номер скрыт…». Это что, правда, было? Теперь уж и не знаю… Кажется, да…

Грустно – смешно – снова грустно

Выгоняют из общаги… Эх, каких только не навидались мы «невидимых» видов в этой «прекрасной норе». Мне бы думать, где жить теперь двум великовозрастным идиотам, а я предаюсь несвоевременной ностальгии.

Наше (а, впрочем, теперь уже и не наше) неказистое, а порою и мрачное здание общажки притягивает своим инфернальным шармом всех блаженных в округе. Как-то раз, рядом со средневековой стеной нашей серой «резиденции» с очередного «непростого» утра я увидел ненормальную престарелую тетушку. Она была просто крошечной, словно какая-то гоголевская нежить, вся в чёрном, и со всклокоченной афрообразной полуседой головой. В руках она держала довольно крупный калькулятор и истово и методично колотила по клавишам, явно ничего не подсчитывая, а так просто, имитируя поведение «нормальных» людей. Было так заметно, как она очень хотела, чтобы про неё подумали, что она тоже при деле, такая же, как и мы. Это было настолько жутко, что я, признаюсь, даже не смог её пожалеть, а сразу начал старательно выбрасывать неестественную картинку из и без того забитой нелепостями башки.

Что ж, прощай, наша милая ночлежка, где-то мы теперь станем откупоривать бутылочки? Ладно, хорош уже ныть, дядька Игорян, и вспомни-ка лучше что-нибудь повеселее!

А и правда, когда ты нас оставлял, Господи, без нежного участия? Всё, ладушки-ладушки, даю веселее!

Ну вот, например, ещё один крохотный персонаж, из миллиона проплывших мимо «меня-наблюдателя» всего и вся на этом свете…

Навстречу торопился бодрый румяный дядечка в хорошем костюмчике, всё у него было явно зашибись, и он браво и жизнерадостно говорил по мобильному: «Да не нужна им никакая стройка! Для них главное тендер, общение…». И вся эта штампованная офисная фигня сообщалась тоном, ну просто восторженным, он на самом деле совершенно не сокрушался отсутствием заинтересованности в пресловутой стройке, а просто упивался, что лично задействован в этом волнующем, да ещё и прибыльном, предполагающем хороший уворованный кусок, деле. Проходя мимо этого чьего-то «делового партнера», я аж заулыбался – как скучна была бы наша грубая жизнь без таких маленьких, смешных человечков.

Блин, не могу перестать гонять в башке нудную мысль, прямо как у «гончаровского» старины Обломова – ведь съезжать-то нужно… Как, куда? Сроку, мать его, неделя, палец о палец не ударяю, чтобы что-то найти, а дни неприятно тают, как равнодушный лёд в старомодном холодильнике при разморозке…

И опять какие-то не шибко весёлые «думы о былом»: рядом с метро Фрунзенская, станции просто какой-то сказочно

богатой «грустным и смешным», заметил тётеньку лет около пятидесяти. Она в грациозной позе сидела на ступеньках, с ней рядом царственно расположилась, заняв своей габаритной тушкой целый гектар, огромная мохнатая седая псина. Тут же, возле её ног приютилась маленькая чашечка для подаяний. Тётенька как-то театрально поглядывала на всех и на меня тоже, улыбаясь так, как будто она дивно играла роль на престижных театральных подмостках, а не просила милостыню. На ней было длинное до пят плотное вычурное платье, она была густо накрашена и чересчур тщательно причёсана. Вид – среднее между провинциальной стареющей актрисой и городской сумасшедшей. Так и не понял, нормальная она или нет.

Возвращаюсь обратно, обтяпав меломанские свои делишки – она на том же месте под палящим солнцем, в той же артистической позе и с неизменной горделивой улыбкой. Ну что же это такое, как же всё грустно и беспросветно… А может, наоборот, всё такое трогательное и с надеждой?

Битлов – к стенке

На работе снова пировали. На этот раз без меня. Гуляли Андрюха, Борян, Стас и даже небезызвестный уже вам Колпак. Сразу напомню, что Колпак – это двадцати-двадцати «с копейками-летний» принципиальный побродяжка, который получил своё погоняло от балагура Андрюхи за любовь к ношению диких меховых шапок в совершенно любой, нетрадиционный для таких головных уборов, сезон. Пили долго, вдумчиво, по-российски.

Периодически обычно малоконфликтным Стасоном овладевал «административный восторг» и он «изгонял» не слишком ароматного Колпака: «Так, ну-ка, вышел! Я говорю, вышел! Чтобы я тебя не видел больше! К тебе обращаюсь, к тебе! Вышел сейчас же, чё, не понял?». Неконфликтный Колпак улыбался и сносил «стасовскую паранойю». Разбушевавшегося Стасика всем дружным коллективом пытались усовестить, мол, «ты чего, Стас, это ж наш друг, зашёл в гости, а ты с ним так сурово, он, вишь, ещё и не с пустыми руками». Вновь завидев пузырь «беленькой» монструозных размеров, Стас успокаивался, торжественно выпивалась мировая, и общение текло в ином, миролюбивом русле.

Но проходило каких-то минут десять, и Стасон, вновь обуреваемый демонами высокомерия, снова забывал, что Колпак на настоящий момент не просто подозрительный

бродяга из подворотни, а полноправный член выпивающего коллектива. И снова неслись проклятия и брань, будто и не было распитых чарочек и слёзных братаний: «Так, я не понял, ты чё, ещё здесь что ли?!! Вышел по-быстрому, понял-нет?!! Вышел-вышел, кому говорю!».

Таких циклических припадков было несколько, пока степень «градуса» не достиг того неизбежного уровня, когда для выпивающих стирались грани не то что социальных, религиозных, расовых и половых границ, а вообще насрать было с кем ты сидишь и бухаешь – с гномами, собаками или с Григорием Распутиным.

Однако работа в бойком магазине оставалась работой, несмотря на переход сознания в другое, параллельное и даже ирреальное русло. Поэтому в вышеуказанном астральном состоянии Андрюха периодически выходил то в банк, то на почту, не забывая прихватить с собой и Колпака, опасаясь, что будет тому худо, ибо несносный Стас превратился уже к этому времени в совершеннейшего «бармалея».

В очередной раз вернувшись, он обнаружил покачивающегося на ветру Стасончика за раскуркой дежурной папироски. В руках его был ещё один гигантский «пузырёк». Стас меланхолично и задумчиво протянул: «Я тут подумал, маловато будет…». Воссоединившийся коллектив положительно воспринял сие мудрое решение единогласным голосованием и даже стоячими бурными аплодисментами.

Энергетика этого и без того жаркого места накалилась до

температуры магмы и начала притягивать всех сумасшедших из близлежащих окрестностей. В дверь просочилась странная худосочная тётка с личиной ведьмы. Я её знаю – она раздает рекламки суши-бара и делает это настолько агрессивно, что я всегда шарахаюсь от её пестрой бумажки, которую она бешено суёт в лицо, словно подстрекатель прокламацию.

Без предисловий и экивоков она выдала: «Хочу вот пригласить вас! Нет, не на свадьбу! В гости!». Недоумённо оглядевшись, до чокнутой тёти дошло, куда её занесло – общих тем для психической атаки было крайне мало, виниловые пластинки враждебно поглядывали на это абсолютное левое тут существо. Но мужественно собрав воедино все остатки своего распадающегося сознания, она закинула первый пробный шар: «А вот джаз сороковых годов у вас есть на виниле? Что? Только рок у вас? Ага, понятно…».

Зависнув уже на выходе, она вот-вот было, в разочаровании чуть не скомандовала себе отбой, но как-то зловеще ретировалась, поскольку в воспалённом психопатическом мозгу родилась роковая догадка: «Это какой рок? Это Пол Маккартни что ли? Этот толстый урод?». И тут-то Андрюха и допустил непростительную ошибку – он включился в диалог! И подвело его врождённое природное любопытство: «А почему это, интересно, он урод-то?».

Тут опасную тётеху реально затрясло, она жутко зашипела, заорала и захрипела одновременно: «Конечно, урод!!!

Назвал дочку Стэллой, но такое имя уже существует. Есть уже певица Стэлла, есть! Из-за этого его весь музыкальный мир ненавидит! А этот жирный урод, да он вообще на гитаре играть-то не умеет, бренчит только чего-то! Да вообще этих битлов поганых нужно поставить к стенке и расстрелять, а этого старого маразматика первого!!! Нет, а его вообще сжечь!».

Пирующие разумно решили сию волнительную тему не развивать, пока эта фурия из «дурки» не поставила к стенке их самих через одного, а остальных распорядилась повесить, причём дважды. Прооравшись, эта сущность из преисподней, получила невероятный прилив своих адских сил и невесомой птичкой выпорхнула в московский тёмный вечер.

Собутыльники почувствовали знакомые флюиды энергетического отката. И лишь взятый незамедлительно финальный спасительный «бутылёк» вернул им былой боевой пыл, и, ошалевший от меломанствующей тёти и количества «сорокоградусной» Стасон вновь учинил свою излюблённую выволочку несчастному Колпаку. Наш бродяжка-профессионал уже просто взмолился: «Стас, ты за что меня выгоняешь-то?!!». Стасик важно и квалифицированно разъяснил: «Видеть тебя не хочу!». В высокомерном тоне его читалось явственное: «Разве барское это дело за столом-то с дворовыми сиживать? Не гоже сие!».

Вновь, развеселённые удивительной цикличной сценой моральной экзекуции приятели, по-товарищески стали под-

трунивать над гусаром и забиякой: «Стасон, говорят, ты был в своё время «чемпионом полка» по боксу?». Уже не чувствуя ни иронии, ни здравого смысла, раздухарившийся не на шутку Стасик тут же подтвердил факт высокого титула сжатыми кулачками и довольно комичными пьяными хуками в сторону постылого противника.

Смех, пьяная чехарда, братские похлопывания по плечам достойных соперников – вот так, как обычно, по-доброму закончился этот странный и милый вечерок. Как жаль, что меня с ними не было – я сладко бухал в другой компании, и только единственное это меня и извиняет.

Верните детство!

Я больше не хочу быть безжалостным к самому себе. Мне надоело… Всегда быть, мать его, сильным, зорко видеть и жестоко пресекать свои недостатки… Нафик! Недостатков и пороков так изнуряющее много, и как же тяжело их отлавливать, люди… Не допускать лени и праздности, бухать умеренно, подавлять раздражение от людской подлости и глупости, не разувать глаза на чужих жен, даже если сами они легкомысленно манят пальчиком, не жрать мучного и сладкого, не распускать язвительного языка…

Ну ничего уж нельзя! Всё! Хочу, как в детстве, не думать ни о чём, ни о хлебе насущном, ни о неуёмной гордыне своей – милые папочка-мамочка напоят и накормят, хреново, но оденут, игрушку стрёмную, но сунут, и, главное, ты – самый-самый, талант и красавец, умница и оригинал.

Коль «пошла мука́» «базарить за детство», вот, вспомнилась одна забавная «не́путь»… Вполне осмысленно и бегло читать я был обучен замечательным моим дедом Степаном в неполные три года. Многие скептики мне не верят, но проверить сие совсем нетрудно, просто поговорите с моими предельно честными предками, и я тут же буду торжественно реабилитирован. Это моё сомнительное «вундеркиндство» совершенно никак не развилось далее, и я продолжил свой странный жизненный путь скромно, без ранних лермонтов-

ских вдохновений, македонских завоеваний и эйнштейновских озарений.

К шести отроческим годикам, когда меня недовольного призвали на нивы «обязательного начального», я прочёл уже раза по три всех этих наших «мушкетёров», «холмсов» и «робинзонов» и, надо сказать, без бахвальства, качество моего чтения было вполне себе сопоставимо с дикцией и постановкой «отдрессированных» дикторов советского телевещания.

Когда же первая наша училка стала истово натаскивать маленьких ученичков по части декламации с листа, я с удивлением заметил, что все зачитывали немудрёный текст с запинками и по слогам: «Ма-аль-чи-к-э Вэ-и-тя отэ-к-рыл-э дэ-ве-рь…». Поражённый, я опасливо вслушивался в инопланетянский говор и в недоумении соображал – видно, неправильно я так шустро читал всё это время! На людях, так сказать, «парадно», нужно это делать именно так, спотыкаясь на каждом слоге, натужно составляя слова из слогов, слоги из букв, не понимая ни бельмеса, что получается на выходе.

Верите – нет, и тогда я тоже начал выдавать такую же тарабарщину, свято полагая, что это и есть самый «законный» и «взрослый» способ течения речи. Уже чуть позже, смутно догадываясь, что это калечное бормотание – результат «абсолютного чистого сознания» вновь прибывших детишек, да ещё к тому же страшно намучившись с «инвалидским» акцентом, я вновь вернулся к бодрому и торопливому книжному моему языку.

Верните мне моё детство! Только дошкольное, где ещё не было гопников, учителей и безжалостного самоедства.

Политика и я

Как же всё-таки хорошо и правильно это было, когда лет десять назад, просто так, разом и навсегда я перестал смотреть телевизор. И имена упырей-политиков, хитрожопых воротил бизнеса, жирных эстрадных звёзд и крикливых телеведущих той поры навсегда исчезли из моей уставшей головы. А вновь появившихся я и знать не знал в упор, поскольку даже на маршрутку, где я мог услышать гадкие новости пропавшего для меня поганого мира, бабок у меня тогда решительно не было, и я бегал пешком на весьма дальние дистанции.

Босяцкий забег от пьяного Седьмого микрорайона до пост-революционного Сормово был вообще каждодневным плёвым делом. А вот олимпийским рекордом было памятное ночное путешествие от центральной купеческой Покровки до родной окраины, где далее лишь кладбище, да лес. Время марафонского следования, кстати, заняло, по-моему, часа четыре.

Вообще, когда я начинаю жить где-то, будь то новый район, город или даже страна, мои ограниченные интересы охватывают лишь несколько мест – «магазки» с музыкой, театры-музеи и винные лавки. Всё остальное я нахожу по унылой необходимости, каждый раз, как в первый, приставая снова и снова к проходящим бабкам с сакраментальным вопросом,

а-ля «простите, а где тут аптека, сберкасса, остановка, почта, вокзал и хозяйственный магазин?». Это касается и грустного города, где родился и прожил довольно много странных лет.

Как-то грянул печально известный «путч» (простите, граждане, за ещё одно неприличное слово), и мои тогдашние товарищи театрально заламывали руки, не имея возможности пробраться в «мятежный центр» и истово голосить в толпе таких же ура-патриотов.

Я тоже стреноженным конем мялся на глухой остановке – движение было благоразумно перекрыто местными градоначальниками, иначе вся эта восторженная, будто курсистка на первом балу, толпа из предместий натворила бы лютых бед. Только дай потрясти этим копеечным бунтарям кулачками, погорлопанить «за Рассею» и перевернуть пару урн, далее процесс потеряет контроль, будут бить ментов, друг друга и собственную грудь, это факт общеизвестный…

Мысли свои «несвоевременные» по поводу всего этого дерьма я, конечно, не высказывал, ломать носы и без «революционеров» было кому, а посему тоже делал озабоченное лицо. Тем более, что это было совсем несложно – мне действительно тоже нужно было в центр до зарезу! Во время этого трогательного, «до поносу», единения масс в праведном порыве защиты свобод демократии меня интересовало лишь одно – как добраться до моих «ништяков на пиратке».

Дело в том, что при всей общей замшелости, городок у нас был невероятно продвинут в смысле музла! А «ништяка-

ми» было принято называть всё, что еженедельно приходило в лавки благородных «подвижников» и «просветителей», то есть барыг – тех, кто это нам все доставлял и сбывал за невеликие, впрочем, деньги.

Тогдашние новички «Porno For Pyros», «Faith No More», «Concrete Blonde», «Mr. Bungle», а также маститые мэтры «околоавангарда» «Coil», «DAF», «Psychic TV», всё это «модное» появлялось в нашей дыре чуть ли не в день официального релиза. От души, по-честному и без дураков, я так благодарен суровому, но обаятельному чуваку Максу – «центровому» поставщику чудесной новой и старой музыки всех самых невообразимых жанров. Не знаю, где он сейчас и чем коммерчески дышит, но было время, когда к нему, как к почитаемому гуру, стекались толпы жаждущих приобщиться к неизведанному доселе миру кривой, и не очень, музыки.

Итак, вожделенная «пиратка» находилась в центре, а вот я-то был тут, в захолустье, а между тем какая-то мажорская личность с верхней части города, без сомнения, перебирала холёной ручкой МОИ, МОИ ДИСОЧКИ!!! Тиражи «ништяков», как правило, были мизерными, и если ты не успевал ворваться в помещение в первых яростных рядах, то, пиши пропало, останутся только слушанные-переслушанные Заппа и Стоунз, и «радость многих детских сердец угаснет», как было витиевато написано в знаменитых «письмах счастья».

Сколько же я отстоял на жутком морозе перед стеклянной

дверью царства благодетеля-Максима… Как мы тряслись и мёрзли, волосатики в некрасивых и негреющих куртках – вот прошел час, ещё один… И раздается страшный вопль отчаяния и боли – Макс заболел, он не приедет! Вот это было самое страшное для изломанной меломанской души! С каким чувством потери и обиды мы тащились обратно без привычной «дозы» искусства…

Зато уж когда, оттирая ушлых соперников локтями, мы врывались в родное помещение, где теплее-то, чем на морозном ветру было едва ли, то ряды картонных коробок со стеклянными драгоценностями тут же согревали наши негнущиеся пальцы и дрожащие от предвкушения сердца! Ниш-тяки-и-и!!! Выбираешь намного больше, чем сможешь купить – а иначе зоркие конкуренты тут же захватят бесценную добычу, урча и сопя от вожделения. Потом, через час судорожного осмотра, начинаешь заставлять себя трезво смотреть на безжалостный мир. Денег хватит только на три дисочка… Начинаешь с кровью и мясом отдирать от себя и откладывать не первоочередное, потом делишь на кучки джаз, авангард, классический рок и дрожащими руками оставляешь то, что, быть может, заберут немедленно и не будет твоим никогда…

Спаситель и отец родной Макс, когда бывал в настроении благодушном, позволял даже взять пару-тройку «пластиночек» в долг, вот тогда это был праздник! Ты шёл, да нет, летел домой, держа в побелевших пальцах шесть-семь компактов с такими шедеврами, что бормотал посиневшими

от стресса губами тихонько, словно помешанный: «Все, все мои, фик я их теперь отдам, где хочешь денег найду, займу, украду, но красавчики эти – мои, мои на веки вечные!».

А теперь у нас тут «путч» этот поганый!!! Уходят-уходят родные компактики! Так и вижу плотоядно-победно хохочущую морду богатенького покупателя, как загребает он пригоршни моей музыки, не разбирая, торжествуя, роняя часть на прилавок…

Б-р-р! Не-е, я вне политики, раз от неё одни лишь несчастья нашей меломанской касте. Да только легко было не знать имени нового президента (а я и не знал, реально, почти никогда) лет десять, а даже и пять назад, но теперь же наш «индепендент-интернет», наш отдельный свой мир «олбанского языка» и «сальвии» уже настырно суёт в растерянное лицо портреты, имена и речи этих новых, кто крутит, рулит и знает, что нам нужно…

Эх, украли даже панковский «тыр-нет», на его месте та же помойка, что и в «ящике»! Ну ничего, «наши заботливые», «будем искать, будем искать»…

Алкаши-братья

В который раз расшаркиваюсь в извинениях за свою бесконечную «пьяную тему», да только, как там, бишь, романчик-то у меня называется? То-то…

Итак, когда я с жестокого качественного похмелья выползаю куда-то с утра, я почти сразу же зорко примечаю возле метро человечка, который тоже накануне чрезвычайно грамотно выпил, и, вообще, пьёт. Нет-нет, это вовсе не малоароматный бомжик или просто неприятный абстинентный субъект, а вполне себе интеллигентный дядечка, либо просто честный работяга, одним словом, душевный человек. То есть тот, у кого есть душа!

Узнаю я его по полному страдания лицу, и он тоже вычисляет меня сразу же. У нас с ним одни скромные чувства, цели и желания: ну, во-первых, мы друг другу сочувствуем, а, во-вторых, он мне много ближе, чем любая сытая тварь, что суетливо чешет на работку со своим кожаным портфельчиком.

Суровая болезнь похмелья грызет нас, и «вечный человек возле метро» очень хочет, чтобы его пожалели… И я тоже так по детски желаю, чтоб и меня пожалели в этот самый момент! И мы кожей ощущаем сие трогательное взаимное сочувствие и нам уже немного легче от этого.

Бабушка и кладбище

Навестил славных моих родителей, выполнив «святой сыновний», а заодно выпросив триста рублей, кольцо краковской колбасы и пол пиццы. Проблема досуга на тогдашний тот вечерок с далёкой моей девчонкой решена: 0,7 водки, плюс безразмерная дура «Колы» – и мы в ностальгической нирване. А если учесть наличие вышеуказанных «деликатесов» на закусь, то вечер точно обещает быть ярким. Что ж, пока что Нижний встречает тепло…

Истово выбегаю с добычей на остановку и принимаюсь вылавливать чего-нибудь, что домчит меня к той, что всегда меня когда-то ждала. Всегда, постоянно, ежеминутно, мать его, ежедневно и ежегодно… Остались ли ещё силы ждать? Их уже немного… А теперь и вовсе уж нет.

Ладно, лирические сантименты в сторону, живем-то днём сегодняшним, а он же весь, красавец, впереди! На полустанке пыл добытчика остужается – это самая мёртвая остановка «полумёртвого» города. Когда бы ты ни прибыл сюда, ты попадаешь в зону лютой чёрной магии и ровно часа полтора, минимум, будешь ожидать плотно набитой очень провинциальными гражданами маршрутки. Ледяной мрак ожидания (опять это страшное слово) съедает твоё когда-то пылкое сердце, и ты, «одинокий странник», прибываешь домой высосанный этим дьявольским местом и раздавленный на-

фик «ну очень простыми гражданами» всех полов, объёмов, вероисповеданий, но одинакового, правда, убогого достатку. Чего ж делать, братцы, ждём, терпеливо ждём, а хулиганы Fishbone в обоих ушах дружно нам помогают.

Вижу суетливую бабку, мечущуюся на ветру и холоде в эту осеннюю, но, прямо скажем, не пушкинскую пору. Вот чего-то, шальная, замахала руками. А-а-а… Привлекает внимание, мол, «сымай свои уши, сынок!». Ну чего, старость мы уважаем, скидаю наушники и уважительно так спрашиваю: «Чего надобно, бабуся?». «В Канавино туда?» – деловито осведомляется моя бабка. «Точно так!» – отвечаю я, честно желая подсобить, чем смогу. «Ага, значит, в Сормово туда!» – со сверхъестественной логикой заключает она и устремляет все свои тайные помыслы почему-то именно в моём, «сормовском» направлении. Почему нельзя было сразу спросить про революционное Сормово, а действовать парадоксально от противного, вот вечная загадка необъяснимой матушки-Руси…

«Такси бы мне!» – голосит «хитрая» старушка и кидается ловить жёлтые автомобили, словно стадо разбежавшихся гусей, причём, обращая внимания лишь на кондовые, с советскими шашечками. Других же «такси», ну то есть, бесчисленных частников, для неё не существовало. Я с чистым сердцем начинаю приставать к бедной бабушке: «А куда вам в Сормово-то?». «Да мне бы на кладбище попасть!» – наивно сообщает бабка. Я аж коротенько хохотнул богатырским

конём и выдал, почему-то слегка впадая «в народничество»: «Ну, бабуль, сие лекарство нам ещё успеется, поживём покамест! А вот, по-серьёзу ежели, то до погосту можно на автобусе домчать, зачем же на такси-то тратиться?». «Да я бы заплатила за такси, есть деньги-то, лишь бы довезли!» – упорно лопочет старая и всё зазывно сигналит морщинистыми лапками корыстным водилам, которые, словно нарочно, шпарят все в обратную сторону, избегая грустного места на окраине.

Я хватаю доисторическую бабку за шиворот и, отчаянно стараясь спасти её «кровно сбережённые», доверительно убеждаю: «Бабушка, поверьте, я отсюда тысячу раз уезжал, ещё минут тридцать и вы за двадцаточку моментом будете рядом с родовыми склепами!». Не доверяя никому, в том числе и мне, молодому прохвосту с длинными кудрями, который, быть может, и сам желает тюкнуть по голове беззащитную старушку в безлюдном месте, да завладеть её «купеческим» кошельком, она вырывается навстречу жлобам-бомбилам.

На её и мое нежданное спасенье приходит, словно благая весть, задрипанный автобус. Он сияет в скупых солнечных лучах, будто только что спустился с небес, дабы подобрать двух нелепых пассажиров, уже изрядно напугавших друг друга. Довольный, я посматриваю на бабку – ведь спастаки её маленькие рублики, ай да молодец я, всё же! А удивительная бабка лишь недоверчиво зыркает мне в ответ, мол, «а на такси, всё ж, надёжней бы было…».

Вот так, вроде бы смиренные темы кладбища, да бренности бытия должны способствовать пониманию между далёкими поколениями, ан нет, нет понимания, а снова лишь какой-то забавный курьёз…

Памятник дядьке Руслану

Пересматривая свои судорожные наброски, переслушивая педантично наговоренное на диктофон, перебирая в разрушенной памяти всё, что выдавал в прямом эфире нашего безумного жития-бытия затейник Русёк, я осознал – он достоин Памятника при жизни! Ну, хотя бы бронзового бюстика на родине героя, то есть в далекой и загадочной Воркуте.

У меня в залитом пивом «компе» наличествуют аж две папки, озаглавленные, как «Кренделябры Руслана». Кстати, не без гордости, заявляю, что «кренделябры» – моё словечко, созданное, полагаю, из витиеватых «кренделей» и торжественных «канделябров». Ну это так, жалкая попытка «поконкурировать» с Гением спонтанной словесности. Первая папочка – памятные заметки о речевых «дикостях» моего бородатого гитариста. Вторая – диктофонные «говорилки», что я сбивчиво, до позорного, набалтывал, когда был «крепко уставши», и не было уже никаких сил сопротивляться хмельной лени. Открыть такой сложный «ноут» или нервно записать что-то на манжетах – я вас умоляю, это же так утомительно!

Итак, сегодня представляю все те шедевры Руська, что заплетающимся языком спасены мною, словно братьями Третьяковыми, для равнодушных потомков. Хочу ещё, между делом, заметить, что выслушивать себя в «измененном со-

стоянии» весьма противно, что придаёт моей просветительской деятельности ещё больше заслуг и почёту!

Итак, только вперёд! Первый перл в моей секретной аудиоколлекции: пересматриваем волшебный дебют Никиты Михалкова «Свой среди чужих…», и вдруг неповторимый Русь, встрепенувшись, предлагает такую вот фантастико-героическую трактовку легендарного шедевра – «Цой среди чужих»! Неожиданная концепция такова – подобно бодренькому китчу «Чужой против хищника», наш романтический Цой противостоит слюнявому и коварному Чужому, используя, разумеется, весь свой звёздный арсенал: каратэ, магические зычные песнопения и общий пафос. Не знаю уж, как сие вам, дорогие мои, а я так заворожён небывалым проектом, что даже, собственно, и являюсь литературным разработчиком вербальной идеи Руська, словно тот подлый маститый соавтор, что присваивает пьесу молодого, но плодовитого не по годам начинающего писателя.

Сразу же озвучиваю вторую штучку: опять же традиционно под хмельком балуем себя нашим совершенно изумительным советским «Шерлоком Холмсом», а именно, «Собакой Баскервилей». Есть там такая не шибко приметная сцена, где порочная Лора Лайнс оправдывается перед неуважительно настырным Ватсоном, почему, мол, не пришла на встречу с покойным Баскервилем, хотя им, сердобольным, ей «денюшки-то были обещаны». И красавица Лора высокомерно парирует: «Я получила помощь из других рук!». Чернобровый

Руська сумрачно смотрит на экран и неожиданно изрекает: «Я получила помощь из других брюк!». Ну что на это беспомощно скажешь… «Лишь одна награда – смех», вот чего достойны величайшие комики планеты, и мы гогочем громко и долго, я с восхищением, он – с творческим удовлетворением.

Вот уже несколько лет идут ожесточенные споры по поводу авторства следующей сокровищницы дуракаваляния! Рокер Русь или ди-джей Лёнька Липелис отколол это? Ах эта извечная борьба живых артистов с электронными… Но лично я склоняюсь, что всё же это был Русёк… Уже всех своих музыкантов, продюсеров и просто близких я порядочно достал на предмет того, что «неподражаемый» мой голос «просыпается» часов после пяти-шести вечеру, а до этого ни-ни, ни о какой изнурительной репетиции, ни, упаси Бог, записи и речи быть не может. Этим варварством можно просто искалечить нежные связки капризной рок-звезды. Одним словом, вечер. Пытаюсь распеваться, но своенравный вокал не звучит, несмотря на щадящее время – аж около 21–00. Дальше – больше, «голосю» встревоженной белугой, но звонкий тенор не желает просыпаться в груди измученного поэта-баритона. И тут-то бесподобный Руська и бросает бессмертное: «Уж полночь, а голоса всё нет…», – естественно, вызывая в памяти великого Александра Сергеевича, насчёт того же, тока про «а Германа всё нет». А может, это всё-таки был Лёнька? Ежели всё ж обознался, ты, Лёнька, прости! Но по-

смеялись тогда братья-музыканты отменным фальцетом и от щедрой души!

Сейчас будет жестокая подстава – ну не любит Руська группы «Пилот», уж простите его верные поклонники заслуженного коллектива, не разбивайте крепкой головы его бутылками и не бросайте в могучее туловище различными недешёвыми по теперешним буржуйским временам овощами. Так вот по этому, весьма рискованному поводу он както и неосторожно брякнул: «Не так страшен Чёрт… Как его «Пилот»!!!». При всём уважении к прославленному коллективу, фривольная трактовочка известной поговорки феноменальна! Брат Илья и все его дружные «пилотовцы», не обижайтесь, он же не со зла, а токмо из чистой любви к «искусству устной речи»!

Иногда Руську заносит в сферы несколько более мрачные, чем того требует «здравый смысл и жизненная опытность». И тогда случаются вот эдакие эпохальные импровизации на темы советских песен: «Смерть кружится, летает, вита-ает!». Видели бы блаженную и одновременно бесстрастную физиономию берсерка Руслана, когда он без смущения и благоразумия заменил безобидный эстрадный «снег» на «русско-рокерскую» «смерть», и пропел получившийся жутковатый пассаж ангельским, кротким голоском.

А вот мы снова пьяны, и даже не «в сосиску», а просто-таки уже «в сардельку», и опять «с упорством идиотов» отсматриваем выученную назубок «Баскервильскую Соба-

ку». На экране нескладный доктор Мортимер демонстрирует Холмсу газету с леденящими душу подробностями гибели сэра Баскервиля: «Вот очерк Девонширской хроники!». Задремавший было Русь просыпается на секунду и озаряет пространство идеей: «А вот по нашей «лондонской общажке» тогда уж тоже должна ходить ежевечерняя листовка с новостями, только «Очерк Дебоширской хроники!». Пожалуй, кто отважно живал в общежитии хотя бы недельку, посмеется вначале, а затем, быть может, и загрустит от неизбежности пожизненной каторги в закопчённых стенах.

Не раз весёлый Руська утверждал, что есть в Затейнице-Москве некий «Ветеранский дворик», который натурально, так и называется Ветеранский дворик (!), «где уже в десять часов утра «уставшие» люди лежат, в связи, так сказать… С победой… Над алкоголем!». Думаю, таких вот «ветеранских двориков» в Москве немало, и далеко не он один, но этот знаменателен ещё и тем, что даже коварные менты давно уж никого тут и не трогают, не беспокоят и не подбирают, мол, «всё нормально, пацаны, отдыхайте!». Находчивый Русь, предположил, что, возможно, как в жутком гоголевском «Вие», местные «алкашата» обводят родной «Ветеранский дворик» магическим кругом и истово заклинают, подобно Фоме Бруту: «Свят двор, спаси, свят двор, защити!». Вынужден привести для сравнения, в общем-то, ненужную и лишнюю цитату (но не все же окончили средние школы), ибо несчастный бурсак из книги молит несколько иначе: «Свят

круг, спаси, свят круг, защити!».

Заканчиваются диктофонные «дивы-дивные по Руслану», но я отнюдь не грущу – у меня ещё ворох бумажных заметок, да и сам наш усатый герой в отставной тираж выходить не собирается и прилежно радует очередными «сумасшествиями».

К примеру, помните, как греховные выходки кучерявой леди Винтер из «Трёх мушкетёров» сопровождающиеся драматическим пением Атоса: «А на плече горит клеймо!»? Негодяй Русь с невинным выражением лица лишь чуточку изменил его. И вышла, натурально, почти что «хармсовская» дичь – «а на клейме горит клеймо!». Вы только представьте горькие глаза и без того уже злостно обманутого графа Де Ляфэр, когда его «молодая и чистая» невеста настолько уж развращена, что просто «на клейме горит клеймо!!!».

Есть такой природный талант – заставить людей по-доброму улыбнуться, расхохотаться до слёз, дан он немногим, очень немногим… У тебя он есть, брат Руська! Короче. Требую тебе Памятник!!!!

Русь не сдает позиций!

Ура!!! Ну ничего себе! Обнаружил ещё несколько заброшенных аудиофайлов с личной «идиотекой» гитариста и дорогого друга моего Руська! Все мы – «я и Русь» являемся членами тайной секты поклонников почти забытого советского телесериала «Следствие ведут Знатоки». Согласитесь, желание Руслана набить на груди гордые профили Знаменского, Томина и Кибрит, это вам почище банальных и заезженных ликов Сталина, Энгельса и Маркса.

Было даже дело, когда за очередным отсмотром наиболее редких моментов сего милицейского эпоса, Русь в деланном отрешении пропел на «Сарухановский» мотив, уродуя святой текст о сыновней любви: «Знатоки вы мои, Знатоки, жаль что щас вас уже не снимают…». Чем, само собой, вызвал приветственные аплодисменты циничной аудитории.

Или вот, заворожёно смотрим подростковый ужастик «Колдовство», на экране начинающие ведьмочки выкликают своего ужасного покровителя – демона Манона. На наивный вопрос совсем уж начинающей бестии: «А кто это Манон?», – более опытная колдунья с трепетом ответствует, – «О, Манон… Ты словно всасываешь его в себя, и внутри становится всё хорошо…». И тут Руслан недоуменно заявляет: «Да это, прям, «полифепан» какой-то, а не Манон!». Мы, «алкоголики в законе», не раз оценившие на своей шкур-

ке все целебные свойства этого волшебного порошку, дружно голосим в смеховом экстазе!!! Знаем-знаем, как хорошо внутри, когда «полифепанчик», родимый, спасает от бодуна!

Когда ещё несравненная Лидок была нашей грозной директрисой, опоздание на встречу с ней каралось пиратской руганью и неслабой оплеухой. Как-то, совсем «зарепетировавшись», я, прорываясь через волшебное вдохновение и творческий угар, спохватился: «Руськ, встретиться ж договорились! Хорош репетировать, а то ведь лучше с Лидою не связываться от лишнего греха…». А он лишь простодушно улыбался в густую бороду и кротко молвил: «Дык… От греха-то, не пойдём что ли?». Знала бы наша Лидочка, какое хамство позволил себе её строптивый музыкантишка! Удар под дых и жёстко добить ногами – не самое страшное наказание за такие крамольные слова…

Русь, любя называет меня «собиратель Эн Ха». Для непосвященных довольно странная «погремуха»… Ведь общеизвестно, что стандартная аббревиатура «эн ха» означает не что иное, как «неизвестный художник». Рисовать же (прошу простить великодушно – «писать») ваш покорный слуга умеет лишь капельку лучше, чем самый великий комбинатор и «спонтанный» художник Остап Бендер. Но те, кто меня знает хоть лучше, чем чуть-чуть, понимают – речь идёт о том, что Игорян «барахольщик» похуже самого очкарика Джона Леннона, а он, как известно, собирал совершенно непостижимый хлам, причём в обязательных трёх экзем-

плярах. Итак, я коллекционирую монеты, значки, кассеты, диски, винил, книги, распечатки статей из интернета, старые письма, заметки, билеты на концерты, кино и балеты, коробочки, игрушки, школьные дневники, журналы, рок-энциклопедии, порнуху… А загадочное НХ означает всего-то лишь… «невероятная ху…ня». А я – собиратель вот этой самой невероятной ху…ни! Руськ, а я согласен!

Следующее меткое «погоняло», подаренное мне хулиганом Русланом это Обломов. Зная, сколько женских сердец я погубил своей «сексуальной харизмой», а затем хладнокровно «обломал» законные претензии дам на страстные объятья, он нарёк меня знаменитой «гончаровской» фамилией, вложив в неё иной, шутовской привкус. Знайте же, неискушённые девицы, ваш ленивый Игорян – ещё тот знатный динамщик!

А Русь же не прекращает проказничать! Вот совсем недавно предложил очередную «дурищу» на суд истории, дескать, «полтергей», это, по аналогии с пугающим «полтергейстом», не что иное, как дух умершего гея, являющийся к нам мстить за притеснения и гонения тут, на жестокой земле. Эх, Русьман, это ж так неполиткорректно…

Да вот он и сам, снова чересчур развесёлый от пяти пива, бежит через коридор общаги в шаркающих, развалившихся тапчушках, и напевает в своей блаженной манере: «Броня крепка и тапки наши быстры!». Молодчага, брат, никогда не сдаваться, и дурить ещё веселее!!!

В летнем парке зима

Город Чкаловск, откуда родом любимый мой папа, был всегда для меня жутковатым приключением, но, слава богам, без летального исхода. Приезжал я в этот маленький, сонный городок каждое лето на каникулы и со сладким ужасом проходил инициацию в мире шпаны, шлюх и шальной, пьяной свободы.

Там, в каменном Нижнем Новгороде, всё и всегда заканчивалось довольно страшненько и некрасиво – расквашенный нос, выпотрошенные карманы, гадкие угрозы и подлая зависть «гопья́к музыкальному мальчику с симпатичной мордашкой. В Чкаловске было по-иному. Нет, опасность, конечно же, присутствовала всегда, но тут всё можно было решить личным, так сказать, обаянием.

Всё забываю спросить моих любимых предков, осознавали ли они, куда отправляли своего домашнего мальчика, что за «чудеса» наблюдал их малыш, и в каких мероприятиях принимал заинтересованное участие?

Шлялся я по томным вечерам, в основном, с бесстрашным приятелем Эдиком или в одиночку, что особенно щекотало нервы. С кем только не доводилось нам ручкаться, двум полуботаническим сущностям… Хотя в смысле «ботанизма» Эдик, пожалуй, был не в счёт, его не по годам развитая мускулатура и бесстыдный интерес к женскому полу

выдавал в нём зачатки ещё того тестостеронового самца.

В городке было очень скучно. Прежде всего, самим его коренным обитателям. Возле трёхэтажных убогих домиков, что считались престижным центром (далее была просто натуральная деревня), сидели на лавочках полусонные бабули и дедули, да тётушки и дядечки. Рядом шмыгали туда-сюда обильные стада глупых кур и гусей, в кособоких, чёрных сараях побрёхивали голодные псинки. Собак не кормили нарочно, готовили к охоте, срок голодовки достигал недели-двух. Как они не околевали там, внутри своих деревянных клетушек, а главное, не проглатывали тут же несчастных подбитых зайцев с утками, совершенно непостижимо.

Все слухи были давно и по тысячу раз пережёваны, домино стучало по столикам как-то вяло и без азарта, и только ошалевшая от безделья летняя мелюзга с воплями носилась по дворам, сшибая зазевавшихся пьяниц и пенсионеров.

Я давно прошёл уже все эти детские игры в «скра́ду», купания на живописном заливе, дикие прыжки в воду с верёвочной катапульты, привязанной к раскидистому дубу над рекой. Мне уже нужно было другое – музыка и девчонки! Да, ещё одна небольшая ремарка: нелепое словечко «скрада» происходило от не менее дурного «скрасть». Это когда один из участников этой местной «аналогии» «пряток» рассекречивает ведущего, вопя во все чахлые детские лёгкие «скрада!!!», либо «я тебя скрал!». Какая дичь! До сей поры чувствую себя каким-то высоколобым «столичным» хлюстом,

не одобряя безумия местного колорита речи.

Итак, девчонки! (За музыку позже). Знакомства с местными, крепко сбитыми девахами было, в общем-то, делом несложным. Тотальная скука городка толкала взрослых на горькое пьянство и одержимые садовые работы. А вот чкаловская молодёжь мужского пола услаждала себя в основном затейливыми танцами на дискотеках, очень жестокими драками из-за несуществующих измен и просто якобы косых взглядов конкурентов, ну и конечно, всё тем же вечным самогонно-портвейновым угарцем.

Как ясно видно из вышесказанного, все были при деле, одни лишь оставленные вниманием барышни томились от невысказанной любви, чем и преподло пользовались мы – «таинственные чужестранцы с холодными, бесчувственными сердцами». Та «необыкновенная и невероятная» жизнь, что творилась в нём, недостижимом Нижнем Новгороде, манила любопытные души наивных провинциалок, и они были наши! Ласковые слова чужаков журчали, кружа прелестные головки и расстёгивая лёгкие платьица… Поплатиться за сии «адюльтеры» можно было совсем даже не выбитыми зубами, но подростковая гиперактивность, будто сладкой анестезией заглушала самый сильный инстинкт, и никто не думал о смерти.

Зонами наиболее активного посещения орд местной молодежи после вечных, как мир, танцулек, являлись веранды и «качельки» ночных детских садиков. Там ошивались и мы

с коллегой Эдуардом. Тут и произошло одно из самых колоритнейших знакомств в моей жизни. Возле детсадовского забора мы почувствовали загадочное шевеление. Несколько заволновавшись, мы собрались было уже благоразумно сменить «базу отдыха», но услышали сиплый зов: «Эй, пацаны, давай сюда!». Робко подойдя на усталый голос, мы увидели дядьку лет сорока пяти, небритого и помятого, лежащего прямо на земле в обнимку с двумя развесёлыми девицами, издающими лишь позитивное мычание. Все трое были пьяны в предсмертной степени. Запах «дамского» подозрительного парфюма очень смелым мазком был приправлен общим диким водочно-коньячным ароматом.

Дядя, явно выдающий своё «происхождение и призвание» сильно блатным акцентом, разоткровенничался: «Пацанчики, слышь, тока откинулся… Хотел молодость вспомнить, да вот, не рассчитал силёнок маленько… Короче так, мне с двумя ща уже не справиться, берите эту кудрявую и тащите, куда хотите, за всё заплачено…». «Кудрявая» была не то чтобы не против такой смелой «рокировки», она вообще «не была». «Авторитетный» дяденька приподнял за шиворот оставшуюся ему на усладу вялую пассию. «Пассия» моталась, как слабая берёзка на ветру, трогательно икала, и лунный свет падал не её огромные клипсы, магически отражаясь на наши озадаченные лица. Криминальный дядёк махнул нам здоровенной лапой на прощание, и «сладкая парочка» исчезла в чкаловской задумчивой ночи.

Угостившись вполне себе недурственным коньяком, что валялся тут же, на прохладной траве, мы малодушно решили, что воспользоваться милой услугой нового знакомого было бы всё же чересчур. Этика и эстетика пикантной ситуации, возможные губительные для тела заболевания и элементарная жалость к бедной шлюшке пересилили наши «юношеские робкие желания». Мы спрятали уже посапывавшую девицу поглубже в кустарник, прислонив крепкой спиной к забору и покинули сей алтарь безудержного разврата и печали бытия.

Пару дней спустя, ощутив новый, неистребимый позыв к ночным путешествиям по крошечному, но симпатичному городку, я, на этот раз в одиночку, вновь проник на территорию того же детского сада. На веранде уже было людно. Явно лихая компания местных, изрядно меня постарше, активно проводила досуг. По деревянным, низеньким (для деток же) лавочкам сумрачно сиживали пьяные в дрова пареньки и девчушки. Периодически кто-то из них опускался в благоговении на колени и покорно начинал блевать. Тогда от скамьи малахольно отделялся наиболее милосердный и привычно и бесстрастно держал за шиворот и волосы отбывавшего муку.

А рядом, в почётном отдалении, восседал вожак – длинноволосый и фигуристый парнишка с гитарой, и очень ловко, ведя одновременно мелодию и цепочку аккордов, шпарил на покоцанной шестиструнке. Никогда в жизни я не решился бы подойти к такой реально опасной компашке, но когда

он заиграл волшебную и весьма непростую, с тучей аккордов «В летнем парке зима» суперпопулярной «Машины Времени», я и сам не заметил, как оказался рядом с ним, осторожно присев на жёсткую детсадовскую жёрдочку. «Извините, а как вы вот подбираете такую сложную вещь – аккорды где-то берёте или как?». «Главарь», которому было явно лестно и «на вы», и интерес к бесспорному таланту, с лёгкой снисходительностью, но и с покровительственной теплотой ответствовал: «Да я это… По слуху всё… Я даже х…й знает, как это делаю, само как-то подбирается, слушаю песню и всё, пошло-поехало!». Попыхивая терпкой сигареткой, он терпеливо показал мне все аккорды, дотошно поправляя аппликатуру пальцев, приговаривая: «Да не, б…я, не сюда! Ага, да, вот так, учись, пацан, и всё у тя получицца, не ссы…».

Вы знаете, наверное, это чушь, но я так благодарен этому, без всякого сомнения, опасному чуваку, который сто лет назад показал мне, куда нужно двигаться, а главное, что есть настоящий природный талант. С той поры я и научился видеть этот самый, не наработанный, а прирождённый дар и уважать его.

А после «академического урока» «главный» профессионально оглядел заблёванное пространство и авторитетно определил: «Всё ясно, водку жрали, белым рвёт, если б «бормотэ́», полегче бы всё прошло… Ты это, пацан, заходи почаще, тебя тут никто тронет, б…я буду, отвечаю!». «Дружественно» огрев меня по спине своей тяжёлой ручищей, он

скомандовал отбой, и вся ослабшая кодла потянулась к несущей прохладу реке. Вид этого похмельного «каравана» был довольно комичным, а шествие, разумеется, замыкал «атаман», обнимая двух самых красивых и длинноногих девчонок.

Ну а я остался ещё немного побродить, вдыхая волнующий запах ночи, и помечтать, как тоже научусь так ловко жарить на «шестиструнной», и так же смело обнимать самых неприступных красоток! И обязательно сразу двух!

Воспоминания исчезают, как поезд

Воспоминания или, если выразиться ещё пострашнее, мемуары, такая пошлая штука по своей сути, совсем не «рокенрольная», и уж вовсе никакой не популярный жанр. Но что-то ведь заставляет меня заглядывать через собственное плечо и всматриваться туда, вдаль, где зыбкое прошлое бередит ностальгией моё глупое сердце…

Вы когда-нибудь замечали, что наши воспоминания, они как тот зыбкий сон, который вроде бы только что был, словно на ладони, весь в своей мистической красе, с деталями, закоулками, превращениями, запахами и страстями? И только лишь стоит замешкаться, разжать кулак памяти, и всё это благолепие срывается рыбой-везунчиком с крючка. Всё, что вот только-только помнил, будто битловский «Abbey Road» наизусть, начинает стремительно убегать, ускоряясь с каждым мгновеньем, словно отходящий поезд. Вот, ты ещё что-то держишь смутным образом в полусонной голове, и, сейчас, сейчас, всё это чудо восстановится по оставшимся крохам… Но вагоны бегут и бегут всё скорее, и лишь хвост состава чуть виден вдали – всё, не успел, забыл напрочь, никогда не вспомнить, не ощутить, не пережить…

А вот поэтому-то хитрый сказочник Игорян и делает свои нудные заметочки в толстых книжечках и утомительно набалтывает всё, что вспомнилось ему или вам, мои родные, в

самый неподходящий момент – во время шумной пирушки, жарких объятий и крепкого молодецкого сна.

Перебираю, как разноцветные кубики, диктофонные заметки, их много, очень много… Это магическое занятие так приятно, ведь я ещё о многом могу поболтать с вами, безумные мои друзья и подружки! Перемешиваю их в кулаке, словно игральные кости, и неожиданно выбрасываю наудачу – что-то выпадет теперь?

Мой папа – советский Чарльз Бронсон

Выпало, как всегда, интересненькое… «Восточноазиатскую» байку я вспомнил, катаясь до городу Саранску, а может и по дороге обратно. Точно, ехали бессонной ночью в Москву! Рядом с живописными туалетами возлежал суровый, как боевой прапорщик, мужичок, огромными ножищами в коридор. Его, «пардоньте», носки издавали такие неромантические флюиды, что от них шарахались даже те, что пили четвёртые или пятые вагонные сутки. Потом, правда, он сам или кто-то из страждущих накрыл токсичные носочки одеялом и простынёй, и стало легче. Возможно, это маленькое испытание и произвело очередной щелчок в замке от магической коробки с воспоминаниями.

Когда я был тощим, забитым пареньком, как же я мечтал быть похожим внешне на какого-нибудь лихого дядьку, ну например, на самого Джона Леннона или, скажем, на артиста Николая Ерёменко, особливо в роли моряка и каратиста Сергея из «Пиратов двадцатого века»! Сейчас-то я вполне удовлетворён своей подпухшей глумливой физиономией, но зато и вполне индивидуальным, «выразительным» образом.

А вот мой любимый папка всегда был очень похож на актёра Чарльза Бронсона. Такой же слегка восточный прищур

хитроватых глаз, проседь бывалого волка в тёмных волосах, характерная насмешка губ, и главное, общая энергетическая подача – ну просто «в ноль» тот самый легендарный герой боевиков, мужественный мститель за обиженных и обездоленных, одиночка, и в то же время, верный, трогательный друг, товарищ и брат. Отец мой изрядно поколесил по свету и знал цену этому дешёвому миру, отсюда и жила эта «бронсоновская» ирония в лукавом глазу.

Года полтора он с честью оттрубил в качестве «братской помощи советскому Вьетнаму». Эти маленькие странные люди, по его рассказам, умели делать хорошо лишь только одно – воевать. Изнурительное противостояние сытой и самодовольной Америке заставило их забыть о мирном труде навсегда. Поэтому и появились они – простодушные русские, которые «за ради насолить проклятым «штатишкам» готовы были, истекая потом, вкалывать за гроши вместо беспомощных в «светских работах» вьетнамцев. Местные жители постоянно выпрашивали, словно стая родных социалистических цыган, еду и вещи, настырно покрикивая: «Николяй, Николяй, цасы, лубаха!». Ну, в смысле, часы и рубаха, на местном диалекте. В этих героических условиях, подыхая от влажной жары и экзотического рациона, отец от души и отбатрачил там, в гостях у «маленького, но гордого народца» этих долгих полтора года.

Я еле вспомнил его тогда по приезде, а мой младший братишка Женька, так и вовсе ещё долго соображал, что это

за загорелый дядька пытается баловать его подарками. Когда отец наконец-то вернулся с этой восточной каторги в Союз, мы, очень волнуясь, встречали его с милой моей мамочкой в Москве. Там я и посетил первый раз настоящий ресторан – «Ханой», где мы ели, кажется, что-то ужасно невкусное, а официанты пытались быть высокомерными, будто те ещё космонавты. Помнится, невозмутимый мой папка очень быстро сбил с них халдейскую спесь, и они шустро забегали без этих своих «это, знаете ли, своеобразного посола», чем я был (даже ещё сопливой салагою) весьма удовлетворён.

В геройском Вьетнаме местные тут же стали звать папку уважительно-настороженно «хум-тот», то есть «китаец» по-вьетнамски. Можете себе представить, даже там, в далёком и непостижимом Вьетнаме, аборигены признавали в нём экзотическую личность. Этот хитрющий прищур передался мне лишь чуть, но я доволен и горд и этой малостью.

Там же, в небольшой советской колонии, папка столкнулся с неожиданной проблемой – одно из самых излюбленных местных блюд были блинчики с… собачатинкой! Причём, бедных псов варварски отлавливали прямо на улицах и забивали палками, словно «дикие» в пещерном веке, таковы вот были милые реалии местного колориту. Ну, слопать, закрыв глаза, малоаппетитную запечённую лягушку нашим «советским товарищам» ещё как-то удалось, а вот кушать несчастных собачек было выше сил русского человека, воспитанного на «высоких принципах гуманистических идеалов чело-

вещества».

Втихую отказаться от этого немилосердного блюда на приёмах было ещё возможно, а вот когда выяснилось, что влиятельнейший местный генерал не подаст руки, и словом не скажет ни с одним, кто воротит нос от его «вкусняшки»… Прошу понять меня правильно, это не преувеличение и никакая не художественная гипербола, на полном «сурьёзе» «горела» поставка, и вообще, назревал дипломатический скандал! Понурые коллеги отца, опустив плечи, стояли в напряжённом совещании, и в очередной раз решились-таки на невиданный подвиг – жрать всю эту экзотику так, чтобы за ушами трещало, а безумный генерал не заметил бы и капельки фальши. Так всё и было исполнено… Генерал довольно улыбался и похлопывал по спинам русских, вызывая очередной спазм в отважных, но нежных советских желудках. В который раз «наши» доказали, что во все, даже мирные времена, «есть место подвигу»!

Наконец-то, по обыкновению закоулками подхожу к истории, что вспомнилась мне между прекрасной столицей Мордовии и простушкой-Рязанью. Дело в том, что всем советским гражданам, трудившимся на душных просторах Вьетнамских земель, полагались ежедневные «сто грамм» водовки или коньячку, включая женщин и детей. Сомнительное предписание это было продиктовано обилием странных и не всегда хорошо изученных вьетнамских микробов, которые проникали в «соц-организм» преподлым образом через

местную не хлорированную воду, влажный жаркий воздух, плохо прожаренные загадочные блюда, словом, отовсюду! Многие «ответственные сотрудники» жили семьями и, вполне естественно, что жёны, обеспокоенные потомственным алкоголизмом и потерей крепкой мужской доблести супругов, запрещали предобеденные и прочие «чисто медицинские» возлияния. Эта «вопиющая халатность и пренебрежение элементарными санитарными нормами» продолжались, однако, недолго.

В «лагере» появился проверяющий… Этот маленький, давно спившийся человечек осматривал цепкими глазками окружающий его «колониальный досуг». Его мучило похмелье… Очень сильно. Когда прозвучал гонг, зазывающий работников соцлагеря к обеду, он первым ринулся к столу, и, заняв место во главе его, со страшной интонацией в дрожащем «драматикой» голосе произнёс: «Эт-то что?.. Это что же, товарищи, такое? Может, кто-нибудь мне всё-таки сейчас всё объяснит?!!». Голодные русские, недоумённо переглядываясь, напрасно перебирали возможные «косяки» по «санэпидемической» линии.

«Проверяющий» был уже вне себя, лицо его покрылось малярийной испариной, красные глаза вываливались из орбит, руки конвульсивно дёргались, появилась эпилептическая пена: «Да что ж вы творите-то? Что творите? Хотите, чтобы вывезли вас всех с лихорадкой Эбола что ли? Вы этого хотите? Какое разгильдяйство, вопиющая, вопиющая халат-

ность!!! Преступная, слышите, преступная!!!». Прокричавшись, он более миролюбиво и чуть менее драматично продолжил: «Ладно, на проступок ведь иду, глаза закрою, грех на душу возьму, сокрою ваше безразличие… Раздать всем стаканы, немедленно раздать, слышите! Грамм по сто пятьдесят немедленно и разом, пока ещё не опоздали!». Выпив залпом живительную влагу «с тотальной дезинфекцией», он мгновенно «поплыл», подобрел и долго ещё лопотал о санитарных нормах, страшных юго-восточных заболеваниях и грозно обещал неожиданные проверки несколько раз за сутки.

И с той поры никакая, даже самая сердитая жена не смела мешать каждодневному употреблению «лекарственных препаратов», и в маленьком советском лагере наконец-то поселился полный покой.

Сапожки для Анне Вески

Я очень не люблю знакомиться с известными персонами. И вообще, меня всегда так неприятно изумляла страстишка людей, часто и моих близких, что называется, «дотронуться до звезды». Все эти суетливые выпрашивания автографа, жалкие попытки проникнуть за кулисы, жажда «сфоткаться» с маститым артистом, и лучше, если положив ему вальяжную лапку на плечо. Поймите же, он устал! Устал от запанибратства, публичности, пошлых комплиментов, попыток критиковать на уровне Шарикова, и просто от того, что выворачивал перед вами душу часа полтора, а в лицо зноем жёг ослепляющий свет дурацкого прожектора…

Мне, неизвестному никому музыкантику, конечно же, приходилось не раз завязывать себя в узел, и, будучи представленным (чаще некстати), совать свою извиняющуюся ладонь надменному метру. Каждый акт такого «нужного знакомства» я запомнил навсегда, и с содроганиями, стыдом и проклятьями могу в болезненной точности вспомнить. Вспомнить со всеми унижающими поэта подробностями диалогов, высокомерными интонациями и измученной мимикой известных «героев сцены». Как же я их понимаю! Простите, простите все, кого я, «по долгу службы», так сказать, мучил своей ненужной фигурой. Всё ещё тешу себя детской надеждой встретиться на равных с теми «титанами и

богами», и испросить прощения за то, что пытался влезть в совершенно чужую, и, думаю, очень себе непростую, жизнь.

За всю свою «ненастоящую карьеру» я не попросил ни одного автографа, а хотел лишь легко потрепаться, поскольку по природе крайне болтлив и любопытен. Но только много позже я осознал, что говорить-то нам не о чём! Никому и ни с кем! Всё, что интересует «самоуглублённого» автора – это своя собственная издёрганная, нервическая персона, да своё же «гениальное до головокружения» творчество. О чём беседовать Гению, даже если пред ним сияет важностью другой Гений, да чего там, Гений… ГЕНИЙ!!!

Вот и сторонюсь я теперь любых пышных рекомендаций, гримёрочных представлений и прочей неприятной и бессмысленной чепухи. Хотя нет-нет, да и приходится послушно подходить к важному человеку с обложки, и после нелепого вранья – а это молодой и «переспективный», лезть с «братскими объятьями» к затравленной прихлебателями звезде, чья физиономия искривилась от справедливой досады. Хватит, хватит, Игорян, завязывай!

А весь этот панегирик я закатил, чтобы, по обыкновению, «филигранно» подвести к милой истории, которая рассказана мне была ещё в далёкой, пугающей школе. Была ли она вообще, эта самая школа?

Тогда, давно и далеко отсюда, мне, как и всем неуверенным в себе обормотам, и в голову не приходила счастливая мысль о том, что я могу казаться привлекательным хоть для

кого-то из недосягаемого противоположного полу. Тем более, такой милой девушке, что появилась у нас в классе восьмом. Мне ведь только гораздо позднее донесли, что ботаник-Гоша показался ей занятным и даже «чуть более». Вот кретин! Я же безуспешно пытался осваивать другие, как мне тогда с испугу казалось, надёжные и беспроигрышные варианты. Теперь-то я, конечно, подобно гордому льву, беру всё, что мне нравится (ха-ха-ха!). Ладно, шутки в сторону, только упёртые факты, исторические подробности и поучительные выводы.

Приятная во всех отношениях девчушка прибыла, кажется, из традиционно холодной и слегка заторможенной советской Эстонии. И её мама, что трудилась скромной, но изящной продавщицей в тамошнем магазине обуви, столкнулась нос к носу с само́й «обаятельной и нездешней» Анне Вески.

Для тех, кому это славное имя ничего не говорит, даю биографическую справку – это культовая в советские «нестильные восьмидесятые» певица из Таллинна, что с чарующим, почти иностранным акцентом пела про «листья жёлтые» и «марадонну». Для российского забитого населения она, как и любой артист из чопорной Прибалтики, была практически иноземной певицей и вызывала благоговейный трепет обоих, не слишком искушённых полов. Короче, как всем известно, если человеку, что никогда не видел лошадь, показать собаку и уверить, что это лошадь и есть… Ну вы сами всё знаете!

И вот сиятельная Вески в немудрёном магазинчике: фу-

рор услужливости и восторженного угождения, как вы понимаете, не подлежит оценке по десятибалльной шкале – таких запредельных отметок нет в душе и сознании бедного советского человека. И эта полубогиня изящными пальчиками берёт сумочку и долго задумчиво её рассматривает… Неужели возьмёт?!! В нашем магазине, сама Вески?!!! «Берите-берите!!! Вам очень к лицу!» – наперебой несутся влюблённые советы и пожелания переполошенного персонала. «Ох, вы зна-аете (как же передать тот феноменально милый, почти родной акцент!), к эт-той сум-мочке нужны и сап-пожки, а ден-нег нет!» – мило лукавит звезда и выплывает из изумлённой лавки, оставляя шлейф дорогого, недостижимого парфюма и неземного чуда соприкосновения к экранному, зазеркальному миру.

Ещё долгие годы, думаю, горячо обсуждались в этом обласканном богами заведении, правда ли не было денег у этой роскошной повелительницы Муз или зыбкая дымка лицемерия пробежала в воздухе, дабы чуть приблизить «к народу» образ великосветской артистки из сказочного города Таллинна? А реально, братцы, правда что ли, не было у неё бабок, или так, «понты» кидала Заслуженная артистка Эстонии?

Люди могут воскресать, это прекрасно

Вы встречали когда-нибудь призрака? Я однажды – да. Когда-то давным-давно, когда каждый новый денёк был, как чудо Господне… Да чего это я вру, граждане дорогие, он и сейчас чудо из чудес, и с каждым волшебным днём всё острее это великое счастье! Чего только не брякнешь для «красоты слогу», приходится себя поправлять, зарвавшегося «витийствующего прозаика»!

Я уже упоминал как-то о легендарной «впадине» – странном месте в подвале одной из нижегородских библиотек, что ловко оккупировал сметливый местный музыкант Серёга Ретивин. Права на изобретение этого остроумного термина принадлежали одному пианисту, а впрочем, и баянисту, чьего имени не осталось в моей изрядно дырявой голове. Он называл процесс потери человека в этом магическом помещении – «впасть» или «впадать». Существо, очутившееся в сиих зыбких чертогах, могло исчезнуть на несколько суток и жить так без времени и пространства, пока само коварное нематериальное поле не отпускало его на обманчивую свободу.

Зато я вспомнил, что этот крайне занятный чувак подрабатывал игрой на гармошке в переходе, ведущем к останов-

ке на Площади Минина. Он был неизменно в тёмных очках, бледен и худ, и так ловко изображал слепого, что подавали ему очень густо. Голова его на тощей шее с болезненным кадыком была запрокинута назад и периодически очень натурально подёргивалась в каком-то предэпилептическом припадке. Трогательный до зловещего образ, дополненный душещипательным материалом и неплохой техникой, вызывал в наивных гражданах мысли о бренности своей собственной почти сытой судьбы, и они без сожаления расставались с мелочью в своих мещанских карманах. «Такой молоденькой, а слепенький, да и больной, похоже, сердешный…» – думали в приступе жалости к самому себе немудрёные жители нашего скучного городка.

А ещё наш затейник-пианист сочинял презанятные песенки, главным «хитом-эвергрином» которого была, без сомнения, бескомпромиссная «Через торпедный аппарат её имел». Суровый Ретивин вынес тут же свой испепеляющий вердикт: «Да не мог он такую песню сочинить, небось, спи…дил у кого-нибудь!». Мне, правда, передавали, что и о моих некоторых виршах он отзывался в том же категорическом духе. Полагаю это комплиментом.

Да! Вспомнил! Ничего себе, думал, это всё исчезло, пропало и провалилось в равнодушную черноту забытья. Наш чудо-баянист и известный нижегородский ходок «по женской части», будучи ещё вполне юным ловеласом, проделал фантастический эксперимент: он подкатил к каждой из из-

вестных ему, как близко, так и шапочно, дам и… Предложил не настаивать на длительных отношениях с утомительными обязательствами, а договориться лишь на беззаботный «трах» по-студенчески, в любое удобное для развесёлых пар время и место. Казалось бы, святому негодованию не должно было быть глубины и предела, но выяснилось, что при довольно большом проценте отсеявшихся барышень, остался весьма крупный отряд храбрых девушек, готовых запросто ринуться в бой!

Вот вам бесплатный совет, современные самодовольные «пика́перы»: не суетитесь, не отрабатывайте многократно дешёвые трюки, не пудрите мозги самим себе, а всего-то лишь спросите напрямую: «Пошли?». И тех, что пойдут, будет столько, что даже самый великий, на все времена «пикапер» Александр Сергеевич Пушкин устал бы и написал в «отдохновенном» одиночестве волшебных стихов втрое больше.

Нет-нет, не позволю себе вновь уплыть в бескрайние дали праздного словоблудия и расскажу то главное, что собирался донести в самом начале, и про которое благополучно и забыл. Однажды Богданыч, а может, и Вовка Мигутин, соратники мои по «зарождению рокенрола», сообщили жуткую весть о том, что басист «Искушения» Лёха был страшно и жестоко убит местными гопацкими выродками… Даже не скажу ничего о подробностях, настолько они ужасны… Чуть не плача, я «помянул» немногословного Лёшку и остался

жить среди всех этих поганых крыс, что шарятся и по сей день в каждом провинциальном городе…

Через месяц-другой, я выбрался-таки на очередное психо-шизофреническое шоу «Искушенцев» и, двигаясь по праздничному коридору ДК им. Яшки Свердлова, увидел его… Никогда ещё моё сердце не колотилось так бешено, а волосы на голове зашевелились, ну просто словно в первый девственный раз! А я-то думал, это просто только так, аллегорически пишут в штампованных детективах! Навстречу, лениво покачиваясь, шёл «убиенный», и приветливо кивал мне призрачным челом. Пожав мокрой от безумия ситуации ладонью его крепкую «басистскую» лапу, я поспешил упасть на стульчик и отдышаться! Не может быть, ведь этого не может быть, верно?!!! Я даже не полез с расспросами ни к кому из присутствующего живописного «бомонда», мне нужно было время…

Объяснилось всё просто, хоть и не менее драматично – погиб другой, не знакомый мне лично парень, с тем же именем и тоже басист, а я просто не понял этого сразу в давнем сбивчивом разговоре. Не хочу дальше спекулировать на грустной теме, но ощущения, доложу вам, пускай и от фальшивого «воскрешения», не из самых ординарных. Так и хотелось заголосить на манер артиста Краморова в «Неуловимых мстителях: «Нечистая!!!». Но я прагматично промолчал, надеясь на реалистичное объяснение чуду и оно, реалистичное, дальше уж некуда, нашлось…

Пьяный бутерброд

Ох, как нелегко-то выслушивать себя нетрезвого, разбирая собственные куцые диктофонные зарисовки. Как же всё-таки изумительно может быть пьян человек, когда силится он выразить мысли свои «яркие-жаркие», но такие уж, не знаю… шаткие. А бывает, что и не сможет ничего высказать, а лишь помычит жалобно, да и затихнет покорно. Вот таким я и застал себя за неудачной попыткой зафиксировать искру пьяного вдохновения.

Запись была озаглавлена преоригинальнейше – «пьяный бутерброд». И ведь как же любопытно мне было заглянуть в такой манящий душу файлик, а там всего-то лишь находилось только робкое бормотание следующего тексту: «Значит так вот, бутерброд, он такой весь, в общем, ну… Что же я хотел-то… Ну и хрен с ним, пьяный какой-то бутерброд…». Забыть светлую, я надеюсь, идею через мгновенье после создания – позор для существа, наделённого хоть крошечной капелькой таланта… Короче, пей, да дело разумей, вечный ты пьяный бутерброд Игорян!

Пидарю́га

Военные – это довольно пугающая меня секта, особая, диковинная субкультура, вникнуть в которую всей кожей можно лишь, пробыв несколько фантасмагорических лет служения божеству, с объясняющим многое именем Маразм. Сам я провёл в неволе лишь около месяца «лайто́вого» курорта под позорным названием «военные сборы». Почувствовать многого из того «самого запредельного» я не мог по определению, ибо «сборы» есть жалкий детсад по сравнению с настоящей службой, ну а понять хоть что-то в этом тонком деле «убогому непосвящённому» вообще никоим образом и «никогдашеньки» будет нельзя. Поэтому будем считать, что я просто получил несколько странных, инопланетных впечатлений.

Вы только не обижайтесь на меня, любимые друзья и родственники, кто, как говорится, «верой и правдой», я ведь не собираюсь по-пустому зубоскалить, просто это мой такой весёлый и лишь мельком взгляд «жалкого штатского» в ваш изумрудный аквариум. Если уж на то пошло, знавал я и бравых офицеров, что были в восторге от каждой серии «Осторожно, Модерн!», а это главная моя проверка на присутствие глубинного «раблезианского» чувства юмора. Да и пошло оно подальше, это чувство, ведь есть люди, с которыми не связывает меня абсолютно ничего – ни «рокенрол», ни «муд-

рые» книжки, ни редкое кино, ничегошеньки… А посидеть, да выпить с ними «по пятьсот» за душевным разговорцем, ну просто «именины гвардейских сердец». Так что никакой я не «пацифист», не «уклонист», а лишь только люблю людей хороших! А что замечаю смешное даже в этой российской военной дикости, ну не казните меня строго, таким уж пересмешником я уродился. Видно, был у меня в пра-пра-пра-дедах несносный площадной скоморох или шаловливый шут при мрачном царском дворе.

Лёшка Вареник, мой славный друг далёкого школьного детства, пропал в омуте службы так неожиданно, что я не верю в это и по сей день. Для меня он и сейчас долговязый, очень похожий на Пола приколист, артистичный оригинал и брат мой по «ботанической» касте. Ещё влача тяжкую ношу зубрежки костей, потрохов и болезней ветхого создания под названием «человек», он за каким-то бесом перевёлся на военное отделение мединститута. Тут-то мы его и потеряли… По-хорошему, ему грозил «театральный» или карьера «рокера», но он рассудил жутковато по-своему…

Военно-медицинские «преподы» это такие же вояки, как и иные, а стало быть, отношение к жизни «светской» у них пренебрежительное, презрительное и брезгливое. А посему, любой из студентов, кто «делал умное лицо», автоматически ронял специфику чести будущего советского офицера. Обучался на Лёшкином курсе один увалень, который на свою беду этого не разумел. Он задавал «премудрые» вопросы,

обсуждал, так скажем, «нелогичные» приказы начальства», и вообще, был как-то подчёркнуто и чересчур «интеллигентен». Такие «на три копейки» высоколобые граждане раздражают нас и на гражданке, а тут сей выпендрёжник балансировал на гране пожизненной «губы» и спонтанного «пристрела из табельного». Терпение нервного и очень простого в жизненной философии офицерского состава, казалось, будет бесконечным, и так и продолжит наш «умник» раскрывать свой ротик, да портить распорядок квадратной служивой жизни.

Но пришел час первого боевого праздника! То ли славное 23-е февраля это было, то ли день рождения какого-то героического полковника, а может и бал перед торжественным выпуском ратных «птенцов», не помню. Однако, абсолютно точно то, что водки было взято из расчёта полтора пузыря на боевую единицу, разумеется, не считая гусарского напитку «Шампанское Советское».

Братание «воспитанников» и «преподавательского состава» шло полным ходом, и здравицы во славу «товарищей офицеров, дорогих педагогов, вторых отцов и мудрых учителей» гремели, словно праздничные канонады. Хрусталь гремел картечью, нехитрые закуски разгрызались со звуками переломанных вражьих позвонков, не очень стройно, но страшно зычно и громко исполнялись «Офицеры, россияне…», словом, праздник определённо задался. Общее благодушие достигло той крайней точки, когда несколько чуж-

дый воинскому братству девиз «возлюби ближнего своего» стал главенствующим среди пирующих.

И в этот чувственный момент потный краснолицый и щекастый подполковник с толстой шеей, расстёгнутым почти до пояса кителе и вращающимися навыкате глазами, повернул большую, обритую голову свою к нашему «предателю идеалов и вообще отступнику». Дыша сшибающей с места смесью спирта, табака и рыбных консервов, он примирительно начал: «Ну чё, товарищ курсант, не ешь-то ничего? Не хочешь?! Ну тогда выпьем давай! Чё ты всё время, как не родной-то? Всё чё-то корчишь из себя! Самый умный что ли? Запомни, тут самый умный – старший по званию! Повтори! Не слышу?! Короче, давай выпьем и забудем непонятки все! Будь попроще, слышь, курсант, и всё путем! Наливай!».

Полноватый пентюх храбро, но глупо продолжал неэффективную политику борца с амикошонством: «Товарищ подполковник, я… Я не п-пью!». В единое мгновенье пелена «христианской благодати» слетела с оскорблённого в самом святом «подпола»: «Чё-ё-ё, б…я? Не пь-ё-ёшь? Ты ещё и не пьёшь, сука ты жирная?!!! Пидарюга!!!!!». Брызгающего ядовитой слюной подполковника уже держали за руки бдительные служивые различных чинов и степеней опьянения! И, слава Богу, ведь он уже занёс свой багровый кулак над неумной личиной этого упрямого идиота, вторая же рука обиженного в доверительных чувствах педагога недвусмысленно держала за горло «вшивого интеллигента».

Вечерок, тем не менее, завершился вполне себе на высокой ноте – ну стоит ли, в самом деле, из-за одного «убогого отщепенца» портить торжество бойцовского единения. Распоясавшийся умник был бодро выпинут за благородные стены «военмеда» и тут же забыт присутствующими. Ревностно помнил об инциденте лишь один – охваченный обидой краснощёкий «подпол», «подавший руку примирения этому неблагодарному щенку».

Думаю, рассказывать о распределении этого невесть чего о себе возомнившего интеллигентика будет излишним. Урановые рудники, спец-тюрьма для людоедов или лепрозорий, на выбор! Вы знается, это, без сомнения, бесчеловечно, но я почему-то думаю, что поделом…

Поэзия и проза (Писающий театр)

Смешение «высокого» с «низким»: Гамсун и Рабле, Тициан и Питер Брейгель старший, ну или запросто, как у заумного Джеймса Джойса – все прелести в одном флаконе! Сталкиваешься с этим в обыкновенной, не измученной вдохновениями жизни, и не знаешь, печалиться или хохотать, когда возвышенные моменты перетекают в мгновение ока в некартинную бытовуху.

Театрал я ещё тот, но некоторый копеечный ликбез по Щелкунчикам и Жизелям у меня имеется, и каждый редкий поход на спектакль для меня, словно визит в забытое детство, где за тобой закрывается узорчатая дверь и начинается Сказка.

Вот снова выпало счастье попасть на Чайковского: «спящая красавица» ещё не спит, а вполне себе бодро скачет, кавалеры, потрясая нескромными бандажами, вёртко кружат между ногастыми дамами и смущают молоденьких школьниц в зале. Всё чудно и легко, душа наполняется одновременно покоем и трепетом, и ждёт продолжения!

Ну а пока надоедливый антракт… Что ж, выпьем «шампанéй», раз уж вышел такой «аристократический» выезд в театральный свет, да и не сидеть же весь перерыв занудой в душном зале среди чересчур непосредственных деток, их заторможенных мамаш, и активно фотографирующих японцев.

По-гусарски, залпом опрокинув тёпленький «брют», профилактически забегаю в «комнату для ковбоев», и там в очередной раз убеждаюсь, что ничего не изменилось.

Всё так же под оптимистическое журчание театралы «мужеска полу» приподнято насвистывают лейтмотив спектакля, и из кабинок несутся эти победные посвисты под фривольный аккомпанемент. Очередной сухопарый седовласый «аристократ духа» сменяет маленького шустрого толстячка в дорогих очках, и самодеятельный «необыкновенный концерт» длится снова и снова. С одной стороны, это не более чем забавный анекдот, все мы люди, и так далее, но настрой, как ни крути, сбит! Что это ещё за «писающий театр», какое ещё, нафик, пение под «звуки ручейка»?!!

Так и идёшь, ухмыляясь, на свое законное место, но обидчивая Сказка вернётся ещё не скоро, нужно постараться, чтобы забыть «туалетных певунов» и… Снова Чудо! Я опять в детстве и я счастлив…

Святые и простые

Некоторые люди способны на Поступок. Эффектный, красивый жест, сильную подачу, хотя бы и напоказ, а всё ж захватит дух у невзыскательной барышни, да у пары запуганных стариканов. Прыжок с третьего этажа в ночи из окна подъезда на дверной козырёк – всё это «героическое» в далеком безбашенном прошлом. Как я не разбился тогда – неизвестно, но кости и затылок назидательно болели потом недели две. Спросите меня, за каким дьяволом я сиганул туда, в прохладные сумерки, и сейчас я, пожалуй, затруднюсь с ответом. Ну то, что пьян я был дичайшим образом, не оправдание – когда это ваш Игорян не был пьян? Кто-нибудь вообще видел трезвого Игоряна? Эй! Ау-у!!! Молчат…

Свидетель этого «ночного полёта», видавший виды собутыльник всех и вся, бывший священник, моряк и растаман Кирюшка так описывал эту чарующую сцену: «Только вышел это я во двор покурить, да прихватить добавочки, как вижу – из окна выпорхнула человеческая фигура и летит, приземляясь, аккурат спиной на бетонную площадку над дверью. Ровно так летит, задумчиво. И обрушивается на камень всей нетрезвой тушкой. Лежит неподвижно. Ну, думаю, всё… Сходил с ребятами пивка попить… И ведь с самого начала, дурак старый, подозревал – с этими полоумными хорошим не закончится!».

Настороженно лёжа в тишине, я потихоньку констатировал общие итоги «порыва души» – я жив, это определённо, болит всё, но не настолько, чтобы это были переломы, в голове шумит, но даже приятно. Попробовав шевелиться, я с восторгом осознал, что встать тоже получится. И всё-таки, зачем я это сделал? Ну конечно хотелось, чтобы пацанам было повеселее. Опять же нужно было показать удаль молодецкую? Да со всем достоинством и с выдумкой? Нужно! Словом, проделал я всё с огоньком и больше не буду – страшно, глупо и не люблю повторяться. Но это, дру́ги мои, всё серые будни пред фантастической историей, что сейчас поведаю только лишь вам, родные.

Голодные, унизительные «девяностые»… Нет ничего и нигде. Только измученные людишки, шныряющие в поисках еды и одежонки. И тут, словно материализовавшись из райских садов, перед изумлёнными ликами граждан возникла Палатка с Пивом!!! Дородная торговка даже не успела подать зазывного голоса, как образовалась извилистая, многокилометровая очередь из разномастной публики. Бабки, школьники, творческая интеллигенция, заводская рабочая «элита», пьянь и профессорский состав, все были тут, крепко держа в руках невообразимую тару – трёхлитровые банки, гигантские жестяные кружки, традиционные в таких случаях бидоны, эмалированные вёдра, чайники и даже целлофановые пакеты.

Эти знаменитые пакеты служили советскому и постсо-

ветскому человеку годы, а посему, от постоянных их «простирываний» в них образовывались крошечные отверстия, сквозь которые тоненькими струйками убегала от хозяев живительная пивная влага. Было так забавно видеть эти разлетающиеся в разные стороны струйки и комичные попытки спасти драгоценную «амброзию» путём припадания к дырочкам ртом. Другие же просто сосредоточенно ускоряли шаг почти до галопа, дабы, сократив по максимуму время переноса, спасти как можно больше «пакетного пива».

В дружной очереди затерялся и поэт Саныч – маленький эксцентричный чувачок, сочинявший замечательные стихи и эпатировавший весь город своим патологическим поведением. Был он, конечно же, в тёплой компании музыкантов, актёров, словом, самого отъявленного сброду.

Для тех, кто не застал эти грандиозные очереди, бессмысленно разъяснять, что чувствует страждущий, когда проходит два, три, четыре часа «насыщенного событиями» простоя. Вот неведомая птица, видимо, голубь, пролетела, порхнув таинственно крылом, а вот старичок-инвалид, поскользнувшись, сел тощим задом на асфальт и потерял треснувший от эксплуатации костыль… Глядишь, и ещё минут пять скоротались под неспешное обсуждение этих ярких событий. Тоска… Глубинная, как у старины Маркеса… Люди не хотят уже никакого пива, будь оно проклято, но не желают они и домой, ибо какая же скука дома… Любовь к жизни – вот, что жутким образом теряется с каждым часом адского «великого

стояния». Но, как сказал один неглупый мэн, всё проходит, и в который раз не обманул!

Поравнявшись с отверстием для выдачи загадочного, подозрительного и невыразимого словами аромату пойла, которое тогда почему-то назвали «пивом», наш Саныч равнодушно глянул в лицо неторопливой до садизма продавщицы, сунул в окошко измятые рубли, что всё это время держал в кулаке и… Не взяв пива, быстро пошел прочь от этого некрасивого места, где разбиваются надежды и мечты! Это – Поступок! За отвисшие челюсти торговки пивом и участников массового ожидания не жаль решительно ничего, ни времени, ни денег, ни даже…Эх, не побоюсь всуе, даже пива! Никто, кстати, не слышит?

Что же они тогда там себе надумали, сердешные, гадают небось и поныне, что за загадочного схимника занесло из волшебных земель к нам, грешным? Верно, святой! Пива не взять, отстоять четыре часа и не взять… Деньги, деньги отдать ни за что!!! Святой, братья и сёстры! За нас за всех отмолит, пожалеет и грех на себя возьмет…

Православие и диско

Рокер должен любить поезда. Клише, которому нет прощения. Ну как же, ведь САМ сказал: «… и опять поезда, и опять проводник выдаст бельё и чай»! Нет, конечно же, привязанность «стóящей рок-звезды» к героину, татуированным и грудастым дамам, да унылым погромам номеров в отелях, те ещё смехотворные стереотипы, но этот особенно пошлый. Цыганская тоска по вечной дороге, жизнь в полосе магического отчуждения, манящее чувство отсутствия дома и вечное движение навстречу приключениям, блин, какая чушь! Давайте ещё про спонтанный секс с шальными попутчицами в заплёванном тамбуре или на третьей, жёсткой, как скамейка в парке, полке!

А не хотите орущих резанным поросём дитяток пять часов кряду? Или, скажем, неделю бок о бок с немытыми похмельными мужиками, что так вызывающе небриты, и в таких уж майках-алкоголичках, что, которые когда, может, и были белыми, но сейчас сотканы лишь из одного запаха пота, перегару, воблы, пива и почему-то трижды перекипячённого супа. Могу также предложить кошмарные ноги в грязных носочках, торчащие из каждой плацкартной полки и соседство с вечно хлопающей дверцей в ароматный туалет. Или, как вариант, стада личностей, похожих на призраков, в очень домашних трикошках, по пояс голых и с зубной щёткой в

пенистом рту, не желаете?

Ладно, не станем усугублять далее, я предлагаю идеальный вариант – старикан со своей супружницей-старушенцией, нудящие по любому поводу и влезающие в каждый тошнотворный кроссворд остальных обитателей плацкартной клетушки или в любой осторожный тихий диалог приятельниц по офису. Парочка «мальчиков, просто пьющих пиво», без пауз часов пять-шесть подряд, а посему выбегающих в сортир поминутно, обтаптывая твои ноги и разливая дешёвое гадкое пиво из пластмассовых «сисек» на стол, ваши брюки и куда доведётся. Ну и совсем неинтересный довесок – вот вам ещё в аномальную придачу тётеньку и дяденьку, пожизненно командировочных. Вроде должных бы утомиться на непростой службе в незнакомом захолустье, но парадоксальным образом жутко активных. Они беспрестанно опустошают пахучие припасы «сервелата» и копчёных курей, заказывают многократно чай, кофе, чипсы, пивко, орешки. Но этого крайне мало, и они судорожно выскакивают где-нибудь в Рязани за мороженым, не страшась абсолютно, что время стоянки, дико представить, секунд тридцать.

Не судите меня строго, мол, глядите, какая цаца! Всего лишь поездная суета, а он раскудахтался, как гимназистка! Всё так, признаю грех тотальной нетерпимости, но и вы согласитесь, что, мать её, романтика рельс со шпалами высосана из пальца подростками-графоманами, которые только

ещё очень хотят слагать стихи, а вот научатся ли, вопрос тревожный и открытый.

Ха! Вспомнил ещё одну бесподобную тётушку годиков шестидесяти, маленькую, модную, похожую на инфантильную генеральскую жену из той самой «Москвы, что не верит слезам». С ней сухопарый «зав. производством», скучный, трезвый, серьёзный. Открывает рот только чтобы выдать что-то очень важное, многозначительно и веское на общеполитические темы, проблемы молодёжной деградации и распущенности телевидения. Ну хоть насмешил, старый! Бодрая жёнушка же нашего «генерала» после шестого стакана чаю и скрупулезно пролистанного журнала «Бурда» за 93-тий год, заскучала… Но тут, на её удачу какой-то милый человек в соседнем пролете вжарил местное дорожное радио на громкость, которой обычно пытают заключённых в самых жестоких концлагерях, видимо, чтобы взбодриться. И шустрая, молодящаяся старушка бойко «запритоптывала» ножкой в кроссовке, что еле доставала до липкого от пива полу. Была она в красном спортивном костюмчике «Пума», вся в легкомысленных платиновых кудряшках и с дорогущим фарфором вместо растерянных зубов.

Как бы вам описать репертуар радио в поезде… Ну, скажу так, здесь вы услышите всё то, что не ставят даже самые отморозки ди-джеи на «Динамите», «Русском» и «Шансоне». Какова же была её детская радость, какой улыбкой озарилось зажаренное в многочисленных Египтах лицо от этой, с

позволения сказать, музыки! Она даже задёргала плечиками, сбитое тельце её раскачивалось почти в танце, и дело дошло даже до довольного мотания головой, как это делают двухлетние карапузы в такт «ритмически захватывающей» попсовой ерунде, умиляя недалёких своих родителей.

Я уже еле сдерживал законное желание выскочить в коридор, подальше от этого фильма ужасов, как вдруг внезапно понял, что же я мог потерять, если бы малодушно сбежал! Показалась одинокая белоснежная церквушка и сразу привлекла к себе взоры измученных среднерусским пейзажем путешественников. А «генеральша», завидев храм культа, ожидаемо начала осенять себя крестным знамением. Но при этом!!! При этом она не перестала приплясывать и весело болтать в такт башкой и ножками, и даже инфантильная улыбка не пропала при сей, в общем-то, сугубо интимной акции! Вот это номер! Цирковой! Гвоздь программы под бой барабанов!

Во-от! Вот, за что рокеры должны любить поезда! Не за монотонный стук колес, не за грусть и покой равномерного следования, не за сменяющие друг друга печальные городишки, а за Великий Случай увидеть Чудо! Чудо в перьях.

Подлецами рождаются

Каждый день прохожу мимо красавца Большого Театра, а видел-то его во всём великолепии, дай Бог, пару мимолётных раз. Ушлые людишки заслоняют его белоснежное тело своими убогими рекламными щитами, пивными палатками и всякой другой пёстрой дрянью, которую они пытаются всучить, продать, завлечь ею, пряча свою подлую затею за совершенство и изящество.

Когда в человечке просыпается эта вот самая хитрожопая расторопность? Ведь все эти дешёвые мифы о воспитании и среде – объяснение для мамаш, тупеющих от безысходного подтирания любимого чада. Никакого, нафик, воспитания не существует! Видывал я таких жлобов с подлецами в «приличных» семьях чопорных академиков, да оборотистых директоров… А и наоборот, лично знавал славных ребят с огромной и тонкой душой нараспашку, но как раз в семьях упырей-алкоголиков, где поножовщина никакой не кошмарный сон, а каждодневный рутинный подвиг. Мрачные гены, фатальное предназначение свыше, что это?

Мы с моими невидимками-предками переезжали на новые квартиру раза два, и каждый из них был стрессом для нелюдимого мальчика, который привык жить в сказочном одиночестве, лишь в скучноватой компании добрых бабушки и деда. Книги были моими единственными дружками. А

вот в новом дворе я увидел совсем других «дружбанов».

Когда мы закатились во второй, окончательный раз на «мажорскую четырёхкомнатную» по улице Баранова, местный двор оказался крайне велик и густонаселён маленькими букашками различного свойства и наклонностей. Выходить мне никуда совершенно не хотелось… Но обязательное «ну что ты всё время дома торчишь, погуляй, воздухом подыши, подружись с ребятками» вытолкнуло меня, будто при втором рождении из тёплого чрева мамы в непонятный и подозрительный мирок.

Стояло не очень жаркое лето, и детки, издавая всем обществом назойливый насекомоподобный гул, рассредоточились по жалким увеселительным дворовым аттракционам. Кто-то висел и нудно качался, зацепившись ногами за железную п-образную конструкцию для выбивания гордости советской семьи – ковров и паласов, другие с неандертальскими воплями носились друг за другом хаотично, без цели и правил игры. Были и малахольные, что катались на качельках, очень долго, до впадения в транс и последующей дурноты.

На одной из таких убогоньких качелек восседал мальчик, в белой шапке, напоминающей поварской колпак. Его странное лицо я помню и сейчас, хотя было мне, думаю, лет пять или что-то вроде. Был он не по возрасту густобров, носат, и взгляд имел внимательный и до того неприятный, что хотелось убежать снова в родной подъезд и наблюдать за про-

исходящим из-за спасительной двери. Он словно прощупывал, сканировал живое пространство: ошалевших от гиперактивных игр старожилов, смущённых и настороженных новичков, зорко определял, за кем наблюдают сонные родители, а кто до тёмного вечера безнадзорен.

Меня он раскусил через секунду после робкого моего выхода на свет. «Эй, мальчик, хочешь покататься?» – мягко и одновременно с интонациями опытного гипнотизёра тут же обратился он ко мне. Я, робко пожав плечами, без всякой охоты согласился и в течение минут двадцати в полном молчании с отвращением подпрыгивал и взлетал на глупом снаряде для малолетних недоумков. «А ты мороженое любишь?» – снова издал повелительные звуки этот маленький колдун. Ну, мороженое я уважал, в чём и наивно признался. «Будет у тебя копеек двадцать? У меня-то сейчас нет, а в следующий раз я угощать буду, идёт?».

Понимая уже тогда, что «идёт» элементарный препротивнейший «развод лоха», я согласился, предполагая, что в первый день в чужом пока краю нужно быть дипломатичным. Мороженое на этот раз не имело никакого вкуса и запаха – я был в томительном напряжении, словно домашний кот, попавший на незнакомую территорию, заселённую другими, не слишком дружелюбными пушистыми зверьками. «Вкусно… Очень люблю мороженое… Слушай, а давай теперь всё делить пополам? Ты и я вместе, всегда? Знаешь, как будет здорово! Согласен?».

Мне было очень мало лет, я никогда не имел настоящего опыта столкновения с насилием, пусть даже такого вымогательского толка. Но я почувствовал каким-то сверхъестественным чутьём, что с этим нехорошим цирком пора завязывать! «Нет, не пойдёт… Я как-нибудь сам по себе. А ты тоже, сам…» – пробормотал я, в неловкости глядя в землю, но уже чувствуя, какой кошмарный груз упал с меня, и солнышко снова начало ласково светить в моё, потемневшее было лицо. Неприятный мальчик разочарованно посмотрел на мою тощую фигуру и молвил: «Ну как знаешь! Я-то хотел, чтобы мы дружили…». Он немедленно потерял ко мне всякий интерес и очень внимательно всмотрелся вновь в обитателей двора, чувствуя своим ядовитым сердцем новую жертву, послабее, да понаивней.

Так я вновь обрёл свободу, независимость и радость души. Правда, потом этот маленький негодяй выиграл у меня целый здоровенный пакет драгоценных пробок, методично, одну за одной. Было их жалко до безумия, даже сейчас я помню их на ощупь, моих маленьких красавцев, ощущаю их смешанный аромат дешёвых и изысканных духов с одеколонами. Но тут уж виноват был только я сам, это был первый и последний жестокий урок на тему азартных игр, и я как следует запомнил его на всю оставшуюся «трезвую» жизнь!

Я – не игрок, я лишь наблюдаю за игрой! А игра – жизнь, такая красивая игра… И несмотря на чёрные фигуры подлецов.

Кто круче – боксёры или борцы? Вопрос открыт

Самым деликатнейшим из возможных тембров пропиликал звонок будильника в родном мобильном телефоне. Я подбирал его долго, тщательно заботясь о крайне мягком подъёме Его Величества. Но всё равно он беспардонно влез прямо попёрек моего какого-то полуподросткового и квазиэротического сна.

Итак, снова утренний стресс, как я ни старался. Ну что ж, делать нечего, настороженно потягиваюсь, опасливо соображая – будет сегодня мучительная зарядка или станем себя жалеть? Причем жалеть так, что баловство завтраком дойдёт до запрещённых артистическими диетами печенья, кофе и прочих похмельных послаблений?

Не решившись ни на что, я аккуратно выползаю в коридор заплёванной общаги и обнаруживаю, что та мелочь, принятая за стресс – ласковое, нежное пробуждение в кроватке у любимой. Душ и туалет заколочены. Как же я мог легкомысленно забыть про это традиционное Новогоднее распоряжение всевластного тирана, директора нашей богадельни Тимохи?!! А если точнее, то это гадкие происки местной административной шелупони, под власть которых он удивительным образом попал. Просто «достоевщина» какая то…

Бесы, понимаешь! Весь этот сатанинский легион уборщиц, старших уборщиц, «ответственных по этажу», как горделиво и тщеславно нарекают себя эти сволочные тётки, что не прибирались у меня в пыльной конуре уже года четыре, все они – ленивые, подлые, завистливые, стучащие постоянно, суки.

С одной стороны, я, конечно же, согласен – после «новогодних чудес» обитателей нашей жуткой ночлежки все неказистые «удобства» превратятся в одну из пророческих картин-видений Ада, но всё же, какой, бл…ть, это произвол! И бесполезно доказывать этим мегерам, используя резоны, давить на жалость и здравый смысл, и даже истерить… «Нет, нет и нет!!!» – в победной злорадности кривятся губы копеечных фурий. И вот, двери опечатаны, словно ментовскими ленточками, самопальными убогими листочками. На них, вызывающее гнев и зависть к фантазии создавших сие, одно лишь жалкое словечко: «Закрыто».

Через отвращение и брезгливость, что, впрочем, уже давно и заметно притуплены, пробираюсь в соседнее запретное крыло. Там самая шпана, гиперпролетарии и пьянь. Бывать там не нужно, но гигиена превыше всего. Ну, душ, в усечённом понимании этого интимного вопроса всё же имел место быть… Всё остальное теоретически может произойти в поезде – я следую к Ражевой на заснеженный ДР. Не виделись мы уже как месяц с лишним, ну а вот это уж совсем и не смешно…

В вагон залетаю стандартно за две минуты до отлёта, суб-

тильный проводник подозрительно мил и вежлив. Сердце тревожно чует неладное. Так и есть – корешки билетов привычно изъяты, и елейным, поставленным голосом провинциального тенора, проводник душевно объявляет: «Туалеты в вагоне не работают, они засорены! Повторяю, туалеты в вагоне не рабо-та-ют!!!».

Двигаться к «дому родному» на этот раз шесть с лишним часов. Учитывая утренний казус, чувствую себя терпеливым разведчиком за линией фронта, причём время засады весьма и весьма неопределённо. Господи, прости, что всуе, но зачем ты нас придумал такими смешными, нелепыми и беспомощными в этом неприглядном нашем естестве. Видно, чтоб не забывали, кто мы есть, и в каких скотинок можем обернуться, если станем хулиганить ну совсем уж сильно.

Ладно, едем, так едем, даже интересно… Ещё один милый сюрприз – как нарочно, забыл батарею от ноута, хотя заботливо приготовил её еще вчера, а посему пишу от руки кошмарным почерком, что не подлежит дешифрации даже «лучшими египтологами». Всем этим, к великой моей досаде, я привлекаю подозрительное внимание соседей – проходящих «страждущих по туалетной эпопее» и даже подлого проводника. Каждый заглядывает в загадочный текст, хотя разобрать, что там нацарапано, не могу даже я сам уже через минуту после окончания очередной нетленной фразы.

Напротив меня, на таком же боковом «босяцком» месте плотная рыжая девчушка с больной с бодуна башкой и яв-

ным ПМС-ом. Ей хочется одного – упасть бедной, измученной головой на столик и заснуть в нирваническом покое… Но на её мобильник каждые полторы минуты буквально названивает её безжалостный парень. Из напряжённого разговора ясно – оба они убеждённые спортсмены. То есть, считай, что сектанты! Она – боксёр, нос ее заметно перебит, кулаки тверды, но маникюр безупречен, и лак идеальным слоем лежит на ногтях. Она крепко сбита, но не без физкультурного изящества. Её же кореш – борец, и из той породы кавалеров, что своим навязчивым обожанием может довести до бытового рукоприкладства.

Огненноволосая девчонка еле сдерживается, просыпаясь поминутно и принимая очередной звонок этого бестактного остолопа: «Да… Ты пропадаешь… Да… Болит голова… И живот… Я уже скоро буду, поговорим… Я не ругаюсь с тобой… Самому, приеду, печень прочищу! Я не слышу тебя… Выйдешь из метро, перезвони. А я тебя нет! Телефон тупит… Это у него нужно спросить, почему!!! Всё, до у-виду, ко-тик!!!». Железное «ко-тик» звучит совсем уж напряжённо, и рыжий «боец» лавиной валится на стол, положив крупную голову на сильные руки, и мгновенно засыпает снова.

Блестящая победа в пятом раунде и последующее отчаянное её «отмечание» делают своё законное дело. «Рыжик» в своем роде симпатичен, но мужественное чело амазонки и пристальный её взгляд, пару раз остановившийся на щуп-

лом музыкантике, для меня, пожалуй, чересчур. Не решаюсь даже деликатным манером вручить ей таблетку целебного «цитрамону». Она явно искала его в своей необъятной сумке, жалуясь побратиму по спорту на другом конце провода на «сушняк», выпитую воду и ад взрываемого мозга. Водичка у меня тоже имеется, но мощная барышня не вынимает из ушей наушники телефона, откуда голосит то её беспардонный корефан, то какой-то дикий репер, а может, наоборот, я уже перестал разбирать.

Она случайно задевает мою тощую ножку своей прокачанной икрой и неожиданно мягкой улыбкой просит прощения. Уже собираюсь совершить подвиг «цитрамонного» врачевания, но она вновь рушиться в обморочный сон, а очнувшись, поглядывает в окружающее пространство, будто на достойного, но вполне уязвимого противника.

Я стараюсь «заинтересованно» смотреть в окно на прелестные каменные коробки новостроек и «совсем не скучные» зимние берёзки. «Нудотно» ехать ещё пять часов, что я буду делать? Я всё уже написал…

«Факин» яселькИ

Бессвязное пьяное бормотание превращается в кривые строчки без внутренней логики, наполненные лишь душевной благостной энергией. Думал, сейчас открою файлик с демками, да как начну по порядочку… А тут нате вам, здравствуйте! Новогодняя ночь была крайне плодовита на шизофренический радостный бред – десятка два мыслей «практически философского наполнения», да столько же «благородных воспоминаний», достойных самого Иосифа Флавия. Так что сметаю в сторону рутинную периодику и начинаю наслаждаться тем, чем Бог послал в суматошные праздничные часы с минутами.

Вначале то, от чего гнев на весь несправедливый мир закипает в моем сердце. Я знаю точно, как обижали Ражеву-Иришку с самых детских, беззащитных времен… Так и вижу её, крошечную цыганочку, словно сошедшую с затёртых советских фотографий: «Не пойду в яселькИ…». Как же! Кого это из нас слушали хоть разок непонимающие ничего родители – «эту блажь детскую пресекать нужно на корню, а то ребёнка потеряем!».

А если там, в еб…чих яселькАх нет жратвы, которую маленький человечек способен хотя бы проглотить без отвращения? А если его ставят в угол на час, а за что, он и понять не в силах? А если он не желает общаться со стадом де-

бильных недоумков, что орут, прыгают и бессмысленно таращатся на тупую воспитательницу, которой и в детской колонии-то не стоит исполнять «Макаренко, да Сухомлинского». А если «странному» ребенку хочется посидеть тихонько и помечтать, «повглядываться» в белый свет, вместо того, чтобы активно скакать козлом через скакалку и послушно сидеть на горшке в унизительно разнополой компании, хотя тебе, бедолаге, «никуда» пока и не нужно?

До кого достучаться, кому объяснить хотя бы что-то, хоть тогда, в советское средневековье, хоть теперь, во времена педагогических новаций и побед? Да ведь не каждый ребятёнок таков, что локтями отпихнёт других чад, послабее, отвоевав к радости своих «естественных» пап и мам пространство под солнцем, займёт лучшее место за столом и сцапает игрушки покрасивей, да поярче, а лучше отберёт у соседа, что испуганно смотрит наполненными слезами глазёнками! Так и она, крошечное чернявое существо, душа которой была огромной и ранимой с рождения…

Когда она рассказала мне, что в их чёртовых яслях противные засморканные детки отпихивали её, беззащитную девочку, от аквариума, что был единственным местом, где ей было чуть спокойнее и легче, мне на мгновение захотелось найти каждого из них и «педагогически» отшлёпать этой вот детсадовской скакалкой, что, собственно, и есть самое лучшее пролетарское средство духовного и телесного развития этих меленьких негодяев! А сделали их такими негодяи по-

крупнее – их предки и так называемые нянечки с воспитателями… Какое всё-таки большое слово «воспитатель» замарано навеки!

Неосмотрительно связавшись со мной, бедная Ражева вряд ли нашла союзника, который всегда будет рядом и не даст её укусить, толкнуть и обозвать никому из этих милейших людей, но… Как она сама с горьким юмором сказала когда-то: «То, как мы сейчас живём, то, чем мы сейчас занимаемся – это подвиг, и это очень опасная вещь…». Ты уж прости, что невольно, день за днём, всё глубже и глубже, затащил тебя в эту опаснейшую игру, искусственную жизнь непризнанного поэта и неизвестной художницы, а может, и наоборот…

Ражева продолжает и выигрывает

Гром и молния! Карамба! Сколько же весёлых глупостей осталось и всего-то лишь после пьяной беседы старой парочки тунеядцев, маргиналов и «несомненной богемы».

Праздная речь довела нас и до щекотливой темы «свободной любви», «фри лав», «фри фак», выбирайте сами, какая степень свободы вас увлечёт. Обсуждалось и то и это, и так и сяк, были споры, и были прения, а также временные союзы и непримиримые коалиции! Но то, чем закончила безусловно интереснейшую дискуссию парадоксальная Ражева, было поистине гениальным выводом, пред которым смиренно склонили головы заслуженные, но так устаревшие теперь Фрейд, Юнг и Адлер: «Хиппи всегда находились под кайфом, отсюда и их фри лав! Ревность притуплена…». Я молчал минут десять, сражённый удивительным открытием, а затем скорёхонько перевёл ненужный уже теперь разговор в иную, более прагматическую сферу…

Медики! Почему медики так циничны, ну, скажем, материалистичны, а медички так развращены, пардон, раскрепощены, и зачем же я так непочтительно? И опять понеслись факты, а так же и аргументы, приводились безумные примеры, личные наблюдения со стороны, но снова Иришка спокойно и мрачно завершила беспечный мещанский разговор последним разгромным выпадом: «Медики «потрошки́» ви-

дели и думают, что смерть обманули…». Сколько же совершенства может быть в краткой формулировке, на которую способны, правда, очень редкие люди! «Адмиралу Трéлони «Ура»! Ура!! У-ра!!!».

Кстати, не знаю уж, ловко стащила она сию суровую мысль или же оная тоже продукт хмельной гениальности, но фраза «шизофрения – это страх реальности», достойна просто пера сиятельного доктора Лектора! Вы можете себе представить, ведь эта вечная философско-медицинская проблема, возможно, имеет объяснение и даже решение! Правда, кто же возьмет на себя сию антигуманную ответственность – вытащить, словно из Рая, этих несчастных, а возможно, счастливейших людей в «новый мир», который будет порой почище распоследнего Ада?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.